

ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. ВВЕДЕНИЕ

Литература: [1], [3], [7].

1.1. Детская литература - своеобразная область общей литературы. Принципы. Специфика детской литературы.

Детская литература — часть общей литературы, обладающая всеми присущими ей свойствами, при этом ориентированная на интересы детей-читателей и потому отличающаяся художественной спецификой, адекватной детской психологии. Функциональные виды детской литературы включают учебно-познавательные, этические, развлекательные произведения.

Детская литература как часть общей литературы является искусством слова. А. М. Горький называл детскую литературу «**суверенной**» областью всей нашей литературы. И хотя принципы, задачи, художественный метод литературы для взрослых и детской литературы едины, последней свойственны только ей присущие черты, которые условно можно назвать спецификой детской литературы.

Ее **особенности** определяются воспитательно-образовательными задачами и возрастом читателей. **Основная отличительная черта** ее — **органическое слияние искусства с требованиями педагогики**. Под педагогическими требованиями подразумеваются, в частности, учет интересов, познавательных возможностей и возрастных особенностей детей.

Об особенностях детской литературы как искусстве слова в свое время говорили основоположники теории детской литературы – выдающиеся писатели, критики и педагоги. Они понимали, что **детская литература – есть подлинное искусство**, а не средство дидактики. По словам В. Г. Белинского, **литература для детей** должна отличаться «художественной истинностью создания», то есть **быть явлением искусства**, а **авторы детских книг** должны быть **широко образованными людьми**, стоящими на уровне передовой науки своего времени и иметь «взгляд на предметы просвещенный».

Наиболее талантливые педагоги всех периодов, требуя истинно образного и эмоционального отражения жизни в произведениях, адресованных детям, **не отрицали и наличие специфических черт детской литературы, которые тесно связаны с ее педагогической направленностью**. Это значит, что детская литература должна ориентироваться на развитие эстетического сознания ребенка, на формирование его мировоззрения.

Говоря о **возрастной специфике детской литературы** можно выделить несколько групп на основании возраста читателя. Классификация литературы для детей повторяет общепринятые возрастные этапы развития личности человека:

1) ясельный, младший дошкольный возраст, когда дети, слушая и рассматривая книги, осваивают различные произведения литературы;

2) преддошкольный возраст, когда дети начинают овладевать грамотой, техникой чтения, но, как правило, в большей части остаются слушателями произведений литературы, охотно разглядывают, комментируют рисунки и текст;

3) младшие школьники — 6—8, 9—10 лет;

4) младшие подростки — 10—13 лет; 5) подростки (отрочество) — 13—16 лет;

6) юношество — 16—19 лет.

Книги, адресованные каждой из этих групп, имеют свои особенности.

Специфика литературы для самых маленьких определяется тем, что **она имеет дело с человеком, почти ничего не знающим об окружающем мире и ещё не способном воспринимать сложную информацию.** Для детей этого возраста предназначены книжки-картинки, книжки-игрушки, книжки-раскладушки, книжки-панорамы, раскраски... Литературный материал для малыша – стихи и сказки, загадки, шутки, песни, скороговорки.

Серия "Читаем с мамой", например, рассчитана на детей от 1 года и включает в себя картонные книжки с яркими иллюстрациями, изображающими незнакомых ребёнку животных. Такая картинка сопровождается либо просто названием животного, которое ребёнок постепенно запоминает, либо коротким стихотворением, дающим представление о том, кто изображён на картинке. **В небольшой объём** - часто всего одно четверостишие - нужно уместить **максимум знаний**, при этом **слова** должны быть предельно конкретными, простыми, **предложения** - короткими и правильными, ведь слушая эти стихи, **ребёнок учится говорить.** В то же время стихотворение должно давать маленькому читателю **яркий образ**, указывать на **характерные черты** описываемого предмета или явления.

Поэтому написание подобных, на первый взгляд, предельно простых стихов, **требует от автора едва ли не виртуозного владения словом**, чтобы стихи для самых маленьких могли решить все эти непростые задачи. Не случайно лучшие детские стихи, услышанные человеком в самом раннем возрасте, часто остаются в памяти на всю жизнь и становятся первым опытом общения с искусством слова уже для его детей. В качестве примера здесь можно назвать стихи С. Я. Маршака "Детки в клетке", стихотворения А.Барто и К.Чуковского.

Ещё одна характерная черта литературы для самых маленьких - преобладание стихотворных произведений. Это не случайно: детское сознание уже знакомо с ритмом и рифмой - вспомним колыбельные и потешки, - а потому легче воспринимает информацию именно в таком виде. Кроме того, ритмически организованный текст даёт маленькому читателю целостный, законченный образ и апеллирует к его синкретическому восприятию мира, характерному для ранних форм мышления.

Особенности литературы для дошкольников

После трёх лет **круг чтения несколько меняется**: постепенно на второй план отходят самые простые книжки с короткими стихотворениями, их сменяют более сложные стихи на основе игровых сюжетов, например "Карусель" или "Цирк" С. Маршака. **Круг тем естественно расширяется вместе с кругозором маленького читателя:** ребёнок продолжает знакомиться с новыми явлениями окружающего мира. Особый интерес у подрастающих читателей с их богатым воображением вызывает всё необычное, поэтому любимым жанром дошкольников становятся стихотворные сказки: дети "от двух до пяти" легко переносятся в вымышленный мир и вживаются в предлагаемую игровую ситуацию.

Лучшим образцом таких книг до сих пор остаются сказки К.Чуковского: в игровой форме, на языке, доступном и понятном малышам, они рассказывают о сложных категориях, о том, как устроен мир, в котором предстоит жить маленькому человеку.

В это же время дошкольники, как правило, знакомятся и **с народными сказками**, сначала это сказки о животных ("Теремок", "Колобок", "Репка" и т.д.), а позже **волшебные сказки** со сложными поворотами сюжета, с превращениями и путешествиями и неизменным счастливым концом, победой добра над злом.

Литература для младших школьников

Постепенно книга в жизни ребенка начинает играть все большую роль. Он учится читать самостоятельно, требует рассказов, стихов, сказок о своем сверстнике, о природе, животных, о технике, о жизни разных стран и народов. Т.е. **специфика литературы для младших школьников** определяется **ростом сознания и расширением круга интересов читателей**. Произведения для детей семи-десяти лет насыщены новой информацией более сложного порядка, в связи с этим увеличивается их объём, усложняются сюжеты, появляются новые темы. На смену стихотворным сказкам приходят сказочные повести, рассказы о природе, о школьной жизни.

Специфика детской литературы должна выражаться **не столько в выборе специальных «детских» тем, да еще поданных изолированно от реальной жизни, сколько в особенностях композиции и языка произведений**.

Сюжет детских книг обычно имеет **четкий стержень**, не дает резких отступлений. Для него **характерны, как правило, быстрая смена событий и занимательность**.

Раскрытие характеров персонажей должно осуществляться **предметно и зримо, через их дела и поступки**, так как ребенка больше всего привлекают действия героев.

Требования к языку книг для детей связаны с **задачей обогащения словаря юного читателя**. Литературный язык, **точный, образный, эмоциональный, согретый лиризмом**, наиболее соответствует особенностям детского восприятия.

Итак, **о специфике детской литературы** можно говорить на том основании, что она имеет дело с формирующимся сознанием и сопровождает читателя в период его интенсивного духовного роста. Среди **главных черт детской литературы** можно отметить **информационную и эмоциональную насыщенность, занимательность формы и своеобразное сочетание дидактического и художественного компонентов**.

1.2. Роль детской литературы. Особенности восприятия детской литературы детьми дошкольного возраста. Роль иллюстрации для маленьких детей. Понятия детская литература и детское чтение.

Являясь неотъемлемой частью художественной литературы, литература для детей своими специфическими средствами способствует **воспитанию подрастающего поколения**.

О роли детской литературы в воспитании ребенка говорили такие писатели 19 века, как Чернышевский Н.Г. и Одоевский В.Ф.

Н.Г. Чернышевский отмечал, что **детская литература воспитывает в ребенке черты характера**. Он требовал уважительного отношения к детям, утверждая, что ребенок стремится быть активным участником жизни, способен понимать гораздо больше, чем обычно считают взрослые. Автор выступал как последовательный борец за включение в чтение детей необходимых талантливых произведений для развития личности.

В.Ф. Одоевский считал, что в ребенке необходимо воспитывать прежде всего человека и гуманиста. Он полагал, что именно **литература способна пробудить ум и сердце ребенка**.

В самом деле, невозможно переоценить **воспитательное значение первых книг**, которые окажутся перед глазами ребенка. Первые книжки, книжки прочитанные детям взрослыми, расширяют представление о мире, знакомят с природой и с вещами, которые

постоянно окружают ребенка, с родным языком, приучают их логически мыслить, устанавливать самые простые связи между предметами и явлениями окружающего их мира. В процессе чтения рассказов, стихов, сказок, басен, фольклорных произведений у детей возникают свежие представления о многообразии жизни, природных явлениях, человеческих чувствах и т.д.

Книги для дошкольников служат **воспитанию первых общественных навыков и формированию личности**. Они помогают активно овладевать речью, чувствовать красоту и выразительность родного слова. В результате общения с художественным произведением у дошкольника воспитывается культура эстетического восприятия, чувствительность к духовным ценностям, красоте, образности, поэтичности, яркости художественного слова. Выразительные средства литературного языка приобщают детей к истинным образцам высокохудожественной литературы, формируют запас литературно-художественных впечатлений, раскрывают меткость и выразительность языка, развивают способность передавать содержание небольших фрагментов текста, переносить их в коммуникативную деятельность, обеспечивают эстетическое восприятие литературного текста.

Книги для детей дошкольного возраста — **равноправные граждане огромной «суверенной державы»**, как называл детскую литературу А.М. Горький.

Значения литературного чтения как средства нравственно-эстетического воспитания и умственного развития детей рассматривались в работах Л.С. Выготского, А.В. Запорожца, А.Н. Леонтьева и др. Ученые указывают на то, что познание жизни средствами литературы является **не простым ознакомлением с ее явлениями, а полноценным переживанием их**.

В современных условиях **детское восприятие** переживает сейчас **небывалое давление** видео-, аудио- и полиграфической продукции коммерческо-развлекательного характера, в основном лишенной какого-либо национального духа, затрагивающей самый поверхностный, примитивный уровень эмоций и почти не требующей умственных усилий для восприятия. **Опора в воспитательно-образовательной деятельности на лучшие образцы российской и зарубежной детской литературы**, передающей все богатство и разнообразие мира, позволяющей полноценно думать и чувствовать, осознается сегодня как **насушная необходимость**.

Детская книжка должна прежде всего увлечь воображение ребенка. «Дети понимают и помнят не рассудком и памятью, а **воображением и фантазией**», – писал Белинский. Добролюбов считает, что воображение – «способность, сильнее всех других действующая в детском возрасте».

Б.М. Теплов также рассматривает литературу как сильный источник развития чувства и фантазии. Она вызывает у ребенка волнение, сочувствие и эмпатию к персонажам, сопереживание описываемых событий. Как отмечает автор, в процессе этого сопереживания **создаются определенные отношения и моральные оценки**. Восприятие искусства должно начинаться с чувства, без него оно невозможно.

Чтобы увлечь воображение ребенка, произведение должно быть написано занимательно. Это достигается с помощью **динамичного и эмоционального повествования, действенного сюжета, деятельного героя, живого, образного языка**.

Белинский утверждал, что дети ⁴ ищут в литературе драматичность, действие, движение, «истории и историйки». Занимательности произведения для детей способствуют приключения, тайны, подвиги, острые конфликты, инверсия в композиции, нарочитое оттягивание развязки, драматизм описываемых событий.

В книге взрослой или детской главное — это **художественный образ**. Насколько

удастся писателю создание образа (в частности, героя, реального или сказочного, но непременно полнокровного), настолько и будет его произведение достигать ума и сердца ребенка. Легче всего маленький ребенок откликается на простые рассказы о близких ему людях и знакомых вещах, о природе. Еще одна черта малышовой книжки — максимальная конкретность образа. Как сказал чешский поэт Ян Ольбрахт, «для детей следует писать не "на дереве сидела птица", а "на дереве сидела овсянка"».

Неотъемлемой чертой детской литературы является ее **оптимизм**. К. Чуковский писал о стремлении маленького ребенка сберечь «гармоничность современного мира» и настойчиво требовал счастливых концов в книгах.

Несколько слов о **языке детских книг**. Для маленьких детей следует писать предельно ясно и точно и в то же время очень образно.

Вот как говорит С. Я. Маршак языке детских книг: «Если в книге есть четкая и законченная фабула, если автор не равнодушный регистратор событий, а сторонник одних героев повести и враг других, если в книге есть ритмическое движение, а не сухая рассудочная последовательность, если моральный вывод из книги - не бесплатное приложение, а естественное следствие всего хода событий, да еще если ко всему этому книгу можно разыграть в своем воображении, как пьесу, или превратить в бесконечную эпопею, придумывая для нее все новые и новые продолжения, - это и значит, что книга написана на настоящем детском языке».

В детской книге всегда имеется полноправный **соавтор писателя — художник**. Юного читателя едва ли может увлечь сплошной буквенный текст без картинок. Дело в том, что ребенок первые сведения о мире получает не вербальным путем, а визуально и аудиально. Он приходит к книжным сокровищам, прежде усвоив речь и «язык» предметной среды. Первую книжку ребенок осваивает именно как предмет, ее вероятная судьба - погибнуть в его ручках. Приобщение к книге означает для ребенка начало самостоятельной интеллектуальной жизни.

Поначалу свойства книги проявляются для него через соединение рисунков и текстов в книжках-картинках, книжках-игрушках, причем **визуальный образ привычнее и привлекательнее вербального**. Но как только ребенок перейдет порог сложности в восприятии целого текста, рисунок будет играть уже вспомогательную роль, так как его возможности исчерпываются односторонним восприятием. Заметим, что чем меньше ребенок, тем больше ему хочется оживить картинку, сделать так, чтобы она «ответила» ему. Приласкать щенка или ударить злого волка на картинке, пририсовать что-то или скомкать страницу — дети знают много способов вступить в контакт со статичным изображением, будь то рисунок или игрушка. В этом их стремлении литературный образ, пластично подстраиваемый воображением, с зовущим вакуумом, который так радостно заполнить собственным «я», оказывается более подходящим объектом.

Строго говоря, детская литература — это **то, что создано мастерами слова специально для детей**. Но, кроме того, юные читатели **берут для себя многое из общей литературы** (например, сказки А.С. Пушкина, басни И.А. Крылова, песни А.В. Кольцова, произведения фольклора и т. д.). Так возникает еще один термин — «**детское чтение**», т.е. круг произведений, которые читаются детьми. Эти два понятия иногда скрещиваются, так как есть произведения общей литературы, которые мы уже не отделяем от детской. Обычно же **детское чтение выходит за пределы привычного круга детской литературы**. В ряде случаев писатели сами готовят для детского издания свои книги (А.М. Горький, А.С. Неверов, А.Н. Толстой, А.А. Фадеев).

Издавна велась борьба за **расширение круга детского чтения**. Ее начали Н.И.

Новиков, В.Г. Белинский, Н.Г. Чернышевский, Н.А. Добролюбов, К.Д. Ушинский и продолжили А.М. Горький, В.В. Маяковский, С.Я. Маршак, А.Н. Толстой и другие писатели. Это глубоко принципиальная борьба, так как речь идет о постепенном, настойчивом, последовательном приобщении ребенка к жизни, о формировании его эстетического идеала. В **круг детского чтения** входят:

- 1) произведения устного творчества народов Российской Федерации и других народов мира;
- 2) дореволюционная классическая литература (русская, народов России и зарубежная);
- 3) современная литература (русская, народов РФ и зарубежная).

Круг детского чтения меняется с каждой эпохой. Его состав зависит от множества факторов. Изменяются исторические условия, а вместе с ними происходят изменения общественных, религиозных и семейных ⁵ ций детского чтения.

2. УСТНОЕ НАРОДНОЕ ТВОРЧЕСТВО /У.Н.Т./

Литература: [\[1\]](#), [\[3\]](#), [\[7\]](#).

2.1.Общее понятие об У.Н.Т. У.Н.Т. и его роль в системе воспитания и обучения. Понятие о фольклоре. Отличие У.Н.Т. от художественной литературы.

Фольклор (Folk-loge) — это особая исторически сложившаяся область народной культуры.

Слово «фольклор», которым часто обозначают понятие «**устное народное творчество**», произошло от соединения двух английских слов: folk — «народ» и loge — «мудрость».

История фольклора уходит в глубокую древность. Начало ее связано с потребностью людей осознать окружающий их мир природы и свое место в нем. Осознание это выражалось в неразрывно слитых слове, танце и музыке, а также в произведениях изобразительного, прежде всего прикладного, искусства (орнаменты на посуде, орудиях труда и пр.), в украшениях, предметах религиозного культа...

Из глубины веков пришли к нам и мифы, объясняющие законы природы, тайны жизни и смерти в образно-сюжетной форме. Богатейшая почва древних мифов до сих пор питает и народное творчество, и литературу. В отличие от мифов фольклор уже **вид искусства**. Древнему народному искусству был присущ синкретизм, т.е. нерасчлененность разных видов творчества. В народной песне не только слова и мелодию нельзя было разделить, но и отделить песню от танца, обряда.

Мифологическая предыстория фольклора объясняет, почему устное произведение не имело первого автора.

Русский фольклор богат и разнообразен в жанровом отношении. Как и литература, **фольклорные произведения делятся** на эпические, лирические и драматические. К **эпическим жанрам** относятся былины, легенды, сказки, исторические песни. К **лирическим жанрам** можно отнести любовные, свадебные, колыбельные песни, похоронные причитания. К **драматическим** - народные драмы (с Петрушкой, например). Первоначальными драматическими представлениями на Руси были обрядовые игры: проводы Зимы и встреча Весны, детально разработанные свадебные обряды и др. Кроме этого существуют **малые жанры фольклора** — частушки, поговорки и пр.

Со временем содержание произведений претерпевало изменения: ведь жизнь фольклора, как и любого другого искусства, тесно связана с историей.

Существенное отличие фольклорных произведений от литературных состоит в

том, что они **не имеют постоянной, раз и навсегда установленной формы**. Сказители и певцы веками оттачивали мастерство исполнения произведений.

Для фольклора характерна **естественная народная речь**, поражающая богатством выразительных средств, напевностью. Для фольклорного произведения типичны **хорошо разработанные законы композиции** с устойчивыми формами **зачина**, развития **фабулы**, **концовки**. Стилистика его тяготеет к гиперболам, параллелизмам, постоянным эпитетам. **Внутренняя организация** его имеет столь **четкий, устойчивый характер**, что даже изменяясь на протяжении веков, оно сохраняет древние корни.

Любое произведение фольклора **функционально** - оно было тесно связано с тем или иным кругом обрядов, исполнялось в строго определенной ситуации.

В устном народном творчестве отражался **весь свод правил народной жизни**. Народный календарь точно определял порядок сельских работ. Обряды семейной жизни способствовали ладу в семье, включали в себя и воспитание детей. Законы жизни сельской общины помогали преодолевать социальные противоречия. Все это запечатлено в разнообразных видах народного творчества. Важная часть жизни — праздники с их песнями, плясками, играми.

Лучшие произведения народной поэзии **близки и понятны детям, имеют отчетливо выраженную педагогическую направленность и отличаются художественным совершенством**. Благодаря фольклору ребенок легче входит в окружающий мир, полнее ощущает прелесть родной природы, усваивает представления народа о красоте, морали, знакомится с обычаями, обрядами - словом, вместе с эстетическим наслаждением впитывает то, что называется духовным наследием народа, без чего формирование полноценной личности просто невозможно.

Издавна существует множество фольклорных произведений, специально предназначенных детям. Такой вид народной педагогики на протяжении многих веков и вплоть до наших дней играет огромную роль в воспитании подрастающего поколения. Коллективная нравственная мудрость и эстетическая интуиция вырабатывали национальный идеал человека. Идеал этот гармонично вписывается в общемировой круг гуманистических воззрений.

2.2. Понятие о детском фольклоре. Жанры произведений У.Н.Т., доступные детям дошкольного возраста.

Детский фольклор - явление уникальное по своему разнообразию: в нём сосуществует огромное множество жанров, каждый из которых связан практически со всеми проявлениями жизни ребёнка. У каждого жанра - своя история и своё назначение. Одни появились в глубокой древности, другие - совсем недавно, те призваны развлекать, а эти - чему-то научить, третьи помогают маленькому человеку сориентироваться в большом мире...

Система жанров детского фольклора представлена в таблице 1.

Отношение к игре	Типы по функции	Жанры
Неигровой фольклор	Поэзия пестования	Колыбельные песни Пестушки Прибаутки Докучные сказки
	Потешный фольклор	Потешки Скороговорки Дразнилки, поддевки Мирилки Небылицы Перевертыши
Игровой фольклор	Заклички, присказки Считалки Игровые песни, припевки, приговоры Молчанки Уловки	

Неигровой фольклор

Поэзия пестования:

Пестушки (от "пестовать" - "нянчить, растить, воспитывать") – это короткие ритмичные приговоры, сопровождающие разные занятия с младенцем в первые месяцы его жизни: пробуждение, умывание, одевание, обучение ходьбе. Для пестушек одинаково важны и содержание, и ритм, они связаны с физическим и эмоциональным развитием ребёнка, помогают ему двигаться, и создают особое настроение. Например, потягушки:

Потягушечки, потянись,
Поскорей, скорей проснись.

Колыбельные песни – одни из древних жанров детского неигрового фольклора, исполняемый женщинами над колыбелью ребенка с целью его успокоить, усыпить; часто включает в себе магические (заклинательные) элементы. Можно сказать, что колыбельные песенки – это тоже пестушки, только связанные со сном.

Баю-бай, баю-бай,
Ты, собачка, не лай,
Белолапа, не скули,
Мою Таню не буди.

Прибаутки – это небольшие стихотворные сказочки в стихах с ярким динамичным сюжетом. шуточного характера, представляющие собой шуточный диалог, обращение, смешной эпизод, построенный на алогизме. Они не связаны с конкретными действиями или играми, а предназначены для развлечения ⁷ малыша.

И-та-та, и-та-та,
Вышла кошка за кота,
За кота котовича,
За Иван Петровича.

Докучные сказки – шутки, сочетающие сказочную поэтику с насмешливым или издевательским содержанием. Главное в докучной сказке, это то, что она «ненастоящая,

это пародия на установившиеся нормы сказочной техники: на зачины, присказки и концовки. Докучная сказка - веселая отговорка, испытанный прием, помогающий уставшему рассказчику отбиться от надоедливых «охотников до сказок».

Впервые несколько текстов докучных сказок были опубликованы В.И. Далем в 1862 г. в сборнике «Пословицы русского народа» (разделы «Докука» и «Приговорки-прибаутки»). В скобках после текстов указывался их жанр - «докучливая сказка»:

«Жил-был журавль да овца, накосили они стожок сенца - не сказать ли опять с конца?»

«Был себе Яшка, на нем серая рубашка, на голове шапка, под ногами тряпка: хороша ли моя сказка?»

Потешный фольклор

Потешки – небольшие рифмованные приговоры, имеющие цель не только позабавить детей, но и вовлечь их в игру.

- Ладушки,	Бражка сладенька,
ладушки!	Бабушка
Где были?	добренька.
- У бабушки!	Попили, поели,
- Что ели?	Шу, полетели!
- Кашку!	На головку сели!
- Что пили?	Сели, посидели,
- Бражку.	Прочь улетели!

К числу прибауток надо отнести и **небылицы-перевертыши** - особый вид песенстишков, пришедших в детский фольклор из скоморошьего, ярмарочного фольклора и вызывающих смех тем, что нарочито смещены, нарушены реальные связи предметов и явлений.

В фольклоре небылицы существуют и как самостоятельные произведения, и в составе сказок. В центре небылицы - заведомо невозможная ситуация, за которой, однако, легко угадывается правильное положение вещей, ведь перевертыш обыгрывает простейшие, хорошо знакомые явления.

Приёмы народной небылицы в изобилии можно встретить в авторской детской литературе - в сказках К. Чуковского и П. П. Ершова, в стихах С. Маршака. А вот примеры народных небылиц-перевертышей:

Ещё где же это видано,	Стучит-гремит по улице,
Ещё где же это слыхано,	Фома едет на курице,
Чтобы курочка бычка	Тимошка на кошке
родила,	По кривой дорожке.
Поросёночек яичко снёс...	

Скороговорки – народнопоэтические произведения, построенные на сочетании однокоренных или похожих по звучанию слов, что затрудняет их произнесение и делает её незаменимым упражнением для развития речи. Т.е. скороговорки - словесные упражнения на быстрое произнесение фонетически сложных фраз.

Ехал Грека через реку,	Шла Саша по
Видит Грека - в реке	шоссе
рак.	И сосала сушку.
Сунул Грека руку в	
реку,	
Рак за руку Греку - цап!	

Есть в детском фольклоре жанры, **отражающие взаимоотношения между детьми, детскую психологию.** Это так называемые сатирические жанры: дразнилки и поддѣвки.

Дразнилки - короткие насмешливые стишки, высмеивающие то или иное качество, а иногда и просто привязанные к имени - вид творчества, почти всецело развитый детьми. Полагают, что дразнилки перешли к детям из взрослой среды и выросли из прозвищ и кличек - к прозвищам добавлялись рифмованные строчки, и сформировалась дразнилка. Сейчас дразнилка может быть не связана с именем, а высмеивать какие-то отрицательные черты характера: трусость, жадность, заносчивость.

Коля-Коля-Николай!	Ябеда-корябеда,
Сиди дома, не гуляй!	Солёный огурец!
А то девочки придут,	На полу валяется,
Поцелуют и уйдут.	Никто его не ест.

Впрочем, на всякую дразнилку найдётся и отговорка: "Кто обзывается, тот так и называется!",

Поддѣвка – разновидность дразнилки, содержащая вопрос, таящий в себе лукавый подвох. Поддѣвки - своеобразные словесные игры. Они основаны на диалоге, а диалог построен так, чтобы поймать человека на слове. Чаще всего он начинается с вопроса или просьбы:

- Скажи: лук.
- Лук.
- По лбу стук!

Мирилки - на случай ссоры придуманы приговоры-мирилки.

Не дерись, не дерись,
Ну-ка быстро помирись!

Игровой фольклор

Считалки – короткие, часто шуточные стихи с чёткой рифмо-ритмической структурой, которыми начинаются детские игры (прятки, салки, лапта и т.д.). Главным в считалке оказывается именно ритм, часто считалка представляет собой смешение осмысленных и бессмысленных словосочетаний.

Цынцы-брынцы, балалайка, Цынцы-брынцы, заиграй- ка. Цынцы-брынцы, не хочу, Цынцы-брынцы, спать хочу.	Цынцы-брынцы, куда едешь? Цынцы-брынцы, в городок. Цынцы-брынцы, чего купишь? Цынцы-брынцы, молоток!	Вышел месяц из тумана, Вынул ножик из кармана, Буду резать, буду бить, Все равно тебе водить.
--	--	--

Игровые песни, припевки, приговоры – стишки, сопровождающие детские игры, комментирующие их этапы и распределение ролей участников. Ими или начинают игру, или связывают части игрового действия. Они могут выполнять и роль концовок в игре. Игровые приговоры могут также содержать “условия” игры, определять последствия при нарушении этих условий.

Молчанки – стишки, которые произносятся для отдыха после шумных игр; после стишка все должны замолкнуть, сдерживая желание засмеяться или заговорить. Играя в

молчанку нужно было как можно дольше молчать, а первый рассмеявшийся или проговорившийся выполнял заранее условленное задание: ел угли, валялся в снегу, обливался водой...

А вот пример современных молчанок, ставших вполне самостоятельными играми:

Тише, тише,
Кот на крыше,
А котята еще выше!
Кот пошёл за молоком,
А котята - кувырком!
Кот пришёл без молока,
А котята: "Ха-ха-ха!"

Ещё одна группа жанров - **календарный детский фольклор** - связана уже не с игрой: эти произведения - своеобразный способ общения с окружающим миром, с природой.

Заклички – короткие рифмованные приговоры, обращения в стихотворной форме к различным явлениям природы, имеющие заклинательный смысл и уходящие своими корнями в древний обрядовый фольклор взрослых. Каждая такая закличка содержит конкретную просьбу, это попытка с помощью песенки воздействовать на силы природы, от которых во многом зависело благополучие и детей, и взрослых в крестьянских семьях:

Солнышко-ведёрышко,
Выгляни в окошечко!
Солнышко, нарядись!
Красное, покажись!

Приговорки – стихотворные обращения к животным, птицам, растениям, имеющие заклинательный смысл и уходящие своими корнями в древний обрядовый фольклор взрослых.

Божья коровка,
Улети на небо,   9
Там твои детки
Кушают котлетки,
А собакам не дают,
Только сами достают.

Страшилки – устные рассказы-пугалки.

Детский фольклор - живое, постоянное обновляющееся явление, и в нём наряду с самыми древними жанрами существуют сравнительно новые формы, возраст которых исчисляется всего несколькими десятилетиями. Как правило, это жанры детского городского фольклора, например, **страшилки** - небольшие истории с напряжённым сюжетом и пугающим финалом. Как правило, для страшилок характерны устойчивые мотивы: "чёрная рука", "красное пятно", "зелёные глаза", "гроб на колёсиках" и т.д. Такой рассказ состоит из нескольких предложений, по ходу развития действия напряжение нарастает, а в финальной фразе достигает своего пика.

"Красное пятно"

Одна семья получила новую квартиру, но на стене было красное пятно. Его хотели стереть, но ничего не получилось. Тогда пятно заклеили обоями, но оно проступило сквозь обои. И каждую ночь кто-нибудь умирал. А пятно после каждой смерти становилось еще ярче.

2.3. Народные песенки, их виды: колыбельная, потешки, припевки, прибаутки, небылицы и др. Богатство содержания, близость детским интересам. Художественные особенности. Принципы отбора произведений У.Н.Т. для детей.

Пестушки, потешки, колыбельные песни, прибаутки, небылицы-перевёртыши – это так называемая материнская поэзия. Она предназначена для самых маленьких и входит в жизнь ребёнка буквально с первых дней.

Колыбельные песни — подлинное чудо народной поэзии. Опыт многих поколений добыта и отшлифована их форма. Главное назначение колыбельной песни — успокаивать младенца, навеять ему сон, поэтому она проста, мелодична. В старину мать замечала, под какие слова и напевы дети лучше засыпают, запоминала их, повторяла. За ней эти песни повторяла своим младшим братьям и сестрам старшая дочь. Так они и переходили из поколения в поколение. В таких песенках чаще всего говорится о тишине и покое. В песне много повторов, звукоподражательных слов:

Баю-бай, баю-бай,
Поскорее засыпай.
А качи, качи, качи,
Прилетели к нам грачи.
Они сели на ворота.
Ворота-то скрип, скрип!
А коленька спит, спит.

Материнская любовь и нежность проявляется в ласковых обращениях к ребёнку: Васенька, наша Лидочка, дитячко, дитя маленькое. Содержание колыбельных песен связано с непосредственным окружением младенца: колыбелька, одеяльце, подушечка, деточка, часто упоминаются воркующие голуби («гули», «гуленьки»), собачка, зайка, ласточки-касаточки. Уменьшительно-ласкательные суффиксы усиливают напевность, смягчают текст. Страшный волк, которым обычно пугают детей, здесь просто «серенький волчок».

Самый популярный персонаж - кот. Кот-баюн - символ дома, уюта, покоя. Его призывают:

Приди, Котя, ночевать,
Мово Ванечку качать
Уж я Котику-коту
За работу заплачу..
Дам кувшин молока
Да кусок пирога.

В простых, незатейливых текстах колыбельной поэзии сохранились отголоски древних верований, когда младенца заговаривали от злых, темных сил. Некие мифологические Ба-бай, Мамай — духи темноты, а Сон, Дрема, Угомон, напротив, призываются для успокоения. Иногда во 10 ают целые поэтические картины:

Бродит Дрема возле дома,
Ходит Сон по сням,
И пытается Сон у Дремы:
«Где тут люлочка висит?
Где тут деточка лежит?
Я пойду их уложить,
Буду глазки закрывать!»

Со временем большинство заговорных формул утратило первоначальный смысл и стало восприниматься как чисто художественный прием, создающий красочный, радостный мир детства, где все необыкновенно, но ничему не надо удивляться:

У кота, у кота
Колыбелька золота,
А у [Коли] моего
Еще лучше того.

В каждой песенке — нежная любовь к ребенку, ему предсказывается счастливое, богатое будущее: «как он вырастет велик, будет в золоте ходить, чисто серебро носить». Будущее связано с трудом, заботой о близких.

Уж как курочка по зернышку гребет,
Так и Машенька по яголке берет, —

рисует мать-крестьянка скорое участие дочки-помощницы в семейных делах. Колыбельные песни допускают множество вариаций: каждая исполнительница вставляет имя своего ребенка, свои особенные убаюкивающие слова и звуки. Такие песни часто исполняются одна за другой, соединенные мелодичным припевом.

В репертуаре колыбельных песен встречались и такие, которые отражали неприязненное отношение к детям, вплоть до пожелания смерти. Видимо, причин их возникновения несколько. Существовали глубинные отголоски древней веры в подмену младенца нечистой силой. Иногда смерти желали ребенку, рожденному вне брака. Имели место случаи грубого обращения с детьми со стороны малолетних нянек:

Спи, отбойное,
Спи, отстойное,
Спи ты, зельице,
Зло кореньице.
Ты подолгу ревешь,
Мне-ка спать не даешь.

В старых песнях встречаются элементы устрашения, угроза наказания:

Баю-баюшки-баю,
Не ложися на краю.
Придет серенький волчок,
Он ухватит за бочок
И утащит во лесок,
Под ракитовый кусток.

В данном случае задачей няни было предостеречь ребенка от опасности («Дитя краю не знает»); обилие уменьшительных суффиксов снимало эмоциональную напряженность. Это один из самых популярных сюжетов.

Основное назначение колыбельной лирики — успокоить, убаюкать ребенка. Этим определяется мелодический и поэтический строй песен. Ритмика соответствует движению качающейся люльки, заметно преобладают ассонансы, т. е. созвучия гласных. Все это способствует быстрому засыпанию. С той же целью может исполняться мелодия без слов: «А-а-а, А-а-а».

Подрастая, малыш знакомится с потешками - короткими игровыми присловьями. Слушая, повторяя и запоминая рифмованные строки, ребёнок осваивает простейшие движения и жесты учится говорить, думать, общаться с окружающими, выражать свои эмоции.

Пестушки. С колыбельной песенкой часто связаны пестушки (потягушки) -

короткие рифмованные стишки, приговоры, сопровождающие ласковые поглаживания тельца ребенка, разведения ручек, ножек (простейшие физические упражнения).

11

Потягунушки, потягунушки!
Поперек толстунушки,
А в ножки ходунушки,
А в ручки хватунушки,
А в роток говорок,
А в голову разумок!

Ритмичный текст сочетается с активными движениями, вызывая у малыша радостные эмоции.

Дыбок,дыбок,
Скоро Ванюше годок! —

приговаривают взрослые, помогая ребенку встать на ножки. По мере его подрастания, «взросления» тексты пестушек усложняются, делаются забавней.

А когда ребенок начнет проявлять сознательное заинтересованное отношение к окружающему, народная педагогика предложит «потешные» песенки, или потешки - короткие игровые присловья. Слушая, повторяя и запоминая рифмованные строки, ребёнок осваивает простейшие движения и жесты учится говорить, думать, общаться с окружающими, выражать свои эмоции.

Потешки — это забавные песенки, сопровождающие игры с ребенком. Здесь и «Коза рогатая — бородатая», которая «забодает, забодает» того, кто «кашку не ест, молока не пьет», и «Ладушки», и многочисленные имитации скачек под веселые ритмичные стихи.

Поехали,
Поехали,
С орехами,
С орехами!
Поскакали,
Поскакали,
С калачами,
С калачами!

Особенную популярность потешки «Сорока-белобока» отмечал еще известный собиратель и исследователь фольклора прошлого века И.П.Сахаров: «Сорока, как игра детская, увеселяет только детей и матерей, и свято соблюдается в семейной жизни». Эта игра дает ребенку наглядный урок гостеприимства, щедрости и справедливости. Самый маленький палец, мизинец, круп не драл, воду не носил, дров не рубил, за что и каши не получил.

Словесная часть потешки сопровождается активным сгибанием и разгибанием пальчиков ребенка, поглаживанием ладони. И это отнюдь не случайно. Гениальную народную мудрость подтвердила современная физиология: развитие пальцев руки влияет на развитие мозга растущего человека, его речевых навыков. Не случайно игры-упражнения, подобные «Сороке», так широко распространены среди славянских народов, известны многим народам Азии и Африки. Эти игры представляют идеальное сочетание слова и действия, плодотворно влияя на эстетическое, умственное и физическое развитие ребенка.

К концу колыбельного периода у ребенка возрастает потребность в игре, забаве. И здесь незаменимы прибаутки.

Прибаутки — уже более сложный вид словесного творчества. В прибаутке объединяются и песенка, и маленькая сказка (побаска), и скороговорка, и игра. Персонажи этого развлекательного жанра: «долгоносый журавель, что на мельницу ездил, диковинки видел», и «зайчик—коротенькие ножки, сафьяновые сапожки», и ворон, сидящий на дубу, «играющий во трубу», и множество других птиц и зверей, хорошо знакомых детям. Прибаутки развивают фантазию, чувство юмора малыша. Заметим, что он и здесь не пассивный слушатель — он смеется, хлопает в ладоши, топает в такт словам.

Часто прибаутки имеют диалоговую форму: вопрос—ответ. Это придает тексту динамизм, удерживает внимание ребенка, легко запоминается им и воспроизводится впоследствии. Вот, например, как строится диалог в прибаутке про Фому, который едет на курице:

- Куды, Фома, едешь,
- Куды погоняешь?
- Сено косить! 12
- На что тебе сено?
- Коровок кормить!
- На что тебе коровы?
- Молоко доить!
- На что тебе молоко?
- Ребяток поить!

Среди прибауток много «лепых нелепиц», **небылиц**, построенных на смещении понятий. Знакомый ребенку мир образов предстает в необычных, причудливых сочетаниях:

Уж и где это видано,
Уж и где это слыхано.
Чтобы курочка бычка принесла,
Поросеночек яичко снес,
Чтоб по поднебесью медведь летал,
Черным хвостиком помахивал.

Игра на несообразностях, фольклорное балагурство, свойственные прибаутке, привлекают внимание профессиональных поэтов. Поэтика небылиц породила богатейшую литературную традицию. В отечественной литературе это стихи К.И.Чуковского, С.Я.Маршака, И.П.Токмаковой. Небылицы-перевертыши имеют аналогию и в других языках. Англичане называют подобную поэзию (стихи «вверх дном»).

2.4. Пословицы, поговорки, загадки. Их идейная направленность и тематическое значение.

Активно бытуют в детской среде **загадки**. Загадки - одна из самых древних и

самых поэтических фольклорных форм, связанная с одушевлением людьми явлений природы и предметов быта в древности. Этимология этого слова — в древнерусском глаголе «гадати» — **думать, размышлять**. Размышления требует процесс отгадывания - расшифровка образного, иносказательного описания какого-то явления, которое дает загадка: «Маленькое, кругленькое, а за хвост не поднять». (Клубок.)

Здесь в основу загадки положены три признака знакомого всем предмета. Отгадывающий должен мысленно их соединить, сопоставить, зрительно представить описываемый предмет — клубок ниток.

Загадка развивает в ребенке **догадливость, сообразительность**. Загадывается загадка - вопрошаемый ломает голову над отгадкой. Иносказание переносит предмет в совершенно иную область вещественного мира. «Черненькая собачка свернувшись лежит; не лает, не кусает, а в дом не пускает» - замок замысловато сравнивается с черненькой собачкой. Иносказательный образ в загадке всегда поражает странностью, необычностью, реальной несочетаемостью качеств и свойств. Так, печь уподоблена девице, а дым - длинной девичьей косе: «Стоит девица в избе, а коса - на дворе».

Чем смелее выдумка, тем труднее загадка для отгадывания. Невероятность придает образам загадки ясно осознаваемое противоречие реальности, а отгадка вносит порядок в путаницу: все становится на свои места в согласии с действительными качествами загадываемого предмета. Оказывается, что у замка действительно есть общее с собакой: оба они не пустят в дом, могут быть одного цвета - черными, но вот то, что собака не лает и не кусает, относится только к замку.

Говоря другими словами, **загадка указывает на особые признаки и свойства, которые присущи только загадываемому предмету**. На сходстве и отрицании сходства между предметами она и основана. Это свойство загадки вводит ребенка в **размышление о связях между явлениями и предметами окружающего мира, а также об особенностях каждого предмета и явления**. Эти мыслительные операции, однако, важны не сами по себе, а тем, что ребенок открывает для себя поэзию окружающего мира. Составление загадок, как и их разгадывание — **полезное упражнение для развития образного мышления**.

Загадка чаще всего ритмически организована, нередко в ней встречаются рифмы, созвучия, звукоподражания, и это делает её **подлинным произведением искусства**. Высокая поэзия открывается в самых прозаических вещах и предметах. Образы в загадках красочны, звучны, предметы очерч¹³ резко, отчетливо:

Бела как снег, черна как уголь, зелена как лук, вертится как бес и дорога в лес.

(сорока)

На дворе горой, а в избе - водой.

(снег)

Над матушкиной избушкой висит хлеба краюшка: собаки лают, достать не могут.

(месяц)

Красное коромысло над рекой повисло.

(радуга)

Два брюшка, четыре ушка.

(подушка)

Висит груша, нельзя скушать.

(лампочка)

У бедного толсто, у богатого тонко, всегда при себе.

(рубашка)

Маленький-удаленький, сквозь землю прошёл, красную шапочку нашёл.

(мухомор)

Множество загадок иронических, шуточных: “Стоит Федосья, растрепаны волосья” (стог).

Народные загадки как опозитивированная игра в вопросы и ответы занимательны для детей всех возрастов. Для дошкольников целесообразно отбирать наиболее простые и элементарные: “Зубасты, а не кусаются” (грабли), “Два брюшка, четыре ушка” (подушка), “Вся мохнатенька, четыре лапки, сама усатенька” (кошка), “Зимой и летом одним цветом” (ель, сосна) и др.

Освоение ребенком речи во всем ее богатстве и красочности невозможно без знакомства с народными пословицами и поговорками.

Пословицы и поговорки

Пословица — короткое образное изречение применительно к различным явлениям жизни, которое живет в разговорной речи, украшает, уплотняет ее смысл: «Без углов дом не строится, без пословицы речь не молвится».

Обычно пословицы состоят из двух частей, которые рифмуются между собой. Ярким примером такой пословицы является фраза “Без труда не вытянешь и рыбку из пруда”.

Известный собиратель фольклора и составитель сборника «Пословицы русского народа» В.И. Даль называл пословицу «коротенькой притчей». В русской пословице он видел «цвет народного ума, самобытной стати», «житейскую народную мудрость». О народности пословицы он выразился так: «Кто ее сочинил, неведомо никому; но все ее знают и все ей покоряются». Пословицы удивляют глубиной и четкостью мысли, выраженной предельно кратко и просто:

«Друзья познаются в беде».

Как правило, пословичные суждения имеют и прямой, буквальный смысл, и переносный, образный одновременно:

«Что посеешь, то и пожнешь», «Тише едешь, дальше будешь».

К.Д. Ушинский справедливо отмечал, что **пословицы имеют большое значение при первоначальном обучении родному языку**, во-первых, из-за своей формы, во-вторых, из-за своего содержания. В “Родном слове” помещено несколько сотен пословиц. Первые пословицы ребенок слышит в речи взрослых, при этом с самого начала для него раскрывается прежде всего смысл пословицы как общепринятого поучения. Смысл этот тем понятнее, что он выражен наглядно, с бесспорной очевидностью: “Не поклоняйся до земли, и грибка не поднимешь”, “Без труда не выловишь и рыбку из пруда”, “Береги нос в большой мороз”.

Пословичные суждения воспринимаются ребенком в прямом значении, но и их обобщающий характер в какой-то мере доступен его пониманию. “И грибка не поднять, если не нагнешься”: общая мысль, стоящая за этим суждением, может быть понята им как выражение необходимости труда при любом занятии, любом деле. Более общий переносный смысл пословиц, их многозначность открывается ребенку не сразу, а по мере обретения жизненного опыта. Как 14) пословицу можно привести во множестве случаев: «В гостях хорошо, а дома лучше», «С кем поведешься, от того и наберешься».

Народные пословицы содержат **мораль**, выработанную многими поколениями:

“Нет друга - ищи, а нашел - береги”; “Не спеши языком, торопись делом”; “Кончил дело - гуляй смело”; “При солнышке - тепло, при матери - добро”. **В приобщении ребенка к человеческой мудрости и состоит большое педагогическое значение пословиц.** Пословица тем легче ложится в память, что искусная тонкая работа народа облекла наставительную мысль в краткую ритмическую форму с четким композиционным членением суждения на части.

Народные поговорки - это широко распространенные образные выражения, метко определяющие какое-либо жизненное явление. В повседневной жизни мы часто употребляем поговорки и даже не задумываемся откуда они взялись. Такие фразы как "Семь пятниц на неделе" или "Положить зубы на полку", это и есть поговорки.

Пословицы и поговорки относятся к фольклорному жанру. Обычно их ставят рядом, но между ними есть явные отличия. В отличие от пословицы **поговорка лишена обобщенного поучительного смысла и ограничивается образным, нередко иносказательным определением какого-либо явления.** Однако поговорка не просто определяет явление, а дает ему выразительную эмоциональную оценку. Одно дело сказать о ком-либо, что он причиняет нам неудобство своим постоянным присутствием, другое - сказать, что он надоел как горькая редька; одно дело сказать, что кто-либо пришел неожиданно, другое - что он свалился как снег на голову.

Детская речь, эмоциональная по природе своей, легко сближается с народными поговорочными выражениями, но точное освоение их представляет для ребенка известный труд, и воспитатель должен следить за уместностью и правильностью употребления поговорок в речи ребенка.

3. СКАЗКИ

Литература: [\[1\]](#), [\[3\]](#), [\[7\]](#).

3.1. Глубина идей и богатство русских народных сказок. Сказка-сокровищница народной мудрости. Образцы. Особенности построения. Воспитательное значение.

Особую притягательность для детей имеет **сказка**. Без сказки нельзя представить детства, считал В.А.Сухомлинский, создавший систему воспитания детей сказкой — школа сказки.

Сказки возникли в незапамятные времена. О древности сказок говорит, например, такой факт: в необработанных вариантах известного «Теремка» в роли теремка выступала кобылья голова, которую славянская фольклорная традиция наделяла многими чудесными свойствами. Иными словами, корни этой сказки уходят в славянское язычество. При этом сказки свидетельствуют отнюдь не о примитивности народного сознания (иначе они и не могли бы существовать многие сотни лет), а о **гениальной способности народа создать единый гармоничный образ мира**, связав в нем все сущее - небо и землю, человека и природу, жизнь и смерть. Видимо, **сказочный жанр** оказался так **жизнеспособен** потому, что прекрасно подходит для **выражения и сохранения фундаментальных человеческих истин, основ человеческого бытия**.

Сказывание сказок было распространенным увлечением на Руси, их любили и дети, и взрослые. Обычно сказитель, повествуя о событиях и героях, живо реагировал на отношение своей аудитории и тут же вносил какие-то поправки в свое повествование. Вот почему сказки стали одним из самых отшлифованных фольклорных жанров. **Наилучшим образом отвечают они и запросам детей, органично соответствуя детской психологии**. Тяга к добру и справедливости, вера в чудеса, склонность к фантазиям, к волшебному преображению окружающего мира — все это ребенок радостно встречает и в сказке.

В сказке непременно **торжествуют истина и добро**. Сказка всегда на стороне обиженных и притесняемых, о чем бы она ни повествовала. Она наглядно показывает, где проходят правильные жизненные пути человека, в чем его счастье и несчастье, какова его расплата за ошибки и чем человек отличается от зверя и птицы. Каждый шаг героя ведет его к цели, к финальному успеху. За ошибки приходится расплачиваться, а расплатившись, герой снова получает право на удачу. В таком движении сказочного вымысла выражена **существенная черта мировосприятия народа — твердая вера в справедливость**, в то, что **доброе человеческое начало** неизбежно победит все, ему противостоящее.

В сказке для детей кроется особое очарование, открываются какие-то **тайники древнего миропонимания**. Они находят в сказочном повествовании самостоятельно, без объяснений, нечто очень ценное для себя, необходимое для роста их сознания.

Воображаемый, фантастический мир оказывается **отображением реального мира** в главных его основах. Сказочная, непривычная картина жизни дает малышу и возможность сравнивать ее с реальностью, с окружением, в котором существуют он сам, его семья, близкие ему люди. Это необходимо для **развивающегося мышления**, так как

оно стимулируется тем, что человек сравнивает и сомневается, проверяет и убеждается. Сказка не оставляет ребенка равнодушным наблюдателем, а делает его **активным участником** происходящего, переживающим вместе с героями каждую неудачу и каждую победу. Сказка приучает его к мысли, что зло в любом случае должно быть наказано.

Сегодня потребность в сказке представляется особенно большой. Ребенка буквально захлестывает непрерывно увеличивающийся поток информации. И хотя восприимчивость психики у малышей велика, она все же имеет свои границы. Ребенок переутомляется, делается нервным, и именно сказка освобождает его сознание от всего неважного, необязательного, концентрируя внимание на простых действиях героев и мыслях о том, почему все происходит так, а не иначе.

Для детей вовсе не важно, кто герой сказки: человек, животное или дерево. Важно другое: как он себя ведет, каков он — красив и добр или уродлив и зол. Сказка старается научить ребенка **оценивать главные качества героя** и никогда не прибегает к психологическому усложнению. Чаще всего персонаж **воплощает какое-нибудь одно качество**: лиса хитра, медведь силен, Иван в роли дурака удачлив, а в роли царевича бесстрашен. Персонажи в сказке контрастны, что и определяет сюжет: прилежную, разумную сестрицу Аленушку не послушался братец Иванушка, испил воды из козлиного копытца и стал козлом, — пришлось его выручать; злая мачеха строит козни против доброй падчерицы... Так возникает цепь действий и удивительных сказочных событий.

Сказка строится **по принципу цепной композиции**, включающей в себя, как правило, **тремякратные повторы**, вновь и вновь предоставляющие возможность пережить яркий эпизод. Такой эпизод обычно не просто повторяется — каждый раз в нем происходит **усиление напряженности** ¹⁶. Иногда повтор осуществляется в форме диалога; тогда детям, если они играют в сказку, легче перевоплощаться в ее героев. Часто сказка содержит песенки, прибаутки, и дети запоминают в первую очередь именно их.

Сказка имеет **собственный язык** - лаконичный, выразительный, ритмичный. Благодаря языку создается особый фантастический мир, в котором все представлено крупно, выпукло, запоминается сразу и надолго — герои, их взаимоотношения, окружающие персонажи и предметы, природа. Полутонот нет — есть глубокие, яркие цвета. Они влекут к себе ребенка, как все красочное, лишённое однообразия и бытовой серости.

И все-таки больше всего привлекает детей **сказочный герой**. Обычно это **человек идеальный**: добрый, справедливый, красивый, сильный; он обязательно добивается успеха, преодолевая всяческие препятствия не только с помощью чудесных помощников, но прежде всего благодаря личным качествам — уму, силе духа, самоотверженности, изобретательности, смекалке. Таким хотел бы стать каждый ребенок, и **идеальный герой сказок становится первым образцом для подражания**.

Сказка представляет **большую общественную ценность** состоящую в ее познавательном, идейно-воспитательном и эстетическом значениях, которые неразрывно связаны между собой.

Познавательное значение сказки проявляется прежде всего в том, что она отражает особенности явлений реальной жизни и дает обширные знания об истории общественных отношений, труде и быте, а также представление о мировоззрении и психологии народа, о природе страны. Познавательное значение сказки увеличивается тем, что ее сюжеты и образы включают в себе широкую типизацию, содержат обобщения явлений, жизни и характеров людей. Так образы Ивана - крестьянского сына

дают представления о русском крестьянстве вообще, один образ характеризует целый социальный слой людей. **Идейно-воспитательное значение сказки** в том, что она вдохновлена стремлением к добру, защитой слабых, победой над злом. Кроме того сказка развивает **эстетическое чувство**, т.е. чувство прекрасного, для нее характерно раскрытие прекрасного в природе и человеке, единство эстетического и морального начал, соединение реального и вымысла, яркая изобразительность и выразительность.

Итак, сказка — один из самых развитых и любимых детьми жанров фольклора. Она полнее и ярче, чем любой другой вид народного творчества, воспроизводит мир во всей его целостности, сложности и красоте. Сказка дает богатейшую пищу детской фантазии, развивает воображение — эту важнейшую черту творца в любой сфере жизни. А точный, выразительный язык сказки столь близок уму и сердцу ребенка, что запоминается на всю жизнь.

В сказочном эпосе различают три жанровые разновидности: **сказки о животных, волшебные сказки и сказки на бытовые темы**. Все они входят в круг детского чтения.

3.2. Сказки о животных. Особенности.

Маленьких детей, как правило, привлекает мир животных, поэтому им очень нравятся сказки, в которых действуют звери и птицы. **Сказки о животных** — это самый распространенный вид сказок, который рано становится известным ребенку.

Сказки о животных, имея наиболее архаичные корни, сейчас почти полностью утратили первоначальное мифологическое и магическое значение. Самым маленьким детям обычно рассказывают специально для них предназначенные «ребячьи сказки» («Репка», «Колобок», «Теремок», «Волк и козлята»). Они невелики по объему, просты по композиции. Большая роль здесь отводится диалогу, повторяемости одного и того же эпизода. Часто это эпизод встречи главного героя с другими персонажами. В сказке «Лиса и заяц» зайчик каждому встретившемуся животному жалуется: «Как мне не плакать? Была у меня избенка лубяная, а у лисы ледяная; попросилась она ко мне, да меня и выгнала».

В некоторых сказках эпизоды повторяются с нарастанием, цепевидно, благополучно разрешаясь в итоге. (Так построены кумулятивные сказки.) Особенно выразительна в этом плане сказка «Коза» из сборника А.Н.Афанасьева:

Вода пошла огонь лить.
Огонь пошел камень палить.
Камень пошел топор тушить.
Топор пошел дубье рубить,
Дубье пошло л 17 í бить.
Люди пошли медведя стрелять,
Медведь пошел волков драть,
Волки пошли козу гнать:
Вот коза с орехами,
Вот коза с калеными!

Повторяющиеся эпизоды, диалоги часто рифмованы и ритмизированы, сопровождаются песенками (например, песенки Колобка). Коза, а затем и Волк в сказке «Волк и козлята» разными голосами расппевают:

Козлятушки, ребятушки!
Отопритесь, отворитесь.

Исполнение таких сказок сродни театрализованному представлению с активным участием слушателей. Сказка приближается к игре, что соответствует особенностям восприятия художественного произведения детьми в возрасте от двух до пяти — «содействие и соучастие», как определил его психолог А. В. Запорожец.

Чем младше ребенок, тем буквальное он воспринимает события и героев сказки. Сказочные персонажи близки детям так же, как реальные живые существа: собака, кот, петушок, козлята. В сказке **животные приобретают человеческие черты** - думают, говорят и поступают как люди: строят себе жилища, рубят дрова, носят воду. По существу, такие образы несут ребенку знания о мире людей, а не животных.

Звери, птицы в них и похожи и не похожи на настоящих. Идет петух в сапогах, несет на плече косу и кричит во все горло о том, чтобы шла коза вон из заячьей избушки, иначе быть дерезе зарубленной (“Коза-дереза”). Волк ловит рыбу - опустил хвост в прорубь и приговаривает: “Ловись, рыбка, и мала и велика! (“Лиса и волк”). Лиса извещает тетерева о новом “указе” - тетеревам без боязни гулять по лугам, но тетерев не верит (“Лиса и тетерев”).

Легко усмотреть во всех этих сказках неправдоподобие: где это видано, чтобы петух ходил с косой, волк ловил рыбу, а лиса уговаривала тетерева спуститься на землю? Ребенок принимает выдумку за выдумку, как и взрослый, но она его **привлекает необычностью, непохожестью на то, что он знает о настоящих птицах и зверях**. Больше всего детей занимает сама история: будет ли изгнана коза-дереза из заячьей избушки, чем кончится очевидная нелепость ловить рыбку хвостом, удастся ли хитрый умысел лисы. Самые элементарные и в то же время **самые важные представления** - об **уме и глупости, о хитрости и прямоте, о добре и зле, о героизме и трусости, о доброте и жадности** - ложатся в сознание и **определяют для ребенка нормы поведения**.

В сказках о животных представители животного мира **воплощают определенные качества**: лиса — хитрость, лживость, волк — вероломную силу и глупость, заяц — трусость. При этом в этом виде сказок обычно нет отчетливого разделения персонажей на положительных и отрицательных. Каждый из них наделен **какой-либо одной чертой**, присущей ему особенностью характера, которая и обыгрывается в сюжете. Так, традиционно главная черта лисицы — **хитрость**, поэтому речь идет обычно о том, как она дурачит других зверей. Волк **жаден и глуп**; во взаимоотношениях с лисицей он непременно попадает впросак. У медведя не столь однозначный образ, медведь **бывает злым, а бывает и добрым**, но при этом всегда остается недотепой. Если в такой сказке появляется человек, то он неизменно оказывается умнее и лисы, и волка, и медведя. **Разум помогает ему одерживать победу над любым противником**.

Животные в сказке соблюдают принцип иерархии: наиболее сильного все признают и главным. Это лев или медведь. Они всегда оказываются на вершине социальной лестницы. Это сближает сказки о животных с баснями, что особенно хорошо видно по присутствию в тех и других сходных моральных выводов — социальных и общечеловеческих. Дети **легко усваивают**: то, что **волк силен, вовсе не делает его справедливым** (например, в сказочном сюжете о семерых козлятах). **Сочувствие слушателей всегда на стороне справедливых, а не сильных**.

Сказки утверждают ребенка **в правильных отношениях к миру**. Тянут репку и дед, и бабка, и внучка, и Жучка, и кошка - тянут-потянут, а не вытянуть им репки. И только когда пришла на помощь мышка, вытянули репку. Конечно, емкий художественный смысл этой иронической сказки станет до конца понятным маленькому человеку, лишь когда он вырастет. Тогда сказка обернется к нему многими гранями.

Ребенку же доступна лишь та мысль, что **никакая, даже самая малая сила не лишняя в работе**: много ли сил в мышке, а без нее не могли вытянуть репку.

“Курочка-ряба” в народном варианте, хорошо представленном, например, в обработке писателя А. Н. Толстого, **несет в себе столь же важную для воспитания мысль**. Снесла курочка яичко, беж¹⁸ мышка, хвостом махнула, яичко упало и разбилось. Стал дед плакать, бабка ры¹⁸дала, заскрипели ворота, взлетели курицы, двери покосились, рассыпался тын, верх на избе зашатался. А весь переполох - от разбитого яйца. **Много шума из ничего! Сказка смеется над пустяшной причиной стольких нелепых последствий.**

Дети рано приучаются **верно оценивать размеры явлений, дел и поступков, понимать смешную сторону** всяких жизненных несоответствий. Веселый и задорный **колобок так уверен в себе**, что и сам не заметил, как **стал хвастуном**, которому льстит собственная удачливость, - вот он **и попался лисе** (“Колобок”). В сказке о теремке рассказывается **о совместной дружной жизни** мухи, комара, мыши, лягушки, зайца, лисы, волка. А потом **пришел медведь** - “**всем пригнетыш**” - **не стало теремка** (“Теремок”). **В каждой сказке о животных есть мораль**, которая **необходима ребенку**, ведь он должен **определять свое место в жизни**, усваивать **морально-этические нормы поведения** в обществе.

Замечено, что дети **легко запоминают сказки о животных**. Это объясняется тем, что **народный педагогический опыт верно уловил особенности детского восприятия**. Сказки “Репка”, “Курочка-ряба”, “Колобок”, “Теремок” и некоторые другие удерживают внимание ребенка **особой композицией**: эпизод цепляется за эпизод, нередко они повторяются с добавлением какой-либо новой подробности. Эти повторения содействуют запоминанию и пониманию.

Сказки о животных можно назвать **детскими** и потому, что **в них много действия, движения, энергии** - того, что присуще и ребенку. Сюжет разворачивается стремительно: быстро, сломя голову, бежит курица к хозяйке за маслицем, - петух проглотил зерно и подавился, та посылает ее к коровушке за молоком. Курица - к коровушке, та просит, чтобы хозяин дал ей свежей травы и пр. В конце концов курица принесла маслица, петух спасен, но скольким он обязан спасением! (“Петушок и бобовое зернышко”). **Ирония сказки понятна ребенку**, ему нравится и то, что **столько трудных препятствий удалось преодолеть** курице, чтобы петушок остался жив. **Счастливые концовки** сказок соответствуют **жизнерадостности** ребенка, его **уверенности в благополучном исходе борьбы добра со злом**.

В сказках о животных **много юмора**. Это их чудесное свойство **развивает у детей чувство реального и просто веселит, развлекает, радует**, приводит в движение душевные силы. Однако сказки знают и **печаль**. Как **резко контрастны** здесь **переходы от печали к веселью!** Чувства, о которых говорится в сказках, столь же яркие, как и детские эмоции. Ребенка легко утешить, но легко и огорчить. Плачет заяц у порога своей избушки. Его выгнала коза. Петух прогнал козу - радости зайца нет конца. Весело и слушателю сказки.

Резкое разграничение положительного и отрицательного в природе сказок. У ребенка **никогда не возникает сомнения** в том, **как отнестись к тому или иному сказочному персонажу**. Петух - герой, лиса - хитрая обманщица, волк - жадный, медведь - глупый, коза - лживая. Это не примитивность, а та **необходимая простота**, которая **должна быть усвоена малышом** прежде, чем он будет готов воспринять сложные вещи.

3.3. Волшебные сказки. Общая характеристика, особенности. Воспитательное значение

Волшебные сказки. Это самый популярный и самый любимый детьми жанр. Волшебными они называются потому, что все происходящее в волшебной сказке **фантастично и значительно по задаче**: ее герой, попадая то в одну, то в другую опасную ситуацию, спасает друзей, уничтожает врагов — борется не на жизнь, а на смерть. Опасность представляется особенно сильной, страшной потому, что **главные противники** его — не обычные люди, а представители **сверхъестественных темных сил**: Змей Горыныч, Баба Яга, Кощей Бессмертный и пр. Одерживая победы над этой нечистью, герой как бы подтверждает свое **высокое человеческое начало, близость к светлым силам природы**. В борьбе он становится еще сильнее и мудрее, приобретает новых друзей и получает полное право на счастье — к вящему удовлетворению маленьких слушателей.

Персонаж в волшебных сказках всегда **носитель определенных моральных качеств**. Герой самых популярных волшебных сказок - Иван-царевич. Он многим помогает, животным и птицам, которые ему за это благодарны, и в свою очередь, помогают ему, братьям, которые часто стараются погубить его. Он представлен в сказках как **народный герой**, воплощение **высших моральных качеств** - смелости, честности, доброты. Он молод, красив, умен и силен. Это **тип смелого и сильного богатыря**.

Русскому народу свойственно сознание того, что человек всегда встречается на своем пути с жизненными трудностями, а своими добрыми поступками он их обязательно преодолет. Герой наделенный такими качествами как доброта, щедрость, честность глубоко симпатичен русскому народу.

Под стать такому герою **женские образы** — Елена Прекрасная, Василиса Прекрасная, Царь-девица, Марья-Моревна, прекрасная королева. Они так **красивы**, что «ни в сказке сказать, ни пером описать», и при этом **обладают волшебством, умом и смелостью**. Эти «мудрые девы» помогают Ивану-царевичу бежать от морского царя, найти Кощееву смерть, выполнить непосильные задания. Сказочные героини идеальным образом **воплощают народные представления** о женской красоте, доброте, мудрости.

Противостоят главным героям персонажи **резко отрицательные** - коварные, завистливые, жестокие. Чаще всего это Кощей Бессмертный, Баба Яга, Змей о трех-девяти головах, Лихо одноглазое. Они чудовищны и безобразны внешне, коварны, жестоки в противоборстве с силами светлыми и добрыми. Тем выше цена победы главного героя.

В трудные минуты на помощь главному герою приходят **помощники**. Это либо волшебные животные (Сивка-бурка, щука, Серый волк, Свинка—золотая щетинка), либо добрые старушки, чудесные дядьки, силачи, ходоки. Большим разнообразием отличаются чудесные предметы: ковер-самолет, сапоги-скороходы, скатерть-самобранка, шапка-невидимка, живая и мертвая вода. Спасаясь от преследования, герой бросает гребешок — и встает дремучий лес; полотенце, платок превращается в реку или в озеро.

Фантастичный мир тридевятого царства, тридесятого государства многоцветен, наполнен множеством диковинок: здесь текут молочные реки с кисельными берегами, в саду растут золотые яблоки, «поют птицы райские да мяукают котики морские».

Таковы **присказки, традиционные зачины, концовки**. Их **назначение** — **отграничить сказку от обыденной жизни**. «В некотором царстве, в некотором государстве», «жили-были» — самые характерные зачины русской сказки, иногда они соединяются. Концовка, как и присказка, обычно носит шуточный характер, она

ритмизирована, рифмована, произносится скороговоркой. Часто сказочник заканчивал свое повествование описанием пира: «Устроили пир на весь мир, и я там был, мед, пиво пил, по усам текло, а в рот не попало». Явно слушателям детского возраста адресована такая присказка: «Вот вам сказка, а мне бубликов связка».

Повествование в сказочной прозе ведется при помощи **устойчивых формул**. Одни из них ускоряют или замедляют действие, перекидывают своеобразные мостики от одной ситуации к другой («близко ли, далеко ли, скоро ли, коротко ли»), другие рисуют внешний облик, характер персонажа («Во лбу светел месяц, в затылке часты звезды», «Баба Яга, костяная нога, в ступе едет, пестом упирается, помелом след замечает»). Усиливает впечатление слушателей использование приема **троекратного повторения**: три раза герой бьется со змеем; проходит последовательно через три царства: медное, серебряное, золотое; три брата три раза ходят ловить жар-птицу.

Волшебная сказка как бы **вбирает в себя многие стилистические приемы других жанров** фольклора. Здесь и **постоянные эпитеты**, свойственные лирической песне («конь добрый», «леса дремучие», «травы шелковые», «уста сахарные»), и **былинные гиперболы** («бежит - земля дрожит, из ноздрей дым, из ушей пламя пышет»), и **параллелизмы**: «Тем временем пришла колдунья и навела на царицу порчу: сделалась Аленушка больная, да такая худая да бледная. На царском дворе все приуныло; цветы в саду стали вянуть, деревья сохнуть, трава блекнуть».

Среди **персонажей** волшебной сказки **много детей**. Их образы поэтичны, трогательны, что подчеркивается и формой имени (Терешечка, Крошечка-Хаврошечка, братец Иванушка, сестрица Аленушка), и всем тоном повествования. Терешечка, преследуемый ведьмой, «просит, убажывает» зашипанного гусенка: «- Гусь-лебедь ты мой, возьми меня, посади меня на крылышки, донеси меня к отцу, к матери; там тебя покормят-напоят и чистой водицей обмоют».

Сжалился зашипанный гусенок, подставил Терешечке крылышки, встрепенулся и полетел вместе с ним».

Оптимистичный конец сказок о детях кажется особенно оправданным и справедливым. Несмотря на то, что описание внешнего облика героев волшебной сказки очень условно («такая красавица, что век бы очей не отвел», «купеческий сын был собою статный, рослый, кровь с молоком»), все зримо представляют их себе. В этом **большую роль играют широко известные иллюстрации** к русским народным сказкам. Сказочные образы вдохновляли таких крупных живописцев, как В.Васнецов, М.Врубель, графиков И.Билибина, Е.Поленову. Классические и современные издания русских народных сказок украшают работы талантливых художников-иллюстраторов Ю.Васнецова, Е.Рачева, Т.Мавриной и многих других.

3.4. Бытовые сказки. Юмор. Отражение жизни народа и его отношение к власти предрержащим.

Сказки, в которых социальные и бытовые отношения стоят в центре действия получили название **социально-бытовых**. В этом типе сказок хорошо развит комизм поступков и словесный комизм, что определяется их сатирическим, ироническим, юмористическим характером. Темой одной группы сказок служит социальная несправедливость, темой другой служат людские пороки, в них осмеиваются ленивые, глупые, упрямые.

Бытовая (сатирическая) сказка наиболее близка к повседневной жизни и даже не обязательно включает в себя чудеса. **Одобрение или осуждение** всегда подается в ней

открыто, четко выражается **оценка**: что безнравственно, что достойно осмеяния и т.п. Даже когда кажется, что герои просто валяют дурака, потешают слушателей, каждое их слово, каждое действие наполнены значительным смыслом, связаны с важными сторонами жизни человека.

Постоянными героями сатирических сказок выступают «**простые**» **бедные люди**. Однако они неизменно одерживают верх над «непростым» — богатым или знатным человеком. В отличие от героев волшебной сказки здесь бедняки достигают **торжества справедливости без помощи чудесных помощников** — лишь благодаря уму, ловкости, находчивости да еще удачным обстоятельствам.

Бытовая сатирическая сказка веками впитывала в себя **характерные черты жизни народа** и его **отношения к власти предрержащим**, в частности к судьям, чиновникам. Все это, конечно, передавалось и маленьким слушателям, которые проникались здоровым народным юмором сказителя. Сказки такого рода содержат «**витамин смеха**», помогающий простому человеку сохранить свое достоинство в мире, где правят мздоимцы-чиновники, несправедные судьи, скупые богачи, высокомерные вельможи.

В бытовых сказках появляются порой и **персонажи-животные**, а возможно и появление таких **абстрактных действующих лиц**, как Правда и Кривда, Горе-Злосчастье. **Главное** здесь не подбор персонажей, а **сатирическое осуждение людских пороков и недостатков**.

Порой в сказку вводится такой специфический элемент детского фольклора, как **перевертыш**. При этом возникает смещение реального смысла, побуждающее ребенка к правильной расстановке предметов и явлений. В сказке перевертыш укрупняется, вырастает до эпизода, составляет уже часть содержания. Смешение и преувеличение, гиперболизация явлений дают малышу **возможность и посмеяться, и подумать**.

4. ФОЛЬКЛОР РАЗНЫХ НАРОДОВ

Литература: [1], [3], [7].

4.1. Малые жанры. Их направленность, педагогическое значение.

К малым жанрам относятся пословицы, поговорки, загадки, частушки и др.

Рассмотрим педагогическое значение малых жанров на примере пословиц, бытующих у разных народов.

В любой пословице всегда присутствует «педагогический момент» - назидательность: под пословицей понимают меткое образное изречение назидательного характера, типизирующее самые различные явления жизни и имеющее форму законченного предложения.

Пословицы - не старина, не прошлое, а живой голос народа: народ сохраняет в своей памяти только то, что ему необходимо сегодня и потребуется завтра. Когда в пословице говорится о прошлом, оно оценивается с точки зрения настоящего и будущего - осуждается или одобряется в зависимости от того, в какой мере прошлое, отраженное в афоризме, соответствует народным идеалам, ожиданиям и чаяниям.

Пословица создается всем народом, поэтому выражает коллективное мнение народа. В ней заключена народная оценка жизни, наблюдения народного ума. Удачный афоризм, созданный индивидуальным умом, не становится народной пословицей, если он не выражает мнение большинства.

Пословицы прочно ложатся в память. Их запоминание облегчается игрой слов, разными созвучиями, рифмами, ритмикой, порой весьма искусной. В данном случае поэзия выступает как форма сохранения и распространения мудрости, опыта познавательной деятельности, моделирующей воспитание и его результат - поведение.

Конечной целью пословиц всегда было воспитание, они с древнейших времен выступали как педагогические средства. С одной стороны, они содержат педагогическую идею, с другой - оказывают воспитательное влияние, несут образовательные функции: повествуют о средствах, методах воспитательного влияния, соответствующих представлениям народа, дают характерологические оценки личности - положительные и отрицательные, которые, определяя так или иначе цели формирования личности, содержат призыв к воспитанию, самовоспитанию и перевоспитанию, осуждают взрослых, пренебрегающих своими священными обязанностями - педагогическими и т.д. В пословицах много материала практического характера: житейские советы, пожелания в труде, приветия и др.

Наиболее распространенная форма пословиц - наставления. С педагогической точки зрения интересны наставления трех категорий: поучения, наставляющие детей и молодежь в добрых нравах, в том числе и правила хорошего тона; поучения, призывающие взрослых к благопристойному поведению, и, наконец, наставления особого рода, содержащие педагогические советы, констатирующие результаты воспитания, что является своеобразной формой обобщения педагогического опыта. В них содержится огромный образовательно-воспитательный материал по вопросам воспитания.

В пословицах получили отражение педагогические идеи, касающиеся рождения детей, их места в жизни народа, целей, средств и методов воспитания, поощрения и наказания, содержания обучения, трудового и нравственного воспитания, наследственности и наследования детьми черт поведения родителей, влияния окружающей среды и общественного мнения и т.д. и т.п.

В пословицах главное - этическая оценка поведения человека и народной жизни в целом. Пословица - выкристаллизовавшееся веками общественное мнение народа, нравственная оценка им всех случаев жизни

В пословицах разных народов имеются схожие пословицы о воспитании детей.

Народом определенно высказываются мысли о начале воспитания: чем раньше, тем лучше. Воспитание начинается с момента рождения, причем оно главнее рождения: «Не тот отец, мать, кто родил, а тот, кто вспоил, вскормил да добру научил».

В народном мнении наследственность, наследование и результаты педагогической деятельности родителей выступают совместно, в неразрывном единстве: «У доброго батьки добры и дитятки» (русская), «С хорошего загона - хорошие снопы, из хорошей семьи - хорошие дети» (чувакская) и др.

Взаимоотношения между молодым и старшим поколением у всех народов определяются примерно одинаково: «Старшим место уступи, младшим помощь окажи» (хакаская), «Старшего слушай, молодого учи» (чувакская., якутская., тувинская., татарская., киргизская), «Молодой работает, старый ум дает. Молодой на службу, старый на совет», «Молодой на битву, а старый ²² уму» (русская).

Особенно ценны для изучения воззрений народа собственно педагогические наставления. Они вместе с образовательным материалом, со знаниями о детях и воспитании составляют основное ядро народной педагогической мудрости. Это - своего рода морально-педагогический кодекс народа.

Этот кодекс тщательно продуман народом в важнейших деталях: «Детей побоями не учат, добрым словом учат», «Детей наказывают стыдом, а не грозой и бичом», «Неразумного учить - в бездонную кадку воду лить», «Повторение - мать ученья», «Грамотный человек - словно солнце, неграмотный - что черна ночь», «Сырое дерево гни, пока не высохло, ребенка учи в свое время», «Не учили, когда поперек лавки ложился; а во всю вытянулся, так не научишь» и т.д.

У всех народов трудовое воспитание является главной задачей педагогики, что получило отражение и в пословицах. Из комплекса идей о трудовом воспитании на первом месте оказываются идеи о воспитательном значении труда. Только в процессе труда вырабатываются такие моральные качества, как чувство человеческого достоинства, трудолюбие, настойчивость, последовательность, чувство долга и ответственности за результат дела: «Без труда не вытащишь и рыбку из пруда», «Настойчивость и труд - все перетрут» (русские), : «Хозяин земли тот, кто ее пашет» (дагестанская), «Пока спина не взмокнет - поле не вспашешь» (аварская) и т.д.

Праздность осуждалась народом как явление в высшей степени чуждое его образу жизни: «Погибшая на ногах собака - лучше, чем сдохший лежа лев» (аварская), «Жизнь, потраченная на сон, - пропавшая жизнь» (лакская), «Сегодняшнюю работу не взваливай на завтрашнего верблюда» (ногайская).

Педагогические идеи в пословицах представлены в различных формах. Обобщающая информация о детях, воспитании, родителях и т.п. имеет форму советов, предсказаний, правил и др.

Примеры иностранных пословиц и поговорок и их русских аналогов:

Кто воду носит, тот и кувшин ломает (турецкая). Тот не ошибается, кто ничего не делает.

И короли ошибаются (вьетнамская). На всякого мудреца довольно простоты.

Везде хлеб с коркой (литовская). Нет розы без шипов.

Спешащий таракан в суп попадет (удмуртская). Поспешешь - людей насмешишь.

Нечего ругать кошку, когда сыр съеден (французская). После драки кулаками не машут.

Как постелешь, так и поспишь (гагаузская). Как аукнется, так и откликнется.

4.2. Сказки. Их значение для интернационального воспитания. Самобытность, характерные черты.

Под **поликультурным (интернациональным) воспитанием** понимается развитие у человека способности уважительно воспринимать этническое разнообразие и культурную самобытность различных человеческих групп. Дружелюбие, уважение к людям разных национальностей не передаются по наследству, в каждом поколении их надо воспитывать вновь и вновь, и чем раньше начинается формирование этих качеств, тем большую устойчивость они приобретут. **Одним из путей развития интернационального воспитания у детей являются сказки разных народов.** Знакомство с многочисленными обычаями и традициями других народов, представленными в сказках, не только расширяет кругозор детей, но и, побуждая к сравнению, способствует пониманию индивидуального характера нации, ее идеалов и устремлений. То можно сказать, что сказки разных народов способствуют интернациональному воспитанию детей.

Сказка — удивительное творение человеческого гения, она возвышает человека, радует его, дает веру в свои силы, в будущее, увлекает достижимостью того, что кажется вроде бы совершенно невозможным... Сказка — это рассказ о заведомо невозможном. Последняя черта особенно важна — в сказке обязательно есть фантастическое, неправдоподобное: животные там разговаривают и часто помогают герою; обыкновенные на первый взгляд предметы оказываются волшебными и т. п. Недаром известная русская присказка гласит, что «Сказка ложь, да в ней намек, добрым молодцам урок». Без фантастики не бывает сказки, а нередко она еще и **поучительна**, и «добрые молодцы» действительно могут извлечь из нее **для себя жизненный урок — урок нравственности, доброты, честности, ума и иной раз хитроумия**, без которого, бывает, никак не выпутаться из беды. И это характерно для сказок разных народов.

Сказки представляет собой важнейшую часть национальной культуры каждого народа, однако, несмотря на выразительную национальную окраску этих произведений, многие их темы, мотивы, образы и сюжеты оказываются очень близкими для разных народов. Сказки слушали и слушают и ²³русских избах, и в африканских хижинах, крытых пальмовыми листьями. Словом, ²³всду. В сказках **всех народов мира**, живет **дерзновенная мечта человека о счастье, о чудесных предметах и чудесах**: ковре-самолете и тысячемильных туфлях, о дворцах, возникающих по волшебству, и о необыкновенных, огромных рисовых зернах.

Давно замечены **черты большого сходства в сказках народов, живущих в разных уголках Азии, Европы, Африки**. Так весьма популярных сказок, напоминающих «Золушку» из знаменитого сборника французских сказок Шарля Перро (1628—1703), насчитывается по всему миру не менее трехсот пятидесяти, и во многих из них фигурирует потерянная туфелька. Есть она и в сказке «Золотая туфелька» (Вьетнам) и «Кхончхи и Пхатчхи» (Корея). Правда, героиня корейской сказки, конечно же, обладательница не золотой туфельки, а котсин — обычной в Корее матерчатой туфли, расшитой цветными узорами.

В индийской сказке «Золотая рыба», записанной в глухом уголке Центральной Индии каждый, кто читал или слышал чудную пушкинскую «Сказку о рыбаке и рыбке», моментально уловит нечто хорошо известное. И безвольный, хотя и добрый, старик («муж-подкаблучник»), и сварливая, жадная до почестей и богатства старуха, и золотая рыба (а не пушкинская золотая рыбка), доставляющая блага и высокие титулы,— все это

удивительно нам знакомо по сказке великого русского поэта. Более того, ученые утверждают, что сказка о золотой рыбке бытует, чуть ли не повсюду в Европе, в Латинской Америке и Канаде, куда ее, наверное, принесли переселенцы из Европы, известна она также в Индонезии и Африке.

Народы мира живут на одной планете, развиваются по общим законам истории, как бы ни были своеобразны пути и судьбы каждого из них, условия обитания, языки. **В сходстве исторической народной жизни**, очевидно, и следует искать ответ на вопрос о том, в чем же **причины похожести, близости сказок народов, живущих на разных континентах**, и в чем причины усвоения заимствованных сказок.

Сказка ярче и показательнее, чем другие жанры устного народного поэтического творчества, одновременно демонстрирует **национальное своеобразие фольклора и его единство во всемирном масштабе**, открывает **общие черты, присущие человеку и человечеству**, в основе исторического развития которого лежат общие законы.

В сказках находит **отражение животный и растительный мир той страны, где эти сказки появились**. Мы не удивляемся, встречая в сказках народов тропических стран таких персонажей, как тигр, обезьяна, крокодил, слон и прочие экзотические животные, а в сказках северных народов — зверей, которые обитают в умеренной или холодной климатической зоне.

В сказках мы находим предметы **национального быта, одежды**, обнаруживаем **обычаи народа** и, самое главное, **черты национальной психологии, национальные сословно-психологические типажи** в сказочном варианте. Сказки Мадагаскара, например, не знают героических образов в силу того, что мадагасийцы, островной народ, почти не воевали в своей истории и лишены воинственности.

В сказках разных народов действуют короли и цари, вожди племен и визири (министры), янбаны (помещики) и хакимы (правители и судьи), представители образованного сословия времен средневековья и служители разных религий: попы, католические ксёндзы, муллы, шейхи, индийские брахманы и буддийские монахи. Впрочем, мы всегда должны помнить, что эти образы сказочные, и добрый, справедливый царь из сказки — сказочная идеализация, а не прямое отражение того, что существовало в действительности.

И хотя в сказках разных народов имеются свои национальные черты, которые определяются в немалой мере фольклорными традициями народа, присущим ему особым поэтическим взглядом, все они проникнуты **стремлением к социальной справедливости**. Так в сказках о животных, где почти всегда, подразумеваются люди, мы видим, что слабый, то есть социально обездоленный, с помощью ума и ловкости побеждает более сильного и важного зверя. Именно это мы находим в китайской сказке «О том, как по животным счет годам вести стали», в которой из двенадцати животных самой хитроумной оказалась маленькая мышь, изловчившаяся доказать, что она самая большая даже по сравнению с волком или овцой. Поэтому именно с года мыши начинается двенадцатилетний цикл в странах Дальнего Востока: каждый год цикла носит название животного.

Центральным в волшебной сказке разных народов является **образ положительного героя** или героини, весь интерес повествования сосредоточен на его судьбе. Он воплощает в себе **народный идеал красоты, нравственной силы, доброты, народные представления о справедливости**. Таков, например, смелый юноша Малёк из датской сказки, который отважно вступил ²⁴ в борьбу с троллем — горным духом.

А в бытовых сказках часто с **комической стороны изображаются «сильные мира сего»**, также в них встречается фигура, которую Горький назвал «ироническим

удачником» и классическим образцом которого можно считать Иванушку-дурачка. Он недалек, глуп, но ему повсюду, к великому изумлению слушателей, сопутствует удача. Такой персонаж веселит и забавляет.

В фольклоре многих народов мира бытует **образ смышленного, изобретательного героя, выходца из низов**, который оставляет в дураках своих недругов, надутых вельмож и богачей. Наверное, самый знаменитый из этих героев — ходжа Насреддин, который является героем циклов анекдотов у турок и иранцев, народов Средней Азии. Этот демократический герой одинаково свободно чувствует себя и на месте проповедника в мечети, куда он заходит отнюдь не для молитвы аллаху, и на шумном базаре, и во дворце эмира или шаха, и в обычной чайхане. Образ ходжи Насреддина зародился в фольклоре народов Востока, но его полюбили русские и поляки, украинцы и венгры.

4.3. Фольклор - важнейший элемент жизни Русского севера. Собрание и исследование У.Н.Т. Вологодского края. Жанры, бытующие в Вологодском крае, их педагогическая направленность, своеобразие.

Русский Север – богатейший и самобытный очаг традиционной фольклорной культуры в единстве ее вербальных (словесных), музыкальных, хореографических, игровых, обрядовых форм. Эта фольклорная культура функционировала в контексте производственно-хозяйственной деятельности и быта населения, всего комплекса его традиционной культуры (деревянное зодчество, худ. ремесла, книжность, иконопись и др.).

При очевидном единстве северо-русская фольклорная культура имела региональные особенности в репертуаре, в степени популярности разных жанров, в стилевых элементах, в манере исполнения. Носители фольклора ощущали различия не только на уровне регионов (Прионежье и Поморье, Печора и Пинега и т.д.), но и на местном уровне – близлежащих сел и деревень.

Русский Север стал привлекать внимание фольклористов и любителей народной словесности с середины XIX в. Благодаря трудам нескольких поколений собирателей и исследователей были записаны тысячи текстов разных жанров, открыты сотни мастеров устной поэзии, описаны особенности ее бытования на Севере.

Эпическая поэзия – былины, духовные стихи, баллады, исторические песни – на Русском Севере жила полной жизнью. Былины назывались старинами или старинками. Они пелись на специфические напевы знатоками эпоса – сказителями (реже сказывались речитативом или даже прозой, как сказки).

Русский Север явился хранителем древней русской эпической традиции, благодаря ему до нас дошел в прекрасной сохранности **основной фонд киевских и новгородских былин**, большинство их – в ряде версий и во множестве вариантов. Наиболее полно представлены циклы о главных русских богатырях – Илье Муромце (более 10 сюжетов), Добрыне Никитиче (7 сюжетов), Алеше Поповиче (5 сюжетов). Среди других. – былины (1–2 сюжета) о Святогоре, Волхе, Вольге и Микуле, Михаиле Потыке, Дунае Ивановиче, Соловье Будимировиче, Чуриле Пленковиче, о новгородских героях Василии Буслаеве и Садко. Северо-русская эпическая среда хранила былины как память о героическом прошлом. Долгое время оставалась вера в то, что все описываемое в былинах – правда. По мере ослабления и исчезновения такой веры угасала живая эпическая традиция, окончательно изжившая себя к середине XX в.

Исторические песни XVI–XVII вв. «Иван Грозный и сын», «Кострюк», «Осада

Пскова Баторием», «Скопин», «Гришка Расстрига», «Судьба Смоленска», «Соловецкое восстание», «Земский собор» по стилю и характеру исполнения были близки к старинам (на севере сохранилась одна из самых ранних песен – «Щелкан Дудентьевич» – о восстании тверичей против татарского наместника в 1327). До Русского Севера дошли и популярные песни о Разине (среди них «Сынок Степана Разина» и «Смерть атамана»).

Хотя и неполно, но здесь сохранялся **фонд песен петровского времени**: о возвращении князя Голицына в Москву из неудачного похода в Крым; о взятии крепости Азов; о разных эпизодах шведской войны («Шереметьев разбивает шведские полки», «Взятие Риги», «Полтавское дело»; по-своему запечатлели северо-русские исторические песни и образ Петра («Петр молится в церкви», «Плач по умершему Петру»). Сохранился **единственный фрагмент песни о Пугачеве**. Отечественная война 1812 отозвалась **популярными песнями о Кутузове и Грозове** («Кутузов допрашивает французского майора», «Платов в гостях у француза»).

Наряду с эпическими песнями серьезного содержания бытовали (и складывались самими сказителями) **небылицы, эпические песенки шуточного и сатирического содержания**, иногда пародировавшие мотивы, стиль и образы эпоса. Таковы, например, «Ловля филина» (неумехи-мужики обсуждают как эпический подвиг предстоящую поимку филина), «Старина о льдине и бое женщин» (где кухонная драка изображается как богатырское побоище). В небылицах и пародиях много подробностей местного быта, даже действуют реальные лица.

В развитой ритуальной жизни Русского Севера огромная роль принадлежала обрядовому фольклору. **Обряды, связанные с рождением ребенка и ранним периодом его жизни**, включали колыбельные песни, приметы, заговоры (от болезней, от бессонницы: «Заря-заряница, Заря-красная девица, отдай младенцу, имя рек, сон...»). **Со следующим этапом детства** связана поэзия пестования, такие ее виды, как пестушки (типа «Потягушечки», «Скок-поскок», «Ехали-ехали», «Ой, качу, качу, качу»), потешки («Сорока кашку варила», «Ладушки-ладушки», «Гули-гули-гулюшки»), прибаутки («Тпрунди, баба, тпрунди, дед»), песенки («Коза, лубяные глаза, где была?», «Туру-туру, петушок»), «докучные» сказки («Жило-было два мочала»). Позднее дети сами становились носителями и исполнителями (а частично и создателями) фольклора, в т.ч. закличек с обращениями к солнцу, дождю, радуге, божьей коровке, улитке, дразнилок и поддевок (в коротких стихках дразнили плакс, врунов, трусов, жадин и др.); сопровождавших детские игры считалок, которые строились на переворачивании слов, употреблении слов непонятных, обыгрывании звукосочетаний. Популярностью в детской среде пользовались песенки или стихи-небылицы («В ели свинья гнездо свила», «Таракан дрова рубил», «По поднебесью медведь летит»). Словесной забавой были скороговорки («Семь мышат в шалаше шуршат»), др.

Основу повседневного песенного репертуара составляли **необрядовые лирические песни** – обязательная принадлежность праздничных игрищ, вечеринок, хороводов, игр. В песнях протяжных (проголосных, долгих, раздольных) преобладали мотивы и настроения любовной лирики, радостные и горькие («Снежки белые, пушисты», «Невеселая да компаньца», «Разливалась-то да мати вешная вода», «Размолоденькие молодчики, дружки да мои» и др.) и семейной жизни, чаще – несчастливой («Молодость моя молодецкая», «Жил мальчишечка, парень молодой»); участи «доброего молодца» («Уж ты поле мое, да поле чистое», «Ой дак и вились, вились русые кудерьца», «Горы вы, горы Воробьевские», «Снежки выпадали»), рекрута («Край пути-то было, край дорожечки», «Калина со малиной да не вовремя расцвела», «Не по реченьке-то лебедушка да плывет»). Песни частые («веселые», «плясовые», «на смех»)

исполнялись на беседах, вечеринках, во время уличных гуляний и игр. Мн. из них сопровождали пляски, назывались соответственно плясовому рисунку («утушка», «змейка», «тройка» и др.). В частых песнях звучали шуточные и сатирические мотивы («Теща про зятя пирог пекла», «Во пиру-то была», «Ах ты улка, ты улка моя»).

Русский Север был богатейшим очагом традиций устного рассказывания. Все жанровое, сюжетное и стилевое многообразие русской народной прозы нашло здесь себе место. **Сказки наряду с былинами составляли основу фольклорного повествовательного репертуара.** Сказки волшебные, новеллистические, сатирические, о животных знали и рассказывали повсеместно. При полном сохранении традиции сюжетов и образов, создававших особенную атмосферу необычности сказочного мира, при соблюдении стилевой «обрядности» северо-русская сказка была наполнена **подробностями и отголосками реальной жизни** северного крестьянина и окружающей его природы, ее содержание некоторыми своими сторонами связывалось с повседневным бытом и занятиями (лесные и морские промыслы, рыболовство, охота), с внешними контактами северян (постоянно упоминался в прионежских сказках Петербург, в сказках беломорских упоминались служба на морских судах, заграничные плавания и т.д.). Сохранению живой сказочной традиции способствовали особые условия трудовой жизни северян: сказки охотно слушали и перенимали во время артельных работ в лесу, в море, на тонях, а в самих деревнях – в долгие вечера, занятые «пряженьем». Сказки одинаково широко были распространены в мужской, женской и детской среде.

Очень популярны были **бывальщины**, которые воспринимались, как правило, с полной верой в их достоверность. Их темы – встречи с «нечистой силой» (лешими, водяными и домовыми, чертями, мертвецами, оборотнями, ведьмами, колдунами) – в истоках своих принадлежали языческой мифологии. Позднее в репертуар крестьян вошли **легенды** – рассказы христианско-религиозного содержания, преим. о святых (Николе, Егории). Были распространены **предания** – рассказы об исторических событиях и лицах, местах, так или иначе связанных с населением данного района, региона. Более или менее опирающиеся на факты реальной истории, предания были насыщены вымыслом, фантастикой, мифологическими мотивами. Их главные темы: заселение и освоение края, основание поселений, **абс₂₆ны**, переселенцы, предки; происхождение различных природных локусов – курганов, островов, источников (от мифических персонажей, великанов, богатырей, от природных катаклизмов) и их топонимов; о местных героях – богатырях, выдающихся личностях; о борьбе с внешними врагами – шведами, чужью и литвой, с «панами» (под этим именем в преданиях фигурировали самые разные персонажи, в т.ч. польско-литовские отряды, совершавшие разбойные набеги в Смутное время); о чудесном избавлении края от врагов, о нападении англичан на Соловки в 1854. Среди преданий об ист. лицах больше всего сюжетов о Петре I, о посещениях им края, общении с крестьянами, о том, как Петр примечал, поощрял людей предприимчивых, каким доступным и простым в обхождении он был.

Вологжане, как и северные их соседи, бережно сохраняли и вносили свой вклад в богатейшее, веками создававшееся русским народом наследие устной поэзии. Поэтическое слово народа вошло в его повседневный быт, неотделимо от его труда, от всей жизни. **Былина, сказка, легенда, песня, отлившаяся в мудрый афоризм пословица, крылатая частушка** передавались из поколения в поколение, впитывая в себя историю народа, суровую красоту Русского Севера, тяготы труда и быта людей, обрабатывающих нещедрую на дары землю.

Великопермская, Кирилло-Белозерская, Вологодско-Пермская, Устюженский

Летописный Свод и другие летописи, известные в списках XVI века, возникших в период бурного развития Вологодского края, опираются и **на сказания, бытовавшие в устном виде**. Широко отражается **в народных песнях этого времени и борьба русского народа с польско-литовским нашествием**. Вологжане приняли активное участие в изгнании интервентов, жестоко разорявших древние города и села Вологодского края.

В древнерусской литературе XVII века преобладают **повести бытового и сатирического характера**. Среди них - знаменитая «Повесть о Савве Грудцыне», озаглавленная в одном из списков «Повесть зело правдивна быти в древние времена и лета, града Великого Устюга купца Фомы Грудцына, о сыне его Савве...».

Известны Русскому Северу и выдающиеся **сатирические произведения**, связанные с традициями устной поэзии, **повесть о Шемякином суде, повесть о Ерше Ершовиче**. В сатирическом памфлете «Праздник кабацких ярыжек» или «Служба кабаку», возникшем в Прилуцком монастыре, что под Вологдой, обильно используются традиционные элементы устной поэзии, репертуар певцов-скоморохов. Текст этого памятника пересыпан народными шутками, прибаутками, небылицами, пословицами и поговорками («Слава отцу Иванцу и сыну Селиванцу», «Под лесом видят, а под носом не слышат», «Жити весело, а ести нечего», «Дом потешен, голодом изнавешон, робята пищат, ести хотят, а мы, право, божимся, что и сами не етчи ложимся»)

Собирание и изучение народной поэзии Вологодского края начинается в 19 веке.

О богатстве устной народной поэзии в Вологодском крае впервые заговорил известный русский критик, издатель журнала «Телескоп» Н.И. Надеждин (1804-1856), сосланный в 1837 году в Усть-Сысольск за публикацию «Философических писем» П.Я. Чаадаева. В отдаленных уездах Вологодской губернии Н.И. Надеждин нашел больше всего «остатков русской самобытной народности». «Здесь, - писал он, - сохраняются до сих пор во всей чистоте **древние предания, поверья, обычаи, забавы, игрища; особенно в Устюге**»

Наиболее значительные результаты в собирании и изучении устной народной поэзии Вологодского края достигнуты были Ф.Д. Студитским (1814-1893). Ф.Д. Студитскому принадлежат не только ценные публикации **народных песен Вологодской губернии**, но и обоснование методов их собирания.

Особую ценность представляют **рукописные сборники XVII-XVIII веков**, сохранившие самые ранние записи образцов народной поэзии. В Кадникове обнаружен большой **рукописный сборник пословиц и поговорок XVII века**.

П. Дилакторский «из рук простонародья» добыл тетрадь **со списком народных драм «Шапошник и мужик», «Могильник и кобыляк»**, относящихся ко второй половине XVIII века.

Акад. В.И. Срезневский приобрел в Великом Устюге **нотный песенник конца XVIII века**, в который вошли **лирические, масленичные, свадебные, хороводные, подблюдные и другие народные песни**. В другом сборнике песен и романсов конца XVIII века, приобретенном в Кадниковском уезде, - известные по поздним записям и широко распространенные в крае **лирические и свадебные песни «Ах, как я молода», «Ах, по мосту, мосту», «Весел я весел 27 одняшний день», «Во лужях», «Ты крапива, крапива жигучая»**.

Начиная с 1855 года, выходят первые выпуски свода А.Н. Афанасьева «Народные русские сказки», в котором впервые так широко представлены и **вологодские тексты сказок о животных** («Лиса-повитуха», «Кот, петух и лиса», «Кот и лиса», «Свинья и волк», «Журавль и цапля», «Байка о щуке зубастой»), волшебных сказок («Морозко»,

«Перышко Финиста ясна Сокола», «Чудесная дудка»), новеллистических («Сказка о злой жене»), документальных сказок и анекдотов.

Первую сотню **тотемских и вытегорских загадок** обнаруживает Д. Садовников («Загадки русского народа», 1876). **Исторические песни из Кирилловского уезда**, сообщенные Л.Н. Майковым, входят в сборник «Русские народные песни, собранные П.В. Шейном» (1877). Уроженец Череповца Е.В. Барсов издает «Причитания Северного края», включая в них **похоронные и рекрутские плачи**, записанные в родном ему уезде. Публикует Е.В. Барсов также **предание о Петре Первом и вытегорах-«камзольниках»**. В деревне Аксеньевой под Никольском им записаны чрезвычайно интересные **варианты сказки о Ерше и народной драмы «Мнимый барин»**

Во второй половине 70-х годов выходит сборник череповецкого учителя Ф. Лаговского, включающий в себя **посиделочные, хороводные и плясовые песни**, записанные в Вологодском и Череповецком уездах.

В. Александров и Н.А. Иваницкий отметили зарождение в Вологодском крае нового песенного **жанра-частушки**.

Самым, наконец, значительным явлением на этом этапе собирания и изучения народного творчества Вологодского края стала книга Б.М. и Ю.М. Соколовых **«Сказки и песни Белозерского края»**, вобравшая в себя громадный материал, собранный в 1908 и 1909 годах в Кирилловском и Белозерском уездах. Книга свидетельствует о широком бытовании в западной части Вологодского края **народной сказки** (в нее вошли 163 сказки, записанные от разных сказителей), **эпической, обрядовой и лирической поэзии**. Собиратели дают обстоятельное описание свадебного обряда с текстами сопровождающих его песен и причетов, публикуют рекрутские и похоронные причитания, **детские, юмористические песни, частушки, пословицы, поговорки, загадки, заговоры**.

Пожалуй, ни один край не имеет таких **обстоятельных описаний традиционной крестьянской свадьбы с ее плачами и песнями, как вологодский**.

Собирание и изучение устно-поэтических произведений на территории Вологодского края имеет богатую историю, свои сложившиеся традиции. До нас донесены те драгоценные образцы эпической народной поэзии, которая еще в начале XIX века широко бытовала в Вологодском крае. Бережно сохранены остатки **календарной обрядовости, хороводов и игрищ**. Описания **семейных обрядов** вологжан с их плачами и песнями стали классическими в науке о русской народной поэзии.

Богата по содержанию, жанрово многообразна, великолепна по поэтическому и музыкальному уровню **вологодская песня** - балладная, лирическая, хороводная, шуточная, сатирическая, колыбельная. Значительное место в репертуаре вологжан занимает **сказка**. Неисчерпаемы запасы **частушек, мудрых пословиц, поговорок, загадок**.

Все эти многообразные жанры русской народной поэзии свидетельствуют о талантности народа, его природной чуткости к образному слову и тонкой музыкальной культуре.

5. ВОЗНИКНОВЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В РОССИИ

5.1. Истоки детской литературы. Появление первых книг для детей в России. Рост культуры и просвещения при Петре 1./"Юности честное зерцало..."/. Развитие культуры и просвещения в 18 веке. Просветительная и педагогическая деятельность Новикова Н.Н. Журнал "Детское чтение для сердца и разума".

Рождение самостоятельной литературы для детей — не одномоментное явление, но процесс длительный и сложный. Развитие литературы, обращенной к детям, тесно связано с общим литературным процессом, с духовной жизнью общества, отражает ведущие педагогические, философские воззрения своего времени. Изучение истоков отечественной литературы для детей невозможно в отрыве от рассмотрения важнейших историко-культурных процессов: возникновения письменности, распространения грамотности, книжности на Руси, появления и развития книгопечатания, развития древнерусской литературы, взаимодействия с культурными традициями других стран.

Первую попытку рассмотреть детскую литературу как итог почти тысячелетнего развития предпринял **Ф.И.Сетин**. Им выделены **такие периоды ее развития:**

- древнерусская литература для детей IX—XVII веков,
- детская литература XVIII века, XIX века,
- литература рубежа XIX—XX веков.

В русле другой исследовательской традиции (ее развивали **Н.В.Чехов, А.В.Бабушкина**) детская литература как самостоятельное явление рассматривается с XVIII века.

Детская литература в России возникла в частности на основе устного народного творчества. Сказки, былины, песни, пословицы, загадки со времен древней Руси способствовали идейно-эстетическому и нравственному формированию многих поколений детей. Большое влияние оказывали на развитие детской литературы и учебные книги.

Азбуки, буквари, азбуковники, потешные (светские) книги, энциклопедии были **первыми специальными книгами для детей**. Самые древние азбуки и буквари не дошли до нас. Наиболее ранние из дошедших до нас учебников относятся к **XVI в.**

Самой первой из печатных книг такого типа является **азбука**, созданная «ради скорого младенческого научения» **первопечатником Иваном Федоровым**. Она вышла во Львове в 1574 г. Азбука была задумана и осуществлена как составная часть целого комплекса учебных пособий, необходимых для обучения довольно широкого круга детей.

Один из **ранних букварей**, дошедших до нас, напечатан в Москве. Он называется

«**Начальное учение человеком, хотящим разумети божественного писания**». Создан он был в 1634 г. **Василием Федоровичем Бурцевым** и «прочими соработниками». В букваре Бурцева были не только азбука, т. е. буквы, расположенные в алфавитном порядке, но и первоначальные сведения по грамматике, заповеди, притчи, наставления. Следовательно, букварь не только учил грамоте, но был книгой для чтения и служил нравственному воспитанию детей.

Существовал еще один вид учебной книги — **азбуковник**. Так называли рукописные сборники, содержащие в алфавитном порядке сведения по различным отраслям знаний. Они известны с конца XIII века, наибольшее распространение имели в XVI—XVII веках, наряду с печатной книгой, ибо те были еще дороги и малодоступны.

Кроме учебных книг в XVII веке появляются так называемые «**потешные**» (или «**фряжские**», или «**немецкие**») листы. Это оттиски на меди или эстампы с гравюр вначале иностранного, а затем и русского происхождения. Сюжеты были географического, исторического или сказочного характера. Под картинкой помещались подписи, поясняющие изображенное.

В конце XVII в. появляется в России **первый детский писатель - Карион Истомин** (приблизительные даты жизни: 1650 — 1722). Монах Чудова монастыря в Москве, поэт и педагог, Карион Истомин писал стихи для детей, составлял буквари, создавал энциклопедии. Среди книг, написанных Карионом Истоминим, наибольшей известностью пользовался «**Лицевой букварь**», первоначально появившийся в рукописном варианте. Букварь был преподнесен в 1692 г. царице Наталье Кирилловне для обучения ее внука, царевича Алексея, сына Петра I.

Итак, **XVI—XVII века** можно назвать **периодом учебной книги**, своеобразным «**азбучным**» периодом литературы для , ²⁹ й.

XVIII век имел решающее значение для **формирования литературы для детей как самостоятельной ветви общей литературы**.

Начало века связано с коренными преобразованиями Петра Первого во всех сферах жизни. Знаменательным рубежом стал переход России с 1 января 1700 года на новое летосчисление (от Рождества Христова).

В первое десятилетие века проводится **реформа алфавита**: сложная графика кириллицы упрощается, церковнославянскую азбуку сменяет гражданская, вводится гражданский шрифт для светской печати. По меткому выражению М.В.Ломоносова, «при Петре Великом не одни бояре с боярынями, но и буквы сбросили с себя широкие шубы и нарядились в летние одежды».

Впервые развитие школы, образование молодых людей становится государственной политикой.

Для получения начального образования вместо существовавших так называемых епархиальных школ с 1714 года по указу Петра во всех губерниях создавались **чисто светские «цифирные школы»**, в которых обучались грамоте, арифметике, отчасти геометрии не только «все дворянские и подьячие дети», но и «ребятки изо всех чинов» (этот указ не распространялся на крестьянских детей, особенно из крепостных). Состоятельные дворяне давали своим детям домашнее образование.

Расширение сферы образования стимулировало развитие печатно-издательского дела. **Самый многочисленный поток изданий — учебного характера**. Естественно, что первыми читателями **букварей, арифметик, грамматик** были дети, отроки, приступающие к обучению, продолжающие его.

Следовательно, говоря о **литературе для детей начала 18 века, вплоть до его последней трети**, мы имеем в виду прежде всего **учебную книгу и издания учебно-**

прикладного характера. Среди них обращают на себя внимание такие издания, как «Букварь» Ф.Поликарпова, «Первое учение отрокам» Ф.Прокоповича, известного общественного деятеля, сторонника и продолжателя идей Петра.

В 1717 году вышло «Юности честное зерцало». Н.В.Чехов назвал эту книгу «**первым букварем для мирян**». Оно включало традиционную азбуку (алфавит, прописи, число церковное и арифметическое), краткие поучения из Священного Писания, приведенные в алфавитном порядке. **Основную же часть** занимало «Показание к житейскому обхождению», то есть советы и наставления юношам и девицам — **свод правил поведения.**

Диапазон учебной литературы в начале XVIII века **значительно расширился.** Появились **книги научного содержания** («Атлас», «Краткое руководство к математической и натуральной географии», в которых даются важнейшие астрономические, географические понятия), увеличились их тиражи.

По мере распространения грамотности начинает ощущаться **потребность в разнообразном чтении, не только с образовательными и воспитательными целями, но и для развлечения.** Для этого молодой читатель обращался к переводной литературе, к рыцарским романам, к «гисториям».

Широко была распространена **лубочная литература.** Народные картинки, «потешные листы» все в новых и новых вариантах представляли уже известных персонажей: Бову королевича, Еруслана Лазаревича, Петра Златые ключи. Появлялись и новые герои: Емеля-дурачок, Ерш Ершович и даже баснописец Эзоп («Житие баснописца Эзопа»); появляются новые сюжеты исторического, географического, космогонического характера. **Лубочные издания и потешные листы с гравюрами на темы сказок были первыми народными детскими книгами.**

Во второй половине XVIII в. продолжается рост русской культуры и просвещения. В среде прогрессивно настроенных писателей и ученых усиливается интерес к проблемам педагогики. В Россию проникают новые педагогические идеи Запада. Растет стремление старшего поколения активнее воздействовать на младшее, прививая ему определенные идеалы и нормы поведения. Литературу для детей, как и литературу в целом, питали новые гуманистические идеи значимости человеческой личности, ее внесловной ценности. Эпоха Просвещения в России выдвинула на первый план задачи воспитания человека-гражданина, патриота: «для пользы общества коль радостно трудиться» (М.Ломоносов). **Характерная особенность литературы, предназначенной молодому читателю, — открыто назидательный, наставительно-нравоучительный характер.** Это было влияние «эпохи разума».

Из общего потока произведений для взрослого читателя и учебных книг для детей в этот период все отчетливее выделяется детская литература. Издаются чаще всего книги переводные. Жанры их довольно разнообразны — сказки, басни, пьесы, нравоучительные повести, научно-познавательные рассказы. Однако **по характеру все эти произведения можно разделить на три группы.** Одна из них — **сказки** — так или иначе **связана с устным народным творчеством.** Это либо народные сказки, либо написанные в подражание народным. Они были занимательны и пользовались любовью детей. Другая группа — **всевозможные³⁰ нравоучения.** «Басни нравоучительные», «Нравоучительные повести из библейских деяний» и т. д. К этому роду произведений относились и всевозможные «беседы», «наставления», «советы» старших. Это была дидактическая, поучающая литература, сухая и рассудочная, но, безусловно, необходимая.

Третья группа произведений, немногочисленная, но очень важная — **детские**

энциклопедии, произведения научно-познавательного характера: «Детская логика», «Детская философия».

В соответствии с духом времени на первый план выступала **литература просветительской направленности — научно-популярная, энциклопедическая.** Большое влияние на становление этой разновидности литературы оказала книга **Я.А. Коменского «Мир в картинках».** Она была издана на русском языке в 1768 году под названием **«Видимый мир».** Книга чешского педагога знакомила ребенка с окружающим миром в определенной последовательности: Бог, мир, явления природы, недра земные, человек (его анатомия, душа, его добродетели и пороки). Далее шли сведения о занятиях, труде человека (земледелие, скотоводство, рыбная ловля, печение хлеба, машинное производство и так далее), хорошо представлены культура, искусство, просвещение, в том числе книгопечатание, науки (философия, астрономия, математика, очень широко география), общественное устройство, сужающееся от государственных учреждений до семьи, дома.

Оригинальной книгой был вышедший в это же время **«Письмовник» Н.Курганова** (1-е издание 1769 г.). В ней по главам представлены история («Краткий повестной летописец»), грамматика, **«Всеобщий чертеж наук и художеств»** — своеобразная краткая энциклопедия, включающая сведения по религии, философии, точным наукам, медицине, искусству, общественные обязанности человека.

Основная масса изданий для детей этого времени безымянна. Но постепенно появляются и авторские книги. **Одним из первых писателей,** создававших свои произведения специально для детей, был **Андрей Тимофеевич Болотов** (1738—1833) — человек разносторонних знаний и дарований: ученый-агроном, архитектор, художник, педагог и писатель. Молодым читателям он адресовал свою **«Детскую философию, или Нравоучительные разговоры между одной госпожой и ее детьми...»** (1760) — книгу энциклопедического характера, написанную в традициях своего времени.

Большую роль в становлении литературы для детей в XVIII веке сыграла просветительская деятельность **Николая Ивановича Новикова** (1744—1818). Большой вклад этого замечательного человека в развитие литературы для детей был связан с изданием в России **первого детского журнала.** Он назывался **«Детское чтение для сердца и разума»** и выходил как еженедельное бесплатное приложение к газете «Московские ведомости» с 1785 по 1789 год. Всего вышло 260 номеров «Детского чтения», объединенных потом в 20 книжек.

Н.И.Новиков одним из первых в России осознал и сформулировал значимость детской книги в образовании и воспитании. В своей статье, своеобразном педагогическом трактате «О воспитании и наставлении детей, для распространения общепользных знаний и всеобщего благополучия» (1783), он писал: «... Ученик без книги, как солдат без ружья... Детям не одна надобна грамматика, и не один лексикон... нужны также книги, касающиеся до наук, и кроме сих всякого рода книги для чтения».

Уже в самом названии журнала была установка **на нравственное воспитание** («развитие в младых сердцах чувствований») и **развитие ума** - расширение круга общеобразовательных знаний.

В журнале печатались статьи «из физики, натуральной истории, географии и некоторых других наук». К «сердцу» были обращены рассказы, нравоучительные «разговоры», повести, стихи, комедии, драмы. В каждом номере журнала познавательные материалы чередовались с поучительными, охватывая все стороны детской жизни, все их интересы.

Журнал Новикова оказал столь большое влияние на дальнейшее развитие

отечественной детской литературы, что Н.В.Чехов разделял детскую литературу XVIII века на два периода: до Новикова и после Новикова. «**Детское чтение для сердца и разума**» способствовало утверждению **авторитета новой отрасли литературы, объединило авторов, пишущих для детей, сформировало многие жанры детской литературы**, дало оригинальные образцы научно-популярной и художественной литературы. «Издание Новикова, кроме того, показало **пути дальнейшего развития детской литературы**, открыло целую область периодической печати, «узаконило» журнал в семейном обиходе».

5.2.Становление теории и критики детской литературы в России. Требования революционеров — демократов к детской литературе /Белинский, Чернышевский, Добролюбов.

В.Г. Белинский, А.И. Герцен, Н.Г. Чернышевский, Н.А. Добролюбов оказали большое влияние на общественную жизнь России XIX в., их критические работы имели огромное значение для развития русской литературы, и в первую очередь для **утверждения в ней реализма.**

В.Г. Белинский вел борьбу за **реалистическое направление и в детской литературе.** Он подчеркивал необходимость рассматривать детскую книгу как произведение искусства, указывал на тесную связь детской литературы с воспитанием.

Н.Г. Чернышевский и Н.А.Добролюбов, развивая основные принципы критики Белинского, отметили **роль детской литературы в воспитании гражданского чувства**, уделили большое внимание **возрастной специфике детской книги и вопросам реализма.**

Серьезное внимание обращал на детскую литературу и А.И. Герцен. Он написал для детей две научно-популярные статьи: «Опыт беседы с молодыми людьми» (книга 4, 1858), «Разговоры с детьми. Пустые страхи. Вымыслы» (книга 5, 1859).

А.И. Герцена волновали **вопросы научного мировоззрения.** Он поощрял **развитие разума, любознательности.** Герцен придавал большое значение роли книги в формировании молодого поколения. Он подчеркивал, что в книге собран весь опыт, накопленный человечеством, поэтому она является как бы «духовным завещанием» одного поколения другим и в то же время «программой будущего».

В. Г. Белинский проявлял глубокое внимание к детской литературе в течение всей своей критической деятельности. Им написано около 200 работ, посвященных детской литературе. Среди них публицистические, полемически заостренные, сатирические статьи и рецензии. Белинским даны оценки художественных, учебных, научно-популярных детских книг. В его статьях поставлены теоретические вопросы, связанные со спецификой детской литературы, с определением круга детского чтения, с ролью литературы в воспитании детей. Белинский разрабатывает теорию детской литературы в конкретных исторических условиях 30-х и 40-х годов XIX века. В.Г. Белинский был первым, кто четко определил важнейшие требования к детской книге, сформулировал основные принципы детской литературы. Принципы, выдвинутые им в 30-е годы, оттачиваются в 40-е годы, становятся зрелой и единой теорией реализма в детской литературе. Официальной системе воспитания, рекомендующей телесные наказания для детей, Белинский противопоставил прогрессивную систему воспитания, основанную на

гуманизме и уважении к личности ребенка.

В рецензиях и статьях Белинского ясно изложена его педагогическая система. Он выступал против сословных предрассудков, призывал детских писателей **воспитывать в детях не эгоистические стремления, а «человеческую любовь», «чистую, а не корыстную любовь к добру»**. Основой программы гуманистического воспитания, выдвинутой Белинским, было требование во всякой сфере деятельности быть человеком.

В 40-е годы Белинский особенно часто выступает против реакционной теории, утверждающей, что необходимо воспитывать в детях прежде всего послушание.

Белинский **резко критиковал лживость и сентиментальность книг реакционных детских писателей** Б. Федорова, В. Бурьянова, А. Зонтаг и др. Он говорил, что жизнь в них изображается, «как предметы в кривом да еще запачканном спереди и потертом сзади зеркале».

Белинский считал необходимым **через книги знакомить детей с действительностью**, расширяя круг детского чтения произведениями лучших русских и зарубежных писателей. Он рекомендовал произведения Д.Свифта, М.Сервантеса, В. Гюго, В. Скотта, Ф. Купера, Ж. Санд, Д. Дефо, И.А. Крылова, А.С. Пушкина, В.А. Жуковского, И.В. Гоголя, А.В. Кольцова, М.Ю. Лермонтова. «Книга есть жизнь нашего времени»,— говорил Белинский, подчеркивая огромную познавательную и образовательную роль художественной литературы.

Белинский требовал **воспитания самостоятельности, активности в детях**. Он боролся за то, чтобы дети читали по-настоящему художественные произведения, способные пробуждать их сердца и разум, выступал против писателей русских и зарубежных, которые искажали жизнь, создавая произведения сентиментальные и нравоучительные.

Белинский был последовательным и решительным противником пересказов и переделок классических произведений для детского чтения, искажающих их идею и колорит.

32

Им были выработаны **принципы для определения круга детского чтения**: произведения, которые можно рекомендовать детям, должны правдиво отражать жизнь, развивать разум и чувства, быть занимательными и доступными по форме изложения. Иными словами, это должны быть **высокохудожественные произведения**.

В первую очередь Белинский рекомендовал **вводить в круг детского чтения произведения устного народного творчества** (сказки, былины, песни и т. д.). Критик также предложил новый круг детского чтения, составив его из **образцов русской классической и мировой литературы**. Прежде всего он рекомендовал басни Крылова, которые отмечены «печатью русского ума и русского духа». Первым подчеркнул он воспитательную ценность произведений А.С. Пушкина.

В.Г. Белинский знал особенности детского восприятия и поэтому считал, что детская литература нужна, но между нею и всей художественной литературой не должно быть непроходимой пропасти.

Белинский первым **сформулировал основные принципы реализма** в детской литературе. Обращаясь к детским писателям, он писал: «...не искажайте действительности ни клеветами на нее, ни украшениями от себя, но показывайте ее такую, какова она есть в самом деле, во всем ее очаровании и во всей ее неумолимой суровости, чтобы сердце детей, научаясь ее любить, привыкало бы, в борьбе с ее случайностями, находить опору в самом себе».

Уже в 30-е годы Белинский выдвинул требование **обогащать детскую литературу научно-познавательным материалом**. Он настаивал на необходимости знакомить

детей с миром природы.

Критик подчеркивал важное значение детской литературы для **эстетического воспитания детей**. Он говорил, что детская литература призвана воспитывать в детях «чувство изящного», детские книги должны быть **явлением искусства**, а не иллюстрацией дидактических принципов.

Критик требовал создавать детские книги **в соответствии с возрастными особенностями**: «...потребности семилетнего дитя уже не те, что у ребенка трех лет, а потребности двенадцатилетнего дитя далеко не те, как у семилетнего...».

Белинский был очень **требователен к слову, языку книг**. Белинский понимал также **важное значение художественных иллюстраций**, помещенных в детских книгах. Критик первым обратил внимание не только на текст детской книги, но и на взаимосвязь текста и иллюстрации. Белинский считал необходимым оценивать детскую книгу всесторонне, учитывая тесную взаимосвязь текста, рисунка и качества полиграфического исполнения.

Последователи В.Г. Белинского — **Н.Г. Чернышевский** и **Н. А. Добролюбов**, продолжая его традиции, решительно выступили против ограничения детской литературы узким кругом традиционно детских тем. Они боролись против ложной, сентиментальной манеры разговаривать с детьми, которая выдавалась сторонниками официальной педагогики за специфику детской литературы.

Критики ориентировали писателей на создание социальной, реалистической литературы для детей, которая обогащала бы опыт ребенка, помогала духовно расти, формировала бы творческую личность, способную победить в жизненной борьбе.

Н.Г. Чернышевский продолжал и развивал **принципы теории детской литературы**, заложенные В.Г. Белинским. Каждая статья и рецензия Н.Г. Чернышевского свидетельствует о том, какую последовательную борьбу за новую, реалистическую детскую литературу он вел. Он считал, что **в детских книгах необходимо в первую очередь правдиво изображать жизнь и давать широкий познавательный материал**: «Мы думаем, что детский рассудок слаб, что детский ум непроницателен; о, нет, напротив, он только неопытен, но, поверьте, очень остер и проницателен».

Н.Г. Чернышевский настаивал на **признании за ребенком права на свободное развитие его личности в соответствии с особенностями и требованиями возраста**. Естественным для ребенка считал он пристрастие к подвижным играм, **к книгам с быстрым развитием действия, к фантастике и занимательности**

Его интересовали вопросы **теории детской литературы в неразрывной связи с социальными проблемами времени**.

Чернышевский выступил как последовательный борец за **включение в чтение детей нужных, талантливых произведений современной русской и зарубежной литературы**. Он указывал на необходимость расширять круг чтения детей произведениями литературы для взрослых: А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, Н.В. Гоголя, И.И. Лажечникова, В. Скотта, Ж. Санд, Ч. Диккенса.

Н.Г. Чернышевский отмечал в качестве основных недостатков книг для детей их сословный характер, а также свойственное многим писателям стремление к сглаживанию противоречий между народом и правящими классами.

Развитие Н.Г. Чернышевским теории детской литературы. Много сделано Н.Г. Чернышевским для **развития теории детской литературы**. Он отмечал, что детскому писателю необходимо **понимать особенности детей разного возраста, их потребности, психологию**. Нужно помнить, что адрес должен быть точным, так как не всякая книга

«под силу детскому уму». «Литература — это учебник жизни». Это положение Н.Г. Чернышевский относил и к детской литературе, считая ее незаменимым оружием.

Чернышевский убежден, что **в детских книгах необходимы динамичный сюжет и лаконизм стиля.** Он обращал большое внимание на **язык детской литературы:** «Детям очень многое можно объяснить очень легко, лишь бы только объясняющий сам понимал ясно предмет, о котором взялся говорить с детьми, и умел говорить человеческим языком».

Чернышевский одобрительно оценивал язык и стиль рассказов Л. Толстого, помещенных в приложении к журналу «Ясная Поляна», он отметил, что изложение «совершенно просто; язык безыскусствен и понятен».

Чернышевский проводил идею революции в своих статьях и рецензиях о детской литературе. Обращаясь к педагогам и детским писателям, он призывал **учить детей осмысливать события общественной жизни, давать им не только положительные сведения, но и разоблачать ненормальные, уродливые явления современного общества.**

Мысли Белинского о **реалистическом направлении** в детской литературе нашли глубокое, обоснованное **развитие в статьях и рецензиях Чернышевского.** Он **разработал в новый исторический период вопросы идейности, научности и художественности детской литературы.**

Вместе с Чернышевским выступил за **прогрессивную детскую литературу** в середине XIX в. **Николай Александрович Добролюбов.** Статьи Добролюбова касаются вопросов детской литературы в тесной связи с проблемой воспитания гражданина, просвещенного человека и борца за освобождение народа.

Критик считал **основными чертами произведений для детей связь с жизнью, стремление научить детей самостоятельно мыслить.** Необходимо также, по его мнению, **излагать материал занимательно, ярко, увлекая детское воображение.**

Добролюбов заботился о пропаганде **различных знаний в детской литературе.** Положительную оценку критика вызывают такие научно-популярные книги, в которых даются достоверные научные сведения, содержится богатый познавательный материал. Критик говорил о необходимости **излагать научные сведения точно, просто, ярко.**

В детской литературе Добролюбов хотел видеть утверждение гуманистических идей революционных демократов. Он отдавал предпочтение таким книгам, в которых дети могут получить «полезные образцы или, по крайней мере, предметы для полезных размышлений».

Добролюбов выступал с **требованием единства содержания и формы художественного произведения для детей.** Требовал развивать детское воображение и **пробуждать поэтическое чувство в детях прежде всего русскими народными сказками, а также сказками братьев Гримм, Гауфа, Андерсена.**

Требования Добролюбова к детской литературе

Добролюбов боролся за то, чтобы в детской книге были видны **четкая авторская позиция и главная идея,** которая помогла бы автору найти единство между отдельными частями произведения, выбрать интересные и полезные для детей факты. Не нужны общие описания — **детям следует давать конкретные картины жизни, проникнутые живым чувством автора,** а не общими рассуждениями.

Добролюбов выступал **против назидательности детской литературы** того периода. Критик **обличал идеи покорности и бездумного подчинения власти,** которыми были пропитаны книги реакционных детских писателей.

Добролюбов борется за **народность детской литературы.** Свои представления о

народности в литературе, о талантливости простых людей Добролюбов воплотил в книге, посвященной русскому поэту А.В. Кольцову, «Чтение для юношества. Алексей Васильевич Кольцов. Его жизнь и сочинения».

В своих статьях и рецензиях о детской литературе Добролюбов **развивал взгляды Белинского и Чернышевского**. Он призывал прогрессивных детских писателей **не ограничиваться изображением настоящего**, а звать читателей вперед, **развивать их фантазию, веру в светлое будущее**, воспитывать в детях качества, необходимые для нового человека — борца.

Добролюбов выступал с требованием **правдивости, жизненности в детской литературе**. Это способствовало развитию **реалистического направления новой детской литературы**.

6. I ПОЛОВИНА XIX ВЕКА. ХАРАКТЕРИСТИКА ПЕРИОДА.

6.1. И.А.Крылов. Басни в чтении детей дошкольного возраста. Особенности жанра.

Картина развития литературы для детей начала 19 века была бы неполна без жанра басни. **Басня — это небольшой аллегорический рассказ, содержащий нравоучение**. Все три элемента басни (рассказ, аллегория, или иносказание, мораль) слиты в единое художественное целое, и чем более тесно, тем басня выразительнее. С начала XIX в. входят в детское чтение **басни И.А.Крылова (1769—1844)** - почти сразу же после появления первых сборников (в 1809, 1811, 1815 годах).

В начале века русские читатели были знакомы с баснями Эзопа, Лафонтена, отечественных авторов: А. П.Сумарокова, В.И. Майкова, И.И. Хемницера, И.И.Дмитриева. **Иван Андреевич Крылов довел этот жанр до совершенства**. Он написал около **200 басен, объединенных им в 9 книг**. Каждый журнал считал своим украшением новую басню Крылова.

Басни Крылова содержат **целый нравственный кодекс**, на котором дети воспитывались поколение за поколением. Из множества басен Крылова по крайней мере **десяток входит в память с самых ранних лет**. В основном это те из них, в чеканных строчках которых содержатся простые, но важные житейские истины. «А вы, друзья, как ни садитесь, / Всё в музыканты не годитесь» — о чем это? Да, конечно, о незадачливых людях, дела не знающих, подменяющих его суетой и болтовней. Ребятишкам в науку — без назойливых нравоучений и весело.

В его баснях ребенку открывается **целый мир жизненных явлений и образов**. Герои простых, бесхитростных, наивно-простодушных рассказов — и люди, и звери, и птицы, и различные предметы. Как и в сказках, **волки, львы, лисицы, обезьяны, муравьи удивительно похожи на людей**, воплощают их качества и нравы.

В баснях **осмеиваются человеческие пороки, осуждается хвастовство, лесть** («Ворона и Лисица», «Кукушка и Петух»), **невежество и глупость** («Мартышка и Очки», «Петух и Жемчужное Зерно», «Свинья под Дубом», «Осел и Соловей»), **несогласованность в делах** («Лебедь, Щука и Рак»), грубая, вероломная сила («Волк и Ягненок»).

Житейские уроки Крылов преподает **наглядно, живо, картинно**. Вот «на приветливы Лисицыны слова» падкая на лесть «Ворона каркнула во все воронье горло»

— и нет у нее больше сыра («Ворона и Лисица»). Сама Лиса пожалничала, пожалела «щепотки волосков» и осталась вовсе без хвоста («Лиса»). **Моральная сентенция только довершает смысл, обобщает конкретный эпизод:**

Уж сколько раз твердили миру,
Что лесть гнусна, вредна; но только все не впрок,
И в сердце льстец всегда отыщет уголок.

Чаще всего басенный текст венчает **образная фраза, звучащая одновременно и обобщением**: «Ай, Моська! знать она сильная/Что лает на Слона!»

Басни Крылова остроумны, ироничны. Дети, читая, слушая их, **развивают наблюдательность**, учатся **подмечать смешное, комическое** в людях, в их отношениях. Комична Мартышка, нанизывающая на хвост очки, или неумеренно расхваливающие друг друга Кукушка и Петух.

Чем младше читатель, тем ему ближе, **привлекательнее событийная сторона** — это нормальная особенность детского восприятия. **Аллегорический смысл** во всей глубине **раскроется позже, по мере роста жизненного опыта.** Стоит заметить, что возможности детского прочтения иногда очень неожиданны. Так, героине «Румяной книжки» Саши Черного — девочке Люсе очень не нравился крыловский Муравей, и она ведет по этому поводу такой диалог с его создателем:

« — Муравей, по-моему, безжалостный грубиян. Что ж такое, что Стрекоза «лето целое пропела»? И соловьи поют... Почему он Стрекозу прогнал и еще танцевать ее заставляет? Я тоже танцую, дедушка... Что ж тут плохого? Ненавижу вашего Муравья!..»

На это воображаемый Крылов отвечает:

« — И танцуй, дружок, на здоровье. Я тоже Муравья не совсем одобряю. И даже думаю, что когда он Стрекозу прогнал — ему стало стыдно. Побегал он за ней, вернул, накормил и приютил у себя до весны...

— В самом деле? — обрадовала 35 юся. — Значит, и мораль тогда другая будет? «Бывают иногда муравьи, у которых доброе сердце». Вот хорошо!»

Басни Крылова — **кладезь народной мудрости**, в них широко **используются пословицы, поговорки, меткие народные выражения**: «Хоть видит око, да зуб неймет», «Из кожи лезут вон».

В свою очередь **многие крыловские строки стали крылатыми**, обогатили народную речь. Вот только некоторые из них: «А ларчик просто открывался!», «Слона-то я и не приметил», «Чем кумушек считать трудиться, не лучше ль на себя, кума, оборотиться», «А Васька слушает да ест», «Отколе, умная, бредешь ты, голова?» Даже названия некоторых басен и отдельные образы из них вошли в нашу речь: «тришкин кафтан», «демьянова уха», «медвежья услуга», «дело в шляпе». И мы употребляем их, даже не задумываясь об источнике. Активно бытуют они и в детской речи.

Художественным мастерством, слогом Крылова восхищались В.А.Жуковский, В.Г.Белинский. Н.В. Гоголь писал о Крылове: «Поэт и мудрец слились в нем воедино». **Удивительна выразительность басенных строк Крылова.** Так, например, передается кукование кукушки: «Кукушка на суку печально куковала».

Басенный стих Крылова **динамичен**, в сюжете — **стремительность, нет ничего лишнего.** У каждого персонажа **свое лицо, свой характер, свой язык.** Белинский называл басни Крылова «маленькими комедийками». Действительно, их легко инсценировать, читать «по ролям», что с удовольствием делают дети.

Крылов **не адресовал первоначально свои басни детям**, но не исключал их из числа возможных читателей. Когда его спросили, почему он пишет не что-то другое, а

басни, он ответил: «Этот род понятен каждому; его читают и слуги и дети».

В 1811 году (после выхода второго сборника басен) И.А. Крылова избирают членом Российской академии. Славе своих басен он обязан не менее почетным и очень домашним, человеческим народным званием «дедушка Крылов».

Басни Крылова стали проникать в детское чтение сразу после выхода в свет первых его сборников (1809, 1811, 1815гг.). Произведения этого жанра **включались в сборники, альманахи для детей, в детские журналы.**

В 1847 г. был издан **сборник «Басни Крылова»** с биографией, написанной П.А. Плетневым. Белинский высоко ценил это издание, рассчитанное **на широкие слои народа, доступное и детскому восприятию.** «Нет нужды говорить о великой важности басен Крылова для воспитания детей: дети бессознательно и непосредственно напитываются из них русским духом, овладевают русским языком и обогащаются прекрасными впечатлениями почти единственно доступной для них поэзии»,— писал Белинский.

В 60-е годы басни Крылова широко представил в своих учебных книгах для начальной школы «Детский мир» и «Родное слово» КД.Ушинский. С тех пор произведения выдающегося русского баснописца неизменно присутствуют в учебном и свободном чтении российских детей. Роль Крылова в истории отечественной литературы уникальна. Своими баснями он **сблизил литературное творчество с жизнью русского общества.** Он смело **ввел в литературный язык богатства народной речи,** так что, по словам В.Г.Белинского, «сам Пушкин не полон без Крылова в этом отношении».

Басни успешно прошли через несколько исторических эпох, не теряя популярности и тем, подтверждая свою нужность обществу. Это явление искусства, заслужившего право на поучение.

Детское сознание легко усваивает нравственные нормы и истины, изложенные языком басен. «Нет нужды говорить о великой важности басен Крылова для воспитания детей, — писал Белинский. — Дети бессознательно и непосредственно напитываются из них русским духом, овладевают русским языком и обогащаются прекрасными впечатлениями единственно доступной им поэзии».

6.2.В.А.Жуковский. Значение стихов для нравственного и эстетического воспитания.

Человек необычной судьбы, редкостного личного обаяния, широко образованный и трудолюбивый, Василий Андреевич Жуковский (1783-1852) оказал большое **нравственное влияние на русскую литературу и культуру в целом.** В силу различных обстоятельств в его жизни тесно переплелись литературная и педагогическая деятельность, что не могло не обратить его взоры к литературе для детей. Значительная часть его творений непосредственно обращена к детям. **Будить в юных сердцах добрые, светлые чувства было заботой Жуковского.**

Началом самостоятельной литературной деятельности Жуковский считал элегию «Сельское кладбище» — вольный пе|³⁶ стихотворения английского поэта Томаса Грэя. Впервые в русской поэзии так полно проявился интерес к внутренней жизни человека, к движениям его души.

Это свойство романтической поэзии Жуковского усилилось в его **балладном творчестве.** В этом жанре он достиг совершенства. Им написано 39 баллад. Уже первые из них — «Людмила» (1808), «Светлана» (1812) — привлекли внимание молодых

читателей. А потом последовали «Ивиковы журавли», «Перчатка», «Кубок», «Лесной царь» и другие. Они притягивали **своими необычными сюжетами, потрясали мрачными красотами природы**. Мертвецы, оживающие в гробах, духи, привидения, великодушные герои, чудовищные злодеи, получившие возмездие, ночь, могила, бледный свет луны — все это составило **причудливый, фантастичный мир его поэзии**. Все это было так ново на фоне той сентиментально-нравоучительной литературы, что предлагалась детям в 10—20-е годы. Дети разных возрастов зачитывались балладами Жуковского.

В.Г.Белинский говорил, что «Жуковский ввел в русскую поэзию романтизм». Под влиянием Жуковского **романтические элементы проникают в литературу для детей**.

Во-первых — **перевод**. Почти все его баллады, элегии, поэмы имеют заимствованные сюжеты, восходят к западноевропейской романтической литературе: Гёте, Шиллеру, Байрону, В. Скотту, Т. Муру и другим.

Второе, что сближало Жуковского и литературу для детей, — **отношение к фольклору**. Романтики впервые широко обратились к фольклору в поисках необычных сюжетов, героев, новых мотивов. У Жуковского элементы народной поэзии вплетались в его баллады. В «Светлане» особенно сильно ощутимы национальный русский колорит, русские обычаи, поверья, песенный стих:

Раз в крещенский вечерок
Девушки гадали:
За ворота башмачок,
Сняв с ноги, бросали...

Эти звучные, легкие строки, с которых начинается баллада, всем памятны, как и многие стихи из пушкинских сказок.

Новая ступенька освоения русского фольклора — **сказки Жуковского**. Интерес к сказке у него был и чисто литературный, и педагогический.

Первое обращение Жуковского к сказке относится к 1808 году. «**Русской сказкой**» он называет лирическую миниатюру «**Три пояса**», примечательную уже тем, что она написана прозой. Сентиментально-романтическое повествование здесь своеобразно соединилось с элементами фольклорной сказки.

По мере расширения диапазона романтической поэзии Жуковский осознает **необходимость ближе подойти к собственно народному творчеству**. В письмах к родным в Белев он просит **сбирать для него русские сказки и русские предания, записывать их от деревенских рассказчиков**.

Летом 1831 года Жуковский живет в Царском Селе, ежедневно встречается с А.С. Пушкиным, работавшим над «Сказкой о царе Салтане». Пушкин предложил своему старшему другу и учителю запись сказочного сюжета, сделанную со слов Арины Родионовны. Жуковский в течение месяца написал «**Сказку о Царе Берендее, о сыне его Иване-царевиче, о хитростях Кощея Бессмертного и премудрости Марьи-царевны, Кошечей дочери**», а за ней — «**Спящую царевну**».

Жуковский-сказочник остался **верен себе, своим художественным принципам и романтическому стилю в целом**. «Сказка о царе Берендее» довольно точно воспроизводит сюжет народной сказки о герое-отце, который обещает отдать то, что он имеет, но о чем не знает: — родившегося в его отсутствие сына. Возмужавший Иван-царевич отправляется во владения Кощея Бессмертного и, в конце концов, побеждает его с

помощью Марьи-царевны. Поэт использует **традиционные приемы сказочного повествования**: чудесные превращения, помощь волшебных предметов, устойчивые формулы («рос не по дням — по часам», «честным мирком да за свадебку», «Я там был, там мед и пиво пил; по усам текло, да в рот не попало»).

И все же «Сказка о царе Берендее» — произведение поэта-романтика, имеющее фольклорную основу. Жуковский сокращает повторы, общие места в описании, но зато **вводит психологические мотивировки поступков героев, конкретизирует место действия.** Например, на четвертый день Иван-царевич подъезжает к озеру:

37

...гладко
Озеро то, как стекло; вода наравне с берегами;
Все в окрестности пусто; румяным вечерним сияньем
Воды покрытые гаснут, и в них отразился зеленый
Берег и чистый тростник — и все как будто бы дремлет;
Воздух не веет, тростинка не тронется; шороха в струйках
Светлых не слышно.

Рисуя Марью-царевну, поэт **типично фольклорными изобразительными средствами дополняет романтические краски, индивидуализирующие героиню:**

...девица
В белой одежде стоит перед ним, молода и прекрасна
Так, что ни в сказке сказать, ни пером описать, и, краснея,
Руку ему подает и, потупив стыдливые очи,
Голосом звонким, как струны, ему говорит...

Повествование, в отличие от народной сказочной традиции, эмоционально, даже экспрессивно: «Царь Берендей побледнел, как мертвец», «Взбесился Кощей», «Бедная Марья-царевна! Он не исполнил ее наставленья...» Стилистически сказка Жуковского **напоминает отчасти балладу**, что не уменьшает ее художественной ценности.

В еще большей мере это свойственно другой сказке, написанной в то же лето 1831 года, — «Спящей царевне». В тексте Жуковского много **народных сказочных поэтических формул, постоянных эпитетов, обращений** («Как свежий снег, бела», «губки алые», «мой свет»). Все это сообщает сказке не просто национальный колорит, но **поистине «русский дух».** На этом фоне возникали, видимо, невольно и прямые переклички с Пушкиным:

Дочь царица родила.
Дочь прекрасна так была,
Что ни в сказке рассказать,
Ни пером не описать.
Вот царем Матвеем пир
Знатный дан на целый мир.

А «литературность», «балладность» сказки — в **ярко выраженной романтической идее всепобеждающей любви.** Триста лет длится сон царевны, который в день весенний прерывает поцелуй царского сына, пораженного ее красотой. **Чисто романтическое соединение рока, смерти, любви, пробуждения.** «Спящая царевна» — **самая поэтическая сказка Жуковского, приближающаяся по художественному уровню к сказкам Пушкина.**

«Сказка об Иване-царевиче и Сером волке», написанная в 1845 году,

завершает линию «русских сказок» Жуковского. Она интересна тем, что написана на материале нескольких народных сказок. По словам автора, «многое характеристическое, рассеянное в разных русских сказках», он постарался «впрятать» в одну сказку. В результате получилась целая сказочная повесть. События нанизываются одно на другое, составляя цепь увлекательных приключений. Сказка написана ямбом, белым безрифменным стихом, хорошо передающим **раскованный, разговорный стиль устного повествования**. Жуковский отказывается от социальных мотивов, звучащих в народной сказке и подчеркнутых, например, в сказке Ершова. Его сказка поэтична, возвышенна, хотя и не лишена юмора.

В 1845 году Жуковский написал еще две сказки — «**Кот в сапогах**» и «**Тюльпанное дерево**». «Тюльпанное дерево» представляет собой **стихотворное переложение немецкой народной сказки** «О миндальном дереве» из сборника братьев Гримм. Это романтическая история о злой мачехе, жестоко расправившейся с маленьким пасынком, и постигшем ее возмездии. Сказка мало напоминает фольклорные источники, она насыщена фантастическими и мистическими элементами. «Кота в сапогах» Жуковский написал на основе одноименной сказки французского писателя Шарля Перро. Создавая ее, Жуковский ориентировался на читателя-ребенка: повествование живое, динамичное, простое по языку, не содержит навязчивого дидактизма.

Поэт считал: «Сказка для детей должна быть чисто сказкой, без всякой другой цели, кроме приятного, непорочного занятия фантазии». Этой установке вполне соответствует стихотворение, похожее на сказку, — «**Мальчик с пальчик**» (1851).

О фольклорной основе напоминает только ее название. Изящная поэтическая миниатюра Жуковского передает светлый, возвышенно-прекрасный мир ребенка, окруженного мотыльками, эльфами, чуд ³⁸ и цветами и травами.

Жил маленький мальчик,
Был ростом с пальчик.
Лицом был красавчик,
Как искры, глазенки,
Как пух волосенки.
Он жил меж цветочков;
В тени их листочков
В жару отдыхал он,
И ночью там спал он...

Сказка была написана, когда сыну Жуковского исполнилось 5 лет, — она передает нежное, трепетное отношение к ребенку. Своим детям, Павлу Васильевичу и Александре Васильевне Жуковским, как он их уважительно называет, поэт посвятил также три небольших стихотворения: «Птичка», «Котик и козлик», «Жаворонок». Они просты, безыскусны, связаны с народно-поэтической традицией.

Там котик усатый
По садику бродит,
А козлик рогатый
За котиком ходит.

Рисуя приход весны, поэт обращает свой взор к жаворонку — вестнику обновления природы:

На солнце темный лес зардел,
В долине пар белеет тонкий,
И песню раннюю запел
В лазури жаворонок звонкий.

Жуковский создал эти стихотворения, чтобы познакомить своих маленьких детей, живущих в Германии, с русским языком, с русской поэзией. Теперь его произведения приобщают всех начинающих читателей к миру большой поэзии.

В середине 40-х годов у Жуковского возникает грандиозный замысел собрания повестей для юношества — «самой образовательной детской книги». К сожалению, всеобъемлющий поэтический замысел Жуковского не был осуществлен. Но и то, что Жуковскому удалось реализовать в своей переводческо-просветительской деятельности, беспримерно в истории русской и мировой культуры. Благодаря Жуковскому в юношеское чтение вошли поэтическое переложение «Слова о полку Игореве» и «Одиссея» Гомера, романтическая поэзия Шиллера, Гёте, Гебеля, Фуке (особенно хороша «старинная повесть» «Ундина»), Байрона, поэзия Востока.

Поэзия Жуковского всегда созвучна «свежему молодому сердцу», способна рождать благородные движения души.

6.3.А.С.Пушкин. Взгляды на детскую литературу. Лирика Пушкина в детском чтении. Роль поэзии в нравственно-эстетическом воспитании.

Творчество Александра Сергеевича Пушкина, как величественная и могучая горная вершина, возвышается у истоков XIX в., золотого века русской литературы. Оно полно **глубокой и всеобъемлющей любви к родине, ее народу**. Неизбывна жизнеутверждающая вера поэта в силы, таящиеся в простых русских людях, крестьянах-тружениках. Проникновенны **лирические строки, посвященные описанию русской природы**.

Пушкин **не писал специально для детей**, но многие стихотворения и отрывки из его произведений давно вошли в детское чтение.

А.С. Пушкин **внимательно следил за развитием детской литературы и высказывал свое отношение к ней**. Его возмущение вызывали бездарные писатели, которые создавали произведения, оторванные от современной ему жизни, написанные высокопарным слогом.

В набросках и заметках для «Литературной газеты» Пушкин **высказывает резко отрицательное отношение к ограничению детского чтения назидательными, верноподданническими произведениями**. Он выступает против критиков, которые объявляли «безнравственным» все, что могло познакомить детей с социальными противоречиями, с реальной жизнью.

В творческом наследии Пушкина есть записи, заметки, наброски, статьи, по которым можно судить, что он живо интересовался вопросами воспитания молодого поколения. «В России домашнее воспитание есть самое недостаточное, самое безнравственное; ребенок... не получает ³⁹никаких понятий о справедливости, о взаимных отношениях людей, об истинной чести. Воспитание его ограничивается изучением двух или трех иностранных языков и начальным основанием всех наук, преподаваемых каким-нибудь нанятым учителем».

Воспитательное значение поэзии А.С. Пушкина огромно. Его гражданская лирика посвящена сложным политическим вопросам. Стихотворения Пушкина, вошедшие в чтение школьников, воспитывают в юных гражданах высокое чувство патриотизма.

Ни один поэт не создал **такой мудрой и светлой пейзажной лирики**. Стихотворения «Зимний вечер», «Еще дуют холодные ветры...», **пейзажные зарисовки** из романа «Евгений Онегин», **доступные восприятию детей развивают нравственную**

и эстетическую восприимчивость маленьких читателей.

Впервые **благодаря его лирике** узнали дети **непритязательную, но исполненную прелести природу средней полосы России.** Поэт учит их чувствовать своеобразное очарование унылой осенней поры; вглядываться в голубые небеса и великолепные снежные ковры зимы, любить ясную улыбку весны:

Гонимы вешними лучами,
С окрестных гор уже снега
Сбежали мутными ручьями
На потопленные луга.
Улыбкой ясною природа
Сквозь сон встречает утро года;
Синея, блещут небеса,
Еще прозрачные, леса
Как будто пухом зеленеют.
(«Евгений Онегин»)

Пушкин **дает реалистическое и в то же время глубоко поэтическое представление о родной природе.** Так, осень показана в привычных, ясных, легко узнаваемых приметах:

Октябрь уж наступил — уж роща отряхает
Последние листы с нагих своих ветвей.
(«Осень»)

Поэт выбирает **немногочисленные, но самые существенные ее признаки:**

Журча еще бежит за мельницу ручей,
Но пруд уже застыл...
(«Осень»)

Большое значение в пейзажной лирике Пушкина имеют **цветовые эпитеты:**

Под голубыми небесами
Великолепными коврами,
Блестя на солнце, снег лежит,
Прозрачный лес один чернеет,
И ель сквозь иней зеленеет,
И речка подо льдом блестит.
(«Зимнее утро»)

Картины зимы, нарисованные поэтом, **развивают детскую фантазию.** Она изображена волшебницей и веселой проказницей:

...И рады мы Проказам матушки-зимы...
(«Евгений Онегин»)

У Пушкина зима радуется и взрослых и детей:

«Зима!.. Крестьянин, торжествуя, на дровнях обновляет
путь...»
Вот бегают дворовый мальчик,
В салазки Жучку посадив,
Себя в коня преобразив...
(«Евгений Онегин»)

Даются яркие, лаконичные бытовые зарисовки. Описание природы тесно связано с крестьянским бытом, оживлено поступками и действиями людей. Поэт изображает природу **жизненно правдиво, в многообразных и конкретных ее признаках, свойст-**

6.4. Сказки Пушкина. Народность гуманистических идей. Особенности композиций.

Сказки А.С. Пушкина появились в период наивысшего расцвета его творчества. Они не предназначались для детей, но почти сразу вошли в детское чтение.

Румяной зарею
 Покрылся восток.
 В селе за рекою
 Потух огонек.
 Росой окропились
 Цветы на полях,
 Стада пробудились
 На мягких лугах.

«...Дети, к которым и не думал обращаться поэт, когда писал своего «Салтана», «Золотого петушка» и «Царевну», ввели их в свой духовный обиход и этим лишний раз доказали, что народная поэзия в высших своих достижениях часто бывает поэзией детской», — писал К. И. Чуковский.

В 1830 г. Пушкин начинает работу над сказкой о медведихе «Как весенней теплою порой», которая осталась незавершенной. В 1831 г. закончены «Сказка о царе Салтане» и «Сказка о попе и о работнике его Балде». В 1833 г. написаны две сказки: «Сказка о рыбаке и рыбке» и «Сказка о мертвой царевне и о семи богатырях». В 1834 г. появилась «Сказка о золотом петушке».

А.С. Пушкин создает свои сказки на фольклорном материале. «Сказка о попе и о работнике его Балде» близка по сюжету к народной сказке «Батрак Шабарша». Сюжет «Сказки о рыбаке и рыбке» связан истоками со сказкой «Жадная старуха» и был подарен Пушкину собирателем фольклора писателем В.И. Далем. «Сказка о царе Салтане» перекликается с народной сказкой «О чудесных детях». «Сказка о мертвой царевне и о семи богатырях» близка к сюжету народной сказки «Волшебное зеркальце». Обращаясь к устному народному творчеству, А.С. Пушкин видит в нем неисчерпаемые возможности для обновления литературы.

Поэт искал свой путь освоения большой поэтической формы. Он пересматривает все современные эстетические теории, считавшиеся неизменными. Так, сказку Пушкин рассматривает как большой эпический жанр литературы в отличие от многих современных ему писателей, считавших, что это жанр незначительным, мелким. Сказки А.С. Пушкина — сюжетные произведения, в которых показан резкий конфликт между светлым и темным миром.

Примером может служить «Сказка о царе Салтане, о сыне его славном и могучем богатыре князе Гвидоне Салтановиче и о прекрасной царевне Лебеди». Это произведение — не подражание и не переложение народной сказки, а прямой ее наследник не только по внешним признакам, но и по реалистической основе и глубокому социальному содержанию. В нем с самого начала дается тонкое сатирическое снижение образа царя: «Во все время разговора он стоял позадь забора...». По цензурным условиям А.С. Пушкин не мог откровеннее высмеять высокородного любителя подслушивать.

В сказке отражены многообразные оттенки человеческих чувств:

В кухне злится повариха,

Плачет у станка ткачиха,
И завидуют оне
Государевой жене —
(«Сказка о царе Салтане»)

и раскрываются **сложные взаимоотношения между людьми** («А ткачиха с поварихой, с сватьей бабой Бабарихой извести ее хотят...»).

Действие разворачивается **динамично, без длительных описаний**. Пушкин-сказочник выступил **против монотонности поэзии, против стертых ритмико-синтаксических оборотов**. Его стих подвижен, передает ритм движения и напряженность событий:

Едет с грамотой гонец,
И приехал наконец.
А ткачиха с поварихой,
С сватьей бабой Бабарихой
Обобратъ ег⁴¹ ят;
Допьяна гонца поят
И в суму его пустую
Суют грамоту другую...
(«Сказка о царе Салтане»)

Динамизм и быстрота смены событий свободно и легко уживаются с пейзажными картинами, лаконичными и зримо-красочными:

Ветер весело шумит,
Судно весело бежит.
В синем небе звезды блещут,
В синем море волны хлещут;
Туча по небу идет,
Бочка по морю плывет.
Ветер на море гуляет
И кораблик подгоняет;
Он бежит себе в волнах
На раздутых парусах.
(«Сказка о царе Салтане»)

Энергична и действенна у Пушкина-сказочника **звуковая организация стиха**. Значимостью у него обладает каждый звук, то передающий плеск морской волны, то воспроизводящий полет комара или шмеля:

Море вздуется бурливо.
Закипит, подымет вой,
Хлынет на берег пустой,
Разольется в шумном беге...
Тут он в точку уменьшился,
Комаром оборотился,
Полетел и запищал...
{«Сказка о царе Салтане»}

Пушкин выступает в «Сказке о царе Салтане» как **борец за народность языка, или «просторечье»**, как тогда говорили. Мягко, душевно звучит речь героев, полная слов с ласкательными суффиксами, характерными для устного народного творчества:

...белочка при всех Золотой грызет орех,
Изумрудец вынимает,

А скорлупку собирает...
(«Сказка о царе Салтане»)

«Сказка о царе Салтане» **завершается не моралистическим выводом**, как было у многих других писателей-сказочников, **а веселым пиром, славящим торжество добра**. Положительные персонажи в длительной борьбе побеждают: князь Гвидон встречается с отцом; ткачиха, повариха и сватья баба Бабариха посрамлены. Читатели всем сердцем на стороне «светлого мира» сказки, олицетворенного в образах царицы-матери, князя Гвидона, царевны Лебеди. Только образ царя Салтана вызывает сомнения и раздумья.

Чуковский в книге «От двух до пяти»: «Мальчишка с большим увлечением слушал сказку о царе Салтане. Но все время его тревожил вопрос: «Что же такое этот самый Салтан? С одной стороны, он как будто человек симпатичный, а с другой стороны, он уж слишком поддается влиянию злой Бабарихи и ее коварных подруг. Поэтому все время он перебивал рассказчика вопросами об этом непостижимом царе:

- А что он — правильный?
- А он хороший?»

Подобные сомнения и раздумья — начало активной работы творческого сознания маленького слушателя. Это свидетельство большого воспитательного значения подобных произведений.

«Сказка о попе и о работнике его Балде» — **сатира на обманывающих народ недобросовестных служителей православной церкви**. В ней высмеиваются **человеческая жадность, глупость и лицемерие**. Поп собирается нанять слугу, который будет за гроши выполнять обязанности повара, конюха и плотника. Глупость и жадность заставляют его согласиться получать щелчки от Балды, которого он взял в работники. Но поп не только жаден, но коварен и зол, он пытается погубить Балду, давая ему невыполнимые поручения, например, с 42 гь оброк с чертей. «Сказка о попе и о работнике его Балде» при жизни поэта не была напечатана.

«Сказка о попе» **самая «простонародная»** у Пушкина. Она написана **стихом раешника, родственным «складной» речи ярмарочных балагуров, скоморошинам и прибауткам**. Язык сочный, выразительный, много остроумных устойчивых выражений: «экого послали супостата», «ум у бабы догадлив, на всякие хитрости повадлив». Имя Балда вызывает ассоциацию с Иванушкой-дурачком. Кроме того, по Далю, «балда» — молот, колотушка, кулак, в Нижегородской губернии — палица, дубина. Таким образом, в «Сказке о попе и о работнике его Балде» «народность содержания и народность формы приходят едва ли не в максимально возможное для сказки в стихах гармонические соответствие»

У Пушкина **сказочные персонажи психологически и художественно совершенны**; в процессе работы над сказкой **он постоянно оттачивал ее стих, приближая его к народному, заостряя сатиру**. Художественные средства пушкинской сказки неразрывно связаны с его поэтическим мировосприятием. Поэт выступил **против вычурности и заумности стиха**; он стремился **приблизиться к народной поговорке с ее афористичностью**. Так в концовке сказки ясно выражено насмешливое отношение к попу: «А Балда приговаривал с укоризною: Не гонялся бы ты, поп, за дешевизною».

Каждая из пушкинских сказок неповторима. У каждой свой стих, свои образы, свое настроение. «Сказка о рыбаке и рыбке» по содержанию, по смыслу ближе к **философским**, это сказка-притча. Неторопливо, раздумчиво, словно волны морские, течет поэтическая речь. В конце стихов нет рифмы:

Отпустил он рыбку золотую
И сказал ей ласковое слово:
Бог с тобой, золотая рыбка!

Сказка Пушкина представляет собой философское по замыслу размышление о **противостоянии терпеливого добра и агрессивного зла**. Не чужд поэт и **социальных мотивов**. Это подчеркивается резким противопоставлением старика и старухи: он остается крестьянином, а она поднимается все выше по социальной лестнице. В **образе старика** олицетворяется **народное начало сказки**. Он вынужден покоряться воле жадной старухи, но **не испытывает к ней почтения**, как бы высоко ни вознеслась она. Об этом свидетельствует его обращение к ней, когда она захотела стать царицей: «Что ты, баба, белены объелась?» **Образ старухи**, постепенно выходит за рамки изображения жадности и **становится символом социального гнета**.

В «Сказке о рыбаке и рыбке» **отразилось народное отношение к тиранам**. Добро не столько побеждает зло в открытом противостоянии, сколько переживает его. Терпение в данном случае оказывается более действенным средством борьбы, чем открытый протест. Не знающая удержу и границ агрессивность в конце концов оказывается самоуничтожающей. Сказка завершается поучительной картиной наказанного по законам высшей справедливости (их выразителем является золотая рыбка) самодурства:

Глядь: опять перед ним землянка;
На пороге сидит его старуха,
А пред нею разбитое корыто.

«Сказка о мертвой царевне и о семи богатырях» написана в 1833 г. В «Сказке о мертвой царевне» особенно четко отразилась **гуманистическая направленность пушкинских сказок**. В ней положительные персонажи наделены такими чертами характера, которые ценятся людьми труда: **добротой, великодушием, храбростью, преданностью в дружбе**.

Царица-мать верно ждет своего мужа, отправившегося в дальний поход. Пушкин рассказывает об этом в ярких сценах, близких по стилю к устному народному творчеству:

Смотрит в поле, инда очи
Разболелись, глядячи
С белой зори до ночи;
Не видать милого друга.
Только видит: вьется вьюга,
Снег валится на поля,
Вся белешенька земля.

(«Ски⁴³ о мертвой царевне и о семи богатырях»)

В образе царевны-дочери преобладают **романтические мотивы**. Она вызывает любовь девушки Чернавки и семерых богатырей и тем, что «всех милее, всех румяней и белее», и, главное, своей добротой, отзывчивостью, готовностью прийти на помощь.

Образ королевича Елисея дан **в былинных тонах**. Герой «отправляется в дорогу за красавицей душой, за невестой молодой». Он близок к природе. Лирические обращения Елисея к солнцу и месяцу, и наконец, к ветру поэтически окрашивают его образ, придают ему особое обаяние:

Елисей, не унывая.
К ветру кинулся, взывая:

«Ветер, ветер! Ты могуч,
Ты гоняешь стаи туч,
Ты волнуешь сине море,
Всюду веешь на просторе,
Не боишься никого,
Кроме Бога одного.
Аль откажешь мне в ответе?
Не видал ли где на свете
Ты царевны молодой?
Я жених ее.

{«Сказка о мертвой царевне и о семи богатырях»}

Эти обращения представляют собой своеобразные **лирические отступления**, в которых ощущается **синтез поэтических элементов устного народного творчества**. Так Пушкин выступил **как новатор в самой композиции сказки, развернув народные обращения-заклинания в поэтическую картину**.

«Сказка о мертвой царевне» написана поэтом в творческом состязании с Жуковским. Но в отличие от него Пушкин не ограничивается романтическим изображением героев, он вводит **реалистические картины жизни царского двора, создает и сатирические персонажи в своей сказке**. Таков в какой-то мере **царь-отец, поспешивший жениться**, едва истек положенный срок вдовства. Пушкин иронически говорит о нем:

Долго царь был неутешен,
Но как быть? и он был грешен;
Год прошел как сон пустой,
Царь женился на другой.

(«Сказка о мертвой царевне и о семи богатырях»)

Основная же сила сатиры Пушкина направлена против царицы-мачехи, олицетворяющей «темный мир» в сказке. Мачеха «черной зависти полна», «горда, ломлива, своенравна и ревнива». Зависть и злость ко всему светлому и доброму приводят ее в конце концов к смерти: «Тут ее тоска взяла, и царица умерла». Так в сказке победа добра символизирует гибель зла.

Сказки помогли поэту **обогатить русскую литературу новым поэтическим жанром, развить идеи народности и демократизма, создать в сказочных персонажах и конфликтах образцы глубоко народной философии жизни и социальной сатиры**.

В «Сказке о золотом петушке», которая написана в 1834 г., создан **сатирический образ царя Дадона**, который предпочитает царствовать без забот, «лежа на боку». Именно поэтому бездумно соглашается царь выполнить первую просьбу звездочета, подарившего ему золотого петушка. Царь Дадон изображен как **человек, не способный любить не только страну, которой управляет, но и собственных сыновей**. Слезы, вызванные их гибелью, легко уступают место сластолюбивому восторгу перед шамаханской царицей. В то же время царь показан **далеко не безобидным: он самодур, способный из-за прихоти погубить старика, в свое время пришедшего ему на помощь**: «Царь хватил его жезлом по лбу; тот упал ничком, да и дух вон».

Положительные герои всех сказок А.С. Пушкина - люди из народа: трудолюбивый, находчивый и веселый работник Балда («Сказка о попе и о работнике его Балде»); бескорыстный, добрый, невзыскательный труженик-старик («Сказка о рыбаке и рыбке»).

Для сказок Пушкина, как и для народных, **характерна вера в светлые силы и**

чувства. Сказки Пушкина **оптимистичны**, в них **добро всегда побеждает тьму и злобу**. Находчивость и трудолюбие Балды помогают ему победить попа; любовь и верность Елисея воскрешают его невесту; сыновняя преданность Гвидона, его борьба с завистью и клеветой способствуют торжеству правды.

44

Чертами народности отмечена и поэтическая речь в сказках Пушкина. В них широко применяются **народные поговорки, пословицы, слова и выражения, суффиксы:**

Но жена не рукавица:
С белой ручки не стряхнешь
Да за пояс не заткнешь.
(«Сказка о царе Салтане».)

Впредь тебе, невежа, наука:
Не садися не в свои сани!»
(«Сказка о рыбаке и рыбке».)

В сказках Пушкина **много слов разговорного, иногда просторечного языка** («и молва трезвонить стала», «не кручинься», «он стоял позадь забора», «инда плакал царь Дадон»),

Пушкин использует **изобразительные средства народной поэзии: сравнения, метафоры, гиперболы, постоянные эпитеты:**

В чешуе, как жар горя,
Тридцать три богатыря...
(«Сказка о царе Салтане».)

Но царевна молодая,
Тихомолком расцветая,
Между тем росла, росла,
Поднялась — и расцвела...
И к царевне наливное,
Молодое, золотое
Прямо яблочко летит
Отвечает месяц ясный...
(«Сказка о мертвой царевне».)

В его сказках широко применяется **народно-поэтическая речь с ее своеобразной ритмикой и повторами** («в путь-дорогу снаряжился»; «свет наш солнышко»; «по морю, по океану к славному царю Салтану»).

Сказки Пушкина отличаются **богатством творческой фантазии**. В них **гармонично уживаются реалистические картины быта и нравов** различных сословий русского общества **с чудесами волшебного мира**, возникшего под пером поэта. Таков целый город на острове Буяне — столица князя Гвидона:

...Город новый златоглавый... ...
Стены с частыми зубцами,
И за белыми стенами
Блещут маковки церквей
И святых монастырей. ...
В колымагах золотых
Пышный двор встречает их...
(«Сказка о царе Салтане»)

Поэтически совершенны такие персонажи, как царевна Лебедь, Золотая рыбка,

Золотой петушок, тридцать три богатыря, белка-чудесница.

Для сказок Пушкина, как и для народных, **характерны чудесные превращения**: старухи крестьянки — в царицу; лебедя — в прекрасную девушку; князя Гвидона — в комара, шмеля, муху. **Волшебные превращения** не только увлекательны, они **помогают раскрыть гуманистические идеи сказок**. Превращение старухи снова из царицы в крестьянку связано с наказанием ее за самодурство и алчность. Превращение лебедя в прекрасную девушку выражает победу любви над волшебными чарами.

Сказки Пушкина **пробуждают симпатии и антипатии читателей, формируют активное отношение к героям**. Они **помогают решать задачи эстетического и нравственного воспитания детей**.

Произведения А.С. Пушкина **указали детской литературе новый путь**. Они дали классические образцы детской литературы. Произведения Пушкина **пробуждают чувство любви к родине и являются лучшим средством приобщения детей к истинной поэзии**. Творчество великого поэта повлияло на последующее развитие детской литературы.

45

6.5. Ершов П.П. Сказка "Конёк-Горбунок". Поэтическое мастерство, народность. Особенности сказок. Главный герой-Иванушка. Воплощение в нём лучших моральных качеств. Царь и его окружение.

Прямым продолжателем пушкинской традиции в жанре сказки явился его младший современник П.П. Ершов.

Ершова часто называют **«человеком одной книги»**: так велика была слава его **«Конька-горбунка»**, заслонившая все написанное этим талантливым человеком. А он был автором многих лирических стихотворений, рассказов, пьес (наиболее известная **«Суворов и станционный смотритель»**), поэмы **«Сузге»** (о драматическом эпизоде из времен покорения Сибири Ермаком).

Достоянием детского чтения стало главное произведение Ершова — сказка **«Конек-горбунок»**, со временем вошедшая в золотой фонд литературы для детей. Эта сказка была написана 19 – летним студентом П.П. Ершовым в начале 1834г.

Вскоре первая часть сказки была опубликована в журнале **«Библиотека для чтения»**, а осенью **«Конек-горбунок»** вышел отдельным изданием. Имя Петра Ершова стало известно всей читающей России. В его судьбе принял участие А.С. Пушкин, познакомившийся со сказкой еще в рукописи. Пушкин одобрил первое произведение молодого талантливого поэта, в сущности признав родственным его подход к сказочному творчеству: **«Теперь этот род сочинений можно мне оставить»**. А.С. Пушкин считал, что **«Конька-горбунка»** надо издать с картинками, по возможно низкой цене, в огромном количестве экземпляров — для распространения по России.

Ершов, окрыленный успехом, мечтал о создании большой сказочной поэмы **«Иван-царевич — сказка сказок в 10 книгах и 100 песнях»** по мотивам русских сказок. Но этому замыслу не суждено было осуществиться, как не были реализованы и мечты Ершова об организации экспедиции по Сибири, издании журнала, широкой просветительной деятельности среди земляков. По окончании университета он вернулся в Тобольск и почти до конца жизни занимался педагогической деятельностью — преподавал в гимназии, а затем стал ее директором. **«Конек-горбунок»** остался, в сущности, единственным произведением Ершова, вызывающим неизменный интерес многих поколений юных читателей.

«Конек-горбунок» достойно продолжил традицию литературной поэтической

сказки, прежде всего пушкинской, и в то же время это было новое слово в отечественной словесности. Новым было необычайно смелое, по-юношески дерзкое погружение в стихию простонародной, «**мужицкой**» сказки. Ершов соединил в своем произведении ряд образов, мотивов, сюжетных ходов известных народных сказок. Незадолго до смерти, размышляя о феномене «Конька-горбунка», автор сказал: «**Вся моя заслуга тут, что мне удалось попасть в народную жилку. Зазвенела родная — и русское сердце отозвалось...**» Народ принял творение Ершова как свое.

Еще одна особенность этой замечательной сказки — **тесное переплетение фантастического, чудесного с реалиями народной жизни**. Отличая эту особенность, В.П.Аникин говорит о «**реализме сказки**»: «Сказка Ершова пришла в литературу из **мужицкой избы** и сохранила свой крестьянский характер. Она родилась здесь и овевана запахом только что испеченного хлеба, обдута полевыми ветрами...».

Как ни близок к фольклору «Конек-горбунок» Ершова, это все же **авторское произведение**. Оно имеет четкую, логически выстроенную композицию. Сказка разделена на три соразмерные части, между собой тесно связанные, и вместе с тем сюжет каждой части представляет собой законченное целое. Эпиграфы выполняют роль связок в повествовании: «Начинает сказка сказываться», «Скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается». И только третий эпиграф: «Доселева Макар огороды копал, а нынче Макар в воеводы попал» — напоминает пословицу и предсказывает некий необычный поворот в судьбе героя.

Начало сказки сообщает ей эпическую широту и неторопливость:

За горами, за лесами,
За широкими морями,
Не на небе — на земле
Жил старик в одном селе.

Далее автор ведет свое повествование **свободно, то сближая его с традиционно сказочным, то отступая и расцвечивая затейливыми присказками, прибаутками** («Сидит ворон на дубу. Он играет во трубу», «Козы на море ушли; Горы лесом поросли»). В авторской манере игра, арт ⁴⁶ зм, мастерское владение словом.

В традициях народной сказки образ главного героя — Ивана. Как правило, в волшебных сказках исполнителем трудных заданий с помощью чудесного помощника выступает сильный богатырь, Иван-царевич. У Ершова эту роль выполняет Иван-дурак. В народных сказках этот образ интерпретируется как, безусловно, положительный. Поступая нелогично, нестандартно в обычных житейских ситуациях, Иванушка-дурачок в условиях чрезвычайных, в ситуации испытания **раскрывает свои лучшие человеческие качества, оказывается и смел, и умен, и честен**. Он — хранитель духовных, нравственных устоев народа и только своим моральным превосходством побеждает коварных, ограбивших его братьев, справляется со своими антагонистами и в конце концов, будучи ничем, становится всем, даже — носителем высшей власти.

Герой Ершова воплощает все типичные свойства сказочных «дурачков»: нескладный, неряшливый, любящий поспать. Его поступки противоречат житейскому «здравому смыслу». Его братья в роли караульщиков поступили «здро», благополучно скоротав время. Иван же, поначалу уваливая и отказываясь от службы, все же сумел добыть кобылицу, получил в награду волшебного конька. **Во всех прочих приключениях Иван также неизменно побеждает**. Даже его промахи, хвостовство (что достанет Царь-девицу) в конце концов оборачиваются ему на пользу. **Сознание правоты и удачливости делает героя добродушным**. Вместо расправы за воровство коней он

только укоряет братьев:

Стыдно, братья, воровать!
Хоть Ивана вы умнее,
Да Иван-то вас честнее:
Он у вас коней не крал.

Удалой и независимый, Иван с достоинством ведет себя с царем. Вот как, например, он договаривается о службе с государем:

Чудно дело! Так и быть,
Стану, царь, тебе служить.
Только, чур, со мной не драться
И давай мне высыпаться,
А не то — я был таков.

Вся линия взаимоотношений Ивана с царем выписана Ершовым остроумно, иронично, с явной симпатией к народному герою. Торжеством справедливости и развенчанием мнимого величия оказывается заключительная сцена купания героев в кипящих котлах. Царь бесславно погибает, а Иван преображается:

И такой он стал пригожий,
Что ни в сказке сказать,
Ни пером не написать!

Параллелью к герою — Ивану-дураку — выступает его чудесный помощник Конек-горбунок:

Ростом только в три вершка,
На спине с двумя горбами
Да с аршинными ушами.

Вместе с этим игрушечным коньком Иван преодолевает все препятствия, совершает чудеса: ловит Жар-птицу, доставляет во дворец Царь-девицу, добывает перстень.

Финал — женитьба Ивана на дочери Месяца (Луны) и сестре Солнца — **наполняет сказку глубоким философским смыслом.** В этом Ершов перекликается с Пушкиным, создавшим чарующе прекрасный и глубоко символический образ царевны Лебеди.

Сказка «Конек-Горбунок» искрится юмором, весельем. Даже грустные моменты («Тут Иванушка заплакал») очень быстро сменяются увлекательными рассказами о приключениях, жизнерадостными сценами. **Отрицательные герои**, например, братья Ивана, нарисованы сатирически. Они ленивы, трусливы, вероломны, способны на воровство и обман.

Особенно порочным нарисован царь. Он ленив, почти все время проводит в спальне (снова, как не вспомнить пушкинского царя Дадона), любит лесть, подл, гневлив, жесток, жаден и сластолюбив. Такое скопление дурных свойств должно вызывать отвращение и страх. **Ершовский царь только смешон.** Особенно комична внезапная влюбленность семидесятилетнего старца в молоденькую девушку. Его поведение подготавливает читателя к гибели мерзкого старика. Этот момент никак не комментируется автором, а читатели, особенно юные, воспринимают это «сварился» не как наказание или возмездие, а вполне закономерно, тем более, что злосчастный царь сам прыгает в котел с кипящим молоком. 47

Гуманизм Ершова именно в том, что **не положительные герои наказывают злодеев, а утверждается мысль, что несчастье дурного человека в нем самом.** Царский конюх, а потом спальник не сумел навредить Ивану, зато сам с каждым новым

подвигом центрального героя становился все несчастнее. Это опять-таки народная мудрость, формировавшаяся веками.

«Конек-Горбунок» **похож на увлекательное театральное действие**: в нем **много песен, плясок** (танцуют даже кони!), **прибауток, приговорок, загадок**. Даже традиционные присказки во второй и третьей части строятся по законам небылицы:

Та-ра-ра-ли, та-ра-ра
Вышли кони со двора;
Вот крестьяне их поймали
Да покрепче привязали.
Сидит ворон на дубу,
Он играет во трубу;
Как во трубушку играет,
Православных потешает:
«Эй! Послушай, люд честной!
Жили-были муж с женой;
Муж-то примется за шутки,
А жена за прибаутки,
И пойдет у них тут пир,
Что на весь крещеный мир!
Как у наших у ворот
Муха песенку поет:
«Что дадите мне за вестку?
Бьет свекровь свою невестку:
Посадила на шесток,
Привязала за шнурок,
Ручки к ножкам притянула,
Ножку правую разула:
«Не ходи ты по зарям!
Не кажися молодцам!»

{«Конек-Горбунок»}

Заканчивается сказка **традиционным для народных сказок свадебным пиром и торжеством главного героя**. В концовке сказитель выражает свое отношение к рассказанному и прощается с читателем.

Сердцу любо!
Я там был,
Мед, вино и пиво пил;
По усам хоть и бежало,
В рот ни капли не попало.
(« Конек - Горбунок »)

«Конек-Горбунок» отличается **высокими поэтическими достоинствами**. Четкая композиция, динамично развивающийся сюжет, состоящий из увлекательных событий. Каждый стих представляет самостоятельную смысловую единицу; предложения краткие, простые. Почти в каждой строке есть глагол действия, иногда встречается целый каскад глаголов.

Жары-птицы налетают;
Стали бегать и кричать
И пшено с вином клевать.

Ершов умело использует идиомы: «слить пулю», «к водяному сесть в приказ» и т.

п. Среди них есть и **традиционные для народных сказок устойчивые выражения**. «Что ни в сказке не сказать, ни пером не написать». «Едут, близко ли, далеко, едут, низко ли, высоко». «Что, Иванушка, невесел? Что головушку повесил?» и многие другие. **Поэтика сказки дышит народной стихией.**

Сказку Ершова дети узнают еще в дошкольном возрасте. Перечисляя достоинства сказки, Ф.И. Сетин указывает на причины, по которым она давно и прочно вошла в литературу для детей: **«Детская она своей безудержной фантастикой, удивительными приключениями, динамичным сюжетом, красочностью, игровой ритмикой, песенным складом, образом главного героя — отважного представителя народа, победой добра над злом, уважения к человеку, к русскому языку».**

Успех «Конька-горбунка» у читателей был столь велик, что вызвал массу подражаний. С конца 1860 года до начала нового века вышло более 60 изданий, написанных на основе сказки Ершова. «Конек-горбунок» стал популярным сюжетом лубочной литературы. Более десяти переделок «Конька-горбунка» появилось уже после 1917 года. Это еще одно свидетельство популярности удивительного произведения П.П.Ершова.

6.6.Произведения А.Кольцова, А.Погорельского, В.Одоевского для детей.

А. В.Кольцов (1809— 1842) — один из первых поэтов, пришедших в «профессиональную» литературу из народной среды. Широкой публике Кольцов стал известен в 1835 году, когда в Москве вышла книжка его стихотворений. Она имела успех, и с 1836 года поэт уже постоянно печатался в журналах и альманахах. Продолжая народную традицию, он опозитизировал земледельческий труд, его **«Песня пахаря»** включалась во все детские сборники.

Глубокое проникновение в дух народа, в психологию крестьянина позволило Кольцову, по словам Белинского, раскрыть в своей поэзии «все хорошее и прекрасное, что, как зародыш, как возможность, живет в природе русского селянина». Лирический герой этих стихотворений предстает перед читателем как полноценная индивидуальность и в этическом, и в эстетическом плане. Поэт еще до Некрасова сумел выразить народную точку зрения на **труд земледельца** — не только как на средство жизни, но и как на **неисчерпаемый источник духовности, радости:**

Весело я лажу
Борону и соху,
Телегу готовлю.
Зёрна насыпаю...

Поэзия труда наполняет стихотворения-песни «Урожай», «Косарь» и др. Даже те из них, где рисуется «тяжкая доля» крестьянская. Тоской проникнуты строки из **«Деревенской беды»:**

С той поры я с горем-нуждою
По чужим углам скитаюся,
За дневной кусок работаю.
Кровным потом умываюся...

Однако, как бы ни были исполнены грусти кольцовские строки в подобных стихах, драматизм их неизменно смягчается особой художественной формой с присущей ей распевностью, своеобразием мелодраматического рисунка, интонационной смелостью.

Вслед за «Песней пахаря» все чаще включались в детские поэтические сборники и

другие стихотворения Кольцова: «*Косарь*», «*Урожай*», «*Крестьянская пирушка*», «*Что ты спишь, мужичок*», «*Лес*». Родная природа, одухотворенная содружеством с человеком, живо, ярко представала в его стихах. Трудно и сегодня переоценить их значение в духовном становлении ребенка.

Картины природы, нарисованные поэтом, могут создать у ребенка не только радостное настроение, но и настроение грусти, тихой печали:

Что, дремучий лес.
Призадумался,
Грустью тёмною
Затуманился?..

Или показать могучую силу природы в образе разбушевавшегося богатыря-леса:

Встрепенувшись,
Разбушуешься:
Только свист кругом.
Голоса и гул...

Именно в пейзажной лирике с наибольшей силой проявилось художественное своеобразие творчества поэта. Вот в стихотворении «*Урожай*» темная туча надвигается, закрывая небо, наконец, «и ударила, и пролилася слезою крупною». Строфа целиком состоит из глаголов, а ритм и подбор звуков иллюстрируют движение грозной тучи, раскатов грома и пролившегося ливня.

Поэзия Кольцова обогатила русскую лирику, для которой XIX век стал временем расцвета, мотивами истинно народного звучания.

49

С именем **Антония Погорельского** часто сочетается эпитет «первый». Он — автор **первой в русской литературе фантастической повести**, одного из первых «семейных» романов, первой повести- сказки для детей «*Черная курица, или Подземные жители*». Сказка увидела свет в 1828 году и принесла автору долгую славу выдающегося детского писателя, хотя и **была его единственным творением для маленьких читателей**.

Литературная деятельность писателя (настоящее его имя — Алексей Алексеевич Перовский, 1787—1836) продолжалась всего пять лет: в 1825 году вышла его повесть «*Лафертовская маковница*», а в 1830 году — роман «*Монастырка*».

Последние годы жизни Перовский провел в своем маленьком малороссийском имении Погорельцы (отсюда его псевдоним), посвятив себя литературной деятельности и воспитанию племянника Алеши — впоследствии известного писателя А.К.Толстого. Ему и была рассказана **история Черной курицы, легшая в основу повести-сказки**.

Очевидно, именно потому, что сначала это был живой рассказ маленькому слушателю, столь легка словесная ткань повести, так мягки в ней интонации, ясны мысли и подробны описания. Видно, автор стремился передать мальчику впечатления собственного детства, свои воспоминания о петербургском пансионе, откуда он бежал, повредив при этом ногу, отчего всю жизнь прихрамывал. В «*Черной курице...*» просматриваются и следы немецкой романтической литературы, в частности преданий о гномах. Но **главным в повести остается внимание к формированию характера ребенка, к психологическим особенностям детского возраста**, постепенное приобщение ребенка к восприятию фактов и рассуждений на отвлеченные темы.

Здесь Погорельский проявил себя как **писатель реалистического направления**. Герой повести мальчик Алеша — психологически убедительный, живой образ ребенка. Переживания маленького человека, живущего в пансионе, тоскующего по родителям, его фантазии, взаимоотношения с учителями, любовь к животным — все это отражено в

повести, воссоздано с талантом истинно детского писателя, мастерство которого проявилось и в органическом слиянии фантастического и реального.

У Алеши, который на субботу один в пансионе, единственным утешением были книги, которые учитель-немец позволял ему брать из своей библиотеки. А в то время в немецкой литературе царила мода на рыцарские романы и волшебные, полные мистики повести. И у Алеши «юное воображение бродило по рыцарским замкам, по страшным развалинам или по темным дремучим лесам».

Немудрено, что реальная черная курочка, к которой Алеша так привязан, что за ее спасение отдал бабушкин подарок — золотую монету, во сне мальчика превращается в волшебное существо — министра подземного царства. Такое слияние волшебного и реального планов вполне соответствует эмоциональному состоянию ребенка, когда он погружен в мечты и не очень отличает вымысел от действительности. Повесть предназначена **читателю**, для которого **мечтать, фантазировать — то же, что дышать**.

Погорельскому одному из первых в русской литературе удалось **подчинить педагогическую задачу художественному вымыслу**. К нему вполне можно применить определение Н. И. Новикова — воспитание ребенка «приятным для него способом». На примере Алеши он **убедительно показывал, что хорошо, а что плохо**. Плохо лениться, заноситься перед товарищами, быть легкомысленным и болтливым (ведь из-за этого в подземном царстве и произошло несчастье). И хорошие черты тоже четко определены в поступках Алеши. Автор показывает и самооценку детского возраста, богатство душевного мира ребенка, его самостоятельность в определении добра и зла, направленность творческих способностей. **Впервые** после «Рыцаря нашего времени» Н.М.Карамзина **героем произведения стал ребенок**.

Со времени опубликования «Черной курицы...» одной из ведущих идей русской литературы стала **главная мысль Погорельского**: ребенок легко переходит из мира мечты и наивных фантазий в мир сложных чувств и ответственности за свои дела и поступки.

Важная заслуга Погорельского в том, что он своей повестью «Черная курица, или Подземные жители» он фактически **положил начало формированию языка отечественной детской прозы**. Его произведение написано тем же **языком**, какой постоянно **звучал в культурных семьях того времени**, — без трудных для детей книжных и устаревших слов.

Художественные достоинства и педагогическая направленность повести Погорельского сделали ее **выдающимся произведением литературы XIX века**. Она открывает собой историю русской художественной детской прозы, историю автобиографической прозы о детстве.

В.Ф.Одоевский (1803—1869) был одним из властителей дум своего времени. Философ, писатель-сказочник, автор мистических повестей и рассказов, талантливый музыкант — таков еще не полный перечень его дарований и направлений деятельности. Особо подчеркнем, что Одоевский является основоположником сельской начальной школы в России.

Творчество Одоевского как писателя принадлежит к **русской романтической прозе 30-х годов XIX века**. В этом смысле характерны его повести «Последний квартет Бетховена», «Себастиан Бах», «Импровизатор». «Елладий», «Княжна Зизи», «Княжна Мими» и др. Художественная манера его отмечена сложным взаимодействием отвлеченной философской мысли с глубоким проникновением в жизненные характеры и

явления.

В детскую литературу Одоевский вошел как создатель великолепных «Сказок дедушки Иринея» (дедушка Иринея — «детский» псевдоним писателя), заслуживших широкую популярность у юных читателей. Вклад Одоевского в детскую литературу значителен. Его произведения для детей, составившие два сборника: «*Детские сказки дедушки Иринея*» (1840) и «*Детские песни дедушки Иринея*» (1847) — высоко ценил Белинский. Критик писал, что такому воспитателю, какого имеют русские дети в лице дедушки Иринея, могут позавидовать дети всех наций.

Несмотря на **сильно проявляющиеся** в «Сказках дедушки Иринея» **дидактические тенденции и элементы естественно-научного просветительства**, они исполнены подлинной поэтичности. Это особый пленительный и увлекательный для ребенка мир, однако, по замечанию Белинского, «узнав его, с ним не расстанутся и взрослые».

Очень серьезно занимался Одоевский вопросами воспитания детей. Он стремился создать здесь свою теорию, основанную на «педагогической идее» с гуманистической тенденцией. Особую заботу Одоевского вызывали «непроснувшиеся» дети - маленькие люди, находящиеся во власти инстинктивного желания ничего не делать, т.е. «ничего не мыслить». Обязательно следовало пробудить в растущем человеке мысли и чувства. Писатель полагал, что важную роль в этом играет сказка.

В 1833 году увидели свет его «*Пестрые сказки с красным словом*». В них рассказчик Иринея Модестович Гомозейка (таким псевдонимом Одоевский подписал это свое произведение) преподносил читателям **в аллегорической форме то или иное нравоучение**.

Обращение Одоевского к детской литературе тесно связано с его склонностью к просветительству, но у него был и прирожденный талант детского писателя. Уже в начале 30-х годов появляются в журнале «Детская библиотека» его рассказы и сказки. В 1833 году Одоевский предпринимает издание альманаха «**Детская книжка для воскресных дней**», где звучат его мысли о воспитании: он помещает здесь не только художественные произведения, но и большой раздел образовательного характера, в который входят научно-популярные статьи и описания различных опытов, поделок, игр.

«*Городок в табакерке*» (1834) — **первый совершенный образец художественно-познавательной сказки для детей**. В ней научный материал (по существу, обучение механике, оптике и другим наукам) был подан в столь занимательной и близкой к детской психологии форме, что это вызвало восторженный отклик тогдашней критики. Белинский говорил: сюжет «так ловко приноровлен к детской фантазии, рассказ так увлекателен, а язык так правилен... дети поймут жизнь машины как какого-то живого индивидуального лица».

Все начинается с того, что мальчик Миша получает в подарок от отца музыкальный ящик. Мальчик поражен его красотой: на крышке ящика — башенки, домики, окна которых сияют, когда восходит солнце и раздается веселая музыка. Дети всегда радуются при восприятии прекрасного, оно рождает в них живой энтузиазм, желание творить. Эстетическое переживание вызывает активную работу воображения, побуждая к творчеству. Миша, заснув, творит во сне целый мир — и все из предметов, ему знакомых, но в сочетаниях чисто фантастических. Валик, колесики, молоточки, колокольчики, составляющие механизм музыкальной шкатулки, оказываются жителями маленького прекрасного городка. Роли действующих лиц и их поступки зависят от впечатления, которое они произвели на мальчика. Валик — толстый, в халате; он лежит на диване; это начальник-надзиратель, командующий дядьками-молоточками. Те,

получив команду, колотят бедных мальчиков-колокольчиков с золотой головкой и в стальных юбочках. Но и над валиком есть власть: это царевна-пружинка. Она, как змейка, то свернется, то развернется — «и беспрестанно надзирателя под бок толкает». Проснувшийся Миша уже понимает, как работает музыкальный ящик, причем действительно воспринимает машину «как какое-то живое индивидуальное лицо».

Обучение на конкретном опыте, связь обучения с реальностью — один из педагогических принципов Одоевского, и он нашел воплощение в этом произведении. Даже в фантастический мир оживших дет ⁵¹ автор ведет Мишу через сон — вполне реальное состояние ребенка. Этот же принцип он положил в основу и многих других сказок и рассказов, искусно сочетая реальные события с фантастикой.

Сказка «*Червячок*» (1838) обращает внимание ребенка на **чудесное разнообразие мира природы** и на **непрерывность жизненного цикла**; в доступной детям истории о жизни и смерти маленького червячка писатель затрагивает глубокую философскую тему.

Вполне реальный герой — французский архитектор Рубо в рассказе «*Столяр*» (1838) — достигает вершин мастерства; так автор **стремится вызвать в юном читателе «благородную жажду познания, непреодолимое желание учиться».**

А в рассказе «*Бедный Гнедко*» (1838) уже другая воспитательная задача — **пробудить в сердце ребенка любовь к животным**; заключая гуманную мысль в рамки рассказа о судьбе изнуренной лошади, когда-то бывшей веселым жеребенком, писатель напрямую обращается к детям: «Кто мучит лошадь, собаку, тот в состоянии мучить и человека».

Одоевским были написаны также сказка «Мороз Иванович», рассказы «Столяр», «Серебряный рубль» и др.

Наиболее популярна его сказка «**Мороз Иванович**». Она перекликается по сюжету с народной сказкой «Морозко», включает традиционные сказочные мотивы (печь с пирожками, яблоня с золотыми яблочками). Сказка Одоевского построена на **противопоставлении трудолюбия и лености**, что подчеркивает эпитафия: «Нам даром, без труда, ничего не дается, — Недаром исстари пословица ведется». Рукодельница и в родном доме, и в гостях у Мороза Ивановича трудолюбива, прилежна, добросердечна, за что и была вознаграждена. Ленивица, только мух умевшая считать, не смогла ни перину снежную взбить, ни кушанье изготовить, ни платье починить. В финале сказки ленивица получает от Мороза Ивановича подарки, которые тают на глазах. Какова работа, такова и награда. А к читателю обращено послесловие: «А вы, детушки, думайте, гадайте, что здесь правда, что неправда; что сказано впрямь, что стороною; что шутки ради, что в наставленьи».

Творчество В. Ф. Одоевского до сих пор высоко ценят и взрослые, и дети. Творчество это разнообразно, глубоко по философской и нравственной направленности.

6.7. Детские журналы и детские писатели.

В первой половине XIX в. появляется большое количество **журналов для детей**. Многие издатели стараются подражать Н.И. Новикову, но чаще всего неудачно, ни один журнал не достиг идейно-художественного уровня «Детского чтения для сердца и разума».

Распространенным был издаваемый в течение многих лет журналы «**Для юношества**», позже переименованный в «**Друг юношества и всяких лет**» (1807—1815) М.И. Невзорова. **Первые два года М.И. Невзоров** следовал принципам и идеям журнала Н.И. Новикова: заботился о доступности и разнообразии содержания, помещая **рассказы**

о жизни великих людей, природоведческие очерки. Позднее в журнале стали преобладать религиозные идеи.

Наиболее прогрессивным был журнал «Новая детская библиотека» (1847—1849), в котором помещались в основном научно-популярные произведения. Он издавался для детей среднего и старшего возраста. Издателем журнала был Петр Григорьевич Редкин, профессор сначала Московского, а позже Петербургского университета. В журнале помещались интересные научно-познавательные статьи («О машинах», «О луне», «Атлантический океан»). На его страницах было опубликовано переложение Несторовой летописи, сделанное историком С.М. Соловьевым и названное «Повести временных лет». В «Новой библиотеке для воспитания» были помещены первые переводы сказок Х.К. Андерсена («Соловей», «Гадкий утенок»).

Журнал для детского и юношеского возраста «Подснежник» выходил в 1858-1862 гг., выпускал его критик В.Н. Майков. Подснежник широко печатал современных русских авторов реалистического направления, публиковал много переводных произведений – Шекспира, Андерсена, Гофмана, братьев Гримм.

В начале XIX века сложился круг профессиональных детских писателей: С. Глинка, А. Ишимов, А. Зонтаг, В. Бурьянов, П. Фурман, Б.Федоров и др.

Несмотря на то что Белинский о некоторых из них отзывался весьма резко, нельзя не признать благородства их усилий и их литературной одаренности.

Творчество этих писателей еще недавно принято было называть «охранительным», «реакционным» и даже «низкопробным», насаждавшим в среде маленьких читателей «слезливость» и «жалостливость». Между тем они внесли ценный вклад не только в популяризацию знаний (в основном в области истории, природоведения, географии), но и в нравственное воспитание, в пробуждение «чувств добрых». Детские писатели изображали положительного героя трудолюбивым, самоотверженным, с твердой верой; герои-злодеи у них попирают веру и установленные законы, живут несправедливо, обманом. Ребенок получал от этих писателей четкие и ясные жизненные ориентиры.

При активном участии этих писателей в детскую литературу вошли новые жанры. С. Глинка сделал устойчивым жанром «рассказ из истории»; В. Бурьянов ввел такую форму повествования, как «прогулки с детьми»; развитие научно-художественного повествования связано с именем А. Ишимовой.

Многие детские писатели сами издавали журналы для детей.

Сергей Николаевич Глинка (1776—1847) — участник Отечественной войны 1812 года, поэт, прозаик, драматург, публицист — издавал в 1819—1824 годах журнал «Новое детское чтение». На страницах этого журнала рассказывалось о русском патриархальном быте и народных обычаях, изображались идеальные отношения помещика и крепостного — в качестве наставления для юных дворян. В нем он помещал пересказы «Сравнительных жизнеописаний» Плутарха, «Робинзона Крузо» Д. Дефо, «Телемака» Фенелона и др.

Для детей Глинка написал «Русскую историю» в десяти томах, «Русские исторические и нравоучительные повести», религиозно-нравственную повесть «Образец любви» и другие произведения подобного рода. Язык их в наше время воспринимается как довольно тяжелый, особенно для маленького читателя, но в свое время он таковым не казался. Сам автор не раз заявлял, что лучшее средство воспитания гражданина — простая и ясная родная речь.

Виктор Бурьянов (это литературный псевдоним Владимира Бурнашева, 1812—1888) также был приверженцем патриархальной старины. Из всех профессиональных детских писателей того периода он, пожалуй, более всего заслуживает упрека в

низкопробности, ремесленничестве, навязчивом морализаторстве. В то же время многочисленные произведения в жанре «прогулок» делают его едва ли не самым плодовитым популяризатором первой половины XIX века.

Белинский дал этому писателю убийственную характеристику: «Бедные дети! ... Бурьянов еще убивает в вас и всякую возможность говорить и писать по-человечески на своем родном языке»»

Столь же низкого мнения был великий критик и о **Петре Романовиче Фурмане** (1809—1856). Детям, говорил он, лучше совсем не знать грамоты, чем читать его книги. Тем не менее произведения этого писателя пользовались у маленьких читателей успехом. Их привлекала, в частности, тематика — родная история — и герои — подлинные исторические деятели. Повести Фурмана «Сын рыбака М. В. Ломоносов» (1847), «А. Д. Меншиков» (1847), «Г. А. Потемкин» (1845), «А. В. Суворов-Рымникский» (1848), «Ближний боярин А. С. Матвеев» (1848), «Саардамский плотник» (1849) и др. отличались умело построенным сюжетом и эффектно поданными ключевыми сценами и держали детей в напряжении, хотя язык этих произведений и психологическая разработка сюжетов не выдерживали критики.

Борис Михайлович Федоров (1794—1875) - его деятельность на ниве детской периодики оставила добрую память. Журнал «**Новая детская библиотека**», который Федоров издавал в 1827—1829 и 1831 годах, дает представление о литературе для маленьких читателей пушкинского времени, о ее жанрах, темах и сюжетах, мотивах и образах. Содержание журнала было весьма разнообразно: рассказы об античных героях и выдающихся людях более поздних эпох, очерки о природе, о растениях и животных, повести и заметки на религиозные темы. Федоров стремился воспитать в подрастающем человеке религиозную веру, милосердие, любовь к ближнему, внимание к культуре поведения, быта. Журнал Федорова, а также изящные малоформатные книги снабжены иллюстрациями. Он одним из первых оценил значение книжной картинки для ребенка.

Федоров составил для детей альманах «Детский Цветник» (1827), сборники «Детские стихотворения» (1829), «Детский театр» (1830—1831), «Детский павильон» (1836), «Новый храм счастья» (1836) и др., где учитывались вкусы детей разного возраста. А предназначены они были для «семейного чтения», т.е. для чтения детей вместе со взрослыми.

Содержание альманахов разнообразно: здесь присутствуют смешное и серьезное, нравоучительные беседы и басни, небольшие пьесы и загадки, игры. В своих книгах Федоров первым обратился к пересказам отдельных эпизодов из «Истории Государства Российского» Н. М. Карамзина.

Морализаторские рассказы, помещенные в эти книги, отличались открытой дидактичностью: учили детей быть терпеливыми, осмотрительными, разумными в выборе друзей, уметь отличать злых людей от добрых и т. п. Большое место Федоров отводил религиозным писателям, а также переводам зарубежных авторов-моралистов.

Александра Осиповна Ишимова (1805—1881) сыграла особую роль в развитии литературы для детей первой половины XIX века. Ее замысел кратко, понятно и занимательно пересказать детям многотомную карамзинскую «Историю...» был грандиозен. «*История России в рассказах для детей*» Ишимовой состояла из шести частей и открывалась обращением к маленьким читателям: «Милые дети! Вы любите слушать чудные рассказы о храбрых героях и прекрасных царевнах, вас веселят сказки о добрых и злых волшебницах. Но, верно, для вас еще приятнее будет слушать не сказку, а быль т.е. сущую правду? Послушайте же, я расскажу вам о делах ваших предков». Это произведение — одна из самых значительных попыток рассказать детям об истории род-

ной страны.

Ишимова шла, можно сказать, непроторенными путями, особенно в области языка: она старалась приблизить слог своих произведений к разговорной речи, писала живо, образно, ярко и просто. Формы, в которые она облекала свои повествования, весьма разнообразны: беседа с читателем («История России...»), беседа детей с матерью («Маменькины уроки»), переписка детей («Рассказы старушки»), «Дорожный журнал», позволяющий свободно рассказывать о том, что видит путешественник (картины природы, шедевры архитектуры), с чем он знакомится (обычай и нравы народов, например, как в ее «Каникулах 1844 года»).

Ишимова основала два журнала: «Звездочка» (1842—1863) и «Лучи» (1850—1860). Первый из них предназначался девочкам младшего возраста, второй — более старшим, воспитанницам институтов благородных девиц. Основной тон журналов был сентиментальным, характерным для обучения девочек в то время (религия, благоговение перед царем, семья). Оба журнала резко критиковались Белинским и его последователями — революционерами-демократами.

Однако многие из педагогических утверждений детской писательницы А. О. Ишимовой не устарели и сегодня. Среди них такое, например (давнее название ее рассказу): «Надобно любить труд».

7. II ПОЛОВИНА XIX ВЕКА. ХАРАКТЕРИСТИКА ПЕРИОДА.

Литература: [1], [3], [7].

7.1. Ушинский К.Д. Деятельность как писателя. Его книга "Детский мир", "Родное слово". Принципы, положенные в основу учебных книг. Сущность и значение. Многообразие тематики произведений Ушинского. Народность языка. Рассказы о детях. Педагогическая направленность. Рассказы о животных для самых маленьких. Особенности, познавательной характер. Рассказы познавательного характера. Сочетание богатства познавательного материала с простотой и доступностью изложения.

Детскую литературу, чтение в школьные годы Ушинский рассматривал как способ постижения народной культуры, богатств родного языка. Практическое воплощение идеи педагога получили в созданных им книгах для чтения "Детский мир" и "Родное слово". Они интересны, во-первых, тем, что дают представление о круге детского чтения того времени и, во-вторых, знакомят с творчеством Ушинского как самобытного детского писателя, многие произведения которого составляют классику детского чтения.

"Детский мир". Книга "Детский мир" (1861) была создана как **учебное пособие для чтения на уроках русского языка в младших классах средних учебных заведений, для детей примерно 10—12 лет.** Пособие состояло из двух частей, к каждой была приложена хрестоматия художественных текстов. В целом в "Детский мир" вошло 316 материалов, из которых 194 написал сам Ушинский.

Отдавая приоритет содержательности книги для детского чтения, Ушинский пишет, что она должна быть "по возможности занимательной". Язык ее должен быть простым, исключая "формальные украшения", а также подделку под детский способ выражения.

Тематика книги обширна и разнообразна. Первый раздел — рассказы о временах года, о человеке, строении его тела и его способностях (дар слова, ум, воля, вера). Далее следует знакомство с миром животных, растений, неорганической природой, строением Земли, географическими открытиями, городами и странами. В каждой части есть раздел, посвященный истории России.

Основной жанр "Детского мира" — небольшие научно-популярные статьи, написанные "деловым слогом", то есть стилем научной прозы. Они принадлежат в основном Ушинскому. "Деловым" — не значит сухим и скучным.

Оригинален был замысел Ушинского — **соединить в учебной книге познавательный и художественный материал,** дать два рода чтения: логическое и художественное, эстетическое (Ушинский называл его "плавным и изящным"). Материал для него представлен в хрестоматии. Хрестоматийная часть содержала **более ста произведений художественной литературы:** стихотворений, рассказов, басен, сказок. Среди авторов: Жуковский, Крылов (его басен особенно много), Пушкин, Лермонтов, Кольцов, Некрасов, Мей, Тургенев, Гончаров. Здесь же представлены рассказы, сказки и басни самого Ушинского, народные былины в его обработке.

По мысли педагога, художественные произведения, прочитанные параллельно с научно-познавательными, должны не просто оживить, дополнить знания, но — **создать новое качество восприятия, развивать в единстве и мысль, и чувство, и дар слова.** После чтения статьи "Яблоня" предполагалось познакомить детей с басней "Листья и

корни”, при чтении статей о временах года — обратиться к стихам Пушкина, Кольцова. Некоторые критики в связи с этим упрекали Ушинского в утилитарном подходе к поэзии. Но он в предисловии к “Детскому миру” писал, что полагается на чутье педагога, его слово, обдуманно связующее разные тексты.

Обращение к произведениям знаменитых поэтов, прозаиков, драматургов было вполне оправданным в связи с **историческими темами**. **Художественный интерес в этом случае способствовал пробуждению интереса исторического**, тем более что Ушинский стремился представить детям историю “в лицах”. Рассказ о князе Олеге дополняет пушкинская “Песнь о вещем Олеге”, рассказ о древнерусских летописцах оживляется монологом Пимена из “Бориса Годунова”. В связи с важнейшими историческими событиями Ушинский знакомит читателей со “Словом о полку Игореве”, “Полтавой” Пушкина, стихотворением Лермонтова “Бородино”, прозой А.К.Толстого.

К помощи **художественного слова** Ушинский часто прибегает и для того, чтобы **ярче, красочнее рассказать о городах и землях российских**. Стихотворения А. Хомякова, Ф. Глинки, К.Батюшкова, А.Пушкина поэтизируют облик России. Выразительны рассказы и очерки географической, страноведческой тематики, принадлежащие перу Ушинского. Самые известные из них — “Поездка из столицы в деревню” и “Путешествие по Волге”. Описание путешествия дает автору прекрасную возможность познакомить читателей с ⁵⁵крайними просторами России, ее городами, селами, с жизнью народа, историей. Читателям младшего возраста особенно интересен первый рассказ, где дорога увидена глазами любознательных детей — мальчика Володи и девочки Лизы. Очерк “Путешествие по Волге” органично включает народные песни, легенды, предания.

На страницах “Детского мира” возникает **образ Родины**, объединяющей все части этой замечательной книги. Читая статьи о природе, животном мире своего края, размышляя о прошлом, восхищаясь красотой былинного слога, песенных напевов, дети проникаются живым, трепетным чувством к своей Родине, учатся ценить и понимать ее материальную и духовную культуру.

Вторая знаменитая книга Ушинского — **“Родное слово”** (1864) — имела сходные с “Детским миром” принципы отбора материала для чтения. Она состояла из азбуки и первой после азбучного периода книги для чтения, “Руководства для учащихся” (педагогов, родителей) и была предназначена для 1 и 2 года обучения в школе, а также в семье.

“Родное слово”, как и “Детский мир”, имеет **тенденцию к энциклопедичности**, затрагивает широкий круг представлений и понятий, стремясь охватить **все, что интересовало ребенка того времени** (семья, школа, обряды, обычаи, праздники, домашние животные, растения, трудовая деятельность). Здесь та же авторская установка — дать детям систему реальных знаний.

Поскольку читатель “Родного слова” младше, чем читатель предыдущей книги, здесь налицо **более четкое следование принципу постепенности и последовательности**. Большую роль играет **наглядность — рисунки к текстам**. Вначале дети читают о близких и хорошо знакомых предметах и явлениях: “Классная доска”, “Трифельная доска”, “Наш класс”, “Хлеб”, “Вода”, “Одежда”, “Посуда” и так далее. Затем понятия усложняются, расширяются границы “детского мира”, но сам этот мир остается близким и понятным детскому уму (“Какие бывают растения”, “Как человек ездит по земле”, “Как летают по воздуху”, “Село и деревня”, “Город”, “Ярмарка”). Композиционно материал объединен определенной темой: зима, весна, лето, осень, домашние животные и т. д.

“Дитя мыслит образами”, — писал Ушинский. Он стремился к тому, чтобы у маленького читателя **первоначально запечатлелся фольклорный, художественный образ предмета, явления**. К примеру, в теме “Животные травоядные и плотоядные” вместо подробных объяснений Ушинский дает сказку “Старик и волк”, сценку “Лиса и кролик”, пословицы и поговорки, в том числе и такую ироничную “Не торопись, коза, в лес: все волки твои будут”.

Поэтические произведения в “Родном слове” **подобраны с учетом возраста начинающих читателей**: небольшие отрывки из стихотворений Пушкина, из поэмы Некрасова “Крестьянские дети”, стихотворения Майкова, Фета, Плещеева. Специально для “Родного слова” написал несколько стихотворений известный педагог и сподвижник Ушинского Л.Н.Модзалевский, в том числе популярное “Приглашение в школу”:

Дети! В школу собирайтесь, —
Петушок пропел давно!
Попроворней одевайтесь, —
Смотрит солнышко в окно!..

В народно-поэтическом творчестве Ушинского особенно привлекали **пословицы**. Все они, по его словам, **“короче птичьего носа”, но в каждой, как в зеркале, отразилась русская жизнь**. Каждая тема в “Родном слове” иллюстрировалась двумя-тремя пословицами, поговорками. Пословичные заглавия он дает басням, сказкам, поэтическим отрывкам. По мотивам пословиц Ушинский пишет свои рассказы-миниатюры (“Тише едешь, дальше будешь”, “Неладно скроен, да крепко сшит”, “Некрасиво, да спасибо”, “Горшок котлу не товарищ”) и даже очерк о работе кузнеца называет “Куй железо, пока горячо”.

Великий педагог высоко **ценил эстетический, нравственный потенциал народной сказки**, не раз подчеркивал, что ставит народную сказку **значительно выше всех рассказов**, написанных специально для детей: “Это первые и блестящие попытки русской народной педагогики, и я не думаю, чтобы кто-нибудь был в состоянии состязаться в этом случае с педагогическим гением народа”. “Родное слово” включает **все виды русских народных сказок**: кумулятивные (“Колобок”, “Репка”, “Мена”), сказки про животных, волшебные, бытовые. Большинство из них **пересказаны, обработаны самим Ушинским**. Они сохраняют смысл, идею, дух народной сказки, отличаются динамичным сюжетом, простотой и ясностью языка.

Тяготеют к **народно-поэтическому творчеству и авторские рассказы Ушинского** о животных: “Бишка”, “Васька”, “Уточка”, “Петушок с семьей”. Они написаны **ритмизованным слогом**, украшены **прибаутками, поговорками, присловьями**, с характерными **повто⁵⁶ри, уменьшительными и увеличительными суффиксами**. “Котичек-коток — серенький лобок. Ласков Вася, да хитер, лапки бархатные, ноготок остер”. Так начинается рассказ “Васька”. В этих рассказах животные разговаривают, спорят друг с другом, общаются с ребенком. Они — друзья человека: “Некрасива коровка, да молочко дает”.

Сказки, басни, рассказы, прозаические миниатюры, статьи и очерки — “педагогическая проза” Ушинского разнообразна. “**Дети в роще**”, “**Четыре желания**”, “**Чужое яичко**”, “**Сумка почтальона**”, “**Слепая лошадь**” — эти и многие другие произведения стали **классикой детского чтения**. Рассказы Ушинского отличает отчетливо выраженная познавательная и воспитательная направленность.

Рассказы Ушинского **сюжетны**. В них часто **присутствует герой-ребенок**. Это обостряет интерес читателя-сверстника к содержанию произведения. Рассказ “Как рубашка в поле выросла” построен как развернутая метафора. Любознательная Таня

пытается понять загадочные слова отца: “А вот сею ленок, дочка: вырастет рубашка тебе и Васютке”. Девочка наблюдает, как лен всходит, цветет голубыми цветочками, потом его убирают, отбеливают... И вот, наконец, новые, белые, как снег, рубашечки. Ребенок узнает, как много труда, терпения, поэзии вложено в каждую вещь, сделанную руками человека.

Стиль произведений Ушинского меняется в зависимости от литературно-педагогической задачи. В маленьком рассказе-притче “Хромой и слепой” он предельно лаконичен. “Приходилось слепому и хромому переходить быстрый ручей. Слепой взял хромого за плечи — и оба перешли благополучно”. В развернутом сюжетном рассказе, очерке автор не отказывается от колоритных пейзажных зарисовок, выразительных деталей.

Одну из своих задач Ушинский видел в том, чтобы **подготовить своих читателей к восприятию разнообразия и богатства отечественной литературы.**

7.2. Некрасов Н.А. Произведения о детях в творчестве Некрасова. Картины русской природы. Лиризм, юмор. "Дедушка Мазай и зайцы". Начало реалистического изображения крестьянства в детской литературе. Картины русской природы. Лиризм. Юмор.

Творчество Николая Алексеевича Некрасова в области поэзии для детей — **новый этап в ее развитии.** Произведениям Некрасова, адресованным детям, **свойственны те же идеи, мотивы и образы, что и всей поэзии истинно народного поэта.**

Главная отличительная особенность поэзии Некрасова — **демократизм.** Подлинный демократизм **выразился в обращении поэта к новым читателям из народа и в приверженности к новым героям — крестьянским детям.** В большей части адресованных юным читателям произведений Некрасова воссозданы образы ребят из крестьянской среды. Тема детства неотделима у Некрасова от темы России и русского народа. Крестьянские дети для Некрасова - это будущее России:

Не бездарна та природа.
Не погиб еще тот край.
Что выводит из народа
Столько славных то и знай,
Столько добрых, благородных,
Сильных любящей душой
Посреди тупых, холодных
И напыщенных собой!

Публикуя в “Современнике” **“Железную дорогу”** (1864), **одно из самых значительных своих произведений о народе,** Некрасов в подзаголовке указывает: “(Посвящается детям)”. “Умному Ване” адресует поэт рассказ о тяжести и подвиге народного труда и призывает с надеждой:

Эту привычку к труду благородную
Нам бы не худо с тобой перенять.
Благослови же работу народную
И научись мужика уважать.

Тема детства проходит через все творчество Некрасова. Мир детства привлекает поэта и тем, что оно в его понимании — идеальная пора человеческой жизни. Отношением к ребенку, к детству измеряет поэт значимость личности, состоятельность взрослого героя (“Саша”, “Крестьянские дети”, “Мороз, Красный нос”, “Железная дорога”, “Кому на Руси жить хорошо”, “Дедушка”).

Непосредственно детям адресовано два цикла “Стихотворений, посвященных русским детям”: в 1868 году опубликованы в “Отечественных записках”: “Дядюшка Яков”, “Пчелы”, “Генерал Топтыгин”, в 1870—1873 годы вышли “Дедушка Мазай и зайцы”, “Соловьи” и “Накануне Светлого праздника”.

Одно из самых известных и любимых детьми некрасовских стихотворений — **“Дедушка Мазай и зайцы” (1870).** В нем поэтично показывается **многообразие жизни природы, активная включенность в нее человека.** У современного читателя это произведение вызывает множество ассоциаций, рождает мысли **о гуманном отношении ко всему живому, об ответственности человека за происходящее рядом, о доброте и сердечности.**

Стихотворение сюжетно выстроено в духе охотничьих рассказов: сначала автор представляет читателю главного героя — своего спутника Мазая, а затем идет сам рассказ старого охотника. Мазай, каким его характеризует автор, — фигура колоритная:

Любит до страсти свой низменный край.
Вдов он, бездетен, имеет лишь внука.
(Видимо, внук — приемыш этого доброго старика.)
Вся его жизнь — в лесу, на охоте:
За сорок верст в Кострому напрямиком
Сбегать лесами ему нипочем.

В лесу он не только охотится, собирает грибы, бруснику, малину; поэтичного старика радует нежная песенка пеночки, уханье удода, красота и изящество сыча (“рожки точены, рисованы очи”).

Еще **большей симпатией** проникается читатель к дедушке Мазая, услышав его историю. **История спасения бедных зайчишек в половодье удивительна и трогательна.** Попавшие в беду зайцы кажутся Мазая беззащитной **меньшой братией, не помочь которой он не может.** И он вытаскивает их из воды, подбирая с уцелевших островков, пеньков, кочек, цепляет багром бревно с десятком “косых”. Самых слабых и больных он даже берет домой, где они “высохли, выпались, плотно наелись”. Добрый старик разговаривает со спасенными зверьками, подбадривая их: “Не спорьте со мною! Слушайте, зайчики, деда Мазая!” Речь его то шутивая, то грубовато-ласковая, а на прощание он напутствует убегающих зайцев:

Смотри, косою,
Теперь спасайся,
А чур — зимой
Не попадайся!
Прицельсь — бух!
И ляжешь... Уу-х!..

Мысль об ответственности человека за беззащитные, слабые существа, живущие рядом, звучит и в стихотворении-притче “Пчелы” (1867). В половодье разлившаяся не в меру вода затруднила пчелам возвращение в улей. “Тонут работницы, тонут сердечные!” Загоревавшим крестьянам случайный прохожий подсказал, как помочь труженицам-пчелам:

“Вы бы им до суши вежи поставили”.

Пчелки быстро оценили “сноровку мудреную:

“Так и валят, и валят отдыхать!”

Пришел срок — пчелы отплатили людям за добро. Медом с караваем угощает крестьянин сынишку и велит благодарить прохожего за добрый совет.

Стихотворения Некрасова для детей **дидактичны, наставительны**. Это осознанный художественный прием, связанный и с опытом народной педагогики, и с общественно-эстетической позицией поэта.

Совсем в ином духе написано стихотворение “Генерал Топтыгин” (1867), в основу которого положен **забавный анекдотический рассказ о происшествии с медведем**. Этот бродячий артист, испугав ямщицких лошадей, мчится по дороге, пугая и веселя честной народ:

58

Быстро, бешено неслась
Тройка — и не диво:
На ухабе всякий раз
Зверь рычал ретиво;
Только стон кругом стоял:
“Очищай дорогу!
Сам Топтыгин-генерал,
Едет на берлогу!”

Стихотворение вызывает интерес детей **живостью и занимательностью рассказа, сочностью, колоритом народной речи**.

“**Крестьянские дети**” (1861). Это небольшое поэтическое произведение — лучшее из написанного Некрасовым о детях, **настоящий гимн деревенскому детству**. По жанру “Крестьянские дети” — маленькая лиро-эпическая поэма, предмет которой — чувства автора, его воспоминания о своем детстве. Оно представляет собой наплыв, цепь сменяющих друг друга картин, сцен, эпизодов деревенской детской жизни, соединенных задушевными размышлениями лирического героя.

Сюжетно стихотворение обрамлено рассказом поэта о жизни в деревне, охоте и неожиданной встрече с крестьянскими ребятишками. Фоном служит **чудная природа как воплощение земной гармонии**:

...в широкие щели сарая
Глядятся веселого солнца лучи.
Воркует голубка; над крышей летая,
Кричат молодые грачи.

Картины и **летней и зимней природы** возникают еще не раз, **органично вплетаясь в повествование**. На фоне солнечного радостного пейзажа возникает

... шепот какой-то... а вот вереница
Вдоль щели внимательных глаз!
Все серые, карие, синие глазки —
Смешались, как в поле цветы.

Только глаза да детские голоса — так изображает Некрасов своих героев, а читатель может **представить, почувствовать индивидуальность, характер почти всех персонажей**: один наблюдателен, другой недоверчив, третий, Гриша, осторожен, четвертый смел (“Постоим еще, Гриша”)... Дети с любопытством рассматривают барина,

комментируют его экипировку, поведение:

И видно, не барин: как ехал с болота,
Так рядом с Гаврилой...

Центральная часть — **воспоминания лирического героя о своем детстве**, проведенном среди деревенских приятелей, в грибных набегах, играх, в общении с людьми “рабочего звания”, что сновали без числа по большой дороге. Некрасов с **восхищением, нежностью, откровенным любованием рисует образы крестьянских детишек**: девочку, что ловит лукошком лошадку, резвого постреленка Ванюшу, обстоятельного Власа.

Характеризуя тот фрагмент поэмы, который часто публикуют под заглавием “**Мужичок с ноготок**”, К.И.Чуковский писал: “Здесь каждая строчка (буквально каждая!) проникнута той **благодушной улыбкой**, которая, как бывает только у очень суровых людей, так неотразима и так заразительна, что миллионы читателей — **поколение за поколением** — сто лет **улыбаются снова и снова, встречая этот прелестный рассказ про шестилетнего деревенского труженика**”. К.И.Чуковский обращает внимание на то, что маленький мальчишка идет **несвойственной ребенку походкой**: он не бредет, не шагает, а “**шествует важно, в спокойствии чинном**”. Чувство **собственного достоинства** придает ему осознание себя серьезным работником, помощником отца:

Семья-то большая, да два человека
Всего мужиков-то: отец мой да я...

Чистота детской души, поэзия крестьянского труда, жизнь природы, слитая с детской жизнью, — все это удивительным образом удалось выразить и передать Некрасову в своем маленьком шедевре — поэме “**Крестьянские дети**”. “Обаянием поэзии детства” согрето все творчество Некрасова, обращенное к юным читателям.

59

7.3. Л.Н. Толстой роль Толстого в развитии детской литературы и детского чтения. "Азбука". Идейные и художественные особенности. Произведения для детей - маленькие рассказы Толстого. Единство педагогического и литературного воплощения. Рассказы о детях. Реализм. Рассказы о животных. Гуманизм рассказов. Рассказы-басни. Глубина и ясность педагогических идей.

Л.Н. Толстой - гениальный писатель, философ, публицист, педагог, “Толстой — это целый мир”, по словам Горького. Для нас Лев Толстой еще — слава и гордость отечественной литературы для детей.

Л.Н.Толстой (1828—1910) — крупнейший мыслитель, писатель-реалист. Значение его творчества для русской и мировой культуры огромно.

Педагогические взгляды Толстого не отличались строгой последовательностью; в них были те же противоречия, которые характерны для его мировоззрения. Отрицая теоретически нужность широкой воспитательной программы для народа, он в то же время самозабвенно осуществлял ее в Яснополянской школе. Л. Толстой стремился определить, какие книги любит и читает народ. Все симпатии писателя принадлежат народу, он изучает запросы читателей-крестьян, намечает пути создания литературы для народного и детского чтения.

В детское чтение перешли первые же произведения Толстого. «**Детство**», «**Отрочество**» и «**Севастопольские рассказы**»

Работа Л.Толстого над «Азбукой» и «Новой азбукой». Толстой начал работать над «Азбукой» в 1859 г. Он переработал для нее многие рассказы, напечатанные в приложении к журналу «Ясная Поляна», и рассказы учеников народной школы в Ясной Поляне. Жанр короткого рассказа характерен для «Азбуки», так как Толстой учитывал специфику детского восприятия.

Первоначально, в первом издании, «Азбука» представляла собой **единый комплекс учебных книг**. Она состояла из **собственно азбуки**, то есть букваря, и **четырёх частей**, в каждую из которых входили **рассказы для русского чтения, тексты для славянского чтения и материалы по арифметике**.

В «Азбуке» отразился многолетний опыт работы Толстого в Яснополянской школе и напряженный творческий труд писателя. Л.Н. Толстой в период работы над «Азбукой» изучал арабскую, древнегреческую и индийскую литературу, отбирая лучшие произведения, которые можно было использовать для пересказа детям. Он вводил в «Азбуку» самый разнообразный материал из устного народного творчества: лучшие из сказок, басен, былин, пословиц, поговорок. Не были оставлены писателем без внимания и современные ему учебные книги.

Л.Н. Толстой выступал в своих произведениях для детей как защитник общенародной литературы, адресованной прежде всего крестьянским детям. В его творчестве и взглядах на детскую литературу ощущается некоторое влияние революционной демократии. Сказались, конечно, в некоторых рассказах «Азбуки» и другие особенности его мировоззрения. Идея непротivления злу насилieм отразилась, например, в рассказе «Бог правду видит, да не скоро скажет».

«Азбука» Л. Толстого настолько отличалась от всех учебных книг манерой изложения, что сразу же вызвала споры. Некоторые педагоги отнеслись к ней враждебно и упрекали Толстого за простоту и образность языка. Другие колебались в оценках и молча ожидали мнения большинства. Третьи одобрили, сразу почувствовав новаторскую талантливость «Азбуки». Решающим в судьбе этой «Азбуки» оказалось реакционное отношение министерства народного просвещения — «Азбука» не была рекомендована для школ. Писатель был крайне огорчен тем, что «Азбуку» не поняли, но не упал духом и взялся за переработку книги.

В 1875 г. появляется второе издание «Азбуки» под названием «**Новая азбука**». Несколько позже были изданы четыре тома «**Русских книг для чтения**». В «Новой азбуке» Толстой сюжетно обрабатывает народные пословицы, оформляя их как рассказы-миниатюры или басни. Например, на основе поговорки «Собака на сене лежит, сама не ест и другим не дает» написана басня «Бык, собака и сено».

Для «Новой азбуки» и «Русских книг для чтения» Толстого характерно **многообразие жанров**: рассказы, очерки, басни, сказки. В период переработки «Азбуки» было написано более 100 новых сказок и рассказов, например: «Три медведя», «Косточка», «Котенок», «Ноша», «Филипок», «Еж и заяц». Новое издание было одобрено критикой и **рекомендовано для народных школ как учебник и книга для чтения**. Последующие издания «Новой азбуки» печатались совместно с «Русскими книгами для чтения» под общим названием «Русская книга для чтения».

Художественное совершенство, в⁶⁰зительность, простота и естественность языка, универсальная содержательность и доступность детскому восприятию — отличительные особенности произведений Толстого, вошедших в «Азбуку», «Книги для чтения». В них представлены произведения почти всех жанров литературы: повесть, рассказ, басня, сказка, научно-познавательная статья и рассказ.

«Новая азбука» решала важные педагогические задачи: она обучала родному

языку, развивала художественный вкус, знакомила с бытом людей, жизнью природы; помогала нравственному воспитанию. В “Азбуке” нет случайных, безликих текстов, каждый даже подсобный материал для упражнения в слоговом чтении — произведение словесного искусства.

Рассказы-миниатюры. Композиция «Новой азбуки» учитывает возрастные особенности детей. Даются сначала небольшие рассказы, всего в несколько строк. Предложения в них простые, без усложняющих восприятие обособлений и придаточных предложений, например: «Спала кошка на крыше, сжала лапки. Села подле кошки птичка. Не сиди близко, птичка, кошки хитры». (Произведения чередуются, чтобы не утомлять ребенка). В рассказах для самого первого чтения, состоящих из одного предложения, даются полезные сведения познавательного характера или советы, как себя вести: «Небо выше, море ниже», «Суши сено на доме», «Люби Ваня Машу».

Постепенно содержание произведений расширяется; попеременно даются то научно-познавательный рассказ, то басня, то сказки, то быль.

Учебные книги Толстого отличаются хорошо подобранным материалом для чтения. Дети сразу же приобщаются к **богатствам устного народного творчества**. Пословицы, поговорки, сказки, былины составляют значительную часть учебных книг Толстого.

Особенно много **пословиц**. Толстой их отбирал из сборников Даля, Снегирева, шлифовал, сочинял сам — по образцу народных: “Капля мала, а по капле море”, “Наши пряли, а ваши спали”, “Люби взять, люби и дать”, “Ворон за море летал, а умней не стал”, «Сказанное слово серебряное, а не сказанное золотое».

Пословицы, поговорки, загадки в “Азбуке” чередуются с **короткими зарисовками, микросценками, маленькими рассказами из народной жизни** (“Пошла Катя по грибы”, “У Вари был чиж”, “Нашли дети ежа”, “Несла Жучка кость”). В них все близко крестьянскому ребенку.

В традициях народной педагогики и христианской морали Толстой проводит мысль: люби труд, уважай старших, твори добро. Иные **бытовые зарисовки** выполнены так мастерски, что обретают высокий обобщенный смысл, **приближаются к притче**. Вот, например: “У бабки была внучка; прежде внучка была мала и все спала, а бабка пекла хлеба, мела избу, мыла, шила, пряла и ткала на внучку; а после бабка стала стара и легла на печку и все спала. И внучка пекла, мыла, шила, ткала и пряла на бабу”. Несколько строк простых двусложных слов. Вторая часть — почти зеркальное отражение первой. А какая глубина? Мудрое течение жизни, ответственность поколений, передача традиций... Все заключено в двух предложениях. Здесь каждое слово будто взвешено, особым образом акцентировано.

Классическими стали притчи о старике, сажавшем яблони, “Старый дед и внучек”, “Отец и сыновья”.

Басни. Педагогическим и художественным воззрениям Л.Н.Толстого соответствовал жанр басни, классический в детском чтении. Лев Толстой создает свои басни, обратившись к первоисточникам: басням Эзопа, индийским басням Бидпая. Писатель не просто переводит классические тексты, он их перевоссоздает. Они воспринимаются как оригинальные произведения, потому что максимально приближены к детскому восприятию. Таковы наиболее известные из них: “Лев и мышь”, “Муравей и голубка”, “Обезьяна и горох”, “Лгун”, “Два товарища”(«Дуб и орешник», «Наседка и цыплята», «Осел и лошадь» и др.

Для басен Толстого характерен **динамичный сюжет** (цепь динамичных художественных картин), они изложены лаконично и просто. Многие из них построены в

форме диалога (“Белка и волк”, “Волк и собака”, “Ученый сын”). Мораль вытекает из действия, как итог поступка. Так, в басне «Осел и лошадь» нежелание лошади помочь ослу оборачивается против нее же. Осел не выдержал тяжелой ноши и упал мертвым, а лошади пришлось везти и поклажу, и ослиную шкуру: «Не хотела я немножко ему подсобить, теперь вот все тащу, да еще и шкуру».

Басни Л. Толстого воспитывают трудолюбие, честность, смелость, доброту («Муравей и голубка», «Отец и сыновья», «Лгун», «Два товарища», «Старый дед и внучек»). Доброта и самоотверженность голубки, спасшей муравья, вызывают ответное стремление помочь, и когда она попала в сеть, муравей спасает ее: «Муравей подполз к охотнику и укусил его за ногу; охотник охнул и уронил сеть».

В басне «Лгун» **высмеиваются легкомыслие и глупость** мальчика-пастуха, который обманывал мужиков, крича: «Где гите, волк!» Когда же в самом деле пришла беда, крику мальчика не поверили, и все стадо было перерезано волком.

Басни Толстого описывают **реальные условия жизни в крестьянской семье, заставляют задуматься над отношением к старым и беспомощным**. В басне «Старый дед и внучек» маленький Миша дает хороший урок своим родителям, которые оставляли без присмотра и заботы старого деда: «Это я, батюшка, лоханку делаю. Когда вы с матушкой стары будете, чтобы вас из этой лоханки кормить».

Басни Толстого воспитывают **гуманные чувства**, создавая живые, многообразные характеры, показывая сложную и противоречивую жизнь деревни. **Глубокое содержание, художественность изложения, четко выраженная педагогическая направленность** — характерные черты басен Л.Н. Толстого для детей.

Сказки широко представлены в книгах Толстого для детей. Здесь есть сказки и **фольклорные, в авторском пересказе**, например “Липунюшка”, “Как мужик гусей делил”, “Лисица и тетерев”, и **сказки Толстого**, написанные строгим языком, без использования традиционной поэтической обрядности (зачинов, повторов, других сказочных формул). Писатель передает в первую очередь глубину мысли, дух народной сказки.

Читателям младшего школьного возраста интересны сказки Толстого, персонажи которых — дети (“Девочка и разбойники”, “Мальчик с пальчик”). Любимейшая детская сказка — **“Три медведя”**. Она создана на основе французской сказки “Девочка — золотые кудри, или Три медведя”.

Повествование ее предельно приближено к реалистическому рассказу: в ней **нет традиционных для народных сказок зачина и концовки**. События разворачиваются **сразу же, с первых фраз**: «Одна девочка ушла из дома в лес. В лесу она заблудилась и стала искать дорогу домой, да не нашла, а пришла в лесу к домику». С выразительными деталями и запоминающимися повторами изображаются комнаты медведей, обстановка в их домике, сервировка стола. Кажется, будто детскими глазами неторопливо и с любопытством просматриваются все эти бытовые подробности: три чашки — большая чашка, чашка поменьше и синенькая чашечка; три ложки — большая, средняя и маленькая; три стула — большой, средний и маленький с синенькой подушечкой; три кровати — большая, средняя и маленькая.

Действие разворачивается постепенно; маленькие слушатели и читатели могут спокойно насладиться полной свободой действий маленькой героини и вообразить себя сидящими вместе с нею у чашек с похлебкой, качающимися на стульчике, лежащими на кроватях. Сказочная ситуация настолько насыщена действиями и напряженным ожиданием развязки, что не ощущается отсутствия диалога в первых двух частях сказки. Диалог появляется в последней, третьей части и, нарастая, создает кульминацию сказки:

медведи увидели девочку: «Вот она! Держи, держи! Вот она! Ай-я-яй! Держи!» Сразу за кульминацией следует развязка: девочка оказалась находчивой — она не растерялась и выпрыгнула в окно. Писатель создал **реалистический образ русской девочки-крестьянки, храброй, любопытной и шаловливой**. Эта небольшая сказка сродни театральной пьеске. Радостно и празднично воспринимают ее малыши, а чтение вслух, “по ролям” полезно для развития выразительности, гибкости речи.

Излюбленная Толстым разновидность сказок — **сказки, приближающиеся к басне, притче**. Их жанровое разграничение затруднено, и часто в сборниках сказок Толстого публикуются произведения, имеющие подзаголовок “басня”. В сказках этого типа часто действуют традиционные персонажи-животные (“Еж и заяц”, “Ворон и воронята”, “Корова и козел”, “Лисица”).

Особую группу составляют сказки, созданные **по сюжетам восточных фольклорных источников** (“Праведный судья”, “Визирь Абдул”, “Царь и сокол”, “Царь и рубашка” и другие). Наиболее характерна сказка **“Два брата”** о разном отношении к жизни: пассивном следовании обстоятельствам и активном поиске своего счастья. Симпатии автора на стороне героев деятельных, активных, отстаивающих справедливость, каковы персонажи сказок “Равное наследство”, “Два купца”, “Визирь Абдул”.

Оригинальны **познавательные сказки Толстого: “Волга и Вазуза”, “Шат и Дон”, “Судома”**. В них речь не только о географических понятиях — познавательное начало тесно переплетено с нравственным. Вот, например, как решается спор двух рек — Волги и Вазузы, “кто из них умней и лучше проживет”. Попыталась Вазуза обманом обойти сестру, но проиграла. А Волга “ни тихо, ни скоро пошла своей дорогой и догнала Вазузу”, простила сестру и взяла с собой в Хвалынское царство. Эта сказка учит рассуждать и делать правильные выводы.

Сказки Толстого рассчитаны на то, чтобы облегчить **запоминание научного материала**. Этому принципу подчинены многие произведения «Новой азбуки» и «Русских книг для чтения».

В книгах Толстого много **былей, также тяготеющих к фольклору**. В былях “Китайская царица Силинчи”, “Как науч⁶²сь бухарцы разводить шелковичных червей” поведаны занимательные эпизоды, связанные с распространением производства шелка. “Петр I и мужик”, “Как тетушка рассказывала бабушке о том, как ей Емелька Пугачев дал гривенник” — эти были интересны тем, что связаны с историческими событиями или персонажами.

Научно-познавательные рассказы. “Азбука” и “Книги для чтения” содержат обширный научно-познавательный материал, но Толстой не рассматривал их как пособия по географии, истории, физике. Его цель иная — пробудить первоначальный интерес к познанию окружающего мира, развить наблюдательность, пытливость детской мысли.

Разнообразнейшие сведения **о природных явлениях, о человеческой деятельности** почерпнет маленький читатель из рассказов Толстого “Откуда взялся огонь, когда люди не знали огня?”, “Отчего бывает ветер?”, “Отчего в мороз трещат деревья?”, “Куда девается вода из моря”. Вопросы, диалоги оживляют деловые рассказы-рассуждения. В рассказах-описаниях большую роль играет образность, выразительные подробности: “Когда неосторожно сорвешь листок с росинкой, то капелька скатится, как шарик светлый, и не увидишь, как проскользнет мимо стебля. Бывало, сорвешь такую чашечку, потихоньку поднесешь ко рту и выпьешь росинку, и росинка эта вкуснее всякого напитка кажется” (“Какая бывает роса на траве”).

Нет равных Толстому в жанре **рассказа о природе**. Такие рассказы, как “Старый тополь”, “Черемуха”, “Лозина”, открывают ребенку мир природы как источник красоты и мудрости. Сильные чувства вызывает картина гибели черемухи, попавшей под вырубку.

Толстой стоял у истоков отечественной **зообеллетристики**. “Лев и собачка”, “Слон”, “Орел”, “Лебеди”, “Пожарные собаки” более века входят в хрестоматии для детского чтения. Эти рассказы отличает особая сюжетная напряженность, преобладание действия над описанием, убедительность и точность изображаемого. Так построен рассказ “Лев и собачка”. Необыкновенная история передана предельно сдержанно и скупой — автор избегает метафор. Фиксируется только внешнее поведение льва: “Когда он понял, что она умерла, он вдруг вспрыгнул, оцетинился, стал хлестать себя хвостом по бокам, бросился на стену клетки и стал грызть засовы и пол. Целый день он бился, метался по клетке и ревел, потом лег подле мертвой собачки и затих... Потом он обнял своими лапами мертвую собачку и так лежал пять дней. На шестой день лев умер”.

Эти рассказы оказывают наибольшее воспитательное воздействие на маленьких детей. Писатель учит детей дружбе и преданности на примерах из жизни животных.

Много трогательных и драматичных эпизодов включает повествование о Бульке, любимой собаке офицера. Рассказы о взаимоотношениях человека и животных (“Собака Якова”, “Котенок”) сдержанно-эмоциональны, они пробуждают гуманные чувства, вызывают к ответственности человека.

Дети в изображении Л. Толстого. Книги Толстого щедро “заселены” детьми. Николенька Иртеньев и другие герои “Детства”, “Отрочества”, Наташа и Петя Ростовы, Сережа Каренин... Толстой создал галерею детских образов, ярких, живых, запоминающихся, раскрыл “диалектику души” ребенка.

Считая детство важным периодом в жизни, Л. Толстой **много внимания уделяет образам детей, особенно крестьянских**. Он отмечает их впечатлительность, пытливость, любознательность, отзывчивость, трудолюбие. Среди его персонажей малыши, подростки, крестьянские ребята и барские дети. Толстой не акцентирует внимание на социальной разнице, хотя в каждом рассказе дети в своей среде. Крестьянские дети показаны в родной для них среде, на фоне деревенской жизни, крестьянского быта. Более того, деревня, ее жизнь передаются часто так, что мы видим их глазами ребят: «Когда Филипок шел по своей слободе, собаки не трогали его — они его знали. Но когда он вышел к чужим дворам, выскочила Жучка и залаяла, а за Жучкой большая собака Волчок». Основным художественным приемом в изображении крестьянских детей у Л.Н. Толстого часто оказывается прием контраста. Иногда это контрастные детали, связанные с описанием внешности. Чтобы подчеркнуть, насколько мал Филипок, писатель показывает его в огромной отцовской шапке и длинном пальто (рассказ «Филипок»).

Иногда это **контрастность душевных движений и их внешнего проявления**, помогающая раскрыть внутренний мир ребенка, психологически обосновать каждый его поступок.

В рассказе «Косточка» психологически убедительно показаны мучительные колебания маленького Вани, который впервые увидел сливы: он «никогда не ел слив и все нюхал их. И очень они ему нравились. Очень хотелось съесть. Он все ходил мимо них». Сблуждался настолько сильным, что мальчик съел сливу. Отец нехитрым способом узнал правду: «Ваня побледнел и сказал: «Нет, косточку я бросил за окошко». И все засмеялись, а Ваня заплакал». Рассказы Л.Н. Толстого, посвященные детям, метко обличают дурное и ярко показывают каждое доброе движение детской души.

Сюжеты большинства рассказов Толстого о детях **драматичны, описания почти отсутствуют**. В процессе работы над рассказами Толстой усиливает их эмоциональное и воспитательное воздействие на детей. Он добивается краткости, стремительности действия, простоты стиля («Прыжок», «Акула»).

Лучшим своим произведением для детей Толстой считал повесть **“Кавказский пленник”** (1872), которую он поместил в четвертую книгу для чтения. В этой детской повести взята большая, “взрослая” тема Кавказа, войны, сложных человеческих взаимоотношений. Но все же “Кавказский пленник” написан для детей. Все характерные особенности стиля Толстого - детского писателя отчетливо проявились в этой повести: четкость сюжетной линии, активно действующий герой, контрастность персонажей, лаконичный выразительный язык.

Это **реалистическое произведение**, в котором ярко и жизненно описан быт горцев, изображена природа Кавказа. Оно написано доступным для детей языком, близким к сказочному. Повествование ведется от лица рассказчика. Основные события группируются вокруг приключений русского офицера Жилина, который попал в плен к горцам. Сюжет повести **развивается динамично, поступки героя представлены как серия красочных, выразительных картин**. Напряженно и драматично изображается побег Жилина, торопившегося скрыться затемно: «Он спешит, а месяц все скорее выбирается; уж и направо засветились макушки. Стал подходить к лесу, выбрался месяц из-за гор — бело, светло совсем, как днем».

Основной прием повести — **противопоставление**; контрастно показаны пленные Жилин и Костылин. Даже внешность их обрисована контрастно. Жилин и внешне энергичен, подвижен. «На всякое рукоделье мастер был», «Хоть невелик ростом, а удал был», — подчеркивает автор. А в облике Костылина на первый план Л. Толстой выдвигает неприятные черты: «мужчина грузный, пухлый, запотел». Контрастно показаны не только Жилин и Костылин, но и быт, обычаи, люди аула. Жители изображаются так, как видит их Жилин. В облике старика татарина подчеркиваются жестокость, ненависть, злоба: «нос крючком, как у ястреба, а глаза серые, злые и зубов нет — только два клыка».

Вызывает самую теплую симпатию образ девочки-татарки Дины. В Дине подмечены **черты искренности, непосредственности**. Эта трогательная, беззащитная девочка (“ручки тонкие, как прутики, ничего силы нет”) самоотверженно помогает Жилину бежать из плена. “Динушка”, “умница” называет ее Жилин, говорит своей спасительнице: “Век тебя помнить буду”. **Образ Дины** вносит в сдержанную, даже суровую тональность повести теплоту, лиричность, придает ей **гуманистическое звучание**. Отношение Дины к Жилину вселяет надежду в преодоление бессмысленной националистической вражды. «Кавказский пленник» — самое поэтическое и совершенное произведение в «Русских книгах для чтения». В нем воплотилось единство эстетического и педагогического начал.

Л.Н. Толстой внес **значительный вклад в развитие детской литературы**. Произведения для детей тесно связаны со всем творческим наследием великого писателя. Они до сих пор выходят почти на всех языках нашей многонациональной страны. Произведения Л. Толстого введены в учебные книги для начальной и средней школы. Они входят в программу школьного воспитания. Рассказы Толстого для детей выходят в сериях «Мои первые книжки», «Книга за книгой», «Школьная библиотека» и др.

7.4. Русская природа в творчестве поэтов II половины XIX века /стихи

Тютчева, Толстого, Плещеева, Фета, Майкова, Никитина, Сурикова/.

Федор Иванович Тютчев (1803— 1873) сложился как поэт в конце 20—начале 30-х годов. В 1854 году появился первый сборник стихов Тютчева. Такие шедевры из этого сборника, как «Я встретил вас...», «Есть в осени первоначальной...», «Летний вечер», «Тихо в озере струится...», «Как хорошо ты, о море ночное...» и др., вошли в золотой фонд русской лирики, в том числе и в круг детского чтения.

Творчество Тютчева наполнено глубоким философским содержанием. Его возвышенные лирические раздумья всегда тесно связаны с реальной жизнью, выражают ее общий пафос, главные ее коллизии. Человек видится поэту не только во всей широте дарований и стремлений, но и в трагической невозможности их осуществления.

Главное в лирике Тютчева — страстный порыв человеческой души и сознания к освоению бесконечного мира. Юной, развивающейся душе такой порыв особенно созвучен. Близки детям и те стихи, где поэт обращается к образам природы:

Люблю грозу в начале мая,
Когда весе ⁶⁴ и первый гром,
Как бы резвяся и играя,
Грохочет в небе голубом...

От самого ритма такого стихотворения возникает чувство причастности к животворящим силам природы.

Неохотно и несмело
Солнце смотрит на поля.
Чу, за тучей прогремело,
Принахмурилась земля.

Жизнь природы у поэта предстает драматично, порой в яростном столкновении стихийных сил, а порой лишь как угроза бури. Так, в стихотворении «Неохотно и несмело...» конфликт не развернулся, гроза ушла и вновь засияло солнце; в природе наступило успокоение, как наступает оно и в человеке после душевных бурь:

Солнне раз ещё взглянуло
Исподлобья на поля –
И в сиянье потонула
Вся смятенная земля.

Умение передать «душу природы» с удивительной теплотой и вниманием приближает стихи Тютчева к детскому восприятию. Олицетворение природы иногда становится у него сказочным, как, например, в стихотворении «Зима недаром злится...».

В стихотворении «Тихой ночью, поздним летом...» рисуется как будто неподвижная картина июльской ночи в поле — времени роста и созревания хлебов. Но главный смысл в нем несут глагольные слова — они-то и передают подспудное, невидимое, безостановочное действие, происходящее в природе. В опозитизированную картину природы косвенно включен и человек: ведь хлеб на поле — дело его рук. Стихи, таким образом, звучат как лирический гимн природе и труду человека.

Чувство слитности с природой характерно и для такого поэта, как **Афанасий Афанасьевич Фет** (1820— 1892). Многие его стихи — это непревзойденные по красоте картины природы. Лирический герой Фета полон романтических чувств, окрашивающих и пейзажную его лирику. В ней передается то восхищение природой, то светлая грусть, навеянная общением с нею.

Я пришёл к тебе с приветом
Рассказать, что солнце встало,

Что оно горячим светом
По листам затрепетало...

Когда Фет писал это стихотворение, ему было всего 23 года; молодая, горячая сила жизни, столь созвучная весеннему пробуждению природы, нашла свое выражение и в лексике стихотворения, и в его ритмике. Читателю передается владеющее поэтом ликование оттого, «что лес проснулся, / Весь проснулся, веткой каждой...».

Вполне правомерно, что стихи Фета входят в детские хрестоматии и сборники: именно малышам свойственно чувство радостного постижения мира. А в таких его стихотворениях, как «Кот поет, глаза прищуря...», «Мама! глянь-ка из окошка...», присутствуют и сами дети — со своими заботами, своим восприятием окружающего:

Мама! глянь-ка из окошка —
Знать, вчера недаром кошка
Умывала нос:
Грязи нет, весь двор одело.
Посветлело, побелело —
Видно, есть мороз...
Не колючий, светло-синий
По ветвям развешан иней —
Погляди хоть ты!

Радостен мир природы и в стихах **Аполлона Николаевича Майкова** (1821 — 1897). Гармоничность, светлое мироощущение свойственны были эллинистической поэзии. Близость к ней поэт ощущал настолько сильно, что и на русскую природу смотрел, по выражению Белинского, «глазами грека». Майков много путешествовал, и впечатления от заграничных странствий находили отражение в его творчестве.

В детское чтение вошли те стихи Майкова, которые, по выражению Белинского, отмечены благотворной печатью при 65-ти и рисуют «пластические, благоуханные, грациозные образы». Вот маленькое стихотворение Майкова «Летний дождь» (1856):

«Золото, золото падает с неба!» —
Дети кричат и бегут за дождём... —
Полноте, дети, его мы сберём.
Только сберём золотистым зерном
В полных амбарах душистого хлеба!

Идиллический взгляд на мир проявляется и в другом его хрестоматийном стихотворении — «Сенокос» (1856):

Пахнет сеном над лугами...
В песне душу веселя,
Бабы с граблями рядами
Ходят, сено шевеля.

Не нарушает этой благодатной картины даже такая грустная строфа:

В ожиданьи конь убогий,
Точно вкопанный, стоит...
Уши врозь, дугою ноги
И как будто стоя спит...

Все это — повседневная жизнь крестьянская, как бы говорит поэт; она протекает среди гармоничной природы и основана на истинных ценностях и радостях — на труде и награде за этот труд: богатом урожае, заслуженном отдыхе после его сбора, когда амбары наполнены «золотистым зерном».

Символически звучат и строки другого стихотворения — «Ласточка

примчалась...»):

Как февраль ни злился,
Как ты, март, ни хмурься,
Будь хоть снег, хоть дождик —
Всё весною пахнет!

Здесь не просто вера в неизбежность смены времен года, но и выражение своей поэтической программы, основанной на гедонистическом, радостном ощущении бытия. Такое восприятие мира проступает и в «Колыбельной песне», где силы природы — ветер, солнце и орел — призываются, чтобы навеять сладкий сон младенцу.

Майков видел свое место среди тех поэтов, которые провозглашали целью искусства погружение человека в светлый мир радости.

Алексей Николаевич Плещеев (1825—1893), поэт некрасовской школы, исповедовал нераздельное слияние жизни и поэзии. Участие в революционном движении, в кружке Петрашевского, арест и ссылка в Сибирь — все это определило основные мотивы его творчества. Стихи пронизаны трагическим восприятием несправедливости, гневом на косность среды, отчаянием от несбывшихся надежд. В 60-х годах Плещеев настойчиво работает над новой, общедоступной и действенной формой. Для этого он обращается к народной лексике, использует публицистический и даже газетный язык.

Поиски новых путей привели его к литературе для детей. Дети были для поэта будущими строителями «русской жизни», и он всей душой стремился научить их «любить добро, родину, помнить свой долг пред народом». Создание детских стихов расширило тематический диапазон поэта, ввело в его творчество конкретность и свободную разговорную интонацию. Все это характерно для таких его стихотворений, как «Скучная картина!..», «Нищие», «Дети», «Родное», «Старики», «Весна», «Детство», «Бабушка и внучек».

В 1861 году Плещеев выпускает сборник *«Детская книга»*, а в 1878 году объединяет свои произведения для детей в сборник *«Подснежник»*. Владевшее поэтом стремление к жизненности и простоте находит в этих книгах полное воплощение. Большинство стихотворений сюжетны, содержание многих составляют беседы стариков с детьми:

...Много их сбегалось к деду вечерком;
Щебетали, словно птички перед сном:
«Дедушка, голубчик, сделай мне свисток».
«Дедушка, найди мне беленький грибок».
«Ты хотел мне нынче сказку рассказать».
«Посулил ты белку, дедушка, поймать». —
«Ладно, ладно, детки, дайте только срок,
Будет вам и белка, будет и свисток!»

Плещееву в высшей степени присуще умение отразить в своих стихах детскую психологию, передать отношение реб ⁶⁶ к окружающей действительности. Поэт для этого выбрал немногосложную строку, часто состоящую только из существительного и глагола:

Травка зеленеет.
Солнышко блестит,
Ласточка с весною
В сени к нам летит.

В стихах поэта, как и в фольклорных произведениях, много уменьшительных

суффиксов, повторов. Часто встречается у него прямая речь, в которой звучат детские интонации.

В 60—70-х годах Плещеев создал ряд замечательных пейзажных стихотворений: «Скучная картина!..», «Летние песни», «Родное», «Весенней ночью» и др. Некоторые из них на многие годы вошли в детские сборники и хрестоматии. Однако в принципе поэт — вслед за Некрасовым — стремился к слиянию пейзажной лирики с гражданской. Говоря о природе, он обычно приходил к рассказу о тех, «чья жизнь — лишь тяжкий труд и горе». Так, в стихотворении «Скучная картина!..» обращение к ранней осени, чей «унылый вид / Горе да невзгоды / Бедному сулит», сменяется грустной картиной человеческой жизни:

Слышит он заране
Крик и плач ребят;
Видит, как от стужи
Ночь они не спят...

А приход весны вызывает картины, окрашенные солнечным, чисто детским восприятием природы, как, например, в стихотворении «Травка зеленеет...». Свой отклик находят здесь и чувства взрослых: наступает время новых надежд, возрождения жизни после долгой студеной зимы.

Иван Саввич Никитин (1824— 1861) также пополнил круг детского чтения своими стихами. В творчестве этого поэта явственно проступают традиции А.В.Кольцова. Никитин в первую очередь обращался к жизни народа, черпал в ней темы и образы, считал ее основным источником поэзии. Стихи его нередко звучат с былинным размахом, торжественно и плавно:

Широко ты, Русь,
По лицу земли
В красе царственной
Развернулася.

Ориентация на народно-песенное начало и перекличка со стихами Некрасова особенно ощутима в таких его стихах 50-х годов, как «Ехал из ярмарки ухарь-купец...», «Песня бобыля», «Зашумела, разгулялась...», «Отвяжись, тоска...».

Широкая песенная стихия соединяется в поэзии Никитина с мыслями о судьбах народа, о его природном оптимизме и жизнестойкости. Пейзажная лирика поэта также служит для выражения этих чувств и мыслей. В сборниках для детей, в которые включались стихи Никитина, использовались чаще всего отрывки, например, из стихотворений «Медленно движется время...», «Встреча зимы», «Поллюбуйся, весна наступает...»:

Медленно движется время, —
Веруй, надейся и жди...
Зрей, наше юное племя!
Путь твой широк впереди.

Такой подход составителей детских сборников к стихам Никитина (да и других поэтов) сохранился до наших дней. Едва ли можно назвать его плодотворным. Целесообразнее, наверное, надеяться, что все стихотворение будет осмыслено детьми не сразу, но зато сохранится в памяти в полном его виде.

К некрасовскому кружку примыкал и поэт **Иван Захарович Суриков** (1841 — 1880). Его творчество, как и творчество всех поэтов, близких к Некрасову, способствовало созданию поэзии для детей, пробуждающей ум и сердце ребенка для реального восприятия окружающей действительности.

Его перу принадлежат знакомые всем с детства стихи, в которых зримо воссоздана искрящаяся весельем картина детских забав:

Вот моя деревня,
Вот мой дом родной.
Вот качусь я в санках
По горе крутой ⁶⁷
Вот свернулись санки,
И я на бок — хлоп!
Кубарем качуся
Под гору в сугроб.

Глубоко национальные образы произведений Сурикова, поэтическая красота стиха позволили ему оставить заметный след в русской лирике. А органическая напевность его произведений прочно закрепила некоторые из стихотворений в песенном обиходе народа:

Что шумишь, качаясь
Тонкая рябина,
Низко наклоняясь
Головою к тыну?

Как бы я желала
К дубу перебраться;
Я б тогда не стала
Гнуться и качаться.

Песнями стали и такие стихотворения Сурикова, как «В степи» («Как в степи глухой умирал ямщик...»), «Сиротой я росла...», «Точно море в час прибоя...» (о Степане Разине).

Поражает скупость поэтических средств, при помощи которых поэту удается добиваться столь весомых художественных результатов: краткость в описаниях, лаконизм в выражении чувств, редкие метафоры и сравнения. Вероятно, эти особенности суриков-ского стиха, сближавшие его с фольклором, делали его доступным детям, они охотно слушали и пели ставшие песнями стихотворения поэта, читали его в хрестоматиях и сборниках.

Алексей Константинович Толстой (1817—1875) — поэт, принадлежавший к иному, нежели Суриков, направлению, — романтическому, к «чистому искусству». Однако и его многие произведения стали песнями и приобрели широкую популярность. Такие его стихи, как «Колокольчики мои...», «Спускается солнце за степи», «Ой, кабы Волга-матушка да вспять побежала», вскоре после опубликования, в сущности, теряли авторство, распевались как народные произведения.

Толстого влекли к себе также проблемы отечественной истории: он автор широко известных романа «Князь Серебряный» (1863) и драматической трилогии «Смерть Иоанна Грозного» (1865), «Царь Федор Иоаннович» (1868) и «Царь Борис» (1870), стихотворений и баллад на исторические темы («Курган», «Илья Муромец»). Обладал он и блестящим сатирическим талантом — вместе с братьями Жемчужниковыми под общим псевдонимом Козьма Прутков написал пользующиеся и сегодня огромной популярностью пародийно-сатирические произведения.

Стихотворения Толстого, вошедшие в круг детского чтения, посвящены природе. Он чувствовал ее красоту необычайно глубоко и проникновенно, в созвучии с настроением человека — то грустным, то мажорно-счастливым. При этом у него, как и у

каждого подлинно лирического поэта, был абсолютный слух на музыку и ритм речи, и он передавал читателю свой душевный настрой настолько органично, что, казалось, тот уже как бы изначально существовал в нем. Дети, как известно, чрезвычайно чутки именно к музыкальной, ритмической стороне стихов. И такие качества А.Толстого, как талантливое умение выделить наиболее яркий признак предмета, точность в описаниях деталей, ясность лексики, прочно закрепили его имя среди поэтов, вошедших в круг детского чтения.

Колокольчики мои,
Цветики степные!
Что глядите на меня,
Темно-голубые?
И о чем звените вы
В день веселый мая,
Средь некошенной травы
Головой качая?

7.5. Произведения о детях и для детей в творчестве писателей конца XIX начала XX века.

Основные тенденции в детской литературе рубежа XIX - XX вв.

Итак, на рубеже XIX - XX вв. детская литература становится неотъемлемым компонентом общего литературного процесса и, так же как литература в целом, отражает те перемены, которые происходят в жизни общества. Начало XX в. - время трагических событий, повлекших за собой серьезные изменения в общественном сознании. В такие переломные моменты в литературе и культуре в целом осуществляются попытки осмыслить происходящее, и так как новая реальность уже не может быть освоена при помощи старых методов и форм, на смену им приходят новые направления в искусстве.

Это не одномоментное событие, но сложный противоречивый процесс, борьба старого и нового, острая полемика вокруг самых важных явлений. В литературу входят новые темы, образы, сюжеты, меняется язык и стиль, меняется и само представление о роли и месте искусства слова в жизни общества. Все эти тенденции характерны и для детской литературы, однако они находят в ней специфическое воплощение.

Без преувеличения можно сказать, что именно на рубеже веков начинается **расцвет отечественной детской литературы**. В это время издаётся масса журналов для детей, а после революции открываются и специализированные детские издательства. Появляется множество новых произведений, написанных как детскими писателями, так и участниками большого литературного процесса. Л. Чарская, К. Лукашевич, В. Авенариус, М. Горький, И. Бунин, А. Блок - вот далеко не полный перечень имён авторов, чьи произведения были адресованы детям. Авторы произведений для детей экспериментируют со словом, ищут новые формы, адекватные детскому сознанию. Оформляются новые жанры детской литературы, в неё входят новые темы. Изменение тематики напрямую связано с переменами в реальной действительности: на смену стабильному существованию приходят **война и революция**. Именно эта тема

доминирует в детской прозе рубежа веков - прозаические жанры, стремящиеся к отображению реальных событий, быстрее других откликаются на изменения в общественной жизни и общественном сознании.

В начале века популярным детским чтением были **военные повести Л. Чарской и К. Лукашевич**, публиковавшиеся в журналах для детей. Как правило, они рассказывали о необычайных приключениях "юных солдат". И герои, и обстоятельства изображались в романтическом ключе: война воспринималась прежде всего как возможность для совершения подвига, герои же оказывались наделены невероятными качествами и выходили победителями из самых безвыходных положений. **Трагические по своей сути события нарисованы едва ли не радужными красками, всё происходящее рассматривается как увлекательное приключение с неизменно счастливым концом.** Так же далеки от реальности и образы юных героев: это герои идеальные и почти всемогущие, этим детям под силу даже то, на что на самом деле не всегда отважится даже взрослый. Они отчаянно храбры и безрассудны, они без долгих размышлений бросаются навстречу опасности и, конечно же, побеждают самых могущественных врагов. Подобные сюжеты и образы прежде всего были рассчитаны на то, чтобы увлечь юного читателя, удовлетворить его тягу ко всему необычному, героическому. Впрочем, образы отважных героев несли и **определённую педагогическую нагрузку**: юные смельчаки пускались в опасные авантюры не ради развлечения, они служили **царю и отечеству**. Таким образом военная проза воспитывала патриотические чувства подрастающего поколения.

Произведения художественного реализма представлены такими писателями, как В.Г.Короленко, А.И.Куприн, А.Н.Толстой, И.А.Бунин, А.П.Чехов, Л.Н.Толстой, А.М.Горький, К.М.Станюкович, Д.Н. Мамин-Сибиряк и другие. Это — лишь часть очень разных, не похожих по стилю авторов, чье творчество и до сих пор полностью не проанализировано. Сколько разных замечательно нравственных и сложных характеров, интересных и современному юному читателю. Для примера — романтическая, прелестная, с трагической судьбой **Олеся А.И.Куприна** и непостижимо внутренне сильная, завораживающая волей, выдержкой внешне хрупкая **героиня-революционерка** из рассказа **В. Короленко «Чудная»**. Эстетическая эмоциональная сила героини рассказа «Чудная» — юной ссыльной революционерки Морозовой так велика, что попавший под арест ее бывший конвоир находит именно в ее образе источник достойного поведения. Главное здесь, не в революционной фабуле рассказа, а в художественной выразительности, **правдивости образа, в красоте и величии души** внешне такого хрупкого человека, какой ⁶⁹ а Морозова.

В этот период началась новая поэтическая эпоха, получившая название "поэтического ренессанса" или "**серебряного века**". Этим термином стали определять часть художественной культуры России конца XIX - начала XX века, связанной с символизмом, акмеизмом, "неокрестьянской" литературой и отчасти футуризмом.

Старшие **символисты: Н.Минский, Д. Мережковский, В.Брюсов, К.Бальмонт...** И младшие символисты, приверженцы философии **Вл. Соловьева: А. Блок, А. Белый, В.Иванов...** Их нередко называли «поэтами духа». Символизму свойственно стремление осмыслить и проявить внутреннее «я» человека. Характерен поиск своей формы выражения трагедии человека и общества. Поиск ответа на вопросы смысла жизни и смерти. На вопросы о назначении человека. О ценностях высшего порядка...

Замкнутость противопоставлена их творчеству, как писательскому, эстетико-теоретическому, так и читательскому, и педагогическому. Вот, например, воздушное, легкое по форме, не содержащее критической оценки трудностей детства стихотворение

В. Брюсова «Две головки»:

Красная и синяя —	Вкруг природы мудрой
Девочки в траве,	Радость разлита.
Кустики полыни	Вот, нарвав букетики,
Им по голове.	Спорят: «Я да ты...»
Рвут цветочки разные,	Цветики — как дети,
Бабочек следят...	Дети — как цветы.
Как букашки —	Нет нигде уныния,
праздные,	Луг мечтает вслух...
Как цветки на взгляд.	Красный блик, блик
Эта ленокудрая,	синий,
С темной скобкой —	Шелк головок двух!
та...	

Акмеизм и футуризм. В рассматриваемый период, кроме уже отмеченного, немалое число талантливых искателей истины объединялось под знаменами акмеизма и футуризма. «Акме» — греческое: цветущая пора, высшая степень чего-либо (и по существу и по форме). Акмеизм — очищение от тяжких реалий, так называемое **чистое искусство**. Акмеизм — искусство зрелого сознания, равно далекого от начала и конца земного пути души, и вместе с тем это искусство «детски-мудрого незнания» — идеальной формы отношения человека к миру неведомого.

В числе акмеистов были **Н. Гумилев, С. Городецкий, А. Ахматова, М. Кузмин, О. Мандельштам**. **Николай Гумилев** интересен умением преодолевать преграды, доказывать себе и другим, что человек может достигнуть цели: «Быстрокрылых ведут капитаны - открыватели новых земель, для кого не страшны ураганы, кто изведаль мальсремь и мель». Он понимал смысл жизни в том, чтобы открывать планету, каждый уголок которой казался ему первозданным раем. Одной из задач своей поэзии он считал воспитание мужества, а в своих читателях видел отважных капитанов и странствующих рыцарей («конквистадоров»):

Но когда вокруг свищут пули.
Когда волны ломают борта,
Я учу их, как не бояться.
Не бояться и делать что надо.
(«Мои читатели»)

Образ детства, традиционно связанный в русской литературе с образом родины, дополнен в его творчестве идеями и мотивами интернационального единства человечества. Дети разных народов и вер воплощают мудрость и благородство. Для детей Н. Гумилевым было написано стихотворение «Маркиз де Карабас», которое высоко оценил поэт-символист Вяч. Иванов именно как произведение для детей. В нем Гумилев заговорил на «пушкинском» языке («Мой первый друг, мой друг бесценный...»):

Мой добрый кот, мой кот учёный,
Печальный подавляет вздох,
И белой лапкою точёной,
Сердьясь, вычёсывает блох.

Главный вклад Гумилева в детскую литературу — «африканская поэма» «Мик». Помимо «африканской поэмы» есть у Гумилева «китайская поэма» для детей «Два сна» (1918), сохранившаяся не полностью. Для детей Гумилев также написал пьесу в стихах «Дерево превращений» (1918). Значение поэта в детской литературе весьма велико.

«Детский» литературный процесс в XX веке находился под большим влиянием Музы Дальних Странствий поэта, путешественника и воина.

Футуристами числились, проявляя себя по-разному, В. Маяковский, В. Каменский, Д. Бурлюк, В. Хлебников... Был весьма известен эгофутурист **И. Северянин**. Молодежь, подростки ушли и поэзией группы «Центрифуга» (Н. Асеев, Б. Пастернак и другие).

В.В. Маяковский (1893—1930). — наиболее известный и яркий представитель футуристов. В его произведениях действительность — это апокалипсис, и он вынужден кричать, чтобы быть понятым. В.В. Маяковский явился реформатором литературного языка. Его язык воинственен, груб, контрастен. Наиболее известные его произведения: «Облако в штанах», «Человек», «Прозаседавшиеся», «Во весь голос» и др. Для детей Маяковский написал стихотворение «Что такое хорошо, и что такое плохо», «Кем быть», «Кон — огонь», «Майская песенка», «Эта книжечка моя про моря и про маяк» и др.

Писатели-модернисты, такие, как К. Бальмонт, А. Блок, В. Брюсов, Ф. Сологуб, С. Городецкий, М. Моранская и др. создали **элитарную литературу** для детей.

Крестьянские поэты. В конце первого десятилетия XX века, после 1910 года заметно вновь усиление реалистических тенденций в художественной культуре. Приобретают известность, любовь читателей крестьянские поэты: Н. Клюев, А. Ширяевец, С. Клычков, П. Орешин...

Особое место в этом направлении принадлежит **Сергею Александровичу Есенину**. Основным мотивом раннего Есенина стала **поэзия русской природы**, отразившая его любовь к Родине. Именно в этот период написаны многие стихотворения, которые до сих пор известны детям и любимы ими. Это и «Топи да болота», «С добрым утром», («Береза», «Черемуха», «Бабушкины сказки», «Поет зима», «Пороша», «Нивы сжаты, рощи голы.

Несмотря на возросшую роль темы детства во взрослой литературе, литература для детей переживала не лучшие времена из-за ужесточения двойной цензуры — политической и педагогической. Количество детских книг и периодических изданий возросло, но это была в основном **так называемая массовая литература**, не обладавшая большими художественными достоинствами, зато тематически привлекательная. Вместе с тем с самого начала XX века, получившего название «**века ребенка**» шли активные поиски модели «новой» детской литературы. Свой вклад в критику «старой» детской литературы и становление «новой» внесли писатели всех литературных течений.

В литературе для детей стала особенно цениться изобразительность. К оформлению книги стали предъявляться более высокие требования, рисунок должен был согласовываться не только с текстом, но и с подтекстом. От художника детской книги ждали выражения его собственной личности, непосредственности рисунка и свободы интерпретации.

Новые литературные течения принесли детям **сравнительно немного классических творений** (среди них и стихотворения **Есенина, Саши Черного**). Однако и в этих произведениях то или иное течение проявилось неотчетливо, будто поэты сами чувствовали, что язык модернизма не может быть понятен ребенку.

В 10-х годах возвращается мода на старинное народное искусство. Писатели, художники, музыканты и театральные деятели воспринимают историю России через призму мифов и сказок. Благодаря увлечению писателей стариной дети получили книги, дающие излюбленную пищу для их воображения и чувств. Среди произведений начала XX века, адресованных непосредственно детям, назовем короткие сказочки

костромского крестьянина **Ефима Васильевича Честнякова** (1874—1961) — «Иванушко», «Сергиюшко», «Лесное яблоко». Они отличаются прямым родством с народной культурой. Это единственные в своем роде авторские произведения для самых маленьких, передающие идеи народной философии и педагогики.

Увлечение стариной сопровождалось вниманием к миру раннего детства, в котором совершается наиболее интимное, сокровенное познание родины — через речь, сказки и песни няnek, кормилиц (о роли кормилицы очень сильно сказал поэт Владислав Фелицианович Ходасевич в стихотворении «Не матерью, но тульской крестьянкой...»). Образ няни был вновь поднят на ту высоту, которую некогда задал в своих стихах Пушкин.

7.6. Гуманистические идеи произведений Д.Н. Мамина-Сибиряка, В.М. Гаршина.

Дмитрий Наркисович Мамин-Сибиряк (1852-1912). «Воистину русским писателем» (А. М. Горький) выступает Д.Н.Мамин-Сибиряк и в литературе для детей, адресуя им рассказы, сказки, очерки. Как и Горький, Чехов, Короленко, Мамин-Сибиряк исследует тему **обездоленности ребенка из бедной семьи, ребенка-сироты**. И шире — тему лишения ребенка, казалось бы, бесспорного его права иметь детство — рассказы: «**Кормилец**» (1885), «**В ученье**» (1892), «**Вертел**» (1897), «**В глуши**» (1896), «**Богач и Еремка**» (1904), «**Зимовье на Студеной**» (1892), «**Емеля-охотник**» (1884) и др.

В первом из названных рассказов «**Кормилец**» двенадцатилетний мальчик, единственный кормилец семьи, гибнет в гав жертвой тяжелых условий фабрично-заводского труда.

Трагична участь Прошки в рассказе «**Вертел**». Этот худенький, «похожий на галчонка» мальчик работает круглый год в шлифовальной мастерской, словно маленький каторжник. Вся его жизнь проходит в этой мастерской, тесной и темной, где в воздухе носится наждачная пыль, куда не попадает солнце. Заветная мечта Прошки — уйти туда, где «трава зеленая-зеленая, сосны шумят вершинами, из земли сочатся ключики, всякая птица поет по-своему». Он не знает ощущений природы, человеческого тепла, но воображение рисует желанные картины. Прошка подобен автоматизированному механизму. Он словно неотделим от колеса, стал его элементом. Прошка лишен даже возможности общения. Он постоянно голоден, «жил только от еды до еды, как маленький голодный зверек...» Равнодушие, инертность, рабское принятие бесправия, ужаса как объективной нормы — в этом истинная смерть еще при кажущейся (якобы) жизни... В конце концов Прошка заболевает от непосильной работы и умирает. Углубление сознания предрешенности подчеркивается и тем, что параллельно с существованием Прошки читатель наблюдает жизнь его ровесника, мальчика из богатой семьи.

Лишение детства — объективная предопределенность для крестьянских и городских детей, родившихся в бедности, — ведущий мотив и рассказа «**В глуши**», очень характерного для Мамина-Сибиряка.

Герои ряда рассказов — бедные крестьяне-рыбаки, охотники, обитатели зимовок, заброшенных в глухих местах, — в суровой природе Урала находят несравнимый источник душевной устойчивости. («**Емеля-охотник**», «**Зимовье на Студеной**»). Герои этих и других рассказов овеяны глубокой симпатией автора. Он поэтизирует их привлекательность: добродушие, трудолюбие, отзывчивость на чужие страдания. Елеска ухаживает за тяжело больным охотником-вогулом, оказавшимся в глухом лесу без всякой помощи. Сердечная доброта Емели проявляется и в случае на охоте: он не

решился стрелять в маленького олененка, зная, с каким самоотвержением любая мать защищает свое дитя.

Люди, о которых пишет Мамин-Сибиряк, отличаются каждый своим **особым пониманием природы**, хотя все они чувствуют ее краски, голоса, запахи. Все внутренне как бы слиты с дыханием леса, реки, неба... Рассказ о любви старика Тараса («Приемыш») к спасенному лебедю подобен лирической песне. Тарас не просто знает все места вокруг своего жилья верст на пятьдесят. Он душой постиг «всякий обычай лесной птицы и лесного зверя». Он любит птиц, счастлив в общении с природой, ценит ее открытость, непостижимое богатство ее красок, ее способность успокоить, насладить голодающую по ласке душу.

Близок к рассказу «Приемыш» интонационно и по замыслу рассказ «**Богач и Еремка**». Здесь как бы в роли выхоженного лебедя — зайчишка с переломленной лапкой: его не стал брать зубами охотничий умный пес Еремка; в него не смог выстрелить старый опытный охотник Богач, хотя жил он именно тем, что продавал заячьи шкурки. Победа истинного великодушия над всеми другими прагматическими расчетами — основная мысль рассказа, его пафос — в способности человека и собаки любить слабого, нуждающегося в защите...

Писатель передает **природную предрасположенность человека к защите слабых**. Это состояние души, эта особенность человеческого отношения к природе и ко всему окружающему в названных произведениях передается прежде всего через чувства и конкретные действия стариков и детей, продиктованные этими чувствами. Так подчеркивается природность, естественность человеческой предрасположенности: в детстве и старости человек открытое, естественное в чувствах и мыслях, в действиях.

Природа в произведениях Мамина-Сибиряка — не фон для раскрытия чувств, душевных состояний, порывов человека. Природа — полноправный, полнокровный герой произведений, выразитель авторской позиции и эстетической, нравственной и социальной. Пейзаж, как и портрет героев, живописен, изменчив, краски в движении — переходы одного оттенка к другому гармоничны изменению душевного состояния. Вот картина дождливого летнего дня в лесу. Под ногами ковер из прошлогодней палой листвы. Деревья покрыты дождевыми каплями, которые сыплются при каждом движении. Но выглянуло солнце, и лес загорелся алмазными искрами: «Что-то праздничное и радостное кругом вас, и вы чувствуете себя на этом празднике желанным, дорогим гостем» («Приемыш»).

Язык произведений Мамина-Сибиряка — народный, живописный, меткий, образный, богат пословицами, поговорками. «Ищи ветра в поле!» — говорит Богач об убежавшем зайчике. «Вместе тесно, а врозь скучно», — замечает он, наблюдая поведение собаки, подружившейся с зайцем.

7.7. Сказки Гаршина, Мамина-Сибиряка для детей.

«Аленушкины сказки» (1894 — 1897) писались **Маминым-Сибиряком** для его маленькой дочери Елены. Девочку, родившуюся в 1891 году, ждала трудная судьба: мать умерла родами, отец был уже немолод, а ее серьезная болезнь мешала рассчитывать на благополучный удел. Отцу предстояло подготовить свою Аленушку к жизни, к ее суровым сторонам, а главное — научить ребенка любить эту жизнь. «Аленушкины сказки» полны оптимизма, светлой веры в добро.

Герои сказок — муха, козявочка, комар, заяц, игрушки, цветы — подчеркнуто малы, слабы, незаметны среди больших и сильных существ; но все действие сказок направлено к их победе. Слабые одерживают верх над сильными, незаметные обретают наконец свое место в жизни. Вместе с тем писатель тактично подмечает, что слабые существа нередко заражаются мелочным эгоизмом, желают, чтобы весь мир принадлежал им, и, не в состоянии достичь этого, обижаются, делаются несчастными. Подспудная мысль сказок сводится к тому, что невозможно переделать мир себе в угоду, но можно изменить себя и свое отношение к окружающему ради своего же блага.

Сказки Д.Н.Мамина-Сибиряка, подобно сказкам К.Д. Ушинского и Л.Н.Толстого, стилистически и по объекту анализа реалистичны. **«Сказка про храброго зайца Длинные Уши — Косые Глаза — Короткий Хвост»** (1894) и **«Сказка про Комара Немировича — Длинный Нос и про Мохнатого Мишку — Короткий Хвост»** (1895), **«Про Воробья Воробейча»** созданы в традициях народных сказок о животных.

Герои его произведений — **обыкновенные звери, птицы, насекомые**, которых ребенок, как правило, знает в жизни. В них нет ничего редкостного, исключительного. Медведь, зайчик, воробей, воронушка, комар, даже комнатная муха — живут в сказках своей, свойственной им жизнью. Отличительные приметы внешнего облика сказочных героев легко распознаются ребенком: у зайца «длинные уши, короткий хвост», у комара — «длинный нос», у воронушки — «черная головушка». Животные, птицы, насекомые — носители качеств, которые отличает в них и народная сказка: заяц труслив; медведь силен, но неуклюж; воробей прожорлив, нахален; комар назойлив.

Герои в них **очеловечены, а характеры обрисованы как самобытные, «личностные»**, что отличает их от фольклорных героев — всегда обобщенно-типизированных. Так, Комар Комарович и заяц-хвастун выделяются среди других комаров и зайцев своей настоящей или напускной храбростью. Даже медведь и волк в конце концов уступают им, решая не связываться с необычным противником («И волк убежал. Мало ли в лесу других зайцев можно найти, а этот был какой-то бешеный»). Залогом победы слабых над сильными является не волшебство или чье-то заступничество, не хитрость или удача, а изменение привычной внутренней позиции.

Действие в сказках, сюжеты, как правило, строятся **на веселых, забавных происшествиях**. Например, столкновение хвастливого зайца с волком или комара — с медведем. Забавна сцена, в которой трубочист Яша пытается справедливо рассудить спор между Воробьем и Ершом. В то время как он произносит свою речь, его обворовывают.

Сказки познавательны. Очеловечение персонажей помогает живее и ярче представить читателю-ребенку **характерные свойства животных, их жизнь**. Знакомя с тем, как и в чем проявляется трусость зайца, сила и неуклюжесть медведя, его свирепость, как трудно приходится воробью в зимнюю пору, в какой суровой обстановке проводит свою жизнь воробей и как эта обстановка трагически складывается для «желтой птички-канарейки», писатель активизирует ассоциации, воображение ребенка, обогащая и мысль и чувство. Раскрывая законы, которыми управляется животный и растительный мир, Мамин-Сибиряк **расширяет познавательные возможности литературной сказки и ее границы как научно-художественного жанра**.

В сказках, в отличие от рассказов, **пейзаж занимает незначительное место**. Здесь видно влияние фольклорной традиции, не знающей развернутого пейзажа. Его зарисовки кратки, хотя и очень выразительны: «Солнце сделалось точно холоднее, а день короче. Начались дожди, подул холодный ветер» — вот и вся зарисовка поздней осени («Сказка про воронушку»). Исключение составляет поэтический сон Аленушки: «Солнышко

светит, и песочек желтеет, и цветы улыбаются», окружая кроватку девочки пестрой гирляндой, и «ласково шепчет, склонившись над ней, зеленая березка» («Пора спать»).

Особый интерес представляет «**Присказка**» — яркий образец «Мамина слога», как называли современники стиль детских сказок писателя. «Баю-баю-баю... один глазок у Аленушки спит, другой — смотрит; одно ушко у Аленушки спит, другое — слушает. Спи, Аленушка, спи, красавица, а папа будет рассказывать сказки». Присказка своей напевностью близка народным колыбельным. Пожалуй, впервые так ясно было выражено отцовское чувство, не уступа⁷³ в нежности материнской любви.

Помимо «Аленушкиных сказок» Мамин-Сибиряк написал еще целый ряд сказок, многообразных по темам и стилю. Большая их часть посвящена жизни природы: «**Серая Шейка**» (1893), «**Упрямый козел**», «**Зеленая война**», «**Лесная сказка**», «**Постойко**», «**Старый воробей**», «**Скверный день Василия Ивановича**». Наиболее близка к фольклору «**Сказка про славного царя Гороха и его прекрасных дочерей — царевну Кутафью и царевну Горошину**». При этом писатель никогда не стремился стилизовать свои сказки под народные. Основу всех сказок составляет собственная его позиция.

Трогательна история **Серой Шейки** — утки, оставшейся из-за болезни на зимовку. По законам природы гибель ее неизбежна, и даже сочувствующий ей заяц бессилён помочь. Полынья, ее единственное убежище, затягивается льдом, все ближе подбирается хищница лиса. Но мир подчинен не только законам природы. Вмешивается человек — и Серая Шейка спасена. Авторская позиция убеждает читателя в том, что даже на краю гибели надо верить и надеяться. Не стоит ждать чудес, но стоит ждать удачи. Особое место занимает **сказка о царе Горохе**, появившаяся впервые в журнале «Детский отдых» в 1897 году. Она отличается от остальных более **сложным содержанием и развернутым приключенческим сюжетом**. Сказка **сатирична и юмористична**. В образе царя Гороха **высмеиваются чванливость, жадность, презрительное отношение правящих верхов к простым людям из народа**. Правдивы некоторые **черты старорусского быта**. Например, царевна Кутафья находится в беспрекословном послушании родителям; она не смеет даже заикнуться о выборе суженого: «Не девичье это дело — женихов разбирать!»

Сказки Мамина-Сибиряка — характерный способ разговора взрослого с ребенком о жизненно важных вещах, которые невозможно объяснить на языке абстракций. Ребенку предлагается взглянуть на мир глазами божьей коровки, козявочки, мухи, собаки, воробья, утки, чтобы обрести истинно человеческое мировоззрение. Как и народные, эти сказки знакомят ребенка со сложными законами бытия, объясняют преимущества и недостатки той или иной жизненной позиции.

Сказки Мамина-Сибиряка — значительное явление в литературе конца XIX века. В них освоены и развиваются лучшие реалистические традиции народной и литературной сказки. В изображении природы, животного мира, в характере сказочной морали нет фальши. Сказки интересны детям и в наше время. Часть их вошла в учебные книги для чтения в начальной школе.

В.М.Гаршина (1855—1888) современники называли «Гамлетом наших дней», «центральной личностью» поколения 80-х годов — эпохи «безвременья и реакции». Писатель одним из первых начал применять в литературном творчестве **приемы импрессионизма**, заимствованные из современной ему живописи, с тем чтобы потрясти воображение и чувства читателя, разбудить его прирожденное сознание добра и красоты, помочь родиться честной мысли. В гаршинских рассказах и сказках складывался стиль, явившийся истоком прозы писателей рубежа XIX—XX веков, таких как Чехов, Бунин, Короленко, Куприн.

Высшим авторитетом в современной живописи был для писателя И.Е.Репин, в литературе — Л.Н.Толстой. Воображение было для Гаршина важным моментом реалистического видения действительности, при этом точность, конкретная подробность деталей отличают почти все его произведения. Творческие принципы Гаршина во многом отвечают требованиям, некогда предъявленным Белинским к детскому писателю.

Гаршин мечтал издать все свои сказки отдельной книгой с посвящением «великому учителю своему Гансу Христиану Андерсену». Многие в сказках напоминают истории Андерсена, его манеру преобразовать картины реальной жизни фантазией, обходясь без волшебных чудес. Детство и детская литература занимали Гаршина на протяжении всего десятилетия творческой жизни. Гаршин переводил для детей сказки европейских авторов, работал как редактор и критик детской литературы.

В круг чтения детей младшего и среднего школьного возраста вошли в основном сказки Гаршина. Среди них одна имеет подзаголовок «Для детей» — «Сказка о жабе и розе» (1884), другая была впервые опубликована в детском журнале «Родник» — «Лягушка-путешественница» (1887). Прочие сказки не предназначались автором для детей, хотя, по воле взрослых, появлялись в детских изданиях, в том числе в хрестоматиях: «Attalea princeps» (1880), «То, чего не было» (1882), «Сказание о гордом Агее» (1886). Гаршинские сказки по жанровым особенностям ближе к философским притчам, они дают пищу для размышлений.

«Сказка о жабе и розе» была написана под влиянием многих впечатлений — от смерти поэта С.Я.Надсона, домашнего концерта А. Г. Рубинштейна и присутствия на концерте одного неприятного старого чиновника. Произведение являет собой пример синтеза искусств на основе литературы: притча о жизни и смерти рассказана в сюжетах нескольких импрессионистских картин, поражающих своей отчетливой визуальностью, и в переплетении музыкальных мотивов. ⁷⁴ скорее поэма в прозе. Угроза безобразной смерти розы в пасти жабы, не знающей другого применения красоты, отменена ценой иной смерти: роза срезана прежде увядания для умирающего мальчика, чтобы утешить его в последний миг. Смысл жизни самого прекрасного существа — быть утешением для страждущего.

Сказка «Лягушка-путешественница» — классическое произведение в чтении детей, в том числе и старших дошкольников и младших школьников. Источником ее сюжета послужила древнеиндийская басня о черепахе и утках. Это единственная веселая сказка Гаршина, хотя и в ней комизм сочетается с драматизмом. Писатель нашел золотую середину между естественно-научным описанием жизни лягушек и уток и условным изображением их «характеров». Вот фрагмент естественно-научного описания.

Вдруг тонкий, свистящий, прерывистый звук раздался в воздухе. Есть такая порода уток: когда они летят, то их крылья, рассекая воздух, точно поют, или, лучше сказать, посвистывают. Фью-фью-фью-фью — раздается в воздухе, когда летит высоко над вами стадо таких уток, а их самих даже и не видно, так они высоко летят. Немного далее следует уже условное, «очеловечивающее», описание. И утки окружили лягушку. Сначала у них явилось желание съесть ее, но каждая из них подумала, что лягушка слишком велика и не пролезет в горло. Тогда все они начали кричать, хлопая крыльями: — Хорошо на юге! Теперь там тепло! Там есть такие славные теплые болота! Какие там червяки! Хорошо на юге!

Такой прием незаметного «погружения» читателя из мира реального в мир сказочно-условный особенно любил Андерсен. Благодаря этому приему в историю лягушкиного полета можно поверить, принять ее за редкий курьез природы. В

дальнейшем панорама показана глазами лягушки, вынужденной висеть в неудобной позе. Отнюдь не сказочные люди с земли дивятся тому, как утки несут лягушку. Эти и другие детали способствуют еще большей убедительности сказочного повествования. Так же зыбко колеблется мысль автора. Умна лягушка или глупа? Гениальна ли ее натура или заурядна? А как оценить характер и поведение уток? Сказка заканчивается хорошо или плохо? Что важнее — то, что лягушка спаслась при падении, или то, что погибла ее мечта о южных болотах? Ответы на эти и другие вопросы зависят от размышлений читателя, от его представлений о смысле существования.

7.8. Развитие тем природы, крестьянского быта, детства в стихах А.Блока, С.Есенина, Бальмонта.

А.А. Блок (1880-1921).— крупнейший поэт-символист младшего поколения. Главная тема его поэзии — Родина, древняя, современная и будущая, та, чей лик, подобно лику Незнакомки, скрыт «за темною вуалью». Детские стихи А.Блока посвящены в основном природе. Например, «Конец весны»:

Весна! Весна! Поют стрекозы.
Весна! Весна! Поют птенцы;
Уж в чистом поле там жнецы.
Кузнечики в траве стрекочут,
Как будто хочет
Пленить лягушечек в пруду!
В свою потеху,
Да не совсем-то к смеху!..

Талант Блока выходил далеко за рамки символистски-декадентской поэтики. Так было со многими его взрослыми произведениями, так произошло и с детскими. Победило другое — собственная «память детства» традиции устного народного творчества и русской поэзии Пушкина, Тютчева, Фета.

Для специальных сборников — «**Круглый год**» и «**Сказки**» — поэт сделал строгий отбор произведений. Сборник «Сказки» включает в себя следующие стихотворения: «Гамаюн, птица вещая» «Черная дева», «Сын и мать», «Сказка о пастухе и старушке», «Старушка и чертенята», «У моря», «В голубой далекой спальне», «Сусальный ангел», «Три светлых царя», «Колыбельная песня», «Сны».

Для сборника «Круглый год» характерен **подбор стихотворений по временам года**: весна («Вербочки», «Ворона», «На лугу»), лето («Я стремлюсь к роскошной воле», «Дышит утро в окошко», «Полный месяц встал над лугом», «Блудящий огонь»), осень («Зайчик», «Учитель», «Осенняя радость»), зима («Снег да снег», «Ветхая избушка», «Рождество»).

Сравнивая эти сборники, легко можно убедиться, что первый включает произведения более сложные для детского восприятия и написанные Блоком не специально для детей, и отобранные для детского чтения. «Сказки» были адресованы среднему возрасту, а «Круглый год» — младшему.

Сборники «Сказки» и «Круглый год» — каждый по-своему воплотил тенденции, характерные для поэзии Блока, адресованной детям, с одной стороны, стремление развить в детях способность мечтать, творчески фантазировать, с другой — стремление воспитать в детях любовь к природе.

Пейзажи в «Круглом годе» сродни лучшим пейзажным мотивам раннего Блока,

когда его волновало, что в летний день «за этой синей далью», когда осенью «и день прозрачно свеж, и воздух дивно чист», а «желтый лист кружится». Эту прозрачность и чистоту красок сохранил поэт для стихотворений, адресованных детям:

Леса вдали виднее,
Синее небеса,
Заметней и чернее
На пашне полоса
И детские звончее
Над лугом голоса.

Даже цветковые эпитеты повторяются (синяя даль — синие небеса), для них характерна яркость и сочность цветовой гаммы (синие и небеса—и черная полоса пашни), динамичность: небеса не просто синие, они весной становятся синее, а пашня тоже не просто черная, а чернее. Все как будто омыто обильным весенним дождем и освещено щедрым весенним солнцем.

Звонкие детские голоса ассоциируются с образом весны:

Чу, слышен голос звонкий,
Не это ли весна?

Детские голоса становятся «звончее», чей-то «звонкий» голос на мгновение персонифицируется поэтом как голос весны, но тут же дается реалистический ключ к этой поэтической зарисовке:

Нет, это звонко, тонко
В ручье журчит волна...

«Звончее», «звонкий», «звонко» — сам ряд аллитераций создает неповторимую музыку весны.

Реалистический характер зарисовок «Круглого года», особенно в таких стихотворениях, как «Ворона», «Зайчик», «Учитель», «Ветхая избушка», «На лугу», может быть, в значительной степени определил долгую и активную жизнь их в детской аудитории, дошкольного и младшего школьного возраста. Каждое стихотворение сборника выражает лирическое состояние, наиболее характерное для данного времени года. Реалистически конкретные образы и детали складываются в живую, узнаваемую картину и косвенно передают нюансы настроения, как, например, в стихотворении «Ворона»:

Вот ворона на крыше покатою
Так с зимы и осталась лохматою...
А уж в воздухе — вешние звоны,
Даже дух занялся у вороны...
Вдруг запрыгала вбок глупым скоком,
Вниз на землю глядит она боком:
Что белеет под нежною травкой?
Вон желтеют под серою лавкой
Прошлогодние мокрые стружки...
Это всё у вороны — игрушки,
И уж так-то ворона довольна,
Что весна, и дышать ей привольно!..

Слово «весна» звучит лишь в последней строчке, но оно подготовлено множеством слов со звуком «в», рядом мелких деталей, увиденных сначала глазами человека, а потом вороны: весенняя земля пестрит белым, желтым, зеленым, удивляя отвыкший за зиму от пестроты взор. Ранняя весна — время контрастов, что подчеркнуто

изображением «лохматой», еще «зимней» вороны и следов прошлогодней жизни.

Эти стихи давно стали хрестоматийными в лучшем смысле этого слова благодаря гуманистическому чувству, объединяющему зарисовки не только пейзажа, но и животного мира средней полосы России. Лохматая ворона, озябший зайчик, пискливые котята — все, кого Блок шутливо и беззлобно называл «твари», вызывают добрые чувства у маленьких читателей своей незащищенностью, детскостью. Эти «твари» понятны детям, за них хочется заступиться, с ними хочется поиграть.

Игровой момент — один из обязательных элементов в «Круглом годе»: дети активны в этом сборнике Блока, как, по 76-й, ни в одном цикле его произведений, в которых он обращается к теме детства. Здесь они звонкоголосые, веселые, не просто смешливые, а хохочущие:

Прочь от дома на снежный простор
На салазках они покатали.
Оглашается криками двор —
Великана из снега слепили!

В таких стихотворениях, как «На лугу», «Снег да снег», «Ветхая избушка», воплощается мечта Блока о будущем энергичном, активном, творческом поколении родной страны. Забота о растущем поколении пронизывает все стихотворения сборника «Круглый год».

К.Д.Бальмонт (1867— 1942) — один из самых читаемых и почитаемых поэтов Серебряного века, символист. В основе философии символизма лежит представление о неуловимо изменчивом мире реальности, который невозможно познать вне художественного творчества. Отношение Бальмонта к детским книгам было самое трепетное. Бальмонт написал более семи десятков стихотворений для детей, посвятив их своей четырехлетней дочери; они вошли в сборник *«Фейные сказки»* (1905).

«Фейные сказки» — это изящные стилизации детских песенок по мотивам скандинавского и южнославянского фольклора, в которых возродилась традиция детских стихов Жуковского. Легкомыслие сюжетов, отсутствие серьезных проблем отражено в названиях — «Наряды феи», «Прогулка феи», «Находка феи», «Забавы феи»... Жизнь крошечной феи протекает как череда радужно-изменчивых «ми-молетностей» (ключевое слово в поэзии Бальмонта). Зло не существует в фейном мире — есть только маленькие неприятности, оттеняющие общую безмятежность. От грозы фея улетает на спине стрекозы; уголек наказан гномом за то, что обжег ножку феи; вничью кончается война с муравейным королем; даже Серый Волк кротко служит фее и питается травкой. В сказочном мире царит та же идиллия, что и в раннем детстве. Поэт провозгласил фею своею Музой, а детский мир — миром своего вдохновения. Естественное право ребенка и поэта на радость, красоту и бессмертие осуществляется в фейной «тиховеиной» сказке.

Бальмонта называли «Паганини русского стиха», восторгаясь виртуозной музыкальностью его речи. И в детских его стихах завораживает магия звуков, сладкоголосие речи. Слово и музыка рождают поэтический образ, как, например, в стихотворении «Золотая рыбка» из взрослого сборника «Только любовь» (1903). Золотая рыбка олицетворяет чудо музыки на сказочном празднике:

В замке был весёлый бал,
Музыканты пели.
Ветерок в саду качал
Лёгкие качели.
В замке, в сладостном бреду,

Пела, пела скрипка.
А в салу была в пруду
Золотая рыбка.
Хоть не видели её
Музыканты бала.
Но от рыбки, от неё
Музыка звучала...

Многие из «взрослых» стихов Бальмонта можно предлагать детям с самого раннего возраста, настолько они полны весенним, первоначальным чувством, настолько близко граничат с музыкой, что доступность слов теряет свое значение.

С. Есенин. Писать стихи С.Есенин начал рано в 9 лет, но осознанное творчество приходится на 16 – 17 лет. В его ранних стихотворениях отразились поиски жизненной позиции и собственной творческой манеры. Порою он подражает песням, распространенным в мещанской и крестьянской среде с характерными для них мотивами любви, то счастливой, то неразделенной («Хороша была Танюша», «Под венком лесной ромашки», «Темна ноченька, не спится»).

Часто и плодотворно обращается Есенин к историческому прошлому своей Родины. В таких произведениях, как «Песнь о Евпатии Коловрате», «Ус», «Русь», поэт гораздо более самобытен, чем в первых лирических стихотворениях.

Основным мотивом раннего Есенина стала **поэзия русской природы, отразившая его любовь к Родине.** Именно в этот период написаны многие стихотворения, которые до сих пор известны детям и любимы ими. Примечательно, что первым напечатанным стихотворением Есенина была «Береза», появившаяся в детском журавле «Мирок» в 1914 г. С тех пор внимание поэта к стихотворениям для детей было постоянным. Детские стихи он печатал в журналах «Мирок», «Проталинка», «Доброе утро», «Задушевное слово», «Парус».

В 1914—1915 гг. Есенин подготовил для детей сборник стихотворений, который он назвал «Зарянка». Ему не удалось издать этот сборник, но сам выбор стихотворений характеризует требовательное отношение Есенина к этой области своего творчества. Поэтический талант его одушевляет все, что он видел и чувствовал в детстве. Он рассказывает маленьким читателям о том, как «Поет зима — аукает, мохнатый лес баюкает стозвоном сосняка», о зимней березе, у которой «на пушистых ветках снежною каймой распустились кисти белой бахромой», о душистой черемухе, которая «с весною расцвела и ветки золотистые, что кудри, завила».

Детям особенно близки **стихи об играх и забавах их сверстников — крестьянских ребятишек:**

В зимний вечер по задворкам
Разухабистой гурьбой
По сугробам, по пригоркам
Мы, идем, бредем домой.
Опостылеют салазки,
И садимся в два рядка
Слушать бабушкины сказки
Про Ивана-дурака.
И сидим мы, еле дышим,
Время к полночи идет,
Притворимся, что не слышим,

Если мама спать зовет.

В ранней поэзии Есенина для детей, может быть, ярче, чем во «взрослых» стихах того же периода, отразилась его **любовь к родному краю** («Топаи да болота», «С добрым утром»), **к русской природе** («Береза», «Черемуха»), **к деревенскому быту** («Бабушкины сказки»),

В чтение современных детей вошли такие ранние стихотворения Есенина, как «Поет зима», «Пороша», «Нивы сжаты, рощи голы...», «Черемуха». Первое из них («Поет зима — аукает...») было напечатано в 1914 г. в журнале «Мирок» подзаголовком «Воробышки». В его колыбельном ритме слышится то голос зимнего леса, то стук вьюги о ставни, то вой метели по двору. На фоне холодной и снежной зимы контрастно выписаны «детки сиротливые» — воробышки. Поэт сочувственно подчеркивает их беспомощность и незащищенность:

Поет зима — аукает,	А по двору метелица
Мохнатый лес баюкает	Ковром шелковым
Стозвоном сосняка.	стелется,
Кругом с тоской	Но больно холодна.
глубокою	Воробышки игривые,
Плывут в страну	Как дети сиротливые,
далекую	Прижались у окна...
Седые облака.	

К описанию зимы Есенин обращается и в стихотворении «Пороша», напечатанном в том же году и в том же журнале «Мирок». Зима в нем иная, манящая, волшебная:

Заколдован невидимкой,
Дремлет лес под сказку сна,
Словно белою косынкой,
Подвязалася сосна.

Здесь описание природы не со стороны, а изнутри, от поэта-наблюдателя, едущего по бесконечной, убегающей вдаль зимней дороге.

Еще более активно поэтическое восприятие природы в стихотворении «Нивы сжаты, рощи голы...», опубликованном в газете «Вечерние известия» в 1913 г.:

Ах, и сам я в чаще звонкой
Увидал вчера в тумане:
Рыжий месяц жеребенком
Запрягался в наши сани.

То наблюдатель, то путник, но всегда открытый впечатлениям окружающего мира, голосам птиц и зверей, шорохам леса, I ⁷⁸ ин подмечает самое сокровенное в природе:

А рядом, у проталинки,
В траве, между корней,
Бежит, струится маленький
Серебряный ручей.

Эти строки о пробуждении весны, о поре медвяных рос и золотистых веток черемухи. Для каждого периода жизни природы (осени, зимы, весны и лета) Есенин находит особые поэтические краски и неповторимые интонации. Есенин стремился воспеть свою Родину и ее обновление во всей многозначности этого понятия. Проходят десятилетия, и все яснее становится, что его творчество — большое литературное явление не только в жизни России, но и в развитии мировой поэзии.

7.9.Серебряный век. Характеристика природы. Детские журналы на рубеже веков.

Эпоху между 1892 и 1917 годами принято называть Серебряным веком. Это сложный и насыщенный период в истории отечественной культуры. Никогда еще картина литературного мира не была столь пестрой. Множество значительных имен представляли разнообразные течения — реализм, символизм, акмеизм, футуризм, новокрестьянское течение и пр. Объединяло деятелей культуры предчувствие глобальных перемен в масштабах всей Земли. XX век воспринимался как начало новой эры, как детство нового человечества.

Детство стало одной из ведущих тем литературы. С учетом единогласного среди модернистов признания, что только детскому сознанию дано приблизиться к постижению истины, из волошинской формулы следует: человек этот — ребенок, и книга эта написана для ребенка. Есть закономерность в том, что на рубеже веков большинство писателей перешло от разработки традиционной темы детства к участию в создании литературы для детей, к критике детских изданий.

Реалисты М.Горький и неореалист Л.Андреев искали ответ на загадку будущего, исходя из социальных условий детства; они показывали, как «свинцовые мерзости» уходящей в прошлое жизни закаляют детский характер (повесть «Детство» М.Горького) или губят детскую душу недостижимостью мечты о лучшей жизни (рассказы «Ангелочек», «Петька на даче» Л.Андреева).

Темам народного страдания и нравственного самоопределения ребенка посвящали свои произведения и другие писатели реалистического направления: П. В. Засодимский, А. И. Свирский, А. С. Серафимович, А.И.Куприн.

Символисты видели в ребенке современного Сфинкса, т.е. существо-загадку, поскольку будущее угадывалось только интуитивно. Это отношение выражено в стихах А. Блока:

И голос был сладок, и луч был тонок,
И только высоко, у царских врат,
Причастный тайнам, — плакал ребёнок
О том, что никто не придёт назад.

Акмеист О. Мандельштам провозгласил детское сознание желанной нормой человека Нового времени:

Только детские книги читать,
Только детские думы лелеять,
Всё большое далёко развеять,
Из глубокой печали восстать...

Футурист Маяковский саму революцию назвал «детской» («Ода Революции»), а впоследствии назовет СССР «страной-подростком».

Элитарную литературу создавали для детей писатели-модернисты, такие как К.Бальмонт, А.Блок, В.Брюсов, Ф.Сологуб, С.Городецкий, М.Моравская, О.Белявская, П.Соловьева-Allegro. **Центром модернистской детской литературы стал журнал «Тропинка».**

Искания модернистов значили очень многое для расцвета детской литературы в 20—30-х годах XX века, для ее обновления в 80—90-х годах. Благодаря опыту модернизма литература для детей стала быстрее и точнее реагировать на современную жизнь, началось освоение языка художественной публицистики. Литература для детей утратила деление по сословиям, обрела, наконец, подлинную демократичность. Писатели

стали больше доверять маленьким читателям и писать для них произведения с глубоким подтекстом, сложные по художественному строению.

См. п. 7.5, 7.8.

79

8. РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА XX ВЕКА 20-30-е гг.

Литература: [\[1\]](#), [\[3\]](#), [\[7\]](#).

8.1. Детская литература 20-30-е гг. детские журналы 20-30 годов. Журнал Горького "Северное сияние". Периодика. Тематика. Дискуссия о детской литературе.

В 20-е годы началось утверждение новой нравственно-эстетической позиции детских писателей. Они старались быть не «над» ребенком, не в стороне от него, а рядом, в беседе, в содружестве. Соответственно изменялся и уровень изображения действительности: уходила камерность, замкнутость в детском мире, перед ребенком открывались двери в большой мир. И как закономерность - появление нового героя – ребенка, обладающего чертами социальной активности.

Механическое перенесение опыта литературы для взрослых на литературу для детей привело к неудачам даже таких талантливых писателей, как К. Чуковский («Одолеем Бармалея»), С. Маршак («Сказка об умном мышонке»), А. Барто (сборник «Все учатся»).

Движение детской литературы в 20-30-е годы в целом повторяло линию движения взрослой литературы. Родоначальниками советской детской литературы называют М. Горького, К. Чуковского, С. Маршака. В детские издательства и журналы после революции приходит много ярких, талантливых людей, чье творчество предопределило развитие детской литературы вплоть до нашего времени. Среди них писатели и «взрослые», и исключительно «детские»: Горький, А. Толстой, Неверов, Пришвин, Паустовский, Григорьев, Гайдар, Житков, Пантелеев, Бианки, Ильин, Маяковский, Хармс, Введенский и другие.

Своими истоками новая литература для детей уходила в русскую и зарубежную классику, в устное народное творчество. Поэзия для детей развивалась главным образом в русле новейших поисков, в том числе авангардных течений. Обозначились два ответвления в поэзии: одно - развлекательно-игровое, обращенное к интеллекту и фантазии ребенка (К. Чуковский, «обэриуты»); другое - нравственно-дидактическое, близкое к сатире и публицистике (Маяковский, Барто, Михалков). С. Маршак стал признанным главой детской поэзии; в его творчестве представлены оба ответвления.

Новый подъем переживает традиционный для русской литературы жанр - автобиографическая повесть о детстве (А. Толстой, Гайдар, Пантелеев и другие).

Актуальными для детской литературы в целом были темы революции и Красной Армии, героики борьбы с врагами советской власти, темы интернационального единства, коллективного труда и т.п. Бурно развивалась и веселая детская книжка, несмотря на сильнейшее противостояние ревнителей «серьезного» воспитания.

Именно в 20-30-е годы произошло кардинальное обновление круга детского чтения. Отчасти сами собой, отчасти по приказам об изъятии исчезли из библиотек книги, проникнутые духом сентиментальности, послушания, религиозной и иной благостности.

Становление советской детской литературы проходило под бдительным партийным контролем. Новая детская литература нуждалась в сильной поддержке со стороны государства и получила ее в невиданных до того масштабах. Но в то же время

литература стала заложницей идеологии, что не могло не тормозить ее развития.

Значительную роль в становлении детской периодической печати после 1917 года, в очень трудное для страны время, сыграл основанный М. Горьким в 1919 году журнал **«Северное сияние»**. Авторами в журнале были сам М. Горький, А.П. Чапыгин, В.Я. Шишков, И.Я. Воинов.

Много внимания журнал уделял воплощению в жизнь горьковской идеи воспитания в детях уважения к творческому труду. В публиковавшихся очерках и статьях, рассказах и стихах неизменно присутствовала мысль, что труд — начало всех начал, создатель духовной и материальной культуры, главный творец человеческой личности. Рассказы, сказки, научно-популярные очерки составляли содержание отдела **«Клуб любознательных»**, тоже направленного на реализацию замысла воспитывать в детях уважение к всепобеждающей силе человеческого разума.

Как отмечают некоторые исследователи (И.Халтурин, Л.Колесова), журнал страдал декларативностью и нередко художественной примитивностью многих прозаических и особенно поэтических произведений. В нем почти невозможно было встретить индивидуальный, запоминающийся образ, не было системы в отборе материалов. И все же это был первооткрыватель новой тематики в детской литературе, причем на его страницах нашли воплощение и продолжение прогрессивные традиции русской детской литературы — стремление приобщить ма⁸⁰ жого читателя к реальной жизни, внушить ему веру в человека, его силы и возможности. Журнал просуществовал всего два года — из-за нехватки бумаги, и редакция его не смогла полностью реализовать свои замыслы.

В том же 1919 году возник и журнал **«Красные зори»**. Хотя вышли всего два его номера, он интересен тем, что предпринял попытку установить тесную взаимосвязь с читателем. При этом журнале создавался детский творческий актив, организован был сад-клуб. Однако непреодолимые в тот период материальные трудности быстро положили конец интересным начинаниям. Подобная же участь постигала и многие другие то, и дело возникавшие детские журналы, искавшие новые формы и методы общения с читателем: **«Юные товарищи»**, **«Барабан»**, **«Юные строители»**.

Альманах **«Воробей»** появился в Петрограде в 1923 году. Главной целью его организаторов было наметить направления, по которым должна была развиваться детская литература. Возникло это издание при Студии детской литературы Института дошкольного образования. Здесь собралась группа писателей, вскоре составившая основной костяк детской литературы советского периода: В.Бианки, Б.Житков, Е.Данько, Е.Шварц, С.Маршак. В попытках преодолеть разрыв с жизнью Маршак пришел к мысли создать детский журнал **«Новый Робинзон»**. Начались напряженные поиски форм подачи материалов, поиски авторов, в том числе и «взрослых» литераторов. Первые большие успехи журналу принесла регулярно появлявшаяся на его страницах **«Лесная газета»**, которую и набирали, и верстали по-газетному. Автором ее был Виталий Бианки, биолог по образованию.

И в других разделах журнала нередко были материалы, исполненные столь же трепетного отношения к предмету изображения, будь то художественная литература, обзор новых детских книг, рассказы о достижениях науки или повествование о путешествиях и географических открытиях. Их авторами выступали «бывалые люди», досконально знавшие то, о чем они рассказывали, и стремившиеся передать свою увлеченность детям. Здесь кроме В.Бианки начинали свою писательскую жизнь Б.Житков, М. Ильин и др. Авторами «Нового Робинзона» были и уже проявившие себя литераторы — К.Федин, Б.Лавренев, Б.Пастернак, В.Каверин. Как отмечает историк детской литературы И.Лупанова, этот журнал стал местом рождения новых писате-

лей, новых жанров, новых журнальных форм подачи материалов детям.

Получившие широкую популярность у детского читателя журналы «**Чиж**» (1928—1935) и «**Ёж**» (1930—1941) выходили в Ленинграде в одной и той же редакции, во многом продолжавшей традиции «Нового Робинзона». «Чиж» предназначался малышам, а «Ёж» — детям постарше. Сотрудниками этих изданий и авторами были люди талантливые, яркие: С.Маршак, Н.Олейников, Е.Шварц, Б.Житков, Е.Чарушин, литераторы, входившие в группу ОБЭРИУ — Д.Хармс, А.Введенский, Ю.Владимиров, Н.Заболоцкий, ставшие великолепными мастерами детского стихосложения. Они делали **веселые, наполненные юмором, пародийностью и мягкой сатирой журналы**. Однако при этом редакция их очень ответственно относилась к вопросам детского воспитания и стремилась не только формировать у своих читателей высокие морально-нравственные установки, но и сделать их заинтересованными и деятельными участниками происходящих в стране событий. Такие задачи привели к тому, что в журналах появились произведения публицистического направления — соответственно возрасту читателей. В оригинальной и острой очерковой форме Н.Олейников, Б.Житков, М.Ильин старались **рассказать детям о важных событиях, происходивших в стране**.

На страницах «Ежа» печатались и произведения, которые можно отнести к **жанру психологической детской прозы**. Это, например, были рассказы Н.Заболоцкого, В.Каверина, Б.Житкова. Новые формы материалов заставляли редакцию искать и какие-то иные решения в их иллюстрировании и размещении на страницах журнала. Свое оригинальное слово здесь сумели сказать такие художники, как Н.Радлов, Н.Тырса, В.Лебедев, А. Пахомов. Можно сказать, что их деятельность художников-журналистов, обладавших обширной эрудицией и отличным знанием происходивших вокруг событий, не имела до этого аналогов в детской периодике.

Публицистика вначале была основным жанровым направлением московского детского журнала «**Пионер**». Он и задуман был как **общественно-политическое издание** для читателей пионерского возраста. С течением времени, однако, все большее место на его страницах начали занимать материалы общественно-художественного характера. Большую роль в этом сыграл его редактор Б. Ивантер, который сумел объединить вокруг журнала лучшие литературные силы страны. На страницах «Пионера» можно было встретить имена К.Чуковского, С.Маршака, Р.Фраермана, К.Паустовского, В.Каверина, Л.Пантелеева. Л.Кассиль опубликовал здесь свою широко известную повесть «Кондуит и Швамбрания». Тесно сотрудничал с журналом А. Гайдар. Он не только печатал на его страницах свои произведения («Пусть светит», «Голубая чашка», «Комендант снежной крепости», «Тимур и его команда»), но и активно переписывался и встречался с читателями ⁸¹

Дискуссии о детской литературе. В 20-е годы детские книги выходили в детских редакциях крупнейшего государственного издательства (Госиздата), а также в ряде других государственных и частных издательств (тогда еще существовавших). **Требовалось осмысление этой продукции, ее классификация, оценка.** И в 1921 году появилось научное учреждение — **Институт детского чтения**. Здесь рассматривались насущные вопросы развития литературы для детей: традиции и новаторство, роль сказки, критерии оценки детской книги, ее язык, содержание, герои. В дискуссиях принимали участие как видные писатели (М.Горький, С.Маршак, К.Чуковский), так и ученые, педагоги, критики, издательские работники. Со статьями о детской литературе выступали даже государственные деятели — нарком просвещения с 1917 года А.В.Луначарский, член коллегии этого наркомата Н. К. Крупская и др.

Чрезвычайно остро стоял тогда вопрос **об отношении к классическому**

литературному наследию. Спорили о том, должна ли советская литература опираться на традиции русской классики: одни стояли за современную, наполненную злободневным материалом детскую книгу, другие утверждали, что нельзя пренебрегать вечными нравственными ценностями.

М. Горький выступил в защиту классики. Еще в 1918 году начал работу по отбору произведений классической литературы для детских изданий. Писатель был убежден в особой ценности этих произведений для формирования личности ребенка в новых исторических условиях.

Жизненно важной для детской литературы была **дискуссия о сказке, возникшая в начале 20-х годов и перешагнувшая за пределы десятилетия.** Возражения против сказок сводились в основном к следующему. Сказка отвлекает ребенка от реальной жизни: она отражает идеологию буржуазного мира; включает в себе мистицизм и религиозность. Сказочный антропоморфизм тормозит утверждение ребенка в его реальном опыте: ребенок не может создать устойчивые связи между собой и внешней средой, которые необходимы для его нормального развития.

Такой авторитетный деятель, как Н.К.Крупская, также выступала против сказки. Она предлагала создавать современные сказки — продуманные, работающие на воспитание «горячих борцов». И советовала для этого изучить жанры старой сказки, по-новому перестроить их, учитывая современную действительность, и влить в эти обновленные сказочные формы новое, коммунистическое содержание. В целом же жить и развиваться ребенок должен под влиянием литературы «реалистической до крайности». А. В.Луначарский не разделял взглядов Крупской. Он считал ошибкой отказ от фантастического мира сказки, переход к «сто процентному реализму». Препятствовать тяготению ребенка к волшебству, к фантастике, тайне и вымыслу — значит, калечить его, мешать нормальному развитию личности, утверждал он. М.Горький, бывший неизменным сторонником сказки, полагал, что для человека увлекательна и поучительна «выдумка — изумительная способность нашей мысли заглядывать далеко вперед факта». Поэтому сказка благотворно воздействует на душевное и умственное созревание детей.

В 1929 году состоялась **широкая дискуссия о детском чтении.** Принявший в ней участие Луначарский гневно обрушился на тех критиков, которые травили детских писателей, опиравшихся на народную сказку. Только с учетом ее художественных средств можно создать истинно детское произведение, считал Луначарский.

По каким же критериям можно определить «истинность» детского произведения? Н. К. Крупская высказала такие мысли: книга должна **расширять понятия ребенка о социальных отношениях,** в ней должны быть «выпукло и рельефно» изображены типы людей, их характеры и события, в которых они участвуют; представлено все это должно быть в «ярко выраженном драматическом движении».

Другие видели «знак качества» детской книги **в оригинальности сюжета, в совершенстве художественной формы, богатстве и безупречности языка.**

Педагоги предлагали оценивать детское произведение **по его образовательно-воспитательному значению.** Противники же такого подхода горячо протестовали против унылого дидактизма, превращающего художественные произведения в учебные пособия.

Отвечает та или иная книга интересам самих детей? Находится ли с ними в **психологическом контакте?** Такие вопросы также предлагалось ставить в основу оценки детской книжки. И это было немаловажно, так как «детский спрос» еще слабо учитывался тогда в конкретной практике.

В 1929—1931 годах дискуссии о детской литературе **передвинулись в сторону ее**

содержания. Раздавались голоса, ратовавшие за создание детского приключенческого романа. Слышались и упреки писателям в том, что детское художественное произведение содержит мало сведений ⁸² различным отраслям знаний, не знакомит детей с промышленностью, с производством. Луначарский в докладе «Пути детской книги» делал упор на том, что сюжеты для детских книг следует брать из жизни современного ребенка, всесторонне отражать в них современную жизнь.

В 1928 году состоялась попытка создать журнал, в котором находили бы отражение непрекращающиеся споры о детской литературе и вырисовывалась общая картина издания детских книг в стране. Но такой журнал — «Книга детям» — просуществовал всего два года, очевидно, не справившись с поставленной задачей.

Однако детская литература продолжала плодотворно развиваться — прежде всего усилиями талантливых писателей, которых не могли сбить с толку никакие теоретические нелепости. В 30-е годы в связи с консолидацией писателей — в немалой степени благодаря усилиям А. М. Горького — поутихли страсти и вокруг детской литературы. А достижений у нее в 30-е годы было немало.

8.2. Горький А.М. анализ основных статей Горького, посвященных детской литературе. Его требования к советской детской литературе. Произведения Горького для детей: "Воробьишко", "Самовар", "Случай с Евсейкой", "Про Иванушку- дурачка", "Дед Архип и Лёнька", "Встряска". Произведения наиболее доступные детям дошкольного возраста. Сказка "Воробьишко".

Работа М.Горького (1868—1936) в области детской литературы поражает своей широтой, масштабностью. По замечанию Маршака «в литературном наследии Горького нет ни одной книги, целиком посвященной воспитанию... Однако едва ли найдется во всем мире еще один человек, который бы сделал для детей так много».

Статьи и выступления о детской литературе. Уже в первых своих газетных статьях (1895— 1896) М. Горький требовал **обязательного изучения в школах лучших образцов современной литературы, воспитания художественного вкуса у детей.** Мысли о воспитании не оставляли писателя до конца дней, хотя он и не считал себя педагогом. Он был убежден, что «детей должны воспитывать люди, которые по природе своей тяготеют к этому делу, требующему великой любви к ребятишкам, великого терпения и чуткой осторожности в обращении с ними».

Многое из сказанного тогда Горьким **актуально и сегодня.** Например, его мысли о воспитании, свободном от «указки государства», его протест против использования детей как «орудия, силою которого государство расширяет и укрепляет свою власть». Горький ратует за радостное детство и за воспитание такого человека, для которого жизнь и труд — наслаждение, а не жертва и подвиг; а общество «подобных ему — среда, где он совершенно свободен и с которой его связывают инстинкты, симпатии, сознание величия задач, поставленных обществом в науке, искусстве, труде». Воспитание такого человека Горький связывает с ростом культуры и выдвигает тезис: «Охрана детей — охрана культуры».

Основа культуры народа — его язык; поэтому, считал Горький, приобщение детей к народному языку — одна из важнейших задач воспитателя. У литературы здесь особая роль, ибо для нее язык — «первоэлемент... основное орудие ее и вместе с фактами, явлениями жизни — материал...».

В статье «**Человек, уши которого заткнуты ватой**» (1930) писатель говорил о **природной склонности ребенка к игре, в которую непременно входит и словесная**

игра: «Он играет и словом и в слове, именно на игре словом ребенок учится тонкостям родного языка, усваивает музыку его и то, что филологически называют "духом языка". Дух языка сохраняется в стихии народной речи. Легче всего дети постигают **«красоту, силу и точность» родного языка «на забавных прибаутках, поговорках, загадках».**

В этой же статье Горький выступает и в **защиту развлекательной детской литературы.** Ребенок до десятилетнего возраста, заявляет писатель, требует забав, и требование его биологически законно. Он и мир познаёт через игру, поэтому детская книга должна учитывать потребность ребенка в увлекательном, захватывающем чтении.

«Я утверждаю: **с ребенком нужно говорить забавно**», — продолжает М. Горький развивать эту принципиальную для него мысль в другой статье 1930 года — **«О безответственных людях и о детской книге наших дней».** Статья была направлена против тех, кто считал, что забавлять ребенка с помощью искусства — означает не уважать его. Между тем, подчеркивал писатель, даже первоначальное представление о таких сложных понятиях и явлениях, как Солнечная система, планета Земля, ее страны, может быть преподано в играх, игрушка и сельских книжках. Даже о «тяжелых драмах прошлого можно и нужно рассказывать со смехом...».

Очень нужны **юмористические персонажи,** которые явились бы героями целых серий, продолжает Горький свои рассуждения в статье **«Литературу — детям» (1933).** Здесь дана целая программа образования и нравственного развития подрастающего поколения.

Подчеркивал, что **книга должна говорить с маленьким читателем языком образов, должна быть художественной.** «Дошкольникам нужны простые и в то же время отмеченные высоким художественным мастерством стихи, которые давали бы материал для игры, считалки, дразнилки». Необходимо издать и несколько сборников, составленных из лучших образцов фольклора.

Как известно, Горький **много работал с начинающими писателями;** некоторые из них под его влиянием обратились к детской литературе. Он советовал **молодым авторам читать народные сказки** (статья **«О сказках»**), ибо они развивают фантазию, заставляют начинающего литератора оценить значение выдумки для искусства, а главное, они способны «обогатить его скудный язык, его бедный лексикон». И **детям,** считал Горький, **крайне нужно чтение сказок, как и произведений других фольклорных жанров..**

Свои взгляды М. Горький стремился воплотить в жизнь. Он стал инициатором создания **первого в мире детского издательства** и участвовал в обсуждении его планов, как и планов детских театров. Он переписывался с молодыми писателями и даже с детьми, чтобы узнавать их запросы и вкусы. Он намечал темы детских книг, которые затем разрабатывались писателями и публицистами — популяризаторами науки. По его инициативе возник первый послереволюционный детский журнал — «Северное сияние».

Тема детства в произведениях М. Горького. Рассказы писателя для детей публиковались еще до революции. В 1913—1916 годах Горький работал над повестями **«Детство»** и **«В людях»**, продолжившими традицию автобиографической прозы о детстве. В рассказах писателя дети часто оказываются несчастными, обиженными, порой даже гибнут, как, например, Ленька из рассказа **«Дед Архип и Ленька» (1894).** Пара нищих — мальчик и его дедушка — в своих странствиях по югу России встречаются то с людским сочувствием, то с равнодушием и злобой. «Ленька был маленький, хрупкий, в лохмотьях он казался корявым сучком, отломленным от деда — старого иссохшего дерева, принесенного и выброшенного сюда, на песок, на берег реки».

Горький наделяет своего героя добротой, способностью к сочувствию, честностью.

Ленька, по натуре поэт и рыцарь, хочет заступиться за маленькую девочку, потерявшую платок (за такую потерю ее могут побить родители). Но дело в том, что платок подобрал его дед, который к тому же украл казацкий кинжал в серебре. Драматизм рассказа проявляется не столько во внешнем плане (казаки обыскивают нищих и выдворяют их из станицы), сколько в переживаниях Леньки. Его чистая детская душа не принимает поступков деда, хотя и совершённых ради него же. И вот уже смотрит он на дела новыми глазами, и лицо деда, еще недавно родное, становится для мальчика «страшно, жалко и, возбуждая в Леньке то, новое для него, чувство, заставляет его отодвигаться от деда подальше». Чувство собственного достоинства не покинуло его, несмотря на нищую жизнь и все связанные с ней унижения; оно настолько сильно, что толкает Леньку на жестокость: он говорит умирающему деду злые, обидные слова. И хотя, опомнившись, просит у него прощения, но кажется, что в финале смерть Леньки наступает и от раскаяния тоже. «Сначала решили похоронить его на погосте, потому что он еще ребенок, но, подумав, положили рядом с дедом, под той же осокорью. Насыпали холм земли и на нем поставили грубый каменный крест». Подробные описания душевного состояния ребенка, взволнованный тон рассказа, его жизненность привлекли внимание читателей. Резонанс был именно таким, какого и добивались революционно настроенные писатели той поры: читатели проникались сочувствием к обездоленным, возмущались обстоятельствами и законами жизни, которые допускают возможность такого существования ребенка.

«Скучную и нелегкую жизнь изживал он», — говорит писатель о Мишке, герое рассказа *«Встряска»* (1898). Подмастерье в иконописной мастерской, он делает множество самых разных дел и за малейшую промашку его бьют. Но вопреки тяжести быта мальчик тянется к красоте и совершенству. Увидев клоуна в цирке, он пытается передать свое восхищение всем окружающим — мастерам, кухарке. Оканчивается это плачевно: увлекшись подражанию клоуну, Мишка случайно смазывает краску на сырой еще иконе; его жестоко избивают. Когда он, со стоном схватившись за голову, упал к ногам мастера и услышал смех окружающих, то этот смех «резал Мишке душу» сильнее физической «встряски». Душевный взлет мальчика разбивается о людское непонимание, озлобленность и равнодушие, вызванные монотонностью, серой будничностью жизни. Избитый, он во сне видит себя в костюме клоуна: «Полный восхищения пред своей ловкостью, веселый и гордый, он прыг ⁸⁴ высоко в воздух и, сопровождаемый гулом одобрения, плавно полетел куда-то, полетел со сладким замиранием сердца...» Но жизнь жестока, и завтра ему предстоит «снова проснуться на земле от пинка».

Свет, идущий от детства, уроки, которые дают дети взрослым, детская непосредственность, душевная щедрость, бесребреничество (хотя часто им самим приходится зарабатывать на жизнь) — вот чем наполнены рассказы М.Горького о детях.

Сказки. Горьковские *«Сказки об Италии»* (1906-1913) носят такое название условно: это рассказы о стране, в которой он провел долгие годы. Но есть у него и подлинные сказки. Первые из них предназначались для сборника *«Голубая книжка»* (1912), адресованного маленьким детям. Вошла в сборник сказка *«Воробьишко»*, а другая — *«Случай с Евсейкой»* — оказалась для этого сборника слишком взрослой. Появилась она в том же году в приложении к газете «День». В этих сказках действуют чудесные, умеющие разговаривать животные, без которых сказочный мир не мог бы существовать.

Воробьишко. Пудик летать еще не умел, но уже с любопытством выглядывал из гнезда: «Хотелось поскорее узнать, что такое Божий мир и годится ли он для него». Пудик очень любознателен, все-то ему хочется понять: отчего деревья качаются (пусть перестанут — тогда и ветра не будет); почему это люди бескрылые — им что, кошка

крылья оборвала?... Из-за непомерного любопытства Пудик и попадает в беду — вываливается из гнезда; а уж кошка «рыжая, зеленые глаза» тут как тут. Происходит сражение между мамой-воробьиной и рыжей разбойницей. Пудик от страха даже первый раз в жизни взлетел... Все кончилось благополучно, «если забыть о том, что мама осталась без хвоста».

В образе Пудика ясно проглядывает характер ребенка — непосредственного, непослушного, шаловливого. Мягкий юмор, неброские краски создают теплый и добрый мир этой сказки. Язык ясный, простой, понятный малышу. Речь персонажей-птичек основана на звукоподражании:

— Что, что? — спрашивала его воробьиная-мама.

Он потряхивал крыльями и, глядя на землю, чирикал:

— Чересчур черна, чересчур!

Прилетал папаша, приносил букашек Пудик и хвастался:

— Чив ли я? Мама-воробьиная одобряла его:

— Чив, чив!

Характер героя в сказке «Случай с Евсейкой» посложнее, ибо герой и по возрасту старше Пудика. Подводный мир, где оказывается мальчик Евсейка, населен существами, которые находятся друг с другом в непростых отношениях. Маленькие рыбки, например, дразнят большого рака — поют хором дразнилку:

Под камнями рак живёт,
Рыбий хвостик рак жуёт.
Рыбий хвостик очень сух.
Рак не знает вкуса мух.

В свои отношения подводные жители пытаются втянуть и Евсейку. Он же стойко сопротивляется: они — рыбы, а он — человек. Ему приходится хитрить, чтобы не обидеть кого-нибудь неловким словом и не навлечь на себя неприятностей. Реальная жизнь Евсейки переплетается с фантастикой. «Дуры, — мысленно обращается он к рыбам. — У меня по русскому языку в прошлом году две четвёрки было». К финалу действие сказки движется через цепь забавных ситуаций, остроумных диалогов. В конце концов оказывается, что все эти чудесные события Евсейке приснились, когда он, сидя с удочкой на берегу моря, заснул. Так Горький решил традиционную для литературной сказки проблему взаимодействия вымысла и реальности. В «Случае с Евсейкой» много легких, остроумных стихов, охотно запоминаемых детьми.

Еще больше их в сказке «*Самовар*», которую писатель включил в первую составленную и отредактированную им книгу для детей — «*Елка*» (1918). Этот сборник — часть большого плана писателя по созданию библиотеки детской литературы. Сборник был задуман книжкой веселой. «Побольше юмора, даже сатиры», — напутствовал Горький авторов. Чуковский вспоминал: «Сказка самого Горького "Самовар", помещенная в начале всей книги, есть именно сатира для детей, обличающая самохвальство и зазнайство. "Самовар" — проза в перемежку со стихами. Вначале он хотел назвать ее "О самоваре, который зазнался", но потом сказал: "Не хочу, чтобы вместо сказки была проповедь!" — и переделал заглавие».

Сказка много раз переиздавалась. В ней нашли свое отражение взгляды М. Горького на народную сказку как на неиссякаемый источник оптимизма и юмора, к которым необходимо приобщать и детей, а также его подход к литературной обработке фольклора.

Поэзия о детстве и для детей в 20-е годы переживала пору невиданного обновления. Связано это было с расцветом «взрослой» поэзии, которая представляла собой своего рода экспериментальную лабораторию. Совершенно разные по направлению и творческой манере поэты видели перед собой общую цель — найти формулу искусства XX века. Поиски вели к истокам речи — языку детей, в том числе к речевой «зауми».

Развитие детской поэзии проходило под огромным влиянием футуристов, прежде всего В.Хлебникова и В.Маяковского, а также поэтов-«заумников», в частности Н.Заболоцкого («Заумники» разрабатывали основы поэзии, которая должна воздействовать не смыслом слов, а их звучанием).

Начало «заумной поэзии» было положено А. Кручёных и В.Хлебниковым. Поэты-обэриуты развивали эти идеи. Футуристы и «заумники» способствовали возрождению традиций народной поэзии, сохранившей отголоски скоморошества, «языческой» игры со словом.

Для детей издавались книги таких «взрослых» поэтов, как О.Мандельштам («Примус», 1925; «Кухня», 1926), Б.Пастернак («Карусель», 1926; «Зверинец», 1929), а также стихи Н.Асеева и С. Кирсанова.

В золотой фонд детской поэзии вошли произведения Чуковского, Маяковского, Маршака, Барто, Михалкова, поэтов группы ОБЭРИУ. Маленькие читатели открыли мир поэзии разных народов в переводах Маршака и Чуковского. В наше время круг детского чтения пополнился стихами поэтов, считавшихся ранее сугубо взрослыми, недоступными для ребенка, — Ахматовой, Цветаевой, Хлебникова, Гумилева, Мандельштама, Пастернака.

Интересно, что маленькие дети, осваивающие речь, порой лучше воспринимают «сложного» поэта, чем взрослые. Так, им близки неологизмы Велимира Хлебникова: *лебедиво, облакини, смеюнчики, смешики, снежимочка* и пр. В его речевых импровизациях дети могут услышать больше взрослых, поскольку детский слух улавливает легчайшее соответствие между звуком и смыслом, между отдельным словом и цельной образной картиной. Стихотворения Хлебникова «Птичка в клетке», «Кому сказатеньки...», «Там, где жили свиристели», «Мудрость в силке», «Кузнечик», «Заклятие смехом» доставляют маленьким чистую радость.

Небольшой поэтический этюд Анны Ахматовой «Мурка, не ходи, там сыч...» — одно из первых в русской поэзии стихотворений, где передана интонация детской души, переживающей страх перед обычной вещью — подушкой с вышивкой.

Импрессионизм Осипа Мандельштама нередко оказывается схож с детским фантазийным мышлением, в мгновенной прихоти объединяющим вымысел и реальность:

Сусальным золотом горят
В лесах рождественские ёлки;
В кустах игрушечные волки
Глазами страшными глядят.

Борис Пастернак утверждал, что младенчество — это колыбель поэзии, что ребенок непременно наделен музыкально-поэтическим даром:

Так начинают. Года в два
От мамки рвутся в тьму мелодий,
Щебечут, свищут, — а слова
Являются о третьем годе.

Речевые способности всякого маленького ребенка не уступают редкостному дарованию взрослого поэта, следовательно, детям можно и нужно предлагать широкий

спектр стихотворений, т.е. учитывать равенство детской и взрослой гениальности.

8.4. Чуковский К.И. Краткие биографические сведения. Малые жанры. Воспитательное значение произведений. Весёлые сказки в стихах - основной жанр творчества Чуковского. Изучение психологии и словотворчества. Заповеди. От "2" до "5".

К.И.Чуковский (1882 — 1969) - один из основоположников детской литературы XX века, **исследователь психологии детства «от двух до пяти»**. Был он, кроме того, блистательным критиком, переводчиком ⁸⁶ литературоведом. «Я решил учиться у детей... я надумал "уйти в детвору", как некогда ходили в народ: я почти порвал с обществом взрослых и стал водиться лишь с трехлетними ребятами...», — писал Чуковский в дневнике.

Вопросами детской литературы Чуковский стал заниматься в 1907 году — как критик, заявивший о бездарности творений некоторых известных в те годы детских писательниц (Например, Чарская). В 1911 году появилась его книга «Матерям о детских журналах», в которой он резко критиковал журнал «Задуманное слово» — за незнание возрастных особенностей детей, за навязывание маленьким читателям штампованных ужасов, обмороков, истерик, злодейств, геройств. Критик противопоставил «Задуманному слову» журналы «Юная Россия», «Родник», «Семья и школа», «Юный читатель»: «Здесь любят и чтут ребенка, не лгут и не виляют перед ним, говоря с ним трезво и спокойно», — однако и здесь не знают, не понимают ребенка.

Как утверждал Чуковский, ребенок «создает свой мир, свою логику и свою астрономию, и кто хочет говорить с детьми, должен проникнуть туда и поселиться там». Взрослым, а особенно детским писателям и педагогам, надо бы не наклоняться к детям, а стать детьми: если «мы, как Гулливеры, хотим войти к лилипутам», то мы должны «сами сделаться ими».

Не считая, что детей необходимо воспитывать только на бессмыслицах, Чуковский был уверен, что «детская литература, из которой эти бессмыслицы выброшены, не отвечает многим плодотворным инстинктам 3- и 4-летних детей и лишает их полезнейшей умственной пищи». Вредно внушать детям через детскую книгу то, что не соответствует их возрасту или непонятно им: это отбивает у них желание читать вообще.

К.Чуковский доказывал, что любой ребенок обладает огромными творческими возможностями, даже гениальностью; ребенок — величайший труженик на ниве родного языка, который как ни в чем не бывало ориентируется в хаосе грамматических форм, чутко усваивает лексику, учится читать самостоятельно.

«Заповеди для детских поэтов» — глава в книге **«От двух до пяти»**. Эту книгу Чуковский писал на протяжении шестидесяти с лишним лет. Создание ее началось с **разговора о детской речи**, а со временем книга превратилась в фундаментальный труд **о самом ребенке, его психике, об освоении им окружающего мира, о его творческих способностях**.

Глава «Заповеди для детских поэтов» — это обобщение и собственного опыта работы для детей, и работы коллег — Маршака, Михалкова, Барто, Хармса, Введенского и др., а также опора на образцы лучших детских книг — ершовского «Конька-горбунка», сказки Пушкина, басни Крылова.

К.Чуковский делает **главный вывод**: народная поэзия и словотворчество детей совершаются по одним законам. Детский писатель должен учиться у народа, который в

течение «многих веков выработал в своих песнях и сказках идеальные методы художественного и педагогического подхода к ребенку». Второй учитель детских поэтов — сам ребенок. Прежде чем обращаться к нему со своими стихами, необходимо изучить его вкусы и потребности, выработать правильный метод воздействия на его психику.

Дети заимствуют у народа и страсть к перевертышам, к «лепым нелепицам». Поэт доказывал педагогическую ценность перевертышей, объяснял, что ребенок потому и смеется, что понимает истинное положение дел. Смех ребенка есть подтверждение успешного освоения мира. У ребенка жизненная потребность в смехе — значит, читая ему смешные стихи, взрослые удовлетворяют ее.

Огромное значение Чуковский придавал тому, чтобы в каждой строфе был материал для художника. **Зрительный образ и звук должны составлять единое целое**, из каждого двустишия должен получаться рисунок. Он назвал это качество «**графичностью**» и поставил **первой заповедью** для детского поэта.

Вторая заповедь гласит **о наибо́льшей смене образов**. Детское зрение воспринимает не качества вещей, а их движение, их действия, поэтому сюжет стихов должен быть подвижен, разнообразен.

Третья заповедь: «...Эта словесная живопись должна быть в то же время **лирична**. Необходимо, чтобы в стихах была песня и пляска». Дети тешат себя «сладкими звуками» и упиваются стихами «как музыкой». Чуковский называл такие стихи детей «экикика-ми». Стихи для детей должны приближаться к сути этих экикик.

Крупные произведения не будут скучны детям, если они будут цепью лирических песен: каждая песня — со своим ритмом, со своей эмоциональной окраской. В этом заключается **четвертая заповедь** для детских поэтов: **подвижность и переменчивость ритма**.

Пятая заповедь: **повышенная чистота и членораздельность поэтической речи**. Чуковский приводит в пример детские экикики с их плавностью, текучестью звуков, не допускающие скопления согласных. Неразвитой гортани ребенка трудно произносить что-нибудь вроде «Пупс взбешен»: это с трудом произносит и взрослый.

Согласно **шестой заповеди рифмы в стихах** для детей должны быть поставлены **на самом близком расстоянии друг от друга**. Детям трудно воспринимать несмежные рифмы.

По седьмой заповеди рифмующиеся слова должны быть **главными носителями смысла**. Ведь именно эти слова привлекают к себе повышенное внимание ребенка.

«**Каждая строка** детских стихов должна **жить своей собственной жизнью**» — **восьмая заповедь**. «У ребенка мысль пульсирует заодно со стихами», и каждый стих в экикиках — самостоятельная фраза; число строк равняется числу предложений.

Особенности младшего возраста таковы, что детей волнует действие и в их речи преобладают глаголы. Эпитет — это уже результат опыта, созерцания, подробного ознакомления с вещью. Отсюда **девятая заповедь** детским поэтам: **не загромождать текст прилагательными**.

Десятая заповедь: преобладающим ритмом стихов для детей должен быть хорей — любимый ритм детей.

Стихи должны быть **игровыми** — это **одиннадцатая заповедь**. В фольклоре детей звуковые и словесные игры занимают заметное место, так же как и в народной поэзии.

К произведениям для детей нужен особый подход, но чисто литературные достоинства их должны оцениваться по тем же самым критериям, что и любое художественное произведение. «**Поэзия для маленьких должна быть и для взрослых поэзией!**» — это **двенадцатая заповедь Чуковского**.

Тринадцатая заповедь: «...В своих стихах мы должны не столько приспособляться к ребенку, сколько **приспособлять его к себе, к своим "взрослым" ощущениям и мыслям**». Чуковский назвал это **стиховым воспитанием**. То есть, говоря словами психологов и педагогов, необходимо учитывать зону ближайшего развития.

Заповеди Чуковского не являются непререкаемой догмой, о чем предупреждал сам их автор. Изучив, освоив их, детскому поэту следует начать нарушать их одну за другой.

Пожалуй, **состояние счастья — главная заповедь для детских писателей. Цель же сказочника — воспитать человечность.**

Сказки и стихи Чуковского составляют целый **комический эпос**, нередко называемый «крокодилиадой» (по имени любимого персонажа автора). Произведения эти связаны между собой постоянными героями, дополняющими друг друга сюжетами, общей географией. Перекликаются ритмы, интонации. Особенностью «крокодилиады» является «корнеева строфа» — размер, разработанный поэтом и ставший его визитной карточкой:

Жил да был
Крокодил.
Он по улицам ходил.
Папиросы курил.
По-турецки говорил, —
Крокодил, Крокодил Крокодилович!

Сюжеты сказок и стихов Чуковского **близки к детским играм** — в прием гостей, в больницу, в войну, в путешествие, в путаницу, в слова и т. п. Лирическая тема большинства стихотворений — безмятежное счастье, «чудо, чудо, чудо, чудо / Расчудесное» (стихотворение «Чудо-дерево»), а сказки, напротив, повествуют о драмах и катастрофах.

Рождение сказочного мира Чуковского произошло в 1915 году, когда были сложены первые строфы поэмы **«Крокодил»**. Опубликована она была в 1917 году в детском приложении к еженедельнику «Нива» под названием «Ваня и Крокодил», с огромным количеством рисунков. Публикация произвела настоящий переворот в детской поэзии. Однако после Октября «Крокодилу» и его автору пришлось тяжело. Н. К. Крупская, занимавшая крупные государственные должности, объявила эту сказку «вредной», поскольку «она навязывает ребенку политические и моральные взгляды весьма сомнительного свойства».

Однако ребенка захватывает открытое содержание сказки, он не ищет в ней политических намеков. Для детей «Крокодил» является **первым в жизни «романом в стихах»**. Сказка была адресована детям и преследовала воспитательные цели, связанные с военным временем: направить детскую энергию патриотизма и героизма в подходящее безопасное русло.

Многие художественные приемы, найденные в «Крокодиле», были использованы в дальнейшем Чуковским и в других его сказках⁸⁸.

«**Муха-Цокотуха**», «**Тараканище**» и «**Краденое солнце**» образуют трилогию из жизни насекомых и зверей. Эти сказки имеют схожие конфликтные ситуации и расстановку героев, они и построены по единой схеме. «Муха-Цокотуха» (сказка впервые вышла в 1924 году под названием «Мухина свадьба») и «Тараканище» (1923) даже **начинаются и заканчиваются одинаково** — развернутыми картинами праздника. Чуковский не жалел ярких красок и громкой музыки, чтобы маленький читатель без вреда для себя мог из праздничного настроения окунуться в игровой кошмар, а затем быстро смыть с души страх и убедиться в счастливом устройстве мира.

В «Краденое солнце» (1936) праздник развернут только в финале. Почти сразу читатель сталкивается с драматическим противоречием. Пожирание грозит уже не отдельным героям (как в других сказках), а солнцу, т.е. жизни, ее радости. Крокодил, окончательно обрусевший среди сорок-белобок, журавлей, зайчиков, медвежат, белочек, ведет себя как эгоист, проглотив то, что принадлежит всем. С точки зрения детей, он жадина, он хуже всех. Чуковский **отлично чувствует логику ребенка, понимающего, что любому маленькому герою не справиться с огромным** (т.е. взрослым) **крокодилом**. На сильного жадину может быть **одна управа — сильный добряк**: и вот «дедушка» медведь сражается с обидчиком ради своих толстопярых медвежат и прочей детворы. Другое отличие «Краденое солнце» состоит в том, что это **единственная сказка**, в которой использованы **мотивы народной мифологии**: этот крокодил ничего общего не имеет с Крокодилом Крокодиловичем — он воплощает мифического пожирающего солнца, он — туча, похожая на крокодила.

В трилогии сказок использована единая система художественно-речевых средств: **повторы, параллелизмы, постоянные эпитеты, уменьшительно-ласкательные формы** и т.п.

«*Мойдодыр*» и «*Федорино горе*» могут считаться дилогией на тему гигиены.

Небольшой сказке «Мойдодыр» (1923) принадлежит едва ли не первенство по популярности среди малышей. С позиции взрослого **назидательная мысль сказки просто мизерна**: «Надо, надо умываться / По утрам и вечерам». Зато для ребенка эта мысль требует серьезных доводов, сама же по себе она абстрактна и сомнительна. Чуковский **верно уловил первую психологическую реакцию ребенка на открытие всяких «надо» и «нельзя» — это удивление**. Для того чтобы доказать простенькую истину, он использует мощный арсенал средств эмоционального воздействия. Весь мир приходит в движение, все предметы срываются с места и куда-то бегут, скачут, летят. Герою приходится измениться — и внешне, и внутренне. Возвращение дружбы и симпатии, организованный в тот же час праздник чистоты — **справедливая награда герою за исправление**.

«Федорино горе» (1926) также начинается с удивления перед небывальщиной: «Скачет сито по полям, / А корыто по лугам». Автор довольно долго держит читателя в напряженном изумлении. Только в третьей части появляется Федора, причитая и маня сбежавшую утварь обратно. Если в «Мойдодыре» неряха — ребенок, то в этой сказке — бабушка. Читатель, уже усвоивший урок «Мойдодыра», может **понять недостатки других, в том числе и взрослых**.

«*Айболит*» (под названием «Лимпопо» сказка вышла в 1935 году), «*Айболит и воробей*» (1955), «*Бармалей*» (1925) — еще одна стихотворная трилогия. Главный положительный персонаж всех этих сказок добрый доктор Айболит родом из книги английского прозаика Лофтинга (ее Чуковский пересказал еще в 1925 году). Чуковский «прописал» Айболита в русской детской поэзии, придумав ряд оригинальных сюжетов и найдя ему достойного противника — разбойника Бармалея.

«*Чудо-дерево*», «*Путаница*», «*Телефон*» (все — 1926 год) образуют свою триаду сказок, объединенную мотивами небылиц и путаниц. Их последовательное расположение следует за меняющимся отношением к небылице или путанице. В «Чудо-дереве» небыличное превращение сулит всем радость, особенно детям. В «Путанице» веселое непослушание зверей, рыб и птиц, вздумавших кричать чужими голосами, в конце концов грозит бедой: «А лисички / Взяли спички, / К морю синему пошли, / Море синее зажгли». Конечно, пожар на море бабочка потушила, а затем, как всегда, устроен праздник, на котором все поют по-своему. «Телефон» написан от лица взрослого,

уоставшего от «дребедени» звонков. Сказка разворачивается чередой почти сплошных диалогов. Телефонные собеседники — то ли дети, то ли взрослые — всякий раз ставят героя в тупик своими назойливыми просьбами, нелепыми вопросами. Маленькие читатели невольно становятся на сторону измученного героя, незаметно постигая тонкости хорошего воспитания.

Фольклорные перевертыши, небылицы представляют окружающий мир «наоборот», **неправильно**. Чуковский эти же **приемы подчиняет другой задаче — нарисовать «правильный» детский мир, преображенный радостью**: на березах вырастают розы, на осинах — апельсины, из облака сыплется виноград, вороны поют, как соловьи, по летней радуге можно скат⁸⁹ я на салазках и коньках («Радость»).

Стихотворения ближе к реальности, чем сказки, но это лишь усиливает эффект превращения обыденного в сказку («Головастики», «Закаляка»). Ребенок и сам — величайший поэт, сказочник, если способен испугаться им же выдуманной «Бяки-Закаляки Кусачей». Чуковский в своих стихах попытался **слить лучшие русские и английские традиции народной детской поэзии** («Бутерброд», «Ежики смеются», «Обжора», «Слониха читает», «Свинки», «Фе-дотка» и др.).

Переводы и переложения Чуковского составляют отдельную, не менее важную часть его работы для детей. Им пересказаны народная валлийская сказка «Джек, покоритель великанов» (1918), «Приключения барона Мюнхаузена» Э. Распе (1935) и «Робинзон Крузо» Д.Дефо (1935).

Среди пересказов — приключенческие новеллы Бевана, Джед-да, Стрэнга «Пойманный пират», «Золотая Аира», «Разбойники на Болотном острове», «Подвиг авиатора» (1924). Их меньшая известность связана с тем, что автор в них отошел было от жанра сказки и попытался обратиться к аудитории читателей непривычного для себя возраста — семи—девяти лет.

И в прозе писатель заботился о том, чтобы слова были легкими для детской артикуляции; большие, трудные слова он разделяет на слоги: «ко-ра-бле-кру-ше-ние», «ил-лю-ми-на-ция»; «учит» маленьких читателей звериному языку. Детская проза Чуковского почти целиком относится к приключенческой литературе.

На основании опыта — своего и чужого — Чуковский разработал теорию художественного перевода (книга «Высокое искусство», создававшаяся на протяжении 1919—1964 годов).

Широко известны его **переводы для детей**. В частности до сих пор в непревзойденном переводе Чуковского читают дети «Приключения Тома Сойера» Марка Твена (1935), сказки Р.Киплинга (начал переводить в 1909 году). Переводы песенок и стишков из английского детского фольклора производят впечатление подлинного звучания английской речи и передают своеобразный английский юмор («Храбрецы», «Скрюченная песня», «Барабек», «Котауси и Мау-си», «Курица», «Дженни» и др.).

8.5.С.Чёрный. "Детский остров" - стихи для детей.

Саша Черный (1880—1932) — псевдоним поэта и прозаика, переводчика Александра Михайловича Гликберга, одного из известнейших сатириков предреволюционного времени. Родился 1 (13) октября 1880 в Одессе в семье провизора - семье, можно сказать, зажиточной, но малокультурной. Счастливым детство Саши не назовешь. Мать, больную, истеричную женщину, дети раздражали. Отец, отличавшийся

крутым нравом, не входя в разбирательство, их наказывал. В семье было 5 детей, двоих из которых звали Саша. Блондина называли «Белый», брюнета - «Черный». Отсюда и псевдоним.

Первое же опубликованное под этим никому не ведомым именем стихотворение «Чепуха» разошлось в списках по всей стране. Поэт сразу оказался желанным гостем в сатирических журналах, которых в 90-х годах, было очень много, а ведущим среди них был «Сатирикон». В своих сатирах он чаще всего обличал пошлость мещан и политиков. Стихи Саши Черного – и саркастические, и нежные, приобрели всероссийскую популярность, повлияли на развитие поэзии тех лет и, в частности, на творчество раннего Маяковского.

Постепенно эти темы уступили место далекой от них теме детства. Собственные детские годы нашли отражение в стихотворениях «Новая игра», «Приготовишка», «Несправедливость», в рассказе «Экономка» и других произведениях. Без пощады расправлялся он с авторами слащавых детских книжек («Дама сидела на ветке, / Пикала: / — Милые детки...» — из стихотворения «Сиропчик»).

В детской литературе имя Саши Черного стоит рядом с именами Чуковского и Маршака.

В 1911 году состоялся дебют писателя в детской литературе (стихотворение «Костер»). В 1912 году вышел его первый детский рассказ — «Красный камешек», а в 1913-м — книга «Тук-Тук» и «Живая азбука» в стихах, ставшая знаменитой. Постепенно творчество для детей делается главным его занятием. В детских стихах сатира уступает место лирике.

В 1914 г. он уходит на фронт. После Октябрьской революции (которую Саша Черный не принял, несмотря на предложение большевиков возглавить газету в Вильно) осенью 1918 г. он уехал в Прибалтику, а затем, в 1920 г. – в Германию. Некоторое время поэт живет в Италии, в семье Леонида Андреева, потом в Париже. В 1927 г. он вошел в группу эмигрантов, которая на паях приобрела земельный участок и основала русскую колонию в поселке Ла-Фавьер в Провансе. Здесь, на юге Франции, Саша Черный провел последние годы жизни.

90

В эмиграции он сотрудничает в газетах и журналах, устраивает литературные вечера, ездит по Франции и Бельгии, выступая со стихами перед русскими слушателями, выпускает книги.

Основная часть его творчества для детей приходится на годы эмиграции. Среди многих бед эмиграции поэт особо выделял проблему детей, которые могли совсем выйти из «круга бесценной русской Красоты». Для детей эмигрантов он составил двухтомную хрестоматию «**Радуга. Русские поэты для детей**» (Берлин, 1922). Самый большой из стихотворных сборников Саши Черного «**Детский остров**» (Данциг, 1921) был предназначен для семейного чтения. Героями его стихотворных и прозаических произведений были русские гении: Ломоносов, Крылов, Пушкин.

В состав сборника «Детский остров» входят стихи: Большая кукла, Гиена, Зверюшки, Костер, На вербе, На коньках, ⁹⁰ энок, Песенки, Поезд, Приставалка, и др.

Приставалка

- Отчего у мамочки
На щеках две ямочки?
- Отчего у кошки

Два утенка

Два утенка подцепили дождевого
червяка,
Растянули, как резинку, - трах! и стало

Вместо ручек ножки?
- Отчего шоколадки
Не растут на кровати?
- Отчего у няни
Волоса в сметане?
- Отчего у птичек
Нет рукавичек?
- Отчего лягушки
Спят без подушки?..

два
Куска...

Желтый вправо, черный влево вверх
тормашками
Летит.
А ворона смотрит с ветки и вороне
говорит:

- Оттого, что у моего сыночка
Рот без замочка.

"Невозможные манеры! посмотрите-ка,
Софи...
Воспитала мама-утка... фи, какая
жадность!
Фи!"

<1912>

Из окна вдруг тетя Даша корку
выбросила
В сад.
Вмиг сцепились две вороны - только
перышки
Летят.

А утята страшно рады... "посмотрите-ка,
Софи...
Кто воспитывал? барбоска? фи! и очень
даже
Фи!"

1921

Саша Черный выступал на детских утренниках, устраивал сирот в русские приюты. Будучи замкнутым, желчным и печальным среди взрослых, рядом с детьми он совершенно преображался. Жена вспоминала его любовь к игрушкам, способность «придумывать себе занятие, не имевшее, как игры, никакой цели, кроме забавы...».

Высоко ценили поэзию Саши Черного Горький и Чуковский. Последний называл его «**мастером быстрого рисунка**».

Тихонько-тихонько прижавшись друг к другу,
Грызём солёный миндаль.
Нам ветер играет ноябрьскую фугу,
Нас греет русская шаль.

С привычной остротой зрения **подмечал** он не безобразные и пошлые детали, а **мелочи, создающие прелесть повседневной детской жизни**. Много раз он **стихами рисовал с натуры портреты детей и сюжеты из детского быта**:

Покончила Катя со стиркой,
Сидит на полу растопыркой:
Что бы ещё предпринять?
К кошке залезть под кровать,
Забросить под печку заслонку?
Иль мишку подстричь под гребёнку?

Поэт не брал на себя роль воспитателя, предпочитая сам учиться у «человечков» непосредственности. В его стихах место ⁹¹ /чения занимает открытое признание в любви. Все обаяние земного мира воплощено в детворе и зверье. С одинаковой симпатией художник рисует шаржи на детей и зверей, ставя их рядом. Пес Арапка у него по-детски молится и за тех, и за других вместе:

Милый Бог!
Хозяин людей и зверей!
Ты всех добрей!
Ты всё понимаешь,
Ты всех защищаешь...

Звери, как и дети, образуют отдельный «остров». На зверином острове все равны, каждый имеет право оставаться собой: муха — ходить по потолку, собаки и кошки — задирают друг друга, кот — ловить мышек, а крокодил — плакать и мечтать:

Эй, ты, мальчик-толстопуз,
Ближе стань немножко...
Дай кусочек откусить
От румяной ножки!

Детский и звериный острова расположены совсем рядом, но от них велико расстояние до цивилизованного «материка» взрослых. В образе лирического героя стихов или повествователя в прозаических произведениях сквозят черты и автора, и его маленького друга, и непременно — какого-нибудь обаятельного зверя:

С кошкой Мур на месяц глядя,
Мы взобрались на кровать:
Месяц — брат наш,
Ветер — дядя,
Вот так дядя!
Звёзды — сестры, небо — мать...

Волшебный вымысел был Саше Черному ни к чему. Он виртуозно импровизировал свои чудесные истории, находя их начала и концы в будничном хаосе жизни детей, зверей и взрослых. В творчестве его ощутим дух непосредственной реальности. По произведениям Саши Черного можно детально представить культуру детства первой трети XX века, когда «детский остров» казался взрослым чем-то вроде рая, счастливого убежища посреди моря политической и житейской суеты.

8.6. Маяковский В.В. Роль поэзии в становлении советской детской литературы. Идеино-эстетические принципы Маяковского для детей. Многообразие жанров. Своеобразие поэтической манеры. Воспитание любви к труду, описание трудового процесса в стихотворениях Маяковского.

В. В. Маяковский (1893 — 1930), один из крупнейших поэтов русского авангарда, отдал революции, ее «атакующему классу» весь запас своих творческих сил. Значительная часть творческого пути Маяковского была связана с течением кубофутуризма, для которого характерны отказ от всего предыдущего опыта поэзии, строительство новой культуры как основы будущей цивилизации. Кубофутуристы называли себя будетлянами, т.е. людьми будущего.

В поэзии авангарда есть много общего с детским сознанием, понимающим мир как свою собственность. Лирический герой Маяковского смотрит на огромный мир не снизу вверх, а сверху вниз, как некий всемирный великан. При этом мысль поэта сосредоточе-

на на сегодняшней жизни, прокладываяющей дорогу к светлому будущему; прошлое его почти не занимает. Метафоры, гиперболы, непривычные рифмы и прочие сильные средства выразительности нужны поэту для того, чтобы стягивать весь мир к человеку, убеждая его верить в свои беспредельные силы и в свое будущее.

Поэт обратился к творчеству для детей, рассматривая его как составную часть общей программы строительства социализма и формирования социалистической культуры. В 1918 году поэт намеревался выпустить книжку «Для детков», составленную из стихотворений «Сказка о красной шапочке», «Военно-морская любовь» и «**Тучкины штучки**» (1917—1918). Лишь последнее из них можно признать «детским»:

Плыли по небу тучки.
Тучек — четыре штучки:
от первой до третьей — люди,
четвёртая была вербл ⁹² к.

«Тучкины штучки» — стихотворение-игра. В нем обычное детское фантазирование при взгляде на небо выражается при помощи характерных для стиля Маяковского приемов: **неожиданные метафоры-сравнения** (солнце — желтый жираф), **нетрадиционные рифмы**, обновляющие слово (шестая ли — растаяли), **неологизмы**, **рождающие новый образ** (в небосинем лоне). Один из ключевых в поэзии Маяковского **образов-символов** — небо — благодаря поэтической игре делается близким и понятным; это именно детское небо, просторное, полное света и движения.

Освоение детской темы Маяковский начал с жанра **стихотворной сказки**. В 1923 году он создал «Сказку о Пете, толстом ребенке, и о Симе, который тонкий». Это сатирическая сказка-памфлет с нескрываемой агитационно-пропагандистской тенденцией. Жадность Пети и его родителей — самый ужасный порок, с позиций детской этики, поэтому лозунг «Люби бедняков, богатых круши!» оказывается по-детски справедливым.

Нельзя отказать «Сказке о Пете...» в художественном новаторстве. Поэт использовал в ней **целый арсенал мощных метафор, ярких неологизмов, сложных рифм, разнообразных ритмических средств**. Любой фрагмент отличается сложной техникой стиха, что свидетельствует не только о вдохновении, но и о большом труде автора.

Выбрав **стихотворный размер детской считалки**, поэт, вероятно, исходил из того, что эта форма подходит больше всего для легкого усвоения сложных понятий. Мастерство поэта сказывается в том, что веселый считалочный размер оказывается пригодным для выражения самых разнообразных мыслей и эмоций, например горькой обиды: «Омочив слезами садик, / сел щенок на битый задик...» Считалка может превратиться в скороговорку для того, чтобы ребенок, выговаривая ее, мог лучше запомнить трудное слово «пролетарий»: «Птицы с песней пролетали, / пели: "Сима — пролетарий!"»

В сказке множество **гипербол, да и сюжет ее гиперболичен**. Лопнувший буржуй Петя — это сюжетно реализованная гипербола «лопнуть от обжорства». Более детской по духу выглядит **гипербола идеальных качеств отца Симы** — кузнеца: «Папа — сильный, на заводе / с молотками дружбу водит. / Он в любую из минут / подымает пальцем пуд».

Маяковский «брал уроки» у тех поэтов, которые уже получили признание как новые детские сказочники-стихотворцы, — Чуковского (его «Крокодил» легко угадывается в «Сказке о Пете...»), Маршака (к примеру, стихотворение «Пожар»), равно как и они многому учились у Маяковского.

Язык сказки **сочетает в себе публицистический, агитационный стиль и живой, разговорный, «шершавый», язык улицы** со словечками вроде морда, лопал, невтерпеж.

Несмотря на собственные ошибки и внешние трудности. Маяковский продолжал целенаправленную работу по созданию такой поэзии, которая вводила бы детей в большой мир борьбы и труда, объясняла бы им азы социализма.

Книжка **«Что такое хорошо и что такое плохо»** (1925), пожалуй, **самая удачная** из всего написанного Маяковским для детей. Если в «Сказке о Пете...» он объяснял на наглядных примерах значения нерусских слов пролетарий, буржуй, то в этом стихотворении он вернулся на ту ступень, с которой следовало бы начать: **хорошо и плохо — вот два главных отвлеченных понятия, необходимых для первичной социализации ребенка.**

Принцип контраста, является стержнем композиции стихов и рисунков. Это произведение построено как цепь миниатюр; каждая из них в четырех строчках представляет отдельного персонажа, свое действие и свой очевидный вывод. Маяковский, незаурядный художник, задумал эту книжку именно как единство текста и картинок. Дидактические примеры подтверждаются соответствующими рисунками на сюжеты из жизни детей. «Хорошо» и «плохо» последовательно показываются с разных сторон, и в конце концов содержание этих понятий раскрывается достаточно глубоко и полно.

Лирический герой здесь — сам поэт; он ведет диалог с «крошкой-сыном» о том, что важно для них обоих.

Крошка сын
к отцу пришел,
и спросила кроха:
- Что такое
хорошо
и что такое
плохо?-

93

У меня
секретов нет,-
слушайте, детишки,-
папы этого
ответ
помещаю
в книжке.....

Лирическую основу стихотворения составляет отцовское чувство — редкое по тому времени явление в поэзии для детей. Мягкая ирония, сдержанная ласковость, негодование, гордость — целая гамма интонаций передает образ отца, доброго, сильного, справедливого. **Воспитательный эффект** в книжке достигнут **оптимальным сочетанием художественных средств**: контрастными образами, внятной речью, естественными интонациями. «Буду делать хорошо и не буду -плохо», — решает в заключение маленький собеседник поэта..

Форма книжки, в которой каждая страница или разворот содержит рисунок и самостоятельную подпись, оказалась для Маяковского наиболее выигрышной.

Стихотворение «**Что ни страница, — то слон, то львица**» (1926) в первом издании начиналось так:

Открывай страницу-дверь —
в книжке
самый разный зверь...

Использован **прием**, известный еще по дидактической литературе XVIII века: чтение книги организовано **как прогулка, сопровождающаяся приятной и полезной беседой**. В данном случае поэт чаще комментирует внешний вид зверей, реже — их «классовые» черты. Портреты зверей выполнены по-разному: есть обычные зарисовки внешности (слоны, кенгуру), а есть и очеловеченные образы-карикатуры (лев, жирафы, обезьяна). Некоторые портреты животных даны только на картинке; поэт вместо описания играет словами:

Этот зверь зовется лама.
Лама дочь
и лама мама.
Маленький пеликан
и пеликан-великан.
Как живые в нашей книжке
слон,
слониха
и слонишки....

Или предлагает представить спрятавшегося зверя (при этом слегка пародируя «Евгения Онегина»):

Крокодил.
Гроза зверей.
Лучше не гневите.
Только он сидит в воде
И пока не виден.

Немногочисленные сравнения почерпнуты из **детского лексикона** (слоненок «ростом с папу нашего»). Того же происхождения неологизмы: жирафка, жирафенок, зверики. Вообще автор предпочел в этом стихотворении обойтись **минимумом лексических средств**.

«**Эта книжечка моя про моря и про маяк**» (1926) написана более сложно. Ее сюжет восходит к детскому воспоминанию Маяковского о семейной поездке через Батуми и Сухуми; мальчик подымался на маяк, бегал по пароходу. В стихотворении поэт восстановил яркость и силу тех давних впечатлений. Он рассказал маленьким читателям именно то, что интересно любому мальчишке. Маяковский развернул широкую картину, в которой, как на детском рисунке, уместились и бурные волны с пароходами, и капитан с биноклем, и маяк с винтовой лестницей и огромным фонарем, и рабочий, подливающий масло в лампу.

94

Разрезая носом воды,
ходят в море пароходы.
Дуют ветры яростные,

гонят лодки парусные....

Поэт словами рассказывает то, что ребенок рассказал бы рисуя. Картина-рассказ имеет свой сюжет, композицию. Когда наступает счастливая развязка («...все, кто плавал, — в тихой бухте»), читатель тут же оказывается среди тех, кто рассказывал-рисовал:

Нет ни волн,
ни вод,
ни грома, детям сухо,
дети дома.

Позднее добавилась и смешная подпись под стихотворением, что также характерно для детского рисунка. Поэт обыграл свою фамилию, полушутя призвав детей быть похожим на маяк и освещать дорогу (вспомним девиз Маяковского и Солнца: «Светить всегда, светить везде!..»):

Чтоб сказать про это вам,
этой книжечки слова и рисуночков наброски
сделал дядя Маяковский.

Огромную популярность у детей до сих пор сохраняет стихотворение *«Кем быть?»* (1928). В нем Маяковский снова использовал форму серии миниатюр, связанных общей темой, на этот раз — **темой выбора профессии**. В этом отношении «Кем быть?» являет собой исключение. «Все работы хороши, / выбирай / на вкус!» — звучит в финале, после того как энергично, с юмором, в деталях, красках и звуках рассказано о разных профессиях.

Стихотворение написано от имени ребенка, чье воображение не нуждается в пустых мечтах и сказках, находя богатую пищу в реальности.

У меня растут года,
будет и семнадцать.
Где работать мне тогда,
чем заниматься?
Нужные работники -
столяры и плотники!...

Ребенок видит себя у верстака, за чертежной доской, на стройке. То он — детский доктор («Как живете, / как животик?»), то рабочий на паровозном заводе, то кондуктор трамвая, шофер, летчик, матрос («У меня на шапке лента, / на матроске / якоря. / Я проплавал это лето, / океаны покоря»). Поэт не просто рассказал о профессиях, но создал образ каждой из них — с помощью резких перемен ритма, неожиданных рифм, звуковой инструментовки. Некоторые строчки стали крылатыми. Это стихотворение имеет довольно широкий диапазон читательского возраста — от старшего дошкольного возраста до подросткового.

Стремление Маяковского заложить основы новой детской книги натыкалось на непонимание и враждебность литературных критиков и работников Наркомпроса; хотя поэт искренне желал, чтобы его стихи служили государственным интересам. Даже взявшая под защиту «Сказку о Пете...» критик А.К.Покровская считала, что «стихи Маяковского для детей явление больше литературное, чем педагогическое». И это несмотря на то, что в каждое стихотворение для детей **поэт вкладывал максимум воспитательных «тенденций»**.

В одном из интервью Маяковский говорил: «Я стремлюсь внушить детям самые

элементарные общественные понятия, делая это как можно осторожнее. <...> Скажем, я пишу рассказ об игрушечном коне. Тут я пользуюсь случаем, чтобы объяснить ребенку, сколько людей должно было работать, чтобы изготовить такого коня, — допустим: столяр, художник, обойщик. Таким путем ребенок знакомится с коллективным характером труда. Или описываю путешествие, в ходе которого ребенок не только знакомится с географией, но и узнает, что одни люди бедны, а другие — богаты, и т.д.». Речь в интервью шла о стихотворениях 1927 года «Конь-огонь» и «Прочти и катай в Париж и в Китай», появившихся в пионерской периодике.

Поэзия Маяковского дает пищу для читателей всех возрастов: от самых маленьких детей до взрослых.

95

8.7. Поэты группы "ОБЭРИУ". Творчество Д.Хармса, А. Виденского, Ю.Владимирова.

Ленинградская литературно-философская группа «Объединение реального искусства» вошла в историю авангарда под сокращенным названием ОБЭРИУ. Эта аббревиатура, по мнению авторов, должна восприниматься читателем как знак бессмыслицы и нелепицы.

В своем манифесте от 24 января 1928 года обэриуты заявили, что они «люди реальные и конкретные до мозга костей», что необходимо отказаться от обиходно-литературного понимания действительности ради «нового ощущения жизни и ее предметов»; они размежевались с поэтами-«за-умниками» и футуристами и поставили своей задачей создать «реализм необычайного». Исходной точкой провозглашалось детское видение мира: «Ребенок мудр, потому что он не знает условных, привнесенных в жизнь порядков, он первый сказал, что король гол, и тем самым открыл всем глаза». По идее обэриутов, искусство вовсе не отражает жизнь, оно само по себе, оно живет по своим законам. Их привлекало искусство неофициальное, близкое к традициям скоморохов, народного театра.

Отличие обэриутов состояло в том, что они отказались от поисков в сферах мистико-религиозных, этико-философских или идеолого-эстетических мыслей. Их молодые умы **обратились к математике, геометрии, физике, логике, астрономии и естественным дисциплинам**. Так, **Хармс** придумал совершенный, по его мнению, подарок — «деревянную палочку, на одном конце которой находится шарик, а на другом кубик». Такой предмет можно держать в руках, а если его положить, «то все равно куда». Подарок, идея которого навеяна геометрическими игрушками для годовалых младенцев, не имеет ничего общего с отражением реальности и вместе с тем несет радость, является результатом творческого озарения.

«Это единственное, чем я горжусь: вряд ли кто чувствует гармоничность в человеке, как я», — говорил **Хармс**, при этом **он еретически «поверял алгеброй гармонию»**. Однако и **алгебра его была ересью**, потому что он не верил в науку, имеющую утилитарный практический характер. Что может сказать наука о человеке? —

Человек устроен из трёх частей,

Из трёх частей,

Из трёх частей.

Хэу ля ля.

Дрюм дрюм ту ту!

Из трёх частей человек.

(1931)

Арестованный Хармс на допросе 13 января 1932 года так пояснял следователю замысел стихотворения *«Миллион»* (1930): «В "Миллионе" тема пионерского движения подменена мною простой маршировкой, которая передана мною и в ритме самого стиха, с другой стороны, внимание детского читателя переключается на комбинации цифр»:

Раз, два, три, четыре,	полтора ста
и четырежды	на четыре,
четыре,	двести тысяч
сто четыре	на четыре,
на четыре,	и еще потом четыре!

Пересчитывать объекты — занятие нелепое, объекты от этого теряют «лица» (вместо живых лиц пионеров читателю начинают мерещиться безглазые нули). Заниматься же абсолютной, «чистой» математикой хорошо, так постигаются особенности каждого числа (например, четыре), а также разница между обычным количественным числом (4) и числом-понятием, означающим бесконечное множество, свойства порядка и хаоса.

В мартовском номере «Чиж» за 1941 год публикует стихотворение *«Цирк Принтинпрам»*, в котором Хармс продолжает **отстаивать право чисел, так сказать, на самоопределение**: «невероятное представление» состоит из «удивительных номеров» (слово «номер» в данном случае имеет дополнительное значение числа). Клоуны, силачи, ученые ласточки и комары, тигры и бобры не просто актерствуют, но представляют математические игры:

Четыре тысячи петухов
И четыре тысячи индюков
Разом 96
Выскочат
Из четырёх сундуков.

Бесстрастно и педантично анализировали обэриуты реальные или ими же вымышленные «случаи». Может быть поэтому их творчество оценивалось читателем, воспитанным в консервативных традициях, как «жестокое» или находящееся вне этики.

Обэриуты **по-своему решили** весьма трудную в детской литературе **проблему иронии** (известно, что из всех видов комического дети позднее всего воспринимают именно иронию): в частности, Хармс **позволил себе смеяться над нравственно-дидактическими штампами детской литературы, над педагогикой в картинках**.

Он якобы «серьезно» воспроизвел модель нравоучительного детского рассказика: «Бабушка уронила иголку. Как отыскать ее в куче песка? Бабушка очень огорчилась. Но Маша уже бежала из дома с магнитом в руке. Она быстро провела магнитом раз-другой по песку. — Возьми свою иголку, бабушка! — сказала Маша» (*«Умная Маша и ее бабушка»*). Папа с ружьем, бегущий за хорьком с ужасным намерением в стихотворении *«О том, как папа застрелил мне хорька»* (1929). Маша, исполненная ума и добродетели, бегущая с магнитом в руке, — оба героя в равной степени абсурдны сами по себе, несмотря на логичность их поступков. Да и сами истории рассказаны столь значительным тоном, что не могут не вызвать веселья. Хармс, обратившись к детской литературе, вероятно, почувствовал ее пародийную природу—в ничтожном поводе для написания значительного текста

Может быть, обэриуты и не нуждались в категориях Добра и Зла, чтобы создать свою модель мира и человека, однако и **они, подобно тургеневскому нигилисту Базарову, пережили крах идей при столкновении с реальностью**. Им суждено было

исчезнуть (конечно, не без участия внешних сил, «органов») из поля внимания читателей на долгие десятилетия, как исчез загадочный персонаж стихотворения Хармса «Из дома вышел человек...».

Творчество **Николая Заболоцкого** не во всем совпадало с обэриутской концепцией поэзии. Поэт увлекался **натурфилософскими идеями** Лейбница, Тимирязева, Циолковского, народной астрономией, он верил в разум, свойственный всей живой и неживой природе. В его стихах **звери и растения** — уже не литературные олицетворения и аллегории, а **мыслящие существа**, поэтому можно по-детски сказать: «Корова мне кашу варила, /Дерево мне сказку читало», — можно увидеть «лицо коня» или как цветок машет «маленькой ручкой». Сама Вселенная разгадывает детскую загадку в «Песенке о времени»:

Лёгкий ток из чаши А
Тихо льётся в чашу Бе,
Вяжет девка кружева,
Пляшут звёзды на трубе.
(«Время», 1933)

Н.Заболоцкий — единственный среди обэриутов имел педагогическое образование (в 1928 году он окончил Ленинградский педагогический институт имени А.И.Герцена). **Стихи поэта**, написанные для детских изданий, показывают его **понимание детской психологии, знакомство с педагогикой** (например, он не чуждался дидактических сентенций — стихотворение «Сказка о кривом человечке»), но они слишком привязаны ко времени и потому звучали в полную силу только для детей той эпохи.

Поколению детей и подростков 60—80-х годов Заболоцкий больше был знаком по «взрослым» стихам («Некрасивая девочка», 1955; «Не позволяй душе лениться», 1958), по стихотворному переложению «Слова о полку Игореве» (1938, 1945), вошедшему в школьную программу, по «детским» переложениям романов Ф.Рабле «Гаргантюа и Пантагрюэль» (1934) и Ш. де Костера «Тиль Уленшпигель», по обработанному для юношества переводу поэмы Ш. Руставели «Витязь в тигровой шкуре».

Сегодня с уверенностью можно считать сбывшимся предсказание К.Чуковского, сделанное в письме к поэту от 5 июня 1957 года о том, что **Заболоцкий** «автор "Журавлей", "Лебедя", "Уступи мне, скворец, уголок", "Неудачника", "Актрисы", "Человеческих лиц", "Утра", "Лесного озера", "Слепого", "В кино", "Ходоков", "Некрасивой девочки", "Я не ищу гармонии в природе" — **подлинно великий поэт**, творчеством которого рано или поздно ... придется гордиться, как одним из величайших своих достижений»

К созданию своего стиля обэриуты шли от «реального» понимания таких феноменов, как движение, мышление, память, воображение, речь, зрение и слух. В каждом явлении они обнаруживали некий сдвиг, неточность, ускользание от «правильности», т.е. **реальность открывалась обэ 97 гам как царство абсурда.**

В стихах Хармса **крутится забавный абсурдный мир**, где все наоборот:

кашу не ели,
а пили,
шли задом наперёд,
а непонятное нечто
«чирикало любезно,
но зато немного скучно,
и как будто бы назад».

Спутаны связи слов, разлажен механизм речи, сюжет трансформирован, мораль

исчезла, — казалось бы, поэт глумится над самим Словом. Однако эстетическое значение стихов — в мощном напоре праздничного настроения, в карнавальной отмене условностей и попрании погибающего старого «нечто». Фольклорный детский перевертыш в исполнении обэриута выступает в качестве манифеста нового отношения к Слову и действительности.

Как представлялось обэриутам, «реальное искусство» дает свободу «текучим» словам и образам; нужно прекратить погоню за точным смыслом частных ради точной передачи главного содержания. В их стихах часто звучат мотивы реки, кораблика, лодки, челнока, возникают образы рыб, матросов, рыбаков; эти иероглифы передают течение «реальной» жизни и «реальной» мысли. Например, в стихотворении А. Введенского «Река» (1940) текучее движение провозглашается единственно объективной данностью:

Пусть стужа зимняя крепка
И страшен вьюг полёт, —
Уйдёт широкая река
Под синий плотный лёд.
И, скрытая от глаз людских.
Закутанная в снег,
Ни на секунду, ни на миг
Не прекратит свой бег.

Юрий Владимиров продемонстрировал чудеса стихотворства в небольшом стихотворении «*Барабан*», употребив сорок пять однокоренных слов. Текст буквально громыхает барабанным громом. Цель виртуоза — передать текучесть звуков, образующих речь.

Стихи обэриутов, в особенности детские, представляют собой разные игры. В журналах «Чиж» и «Ёж» появлялись их рисунки, шарады, загадки, игра выплескивалась за пределы вербального мышления и требовала включения визуально-абстрактного мышления детей. Например, одна из игр заключается в том, что мир интуитивно «рассыпается» в подвижных нелепицах и логически «собирается» в неподвижное целое, и наоборот — как в детской игре «Замри! — Отомри!»:

Добежали,	Петька прыгнул на
добежали	скамейку,
до скамейки	Васька прыгнул на
у ворот	скамейку,
пароход с автомобилем	Мишка прыгнул на
и советский	скамейку,
самолёт,	на скамейку у ворот.
самолёт	
с автомобилем	— Я приехал! — крикнул
и почтовый	Петька.
пароход.	— Стал на якорь! —
	крикнул Васька.
	— Сел на землю! —
	крикнул Мишка.
	И уселись отдохнуть.

Воображение, казалось бы, искажает, сдвигает мир, обесмысливает его, но оно развивается по неким законам, и действие этих законов приводит мир к неожиданному «чистому» смыслу. Рассмотрим «работу» воображения на примере стихотворения

Хармса «Врун» (1930).

Почему утверждение вруна, что «у папы моего было сорок сыновей», вызывает недоверие оппонентов? Чем двадцать или тридцать правдоподобнее сорока? Наседка не считает своих цыплят, но точно знает, все ли на месте, т.е. число воспринимается птицей или человеком не количественно, а качественно, при этом качественные различия определяются внелогическим путем, интуитивно. Так, между вымыслом и предполагаемой правдой ставится знак равенства.

Совершенной фигурой Хармс считал **круг**: своим образованием круг обязан воображению, рисуящему кривую вокруг четырех радиусов — креста. Так возникает важнейший для Хармса иероглиф, связанный с понятиями чистоты и воды, — колесо. То самое золотое колесо, которое скоро будет ⁹⁸ есто солнца. «Ну, тарелка, / Ну, лепешка, / Ну, еще туда-сюда, / А уж если колесо — / Это просто ерунда!» — сомневаются оппоненты, не замечая работы воображения, объединяющего солнце, колесо, тарелку, лепешку в тождественное множество.

Живая речь, в особенности поэтическая, издавна **привычна к фантазиям и вымыслу**. Так, собаки-пустолайки «научились летать», а также нырять еще в 1856 году в стихотворении А. Н. Майкова «Сенокос», где использованы обычные метафоры:

Только жучка удалая
В рыхлом сене, как в волнах,
То взлетая, то ныряя.
Скачет, лая впопыхах.

А в 1928 году **метафора** была употреблена **Н. Заболоцким** в стихотворении «**Игра в снежки**»: «В снегу кипит большая драка. / Как легкий бог, летит собака».

Излюбленный их мотив — **путаница** (можно сравнить «Путаницу» Чуковского с «Ниночкиными покупками» и «Чудаками» Юрия Владимировича). Поводом для последнего стихотворения послужил розыгрыш, устроенный Хармсом. Перед его поездкой в Москву Владимирович дал ему две пятерки с просьбой купить крючки, леску и книги. Вернувшись, Хармс отдал деньги обратно, объяснив, что забыл, какая пятерка на что предназначалась. «Мсть моя будет ужасна!» — рассмеялся Владимирович и вскоре написал одно из лучших своих стихотворений.

Обэриуты нашли **новые способы диалога с читателем**, «заимствованные» из детских правил общения: веселый подвох, розыгрыш, провокация. Особенно много таких примеров у Хармса (например, «Храбрый ёж», «Ты был в зоологическом саду?», «Приключения ежа», «Семь кошек», «Бульдог и таксик» и др.). В 20—30-х годах поэты **нередко соревновались с маленькими детьми** — сочинителями стихов. Однажды Александр Введенский прочитал свои стихи поэту-футуристу А. Кручёных, а тот в ответ — стихотворение пятилетней девочки; когда общество разошлось, Введенский сказал приятелю: «А ведь ее стихи были лучше...»

Чуковский, Маршак, Барто, Михалков стали мастерами детской поэзии во многом благодаря учебе у детей, **обэриуты же пошли дальше всех**, вовсе **отвергнув классические жанры лирики**, зато **признав все жанры народной детской поэзии**: считалки, загадки, небылицы, перевертыши, игровые припевки. Чаще других размеров использовался «детский» хорей с его акцентированными ударениями, сжатой пружиной ритма. Слова, синтаксические конструкции повторяются, варьируются, как в игре, восходящей к фольклорному обряду. Часто стихотворения обэриутов напоминают запись балаганного представления, комические диалоги нелепых персонажей. Слова будто случайно попадают в строку, неожиданно рифмуются. При этом привычный, стертый их смысл смывается и обнажаются нерастворимые ядра слов. В этой бессмыслице начинается

устанавливается новая логика, возникают неожиданные ассоциативные связи. Как, например, начало взрослого «Ответа богов» Введенского мало чем отличается от образцов детского стихотворчества:

жили были в Ангаре
три девицы на горе
звали первую светло
а вторую помело
третьей прозвище Татьяна
так как дочка капитана
жили были а потом
я из них построил дом

Приход поэтов группы ОБЭРИУ в детскую литературу не был случайным. Помимо житейской необходимости причина лежала в сближении их исканий с алогизмом детской жизни, которая вся — сдвиг и неточность. Самый значительный след в русской литературе для детей оставил Хармс, несмотря на его неоднократные признания, что детей он не любит — за нахальство. Особенное значение для истории русской детской литературы имеет то, что Хармс и Введенский являются мировыми основоположниками литературы абсурда. Данное обстоятельство доказывает, что детская литература может быть полигоном для самых смелых экспериментов, что она в иных случаях может опережать генеральное движение литературы для взрослых. Несмотря на короткую историю группы (строгие рамки - 1927-1930), обэриуты успели революционизировать язык современной поэзии, да так, что и на рубеже XIX—XX века их влияние наряду с влиянием Вел.Хлебникова невозможно не заметить. В эксцентрике, игре, интеллектуализме, в игнорировании этических и политических тем видим мы приметы «обэриутского стиля» стихотворной детско⁹⁹ лиги.

8.8. Маршак С.Я. Краткие биографические сведения. Идеино-тематическое и жанровое многообразие его произведений. Развитие горьковской мысли о романтизме и героизме свободного труда на благо людей. "Пожар", "Почта", "Вчера и сегодня". Тема любви к Родине, самоотверженности советских людей. ("Рассказ о неизвестном герое", "Почта военная"). Тема счастливого детства. Воспитание любви к природе "Лесная книга", "Круглый год", "Разноцветная книга". Юмор и сатира. Сказки Маршака. Их связь с У.Н.Т.

С.Я.Маршак (1887—1964) оставил большое и разнообразное наследие: стихи для детей и взрослых, сказки для чтения и представления, сатирические эпиграммы, переводы, критическую и мемуарную прозу. При этом главным делом его жизни была детская литература. В 1927—1937 годах центрами притяжения для детских писателей были кружок исследовательницы детского фольклора О.И.Капицы, ленинградская редакция Детиздата, редакции детских журналов «Новый Робинзон», «Чиж» и «Еж». Постепенно сложился круг единомышленников — редакторов детских книг, среди них были В.А.Лебедев, Е.Л.Шварц, Т. Г. Габбе, А. И.Любарская, Л. К.Чуковская и др. Литератор И. А. Рахтанов назвал этот круг «академией Маршака». Маршак и другие редакторы Детиздата превыше всего ставили хороший вкус, умение отличать высокую литературу от псевдолитературы.

Для Маршака в детской книге не было мелочей. Чем младше возраст читателя, тем суровее были требования поэта-редактора к книге, которую он воспринимал целиком: содержание, язык, оформление, шрифты и формат, качество печати.

Драматургия была для Маршака первым этапом вхождения в детскую

литературу. В начале 20-х годов для Краснодарского детского театра он вместе с поэтессой Е.И.Васильевой написал ряд **пьес-сказок, среди них «Кошкин дом», «Сказка про козла», «Петрушка», «Горе-Злосчастье».** Впоследствии все эти сказки были им доработаны. Первые пьесы выросли из фольклора и напоминают веселые, подвижные игры. Их сюжеты намеренно просты, но разработаны с изяществом и юмором. Образы элементарны и вместе с тем пластичны. Реплики и монологи персонажей немногословны, но выразительны. Начав с маленьких одноактных пьес, Маршак постепенно приходит к **многоактным драматическим произведениям: «Двенадцать месяцев», «Горя бояться — счастья не видать», «Умные вещи».** Пьесы его насыщены музыкой, песнями, танцами, словесными турнирами — всем тем, чем богат народный театр. «В сущности, в драматургии для детей была проделана та же работа, что и во всей детской литературе, — вспоминал С. Я. Маршак. — Мы боролись за **освобождение детского театра (как и книги) от лжепедагогической назидательности и схематизма, стремились к созданию живых характеров,** к тому, чтобы пьесы, при их простоте, были достаточно сложны и, при всей их забавности, выражали серьезные идеи, т.е. к большой драматургии для маленьких».

Поэзия для детей составляет главную часть творчества Маршака. Наиболее известные его стихотворения для самых маленьких были написаны между 1922 и 1930 годами. Это «**Детки в клетке**», **сказки о глупом и умном мышонке**, «**Багаж**», «**Почта**», «**Пожар**», «**Вот какой рассеянный**» и пр. Темы и сюжеты стихотворений даже для трех- и четырехлетних детей всегда остро современны, затрагивают не только мирок детской комнаты, как это бывало в дореволюционной поэзии, а весь большой мир, с его смешными, драматическими и героическими сторонами.

Все, что выходило из-под пера Маршака, **полно разнообразного движения:** идут, бегут, едут герои, вещи, постоянно совершаются какие-то происшествия, перемены. Остановка движения воспринимается как абсурд («**Закричал он: / — Что за шутки? / Еду я вторые сутки, / А приехал я назад, / А приехал в Ленинград!**»). Динамична каждая строфа, упруг ритм, отчетливо звучит каждое слово: «**Мой / Веселый, / Звонкий / Мяч, / Ты куда / Помчался / Вскачь?**»

Максимум внимания Маршак уделял **композиции стихотворения;** не теряя цельности, оно разбивается на ряд маленьких стихотворений, легких для запоминания, законченных в своей выразительности. Например: «**По проволоке дама / Идет, / как телеграмма**».

Особенно хороши у Маршака такие жанры, как **стихотворный рассказ, анекдотическая история, цикл лирических миниатюр.**

Классическими образцами стихотворных рассказов называют «**Пожар**», «**Почту**», «**Почту военную**», «**Рассказ о неизвестном герое**». Их отличают **зримость деталей, достоверность образов, точные координаты действия.** Все эти средства делают рассказ подобием взрослого документально-публицистического очерка:

100

Кто стучится в дверь ко мне
С толстой сумкой на ремне,
С цифрой 5 на медной бляшке,
В синей форменной фуражке?
Это он.
Это он,
Ленинградский почтальон.

Каждый поворот сюжета сопровождается изменением стихотворной формы —

размера, ритма, меняется интонация рассказчика. Воображение читателя оказывается под властью изображаемых картин и событий, его эмоции следуют за быстрыми переходами действия. Звуковая инструментовка стихов в каждой главке обогащает повествование. **Стихотворные рассказы** Маршака можно ставить **как детские оперы**. Вот один из примеров слаженности всех элементов стиха:

Под пальмами Бразилии,
От зноя утомлѐн,
Бредѐт седой Базилио,
Бразильский почтальон.

«Сказка о глупом мышонке», «Багаж», «Вот какой рассеянный» — эти и подобные сказки и истории имеют **анекдотический сюжет**. Они немногочисленны, но их значение особенно велико для тех лет, когда чистое веселье было сомнительным — с позиции критиков-педологов. И до сих пор эти стихотворения воспитывают в детях чувство юмора.

«Сказка о глупом мышонке» **похожа на басню** и вместе с тем **на спародированную колыбельную**. Она отлично передает тонкие нюансы смешного. Повторяется одна и та же ситуация — приглашение очередной няньки к капризному мышонку. Повторяется ситуация, но меняется голос няньки, меняются интонации просьб мышки-матери и отказов мышонка. Маршак прибегнул к сложному для малышей виду комического — иронии, требующей особой чувствительности к подтексту, к смыслу, заключенному «между строк». Маяковский любил цитировать: «Приходи к нам, тетя лошадь, / Нашу детку покачать».

Та же ирония пронизывает **историю дамы, сдававшей в багаж «Диван, / Чемодан, / Саквояж, / Картину, / Корзину, / Картонку/И маленькую собачонку» («Багаж»)**. Уже само это перечисление настраивает читателя иронически по отношению к даме и к ее дорожной неприятности, хотя, казалось бы, в исходной ситуации нет явных нелепостей. Многократно повторенное, это перечисление звучит все более смешно — вплоть до последней строки, в которой и потерялась собачонка.

В стихотворении **«Вот какой рассеянный»** Маршак **смеется над своим персонажем уже открыто**, почти каждая строфа — новое подтверждение смешной рассеянности. Герой — **человек взрослый, и оттого он еще более смешон**. Отчасти Маршак шаржировал свои черты, отчасти — черты одного известного профессора, о рассеянности которого рассказывались многочисленные истории.

В циклах миниатюр «Детки в клетке», «Круглый год», «Разноцветная книга», «Веселое путешествие от А до Я» познавательная информация растворена в лирической стихии. Эти циклы — россыпь самых разных стихотворных форм, среди которых маленький читатель легко выберет строфу себе по вкусу.

Поэт **избегал в стихах прилагательных**, тщательно следил за тем, чтобы **слова не сливались, звучали по отдельности, заставлял слово поспевать за темпом действия**. Переключка звуков в словах, считал он, должна помогать восприятию целого образа. Вспомним описание новогодней елки:

Чуть дрожат её иголки,
На ветвях огни зажглись,
Как по лесенке, по ёлке
Огоньки взбегают ввысь.

В цикле «Детки в клетке» **важны даже не сами животные, а их восприятие лирическим героем, который как будто переходит от клетки к клетке. К юмору постоянно примешиваются печаль, сочувствие, ироническое сомнение**.

Лирического героя поражает внешний вид слона, жирафа. Тигренок вдруг заставляет человека вспомнить о нраве дикого зверя («Эй, не стойте слишком близко — / Я тигренок, а не киска!»). Затем внешние впечатления дают толчок чувствам противоречивым, сложным. Противоречив вид зебр, чьи полосы напоминают об африканских травах и... о школьных тетрадках. Страусенок умеет сердиться и бить ногой, «мозолистой и твердой», но не умеет летать и петь — он смешон и печален. Грустит смешная обезьяна, вспоминая о ¹⁰¹ не. А вот белые медведи, кажется, всем довольны, — только им тесно, плавают они от стены к стене, задевая друг друга. Трудно понять, чего больше в совытах — обаяния или скуки:

Взгляни на маленьких совят —
Малютки рядышком сидят.
Когда не спят,
Они едят.
Когда едят,
Они не спят.

Пингвин, лебеденок, верблюды смешны всяк по-своему, а эскимосский пес вызывает сочувствие: «За что сижу я в клетке, / Я сам не знаю, детки». «Воинственный», «поджарый, тощий», «неутомимый», «неумолимый» — таков был динго в родных лесах, а в клетке он всего лишь «неугомонный»: «Верчусь волчком и мяса жду...» Стихотворение «Воробей» завершает цикл. Вольная городская птичка легко может залететь в любую клетку и пообедать с любым из зверей, даже с крокодилом. Воробей — самый счастливый герой цикла «Детки в клетке».

Особая заслуга Маршака — создание публицистической поэзии для детей. Множество его стихотворений и поэм посвящено темам труда и гражданского воспитания. Наиболее известны «Война с Днепром», «Книжка про книжки», «Детям нашего двора», «Школа на колесах», «Костер в снегу».

Первый **политический памфлет** для дошкольников — «*Мистер-Твистер*» (1933). Тема столкновения двух миров — социализма и капитализма — не была сама по себе новой в детской литературе, но под пером Маршака получила блестящее художественное решение. Удачно был выбран угол зрения на Страну Советов: ее видит самодовольный богатый иностранец. Кинематографически стремительное действие, отточенные реплики героев, веселая словесная и фа передают четкий ритм жизни в молодой стране.

Переводы Маршака хорошо известны и взрослым, и детям. Особенно часто он обращался к английской поэзии: переводил старинные народные баллады Англии и Шотландии, сонеты Шекспира и Гейне, стихи и поэмы Блейка, Бёрнса, Колриджа, Вордсворта, Китса, Киплинга, Лира, Милна. Знание языка оригиналов помогало ему глубже понимать русский язык, находить в нем новые поэтические возможности.

В переводах Маршака часто **нет буквального совпадения с текстом источника**, что не мешает смысловой точности перевода. Он владел особым мастерством создавать «портрет» языка оригинала. Благодаря Маршаку достоянием русских читателей стали многие произведения украинских, белорусских, литовских, армянских поэтов.

Маршак, знаток и ценитель народного творчества, составил сборник сказок разных народов; для чего он перевел стихами литовские, норвежские, монгольские, кавказские сказки, подобрал русские. Особой его любовью пользовались народные детские песенки: он переводил их с английского, чешского, латышского, литовского языков.

В переводах из английской детской поэзии Маршак следует тем же принципам, что и в собственных стихах для детей. Те же экономия и точность слова, те же поиски

предельной простоты и ясности, то же пристрастие к энергичной строке, к волевой и бодрой интонации, та же музыкальная безошибочность — и одновременно смелость воображения, поэтический полет. Маршак сумел соединить своеобразную форму английского балладного стиха с живой разговорной естественностью русской речи:

По склону вверх король повёл
Полки своих стрелков.
По склону вниз король сошёл,
Но только без полков.

Маршак никогда не переводил букву — буквой и слово — словом. А всегда: юмор — юмором, красоту — красотой» — так оценивал Чуковский мастерство своего коллеги-переводчика.

В переводах Маршака стихи Редьярда Киплинга зазвучали для русского читателя в упругом, мужественном ритме, свойственном английскому поэту. В коротком стихотворении Киплинга, сопровождающем его сказку «Откуда взялись броненосцы», речь идет о плавании в Рио-де-Жанейро. Маршак «перевел» это стихотворение, расширив до четырех строф. В переводе будто звучит беспечная песенка портовых мальчишек, страстно мечтающих (нет, не о Рио!) об Амазонке, о Бразилии:

102

На далёкой Амазонке
Не бывал я никогда.
Только «Дон» и «Магдалина» —
Быстроходные суда, —
Только «Дон» и «Магдалина»
Ходят по морю туда.

В 1952 году Маршак представил русским детям итальянского писателя Джанни Родари, переведя циклы стихов «Книга городов», «Поезд стихов», «Чем пахнут ремесла» и др. Кроме того, для спектакля по сказке Родари «Приключения Чиполлино» Маршак написал песню Чиполлино и песню Старого Помидора.

Творчество С.Я.Маршака — поэта, драматурга, переводчика и редактора — до сих пор остается живой классикой детской литературы.

8.9. Михалков С.В. Краткие биографические сведения. Тематическое и жанровое многообразие, стихи о животных. Басни. Педагогическая ценность. Создание образа советского человека в тетралогии "Дядя Стёпа". Отражение внутреннего мира ребёнка в лирических стихах. Их значение в нравственном воспитании.

Поэт, баснописец, драматург и публицист, С.В. Михалков (род. 1913) известен и как общественный деятель.

Первое стихотворение поэта увидело свет в 1928 году, в одном из журналов Ростова-на-Дону. С 1933 года Михалков печатается в московской периодике. От довольно посредственных взрослых стихов Михалков постепенно перешел к стихам для детей. Поддержал его в этом направлении А. Фадеев.

С. Михалков, как и другие советские поэты, живо откликался на события времени, писал стихи о челюскинцах и папанинцах, о перелете Чкалова через Северный полюс, о пограничниках, о войне в Испании и Абиссинии, о зарубежных пионерах. В 1936 году в

серии «Библиотека "Огонька"» увидела свет первая книжка стихов Михалкова. Вслед за нею стали выходить и другие, в которых все больше было детских стихов.

Народное начало в стихотворениях 30-х годов («А что у вас?», «Мы с приятелем...», «Песенка друзей», «Рисунок», «Фома» и др.) выражается в их **песенности**, афористической **емкости фраз**, в **жизнеутверждающем пафосе**. Например: «Мамы разные нужны, / Мамы всякие важны». Или:

Красота! Красота!
Мы везём с собой кота,
Чижика, собаку,
Петьку-забияку,
Обезьянку, попугая —
Вот компания какая!

Лирика, юмор и сатира, смешавшись, дали почти все оттенки «михалковской» интонации. Молодой детский поэт придерживался линии Маяковского, **говоря с читателем языком живым и современным, без налета книжности, о предметах социально значимых**. Михалков был в числе тех детских поэтов, кто **активно формировал образ своего читателя** — «советского ребенка», не довольствуясь простым отражением действительной жизни. Многие его стихотворения стали **массовыми песнями, в которых выразилась эпоха с ее диктатом «мы», наивным оптимизмом и искренним патриотизмом**. Это «Веселое звено», «Веселые путешественники», «Кто в дружбу верит горячо...», «Веселый турист», «Весенний марш», «Песня пионеров Советского Союза», «Сторонка родная», «Наша сила в деле правом...», «Партия — наш рулевой» и др.

В 1936 году была опубликована поэма «Дядя Степа» с иллюстрациями А. Каневского. Она принесла поэту **всенародную славу**. Отказавшись от сказочного чуда как непрямого в «старой» детской литературе приема, Михалков использовал **прием объективации чуда**: дядя Степа живет по указанному адресу, действует в реальной Москве и совершает поступки, невозможные лишь для людей обычного роста. **Древний фольклорный образ доброго великана обновлен идеями конкретно-социального, идеолого-воспитательного плана**. Уже в иные времена Михалков вернется к своему герою в частях-продолжениях «Дядя Степ ¹⁰³ милиционер» (1954), «Дядя Степа и Егор» (1968), «Дядя Степа — ветеран» (1981). Долгожительство дяди Степы в детской литературе объясняется тем, что **настоящий герой воспринимается «членом семьи»**, по выражению А. Прокофьева, смена его ролей вторит движению реального времени.

В 1939 году в связи с публикацией колыбельной «Светлана» поэт получил свою первую награду (орден Ленина), послужившую ему охранной грамотой в пору репрессий. Почти всю Великую Отечественную войну Михалков служил корреспондентом газеты «Сталинский сокол», побывал почти на всех фронтах, писал очерки, заметки, стихи, юмористические рассказы, тексты к политическим карикатурам, листовки и прокламации.

К детям были обращены стихотворения «Братья», «Данила Кузьмич» и др. Создавалась частями поэма «**Быль для детей**», в которой дан поэтический обзор всех лет войны (работа над поэмой охватывает 1941 — 1953 годы). Бойцам были адресованы многие стихотворения о детях.

Один из заметных фактов газетной периодики 1942 года — сделанный Михалковым **обзор детских писем, приходивших на фронт**. После войны многие из «взрослых» произведений Михалкова оказались пригодны и для детей — поэма «Мать», стихотворения «Карта», «Детский ботинок», «Письмо домой», «Откуда ты?», «Ты

победишь!», «Солдат». Творческое наследие военных лет вошло в **сборники «Служу Советскому Союзу» (1947) и «Фронтовая муза» (1976).**

В соавторстве с Габриэлем Аркадьевичем Урекляном, выступавшим в печати под псевдонимом Г.Эль-Регистан, С.Михалков написал текст **Государственного гимна СССР (1943).**

Широко известно **басенное творчество** Михалкова. Осваивать жанр басни поэт начал по совету А. Н. Толстого. Было это в 1944 году, когда широко отмечался юбилей Крылова. Первые басни **«Заяц во хмелю», «Лиса и Бобер»** Михалков послал Сталину, и вскоре они появились в «Правде» с рисунками Кукрыниксов. В его стихотворных и прозаических баснях отразился **советский обыватель в разных своих типажах**: власть имущие чины, их прихлебатели, бездари от науки и искусства, наивные простаки и пр. Аллегии зверей и птиц у Михалкова всегда имеют прямое отношение к социальным реалиям, к непосредственным впечатлениям («Вот пишешь про зверей, про птиц и насекомых, / А попадаешь всё в знакомых...» — «Соловей и Ворона»).

С. Михалков написал **около двухсот басен**, из которых **несколько десятков** имеют долгую жизнь и **входят в круг детского чтения**. Этическая идея в таких баснях преобладает над идеологией, а художественная форма отличается той мерой выверенности и свободы, что присуща басням Крылова. В 80-х годах поэт вернулся к этому жанру. Во взрослой периодике были опубликованы басни «Лекарь поневоле», «Пес, Конь и Заяц», «Кроты и люди», «Орел и Курица», «Корни», «Дуб и шелкопряд», «Лев на таможне» и др.

Как драматург С. В. Михалков сложился в 30 — 40-х годах. Первая его пьеса — **«Том Кенти» (1938)** — была вольной инсценировкой «Принца и нищего» Марка Твена. Михалков изменил в романе нравственно-социальные акценты: его Принц не способен усвоить уроки добра из своих испытаний под именем Тома Кенти, зато сам Том Кенти, получив власть, стал лучше, умнее, благороднее; вместе с Майлсом Гентоном они отказываются от близости к трону и выбирают независимость. Эта пьеса и последовавшие за нею создали фундамент театрального репертуара, посвященного пионерии («Коньки», 1938; «Особое задание», 1945; «Красный галстук», 1946).

Пьеса-сказка **«Веселое сновидение»** (другое название — «Смех и слезы», 1946) — дань собственному детству: времени, когда в подмосковном поселке ребята поставили «Три апельсина» К.Гоцци, а советы им давал Станиславский, отдыхавший неподалеку. Забавное сочетание сказочной «старины» и современных деталей (герои носят часы, говорят по телефону), утверждение власти радости вместо власти уныния и страха, победа света над тьмою, правды над ложью — все это идейно-художественное построение, лишь отчасти напоминающее сказку Гоцци, пришлось по вкусу юному послевоенному зрителю.

Водевиль **«Сомбреро» (1957)** — история о «закулисных интригах» при распределении ролей в дачном детском спектакле о трех мушкетерах. Эта пьеса предшествует более поздней веселой комедии «Сон с продолжением» (1982). **«Сомбреро» — самая популярная из детских пьес Михалкова.**

Целый ряд публицистических пьес создан писателем в 60 — 70-е годы: «Забытый блиндаж» (1962), «Первая тройка, или Год 2001-й» (1970), «Дорогой мальчик» (1973), «Товарищи дети» (1980). Тематически они близки к пьесам 40—50-х годов, в особенности к идеям и мотивам пьесы «Я хочу домой» (1949) — о возвращении советских детей из плена.

Прозаическая сказка **«Праздник непослушания» (1972)** вобрала в себя то лучшее, что было наработано прежде: острую актуальность, развлекательный сюжет с

серьезным нравственно-социальным подтекстом, яркую зрелищность эпизодов, стихию комического — юмор, иронию, сатиру. 104

В репертуар для дошкольников прочно вошла пьеса-сказка С.Михалкова «Зайка-Зазнайка» (1951). Одной из **любимых книжек малышей** стала сказка по мотивам английского оригинала **«Три поросенка» (1936).** Долгий успех этих произведений во многом связан с ясной этической идеей, свободной от идеологической нормативности.

Начиная с 1953 года и до конца 80-х годов Сергей Михалков написал много сатирических пьес для взрослых, в том числе по мотивам произведений Салтыкова-Щедрина, Достоевского, Шукшина.

Но, С.Михалков всегда подчеркивал, что он **в первую очередь детский поэт.** В стихах для детей Михалков делал все больший акцент на **поэтическую публицистику** (стихотворения «Разговор с сыном», «Служу Советскому Союзу», «В Музее В.И.Ленина», «На родине В.И.Ленина», «Есть Америка такая...» и др.). Если в детской публицистике военных лет поэт прибегал к форме стихотворного очерка с множеством конкретных деталей (например, «Фашистская посылка», «Пионерская посылка»), то позже он отказался от таких проверенных, безотказно работающих в детской аудитории приемов. **Без аллегорий или метафор, на едином для взрослого и ребенка языке** он заявлял В 1936 году была опубликована поэма «Дядя Степа» с иллюстрациями А. Каневского. Она принесла поэту всенародную славу.. Например, в стихотворении «Будь готов»:

Да! Посмей назвать отсталой
Ту великую страну,
Что прошла через войну,
Столько бедствий испытала,
Покорила целину,
А теперь такую стала,
Что почти до звёзд достала
Перед рейсом на Луну!..

Образы страны, советских людей по-плакатному обобщены, монументальны. «Страна-подросток», некогда прославленная Маяковским, в стихах Михалкова окрепла, возмужала, стала мировой державой социализма. Мотивы молодой радости, путей-дорог, характерные для его поэзии 30-х годов, в 60 — 70-х годах сменились мотивами исторической славы, державной гордости.

Сергей Михалков известен и **как переводчик классиков детской поэзии** — болгарина А.Босева, еврея Л.Квитко, поляка Ю.Тувима. Есть у него переводы с украинского, чешского, французского. Выбирая близких себе по духу поэтов, он исходил из собственного впечатления от первоисточника, поэтому переводы производят впечатление оригинальных, михалковских произведений.

Тесно связан Михалков с **отечественным кинематографом и телевидением.** Начиная с 1938 года (с текста к мультфильму «В Африке жарко») по сценариям Михалкова было поставлено **более тридцати мультфильмов, художественных и телевизионных фильмов,** в том числе «Фронтовые подруги» (в соавторстве с М. Розенбергом, 1940), «У них есть Родина» (1949), «Комитет 19-ти» и «Вид на жительство» (в соавторстве с А. Шлепяновым, 1972).

С 1962 года начинает выходить **сатирический киножурнал «Фитиль», идея которого принадлежит Михалкову;** он же много лет был его **главным редактором.** Найденная им новая форма сатирической публицистики способна была оперативно

воздействовать на бюрократический аппарат. Младший брат «Фитиля» — «Ералаш» (автор сценариев А.Хмелик) сделался **одним из любимых зрелищ не только детей, но и взрослых.**

«Русская литература XX века создавалась в Советской России и в лучших своих образцах перешагнула границы всех стран. Эту литературу создавали советские писатели», — подчеркивает Михалков в книге «Я был советским писателем».

8.10. Барто А.Л. Стихи для самых маленьких и о самых маленьких. Сатира и юмор. Гражданская тема.

А.Л.Барто (1906—1981) принадлежит к поколению поэтов, сформировавшихся под непосредственным влиянием Маяковского. У него училась молодая поэтесса искусству новых форм. Чтобы завоевать детскую аудиторию, ей нужно было найти свой поэтический язык, узнаваемый и не похожий ни на какой другой, найти темы, волнующие современных детей. **Первые удачные стихотворения** написаны в середине 20-х годов — это «**Китайчонок Ван Ли**», «**Мишка-воришка**», «**Пионеры**», «**Братишка**», «**Первое мая**». Они пользовались популярностью благодаря своей тематике, тесно связанной с новыми интересами детей, 105 кже еще редкому в детской поэзии публицистическому пафосу.

Путь Барто в литературе заметно отклонялся от направления, которое пролагали ее старшие коллеги — Чуковский и Маршак. Поэтесса **смело использовала сложные (составные, ассонансные) рифмы**, которые Чуковский считал недопустимыми в детских стихах, **свободно меняла размер в строфе**. **Воспитательную тенденцию она не столь тщательно скрывала в игре или выдумке**, предпочитая **прямо говорить даже с самым маленьким читателем на серьезные морально-этические темы**. Бесспорна ее заслуга в разработке новой **большой темы детской книги — общественное поведение ребенка**.

Влияние Маяковского обнаруживается и в стремлении Барто **к сатире и публицистике**, близкой газетному фельетону. Примерами могут служить **стихотворения «Девочка чумазая», «Девочка-ревушка»** (1930, написаны совместно с ее мужем П.Н. Барто), а также **пьеса-игра «Миллион почтальонов»** (1934); в пьесе юные зрители в порядке самокритики сознавались в «пороках», а актеры тут же эти пороки иллюстрировали. Однако **сатира всегда приглушается у Барто мягкой лирической интонацией**; назвать эти и более поздние ее произведения чистой сатирой или публицистикой, пожалуй, нельзя.

Призвание Барто — писать для детей и от имени детей.

Чаще всего лирический герой Барто — конкретный ребенок. Девочки и мальчики, малыши и школьники — психологический портрет каждого прорисован с живой убедительностью. **Реализм — вот главная черта в ее изображении детей и общества**: причем это реализм не внешних деталей, а внутреннего наполнения образа.

Значительная часть стихотворений Барто — **детские портреты**, в которых живая индивидуальность обобщена до легко узнаваемого типа. Тип этот определен часто уже в названии: «**Новичок**», «**Непоседа**», «**Младший брат**», «**Юный натуралист**», «**Болтуня**», «**Вовка — добрая душа**». Множество стихотворений названо **именами детей**. В психологической характеристике ребенка подмечены и возрастные особенности, и «проблемные» черты. Обходясь без скучного морализаторства, только посмеиваясь в своих частушечно-куплетных стихах, поэтесса предлагала юному читателю взглянуть на себя со стороны и заняться самовоспитанием. Вместе с тем ее позиция отчетливо

выражается афоризмами, например: «Есть такие люди — / Им всё подай на блюде» («Лялечка»).

Стихи А.Барто о малышах и для малышей приобрели всенародную и неугасающую популярность. Они имеют обычно форму **лирической миниатюры** — ту форму, которая была хорошо разработана русскими поэтами прошлого века, творившими для самых маленьких. Именно **лирические миниатюры** принесли Барто славу классика детской поэзии. Это цикл «Игрушки» (1936), стихотворения «Фонарик», «Машенька», «Машенька растёт» и др.

Сюжеты их завершены в пределах всего нескольких строчек, и, несмотря на минимальный объем, в них есть **герой и действие, завязка и развязка, конкретный факт и эмоционально-нравственное его обобщение:**

Уронили мишку на пол,
Оторвали мишке лапу.
Всё равно его не брошу —
Потому что он хороший.

Секрет успеха «Игрушек» — в воспроизведении **того образа игрушки, который складывается в сознании малыша**, в выражении естественного нравственного чувства, что **формируется** не поучением взрослых, а **общением с нею**. Барто ввела в литературу для детей **нового лирического героя — малыша**, погруженного в свой собственный мир игры и мечты.

Речевая ткань ее стихотворений **воспроизводит особенности лексики и синтаксиса детской речи.** Ребенок оформляет свою мысль в короткое предложение, часто поражая взрослых афористической точностью высказываний. И Барто в каждой строке дает **простое предложение**; в нем редко встречаются отклонения от грамматических норм, совсем нет игры слов или использования слов в переносном значении. Такая речевая строгость как раз и передает характерную для малышей правильность речи:

Я люблю свою лошадку,
Причешу ей шерстку гладко...

Позволяя себе сложные рифмы (*на пол — лапу, плачет — мячик, козленок — зеленый*), Барто твердо выдерживала заданный размер, добиваясь максимальной ритмичности и звучности. «**Мишка**», «**Бычок**», «**Слон**», «**Самолет**» и другие стихотворения из цикла «Игрушки» дети запоминают быстро и с большой охотой: это их собственная, не заимствованная из взросл¹⁰⁶ литературы лирическая поэзия.

Среди «малышовых» стихотворений Барто есть и такие, что **посвящены важному моменту семейной, а значит, и детской жизни — рождению брата или сестры** (цикл «**Младший брат**»). Поэтесса показывает, как это событие переворачивает жизнь старших детей, которые в свои пять-шесть лет уже готовы взять на себя ответственность и заботу о грудничке (стихотворения «**Две сестры глядят на братца...**», «**Света думает**», «**Комары**», «**Гроза**» и др.). Автору интересна психология ребенка, осознающего свою взрослость рядом с грудным братом или сестрой, интересны проблемы старших детей, возникающие при этом («Обида»).

Серьезность старших детей часто **контрастирует с «маленькими комедиями**», которые неизбежно происходят в такой семейной ситуации. Например, девочка Марина охраняет спящего в саду братца от комаров:

Она убила комара —
Забудет, как кусаться!..
Но раздался громкий рёв

Испуганного братца.

Есть и стихотворения, в которых раскрывается **богатый внутренний мир ребенка-дошкольника**. Мысли и чувства в возрасте «от двух до пяти» уже вполне сформированы, достаточно сложны, чтобы вызывать не только улыбку, но и уважение взрослых.

Усложняется и форма стихотворений, углубляется их подтекстовое содержание. Предложение уже не всегда помещается в одной строчке, поскольку более развернута мысль лирического героя — ребенка. Стихотворное повествование подчиняется более прихотливому ритму, соответствующему естественной интонации рассказывания; проявляется звуковой рисунок.

Приведем для примера строфы из *«Сверчка»* — стихотворения, входящего в «золотой фонд» наследия поэтессы:

Ищу под диваном —
Не вижу сверчка,

А он, как нарочно.
Трещит с потолка.

То близко сверчок,
То далёко сверчок.

То вдруг застрекочет,
То снова молчок.

В предвоенные годы Барто создавала поэтический образ советского детства. Счастье, здоровье, внутренняя сила, дух интернационализма и антифашизма — таковы общие черты этого образа. В книжках *«Дом переехал»* (1938), *«Сверчок»* (1940), *«Веревочка»* (1941) развиваются мотивы мирного веселья, труда и отдыха. Герои стихов — мальчики и девочки, чувствующие себя хозяевами все хорошеющей страны.

Стихотворение *«Веревочка»* можно назвать небольшой поэмой о Москве весны 1941 года. Характер главной героини, девочки Лиды, под стать «шумной, веселой, весенней» столице. Лида учится скакать через скакалку, и ее задорный энтузиазм, энергия передают состояние всего города, в котором кипит жизнь, движение, слышится галдеж грачей и грохот грузовиков.

В годы Великой Отечественной войны герой **Агнии Барто повзрослел, стал строже**; в центре внимания поэтессы теперь — **становление молодого поколения**. Это относится к циклу стихов *«Уральцы бьются здорово»*, к сборнику *«Подростки»* (1943), к поэме *«Никита»* (1945). Есть различия в стихах военных и послевоенных лет, которые легко проследить, сравнив два стихотворения, посвященных Зое Космодемьянской, — *«Партизанке Тане»* (1942) и *«У памятника Зое»* (1957): первое — отвечает всем требованиям газетной публицистики, второе — гораздо более эмоционально, проникнуто личной скорбью. Да и все послевоенное творчество Барто более лирично; в интонациях — **скрытая горечь, чувство тревоги за детей**.

В поэме о детском доме *«Звенигород»* (1947) зазвучала **новая тема**, характерная для творчества следующих десятилетий, — **тема защиты детства от бед взрослого мира**.

В стихах 50 —60-х годов сатира нередко уступает место **мягкому юмору**. Это такие стихи, как «Я с ней дружу», «О премии, о Димке и о весеннем снимке», «У меня веснушки», «Андрей не верит людям». В целом **поэтический мир Барто усложняется, расширяется диапазон переживаний ее героев**, психологические коллизии дополняются **этическими**. Лирическая зарисовка — теперь один из ведущих жанров ее творчества.

А. Барто начала освоение «целины» — поэзии для подростков, возраста, который прежде считался «непоэтичным». В 70-х годах выходят ее сборники «За цветами в зимний лес», «Думай, думай...», «Подростки, подростки...». Можно сказать, что Барто отразила в своих стихах весь школьный мир, увидела его глазами самих детей и заставила по-иному взглянуть на него взрослых (сборники предвоенных и послевоенных лет «Все учатся», «Из пестрых страниц», «У нас под крылом»).

Переводы А. Барто отличаются своеобразностью подхода к оригиналам. Она собирала стихи детей из разных стран и переводила их на русский язык таким образом, чтобы подчеркнуть не особенности иного языка и национального сознания, как это делали Маршак и Чуковский, а особенности детского поэтического чувства. «Промытые» при переводе детские стихи становились фактом настоящей литературы, сохраняя при этом свежесть неумелого детского стихотворения.

Сборник Барто «**Переводы с детского**», вышедший в 1976 году, наглядно подтвердил самостоятельность и богатство духовной жизни детей разных народов, интернациональную общность их взглядов и интересов. Иллюстрациями к сборнику послужили рисунки советских детей. Так было достигнуто единство замысла всей книги.

«**Записки детского поэта**» (1976) подводят итоги размышлений и богатого опыта поэтессы, педагога, общественного деятеля Агнии Барто. Наряду с книгой Чуковского «От двух до пяти» записки Барто составляют особый фонд знаний о детях и детской литературе.

Агния Барто в своем творчестве запечатлела целую эпоху в истории культуры детства, само же ее творчество является достоянием детства нынешнего.

9 .РАЗВИТИЕ ЖАНРА ЛИТЕРАТУРНОЙ СКАЗКИ /Олеша Ю.К., Толстой А.Н., Катаев В.П/.

Ю.К.Олеша (1899—1960) в 20-х годах был известен по всей стране как один из лучших фельетонистов популярной газеты «Гудок». Он и роман для детей «**Три толстяка**» написал в тесной комнатке редакции на рулоне бумаги; было это в 1924 году. Четыре года спустя книга «Три толстяка», оформленная М.Добужинским, вышла в свет и сразу оказалась в центре внимания детей и взрослых.

Особенность жанра «Трех толстяков» в том, что это роман для детей, написанный как большой фельетон. В целом произведение является **выдающимся памятником литературного авангарда 20-х годов**. Каждая глава представляет читателю законченный сюжет и все новых и новых героев; так в старинном волшебном фонаре, предшественнике кино, сменяются занимательные картинки. **Внимание** читателя постоянно переключается: с героического эпизода — на комический, с праздничного — на драматический. Действие разветвляется; изображается не только то, что имеет прямое отношение к основному конфликту между «толстяками» и «чужаками», но и посторонние как будто эпизоды, например история тетушки Ганимед и мышки, история продавца воздушных шаров.

Используются **символы и метафоры**: фонарь Звезда (метафора Солнца), розы, плахи, цепи (символы жертв революции), железное сердце (метафора тирании) и др. **Герои** кажутся то сошедшими с агитплакатов - из-за гипербола и гротеска в портретах (Просперо, три толстяка), то с нежных акварелей (дети Суок, Тутти), то со страниц итальянских или французских комедий (Гаспар Арнери, Тибул).

Текст произведения состоит из **фрагментов, написанных в разных стилях** — кубизме (описание площади Звезды напоминает городские пейзажи художников 20-х годов), импрессионизме (ночная набережная), реализме (площадь после разгрома восставших).

Мало кто мог соперничать с Ю. Олешей в искусстве создавать метафоры, находить необычные и точные сравнения. Его **роман-сказку** можно назвать **энциклопедией (или учебником) метафор**. Глаз попугая похож на лимонное зерно; девочка в платье куклы похожа на корзинку с цветами; гимнаст в ярком трико, балансирующий на канате, издали похож на осу; кошка шлепнулась, «как сырое тесто»; в чашке плавали розы — «как лебеди»... Такое видение мира предвещало появившуюся позже рисованную мультипликацию.

Тема революции неожиданно воплощена у Олеша в сюжете **празднично-циркового представления**. Шуты и герои, чужаки и романтики подхвачены бурными событиями. Однако **революция** — это не только праздник восставшего народа, но и великая драма (доктор Гаспар Арнери видит кровь, убитых). И все-таки для Олеша **революция сродни искусству, сказке, цирку**, поскольку она **совершенно преображает мир**, делает обычных людей героями. Недаром он подчеркивает: у Просперо, вождя вос-

ставших, рыжие волосы, т.е. он - «рыжий» клоун, главный персонаж в цирке.

Многие приемы писатель заимствовал из немого кинематографа, и **главный из них — монтаж**: два разных эпизода, соединенных встык, образуют **зрительную метафору**. Например, наследник Тутти так закричал, что в дальней деревне отозвались гуси. В кинофильме (немом!) этот момент был бы склеен из двух фрагментов: лицо Тутти и поднявшие голову, восторженно глядящие гуси. Это и есть кинометафора. **Другой кинематографический прием — монтаж нескольких планов**. Например, побег Тибула как будто снят с разных точек: Тибул видит сверху площадь и людей, а люди снизу наблюдают за ним, идущим «на страшной высоте» по канату.

В сущности, «**Три толстяка**» — это **произведение об искусстве нового века**, которое не имеет ничего общего со старым искусством механизмов (школа танцев Раздватриса, кукла, точь-в-точь похожая на девочку, железное сердце живого мальчика, фонарь Звезда). Новое искусство живо и служит людям (маленькая актриса играет роль куклы). Новое искусство рождается фантазией и мечтой, поэтому в нем есть легкость, праздничность, это искусство похоже на цветные воздушные шары (вот зачем нужен «лишний» герой — продавец воздушных шаров).

Олеша менее всего хотел бы разрушить старый мир «до основания» — он предлагал увидеть его по-новому, детскими глазами, и найти в нем красоту будущего.

А.Н.Толстой в эмиграции написал свое лучшее, по отзывам многих критиков, произведение — повесть «**Детство Никиты**» (1920). Главному герою он дал имя сына, а детство изобразил собственное.

Писатель **серьезно интересовался литературой для детей**, хотел видеть в ней большую литературу. Он утверждал: «¹⁰⁹ и должна развивать у ребенка мечту... здоровую творческую фантазию, давать ребенку знания, воспитывать у него эмоции добра... **Детская книга должна быть доброй, учить благородству и чувству чести**».

Эти принципы и лежат в основе его знаменитой сказки «**Золотой ключик, или Приключения деревянной куклы**» (1935). История «Золотого ключика...» началась в 1923 году, когда Толстой отредактировал перевод сказки итальянского писателя Карло Коллоди «**Пиноккио, или Похождения деревянной куклы**». В 1935 году, вернувшись из эмиграции, он вынужден был из-за тяжелой болезни прервать работу над романом «**Хождение по мукам**» и для душевного отдыха обратился к сюжету о Пиноккио. В итоге «роман для детей и взрослых» (по определению Толстого) и сегодня остается одной из любимых книг читателей.

Сказка Толстого **отличается** от назидательной сказки Коллоди прежде всего **своим стилем**, в частности **ироничным отношением ко всякому нравованию**. Пиноккио в награду за то, что стал наконец «хорошим», превращается из деревянной куклы в живого мальчика; **Буратино же хорош и так**, и поучения Сверчка или Мальвины — совсем не то, что ему нужно. Он, конечно, деревянный и потому не очень разумный; **зато он живой и способен быстро расти умом**. В конце концов оказывается, что он вовсе не глуп, напротив, сообразителен и быстр в решениях и поступках. Писатель переименовал героя: Пиноккио превратился в Буратино. Это, по мнению папы Карло, **счастливое имя**; те, кто носит его, **умеют жить весело и беспечно**. **Талант так жить** при отсутствии всего, что обычно составляет фундамент благополучия — образованного ума, приличного воспитания, богатства и положения в обществе, — **выделяет деревянного человечка из всех остальных героев сказки**.

В сказке действует большое количество героев, совершается множество событий.

В сущности, изображается целая эпоха в истории кукольно-бутафорского Тарабарского королевства.

В начале века модными типажам были: поэт — трагический шут (Пьеро), изнеженная женщина-кукла (Мальвина), эстетствующий аристократ (Артемон). В образах **трех этих кукол** нарисованы **пародии**, и хотя, разумеется, маленький читатель не знаком с историей русского символизма, он чувствует, что эти **герои смешны иначе, чем Буратино**. Кроме того, Мальвина похожа на Лиллю, героиню «Детства Никиты», что придает ей теплоту и обаяние.

И **положительные**, и **отрицательные герои** сказки обрисованы как **яркие личности**, их характеры четко выписаны. Заметим, что автор выводит своих «негодяев» **парами**: рядом с Карабасом Бара-басом появляется Дуремар, неразлучны лиса Алиса и кот Базилио.

Герои изначально условны, как куклы; вместе с тем их действия сопровождаются изменчивой мимикой, жестами, передающими их психологическую жизнь. Иными словами, **оставаясь куклами, они чувствуют, размышляют и действуют, как настоящие люди**. Буратино может почувствовать, как от волнения похолодел кончик носа или как бегут мурашки по его (деревянному!) телу. Мальвина бросается в слезах на кукольную кружевную постель, как экзальтированная барышня.

Герои-куклы изображены в развитии, как если бы они были живые дети. В последних главах Пьеро становится смелее и начинает говорить «грубым голосом», Мальвина строит реальные планы — работать в театре продавщицей билетов и мороженого, а может быть, и актрисой («Если вы найдете у меня талант...»). У Буратино в первый день от роду мысли были «маленькие-маленькие, коротенькие-коротенькие, пустяковые-пустяковые», но в конце концов приключения и опасности закалили его: «Сам принес воды, сам набрал веток и сосновых шишек, сам развел у входа в пещеру костер, такой шумный, что закачались ветви на высокой сосне... Сам сварил какао на воде». Явно повзрослев в финале сказки, он тем не менее остается прежним озорным мальчишкой на театре, в котором будет играть самого себя.

Сюжет развивается стремительно, как в кинокартине: каждый абзац — готовая картина-кадр. Пейзажи и интерьеры изображены как декорации. На их неподвижном фоне все движется, идет, бежит. Однако в этой кутерьме **всегда ясно, кому из героев читатель должен сочувствовать, а кого считать противником. Добро и зло четко разведены**, при этом и отрицательные герои вызывают симпатию; поэтому непримиримый конфликт между героями развивается легко и весело.

Широко используется в сказке **комизм положений** — самая доступная для детей форма комического. Например, очень смешно зрелище, когда свирепый Карабас Барабас, засунув бороду в карман, чихает без остановки, отчего на кухне все дребезжит и качается, а Буратино, подвешенный на гвоздь, начинает «подвывать жалобным тоненьким голоском»: «Бедный я, несчастный, никому-то меня не жалко». Использует Толстой и **другие формы комизма**, прежде всего **речевой комизм** (*умненький-благоразумненький, деревянненький*), наиболее ярко проявляющийся в диалогах.

Во второй половине 30-х годов А.Н.Толстой **возвращается к русским сказкам**, замыслив огромный труд — **пятитомный «Свод русского фольклора»**. Он успел выпустить **только первый том (1940) — 51 сказку**, а за год до смерти добавил к ним еще шесть. Этот том составляют **почти целиком сказки о животных**. Такие сказки, как «Репка», «Колобок», «Теремок», «Петушок — золотой гребешок», «Пузырь, соломинка и лапоть», читатели с детства помнят едва ли не наизусть, настолько точно поставлены в них слова, выверены композиция и диалоги.

Из многочисленных вариантов народной сказки он выбирал наиболее интересный, коренной, и обогащал его из других вариантов яркими языковыми оборотами и сюжетными подробностями». В итоге такой обработки сказка сохраняла «свежесть и непосредственность народного рассказа» и являлась читателю во всем блеске художественного мастерства.

Народный стиль передается главным образом синтаксисом фразы. **Диалектные или архаичные слова Толстой заменял синонимами из современного языка. Сокращениям подверглись повторы, умерена «цветистость»,** присущая народным сказкам. Толстой держался ближе к основе сюжета, усиливал действие, добавлял глаголов, **убирая все, что опутывает и тормозит действие.**

Сотни переизданий сказок в обработке А.Н.Толстого доказывают, что путь, им избранный, был верен.

В.П.Катаев (1897— 1986), прозаик реалистического направления, не раз обращался к литературе для детей. Дошкольникам адресованы вышедшие в 1925 году книжки-картинки **«Радио-жираф», «Бабочки»,** веселая сказка **«Приключение спичек»,** небольшая повесть **«Приключения паровоза».** Необычайный успех у подростков имела повесть **«Белеет парус одинокий» (1936):** в ней соединены реальность революционных событий и мальчишеская романтика приключений.

В круге чтения младших детей до сих пор остаются сказки Катаева **«Цветик-семицветик» (1940), «Дудочка и кувшинчик» (1940), «Пень» (1945), «Жемчужина» (1945), «Голубок» (1949).** Эти сказки дидактичны; назидание выражается в них через иносказание, близкое к аллегории. Волшебное чудо используется Катаевым как художественный прием, позволяющий раскрыть назидательную идею. **Сказочный вымысел помогает иносказательно и тактично объяснить маленькому читателю его возможные недостатки и показать верный пример отношения к окружающему миру.**

Уроки правильного самоопределения человека в жизни следуют один за другим. Первый урок очень прост: нельзя получить все сразу и без труда. Девочке Жене лень собирать по одной ягоде в кувшинчик, к тому же она хочет иметь и волшебную дудочку, предложенную в обмен на кувшинчик стариком-боровиком. Можно менять то кувшинчик на дудочку, то дудочку на кувшинчик, но нельзя иметь и то и другое. В итоге Женя, поняв свою ошибку, принимается за дело — собирает ягоды как все, нагибаясь и заглядывая под каждый листок (**«Дудочка и кувшинчик»**).

В «Цветике-семицветике» — урок посложнее. Та же девочка Женя по дороге из булочной неожиданно получает волшебный цветок. В фольклорных сказках герой в таких случаях имеет возможность исполнить свои самые заветные желания. Такая же возможность предоставляется Жене. Но она растрчивает почти все лепестки волшебного цветка попусту. Лишь последний лепесток отрывает она ради счастья другого человека, исполняя, таким образом, настоящее свое заветное желание — помочь человеку в беде. Такова важная «подсказка» писателя детям: помнить самую большую свою мечту и не размениваться на пустяки.

Сказки В. Катаева **«Пень»** и **«Жемчужина»** близки к сатире. Их уроки сводятся к тому, что надо правильно оценивать себя и свое место в мире. Пень возомнил себя царем, а между тем вокруг него растут прекрасные деревья. Рыбка Каролинка гордится тем, что у нее под плавником растет жемчужина, — на поверку же оказывается, что это просто бородавка. И пока пень и рыбка кичатся своей мнимой особенностью, их жизнь проходит без пользы и смысла.

В целом сказки Катаева соответствуют принципу детской литературы, согласно которому наставление оказывается действенным, когда облечено в форму художественного вымысла.

10. ХУДОЖЕСТВЕННО-ПОЗНАВАТЕЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА

Литература: [1], [3], [7].

10.1. Пришвин М.М. Рассказы Пришвина, доступные детям дошкольного возраста: "Ребята и утята", "Золотой луг", "Ёж", "Изобретатель", "Лисичкин хлеб".

М.М.Пришвин (1873—1954) был одним из певцов природы, завещавших детям любить ее, познавать ее тайны, не стремясь что-то в ней ломать и переделывать.

Первый рассказ писателя — «Сашок» — был напечатан в детском журнале «Родник» (1906. — № 11 — 12), когда автору исполнилось уже 33 года. В этом рассказе возникают темы, которым Пришвин будет привержен всю свою творческую жизнь: единство неповторимо прекрасной и таинственной природы и взаимозависимость природы и человека. А широкую известность принесла ему книга очерков «В краю непуганых птиц» (1906), в которой отразились впечатления от поездки по северу России в составе этнографической экспедиции. За эту книгу Пришвин был награжден серебряной медалью Русского географического общества и стал его действительным членом. Тогда же писатель ощутил свое призвание — быть выразителем «души природы»; в природе он видел вечный источник радости и творческих сил человека.

Особенности личности и таланта Пришвина — **оптимизм, вера в человеческие возможности, в добрые начала, естественно заложенные в каждом, поэтичность восприятия мира.** Все это способствовало тому, чтобы начать писать для детей.

Хрестоматийным детским рассказом стала, например, завершающая глава его книги о художественном творчестве «Журавлиная родина» (1929) — «Ребята и утята». Сюжет этой главы несложен: маленькая дикая утка переводит через дорогу утят, а видевшие это ребята «закидывают их шапками», чтобы поймать. И столь же прост вывод — **обращение рассказчика к читателям: берегите птиц, населяющих лес и воды, дайте им совершить святое дело — вырастить своих детей!** Писатель наполняет рассказ атмосферой радости бытия. Дети, отпустив утят, сами становятся добрее и чище.

Пришвин считал, что отделять детскую литературу от взрослой непреодолимой преградой не следует. Пришвин признавался, что больше всего боится «подыгрывания детям, скидки на возраст». Он вкладывал в произведения для них полную меру знаний об окружающей жизни и природе, при этом стремясь к увлекательности и поэтичности изображения. Не отрицая возрастных особенностей литературы для маленьких читателей, писатель обращался прежде всего к ребенку, сохранившемуся в душе каждого взрослого. Вероятно, поэтому его произведения захватывают чувства и детей, и

взрослых.

Писатель находил особую интонацию, манеру общения с детьми разного возраста. Для маленьких читателей он считал главным условием «простоту». Но простота бывает разная, говорил Пришвин. Есть внешняя простота примитива, а есть простота, возникающая как результат полного владения материалом и любви к своему читателю.

Детские рассказы Пришвин создавал на протяжении всей своей творческой жизни. Впоследствии они были объединены в несколько циклов: «**Золотой луг**», «**Лисичкин хлеб**», «**Дедушкин валенок**».

Детские его рассказы направлены на то, чтобы раскрыть чудеса обычной жизни, показать необыкновенное в обыкновенном. Крошечная его зарисовка «**Быстрик**» состоит всего из нескольких фраз: «Вот полянка, где между двумя ручьями я недавно белые грибы собирал. Теперь она вся белая: каждый пенек накрыт белой скатертью, и даже красная рябина морозом напудрена. Большой и спокойный ручей замерз, а маленький быстрик все еще бьется». Вот и весь рассказ, но, сколько в нем философии и красоты! Так и видишь белизну снега на земле и на пнях и контрастный красный цвет рябины, хоть и припудренной изморозью. И какая чудесная сила видится в этом быстрике, который все еще бьется, сопротивляясь морозным оковам.

Пришвинская миниатюра может состоять всего из одной строчки: «Удалось услышать, как мышь под снегом грызла орешек». А вот миниатюра из двух предложений: «Думал, случайный ветерок шевельнул старым листом, а это вылетела первая бабочка. Думал, в глазах это порябило, а это показался первый цветок». Одно мгновение тишины и внимания — и услышишь по хрусту корешка, как даже под снегом идет своя жизнь. Или увидишь «явление» первой бабочки, первого цветка. Благодаря таким миниатюркам читатель иными глазами посмотрит на то, мимо чего раньше проходил не замечая, да еще и захочет узнать о природе что-то новое, свое.

Писатель верил в исцеляющую, обогащающую тайную силу природы и стремился приобщить к ней своего маленького читателя. В 112-х рассказах, где действуют и дети, это стремление выражено более открыто, так как там затрагивается моральная проблематика, поведение детей в мире природы.

Крошечный рассказ «**Лисичкин хлеб**» дал название книге, вышедшей в 1939 году. Героиня рассказа Зиночка вовлечена автором в своеобразную игру: узнав от него о том, чем питаются лесные обитатели, она вдруг заметила в корзинке кусок хлеба и «так и обомлела»:

- Откуда же это в лесу взялся хлеб?
- Что же тут удивительного? Ведь есть же там капуста...
- Заячья...
- А хлеб Лисичкин. Отведай. Осторожно попробовала и начала есть.
- Хороший Лисичкин хлеб.

Даже самый маленький читатель может самостоятельно извлечь из такого рассказа заложенный в него смысл. Зиночка, вероятнее всего, не стала бы есть «просто хлеб» да еще похваливать, не будь он «лисичкин». Автор позволяет себе лишь тень иронии, к своим маленьким героям он относится бережно и нежно.

Подлинной человечностью проникнут рассказ о выращенном человеком журавле («**Журка**»), о спасенном лягушонке-путешественнике («**Лягушонок**»), о хромой утке («**Хромка**»), о прирученном еже и тетереве («**Еж**», «**Терентий**»).

Звери и птицы у Пришвина «кукуют», «гудят», «свистят», «шипят», «орут», «пищат»; каждый из них по-своему движется. Даже **деревья и растения** в пришвинских описаниях становятся **живыми**: одуванчики, как дети, засыпают по вечерам и

просыпаются по утрам («Золотой луг»); точно богатырь, выбивается из-под листов гриб («Силач»); шепчет лес («Шепот в лесу»).

Говоря о животном мире, писатель особо выделяет **материнство**. Не раз расскажет Пришвин, как рискует собой мать, защищая детенышей от собаки («Ярик»), от орла («Орлиное гнездо») и от других неприятелей («Ребята и утята», «Пиковая дама»). С улыбкой поведает художник о том, как звери-родители заботятся о своем потомстве, учат его («Курица на столбах», «Борец и Плакса», «Первая стойка»). Художника радуют в животных такие прекрасные качества, как ум, сообразительность («Синий лапоть», «Нерль», «Изобретатель»).

Восхищением перед красотой природы и человека, ее друга и хозяина, проникнуты все произведения писателя. **Обращаясь к юному читателю**, художник утверждает, что **мир полон чудес** и «это... чудеса не как в сказке о живой воде и мертвой, а настоящие... они совершаются везде и всюду и во всякую минуту нашей жизни, но только часто мы, имея глаза, их не видим, имея уши — не слышим». Пришвин **видит и слышит эти чудеса и раскрывает их перед ребенком**. Для него нет растений вообще, а есть белые грибы, кровавая ягодка костяника, голубая черника, красная брусника, кукушкины слезки, валерьянка, петров крест, заячья капуста. Для него нет животных и птиц вообще, а есть скопа, трясогузка, журавль, ворона, цапля, овсянка, землеройка, гусь, пчела, шмель, лисица, гадюка. И это только в двух рассказах — «Лисичкин хлеб» и «Гости».

Если же взять и другие, то, пожалуй, не найдется ни одного зверя или растения средней полосы России, которые бы не были упомянуты Пришвиным. Автор не ограничивается одним упоминанием, а **наделяет своих «героев» голосами и привычками**, которые надолго ложатся в память: «Скопа прилетела, рыбный хищник,— нос крючком, глаза зоркие, светло-желтые,— высматривала себе добычу сверху, останавливалась в воздухе для этого и прятала крыльями».

Пришвин считал, что **величайшее достижение человеческих усилий** — ребенок, воспитанный в сознании взаимосвязи с великим целым — природой, в убеждении, что он всегда должен быть на ее стороне, защищать и оберегать ее

10.2. Житков Б.С. Две жизни Житкова. Значение его произведений. Опыт создания энциклопедия для детей "Что я видел". Рассказы о детях "Пудя", "Как я ловил человечков". Рассказы о героизме, о труде "Обвал", "Красный командир", "На льдине" и др. из сборника "Помощь идёт".

Б.С.Житков (1882—1938) опубликовал свои первые рассказы для детей в 1924 году. К этому времени у него за плечами был большой жизненный путь, полный упорного и увлекательного труда по освоению многих наук и профессий. Он то преподавал детям химию и математику, то, изучив летное дело, принимал в Англии авиамоторы для русских самолетов, то строил корабли, а затем плавал на них штурманом. Этот богатый жизненный опыт и дал Житкову материал для творчества.

После публикации первых своих сказов он полностью погружается в литературную деятельность — становится автором и редактором детских книг, сотрудником журналов «Воробей», «Чиж» и «Пионер», драматургом Театра юного зрителя. Более ста произведений для детей создал Житков за 15 лет.

Передавая маленьким читателям поистине энциклопедические знания и делаясь жизненным опытом, писатель наполнял свои произведения высоким нравственным содержанием. Его рассказы посвящены человеческой храбрости, мужеству, доброте,

передают романтическую увлеченность делом.

Много внимания уделял Житков **научно-познавательной литературе для детей**. Он написал немало книг и очерков по истории науки и техники. В журнале «Воробей» писатель вел отделы «Как люди работают», «Бродячий фотограф», «Мастеровой». Эти публикации вошли в состав первых его познавательных книг: **«Сквозь дым и пламя» (1926)**, **«Кино в коробке» (1927)**, **«Телеграмма» (1927)**. Из них дети узнали о том, как трудятся люди разных профессий, как самому смастерить ту или иную вещь. Житков рассказывал, что такое телеграф, радио, электричество...

Большинство своих познавательных книг писатель создавал для детей младшего возраста. Его все больше захватывала идея написать произведение энциклопедического характера для совсем маленьких читателей — от трех до шести лет. В результате в 1939 году, посмертно, появилась знаменитая книга **«Что я видел? Рассказы о вещах» («Почемучка»)**, на которой выросло не одно поколение детей. Тонкий знаток детской психологии, Житков решил, что для усвоения и запоминания различных сведений лучше всего вести рассказ от лица сверстника читателя. Четырехлетний Алеша, названный «Почемучкой», не просто повествует о чем-то, а еще и сообщает свои впечатления о вещах и событиях. Благодаря этому огромный познавательный материал не подавляет малыша, а возбуждает его любопытство: ведь рассказывает сверстник. «Его чувства, причины, их породившие, ближе всего, понятнее будут маленькому читателю», — был уверен автор.

Чтобы рассказать о вещах незнакомых, Алеше приходится объяснять увиденное при помощи уже освоенных им понятий. Так в «Почемучке» осуществляется известный дидактический принцип «от простого к сложному». «Лошадки везли печку на колесах. У ней труба тоненькая. И дядя военный сказал, что это кухня едет»; «Якорь очень большой и железный. И он сделан из больших крючков» — так даются первые «научные» сведения. И не только знания о вещах получает малыш из этой книги, но и уроки общения с людьми. Кроме Алеши здесь действуют такие персонажи, как дядя военный, мама, бабушка, друзья. Каждый из них индивидуален, у каждого свои действия, и главный герой постепенно начинает понимать, что именно ему нужно воспитывать в себе.

Житков создал для детей младшего возраста еще несколько десятков новелл, собранных в книги **«Что бывало» (1939)** и **«Рассказы о животных» (1935)**. В первом из этих сборников писатель преследует ту же цель, что и в произведениях о морских приключениях: он испытывает нравственность и мужество своих героев перед лицом опасности. Сюжеты тут разворачиваются более лаконично: в них одно событие, одна жизненная ситуация. Внимание маленького читателя удерживается внезапным, неожиданным поворотом сюжета.

Вот, к примеру, рассказ **«Метель»**: «Мы с отцом на полу сидели. Отец чинил кадушку, а я держал. Клепки рассыпались, отец ругал меня, чертыхался: досадно ему, а у меня рук не хватает. Вдруг входит учительница Марья Петровна — свезти ее в Ульяновку: пять верст, дорога хорошая, катаная, — дело на Святки было». Далее **мальчик, герой произведения**, везет учительницу и ее сынишку, и лишь **благодаря смекалке и самообладанию героя** все они не погибли в снежной круговерти. Напряжение создается описаниями борьбы со стихией, причем передано это через рассказ мальчика, через его впечатления и переживания.

Житков вообще часто **поручал** в своих произведениях **повествование детям**. Этот прием помогает писателю показать, как воображение ребенка начинает работать, разбуженное эстетическим переживанием. Мальчик Боря восхищен пароходиком,

стоящим на полке: «Я такого никогда не видел. Он был совсем настоящий, только маленький... И блестел перед рулем винт, как медная розочка. На носу два якоря. Ах, какие замечательные! Если бы хоть один у меня такой был!». Мечтательный герой населяет суденышко крохотными человечками и в страстном желании их увидеть, в конце концов, ломает игрушку. Он горько плачет, потому что у него доброе сердце, и он не хотел огорчать бабушку, для которой парходик дорог как память (**«Как я ловил человечков»**).

Вопрос о мужестве, о самой его природе особенно занимал Житкова. В 1937-м он пишет статью под названием **«Храбрость»**. В ней писатель опирается на примеры из собственной жизни, и достоверность рассказанного придает особую убедительность выводу: именно трусость — источник всяческой подлости. А храбрый человек — не тот, кто совершает смелый поступок из тщеславия или боясь прослыть трусом, а тот, кто знает, ради чего он идет на подвиг, преодолит ¹¹⁴ естественный страх.

Уже в первом своем рассказе **«Шквал»** (1924, другое название — «На воде») писатель рисует мужественного человека, спасшего экипаж парусника. Матросу Ковалеву с трудом удается выбраться из-под перевернувшегося судна на поверхность и наконец вздохнуть полной грудью. Однако он совершает обратный мучительный путь, чтобы спасти оставшихся. Недаром девочке Насте он кажется «самым главным» на борту: со свойственной детям пронизательностью она отмечает незаурядного по нравственным достоинствам человека. Рассказ этот открывает книгу Житкова **«Морские истории»** (1925). В каждом его произведении — пример человеческой смелости, преодоления страха, бескорыстной помощи, благородного поступка.

Храбрость — пробный камень для героев Житкова. Экстремальные обстоятельства проявляют в человеке скрытые качества его натуры. Так, неудачливый тореро, когда-то испугавшийся быка и теперь работающий угольщиком на корабле, беспаспортный бродяга, достойно ведет себя во время крушения и готов вздуть капитана, виновника этой беды. Он решил для себя: «Я теперь всю жизнь ничего не смею пугаться» (**«Погибель»**).

В каждом создаваемом им персонаже Житков неизменно **подчеркивает наличие или отсутствие доброты**. Для него это качество **не менее важно, чем храбрость**. Даже при изображении животного писатель находит в его поведении черты, свидетельствующие о проявлениях доброты, мужества, самопожертвования в человеческом понимании. Помогает ему в этом доскональное знание жизни и повадок животных. «Братья наши меньшие» за заботу о них платят человеку преданностью, привязанностью (**«Про волка», «Про слона», «Беспризорная кошка»**). Иногда самопожертвование животного кажется даже осознанным, например, в рассказе «Как слон спас хозяина от тигра».

Исследователи творчества Житкова отмечают близость его рассказов о животных к произведениям о них Льва Толстого: здесь то же уважение к живому существу, реализм и доброта.

10.3. Бианки В.В. Многообразие жанров в его творчестве. Традиции устного народного творчества и классической русской литературы в произведениях писателя "Кто чем поёт?", "Теремок", "Лесные домишки", "Чей нос лучше", "Сова", "Хвосты". Своеобразие писательской манеры в рассказах "Первая охота", "Приключения муравьишки". Воспитание наблюдательности и бережного отношения к природе.

В 2004 году исполнилось 110 лет со дня рождения замечательного детского писателя Виталия Валентиновича Бианки. В. В. Бианки (1894—1959), войдя в детскую литературу в 1924 году как автор журнала «Воробей», создал для маленьких читателей множество произведений о природе. Их герои — животные, птицы, растения. Он автор более трехсот произведений о жизни мира животных.

Его добрые гуманные рассказы и сказки воспитывали миллионы детей. Не одно поколение ребят они научили доброте и любви к братьям нашим меньшим, научили заботе и милосердию к тем из них, кто попал в беду.

Он был лучшим русским писателем анималистом советского периода. "Переводчики с бессловесного" - так называл он себя и своих соратников, писателей о жизни животных. Переводить на язык человеческий и птичий щебет, и всякую другую звериную многоголосицу он научился с детства, когда совершенно естественно, как только ребенок может, окунувшись в необъятный мир природы и никогда уже не нашел выхода из этого удивительно заповедного мира животных.

Став детским писателем, он каждое свое произведение стремился сделать толчком к постижению таинственного и манящего мира природы. Пробудить любознательность ребенка и доставить ему эстетическую радость — такие задачи он ставил перед собой.

Первая сказка В. Бианки — «Путешествие красноголового воробья» (1923). Затем последовали «Лесные домишки», «**Чьи это ноги?**», «**Кто чем поет?**», «**Чей нос лучше?**», «**Первая охота**» и множество других произведений (более трехсот). Сам он называл те из них, что относились к художественно-познавательному жанру, — «сказки-несказки».

Бианки высоко ценил народные сказки за сжатость и простоту. Их стиль он и взял как модель для своих произведений, намереваясь дать детям знания о мире. На страницах его сказок оживают увиденные натуралистом лесные обитатели во всей неповторимости их облика и повадок.

Первый опубликованный детский рассказ Бианки – **Чей нос лучше?** (1923). Герои рассказа птицы Тонконос, Крестonos, Дубонос и др. напоминали сказочных героев, повествовательная манера Бианки была полна¹¹⁵ точных наблюдений и юмора. В рассказе «Чей клюв лучше» разные птицы убеждали друг друга в преимуществах своего клюва, пока неожиданно появившийся ястреб не прервал этот спор весьма прозаическим образом, скушав несчастного мухолова — зачинателя спора. Этот рассказ помогает детям понять какие клювы бывают у тех или иных птиц и для чего они предназначены.

Драматично разворачиваются события в сказке «**Как Муравьишка домой спешил**» (1936). Произошла весьма неприятная история: любопытный Муравьишка забрался на высокое дерево, а сухой листок обломился, и ветер отнес Муравьишку далеко от родного дома; между тем скоро «сядет солнце, муравьи все ходы и выходы закроют — и спать. А кто опоздал, тот хоть на улице ночуй». Бедный Муравьишка к тому же при падении ноги себе зашиб, так что сам до дому не добежит. Вот и приходится ему обращаться за помощью к Пауку, Жужелице, Землемеру, Кузнечику, Водомеру. И маленькие читатели узнают, как передвигаются эти насекомые по земле и по воде. Это не только урок занимательной энтомологии, но и урок доброты: ведь Муравьишке никто из маленьких обитателей леса не отказывает в помощи.

В сказке Бианки В.В. «**Мышонок Пик**» маленького, беспомощного мышонка, попавшего в кораблекрушение, всюду подстерегают опасности: то налетит разбойница-сова, то козы съедят запасы, заготовленные на зиму. Но он не унывает, а как настоящий Робинзон смело осваивает остров.

Рассказ «**Плавунчик**» об удивительной птичке — плавунчике. Птички эти из

куликов и живут больше по болотам, по берегам рек и озер. Но они не плавают, не ныряют, а только бегают у воды по берегу и кланяются клювом до земли: так они достают себе еду в тине, в иле, под камешками или в траве.

В рассказе **«Синичкин календарь»** молоденькая синичка Зинька наблюдает за природой, заводит дружбу со многими зверями, освобождает в марте куропаток из снежной тюрьмы, пытается в июле кормить чужих птенчиков, спасти девочку от медведя, беспокоится в холодном ноябре о друге Зензивере. Перед маленьким читателем откроются повадки животных и птиц в разное время года.

В основе всех лесных сказок, рассказов и повестей Бианки лежат его собственные научные наблюдения над жизнью леса и его обитателей. Создавая их, он стремился и ребят приучить к самостоятельным наблюдениям над родной природой. Нельзя не полюбить милых мохнатых и пернатых героев Бианки, когда он рассказывает об их повадках, о ловкости, хитрости, умении спастись и прятаться.

Герои Бианки — это не только животные, птицы и насекомые, но и их друзья — ребята. В сказках и рассказах Бианки часто появляются дети, приручающие животных, например, Сергейка из рассказа **«Кузя двуххвостый»**, которому «очень хотелось поймать какую-нибудь птичку, особенно кузю — большую белощёкую синицу. Уж очень они — кузи — весёлые, бойкие, смелые». Писатель много усилий тратил на то, чтобы пробудить в маленьких читателях чувство сопричастности к миру природы, к миру животных. Как и у Пришвина и Житкова, человек у него не покоритель природы, а ее неотъемлемая часть. Вред, причиняемый природе, неизбежно скажется на существовании всего живого на Земле, не уставал напоминать писатель.

Тридцать пять лет Бианки писал о лесе. Это слово часто звучало в названиях его книг: **«Лесные домишки»**, **«Лесные разведчики»**. А самой знаменитой книгой стала **«Лесная газета»**. Другой подобной просто не было.

В **«Лесных домишках»** (1923) рассказано о жилье разных птиц. Главный персонаж — юная ласточка Береговушка. Заблудившись в незнакомом лесу, она ищет пристанище на ночь — в жилище Зуйка, Витютня, Иволги — и чуть не попадает в зубы белки. Береговушка находит свой дом, а дети в конце рассказа узнают, как устроено ласточкино гнездо на речном обрыве: «В обрыве — дырки, дырки, дырки. Это всё ласточкины норки. В одну из них юркнула Береговушка. Юркнула и побежала по длинному-длинному, узкому-узкому коридору. Добежала до его конца и впорхнула в просторную круглую комнату. Тут уже давно ждала ее мама. Сладко спалось в ту ночь усталой маленькой Береговушке на мягкой теплой постельке из травинок, конского волоса и перьев...». Сюжет в сказке о Береговушке разворачивается стремительно, события драматичны, приключения увлекательны, а в результате ребенок усваивает новые сведения о природе, испытывая к тому же целую гамму чувств: удивление перед многообразием природы, жалость к заблудившейся птичке, страх за ее жизнь.

В жизни животных и растений событий не меньше, чем у нас — людей. Каждый день в лесу масса происшествий. Кто-то строит дом, у кого-то свадьба. Обо всех этих новостях рассказывает **«Лесная газета»**, из которой можно узнать:

- Что делали рыбы зимой? 116
- Какая птица кричит как кошка?
- Дышит ли цыпленок в яйце?

Переведенная на многие языки, **«Лесная газета»** входит в мировой фонд детской литературы. По существу, входит в него и все творчество Виталия Бианки.

Знакомство читателя с основными биологическими закономерностями и взаимосвязями происходит в **«Лесной газете»** в форме увлекательной игры.

Обыгрывается форма газеты — периодичность выпуска ее номеров: первый номер — «Месяц пробуждений», четвертый — «Месяц гнезд», восьмой — «Месяц полных кладовых» и т. п. В расположении материала имитируются газетные отделы: статьи — корреспонденции — письма читателей. Броские заголовки, веселые объявления, стихи и шутки задают тон всей «Лесной газете», отнюдь не умаляя главного ее направления — «быть самоучителем любви к родной природе».

Переведенная на многие языки, «Лесная газета» входит в золотой фонд мировой детской литературы. По существу, входит в него и все творчество Виталия Бианки.

10.4. Чарушин Е.И. Е.И.Чарушин - писатель и художник. Анализ рассказов о животных "Волчишко", "Медвежата", "Что за зверь". Сборник рассказов "Большие и маленькие". Сказочные мотивы в творчестве Чарушина: "Теремок", "Про сороку". Рассказы в центре которых находится ребёнок дошкольного возраста /сборник "Никита и его друзья"/. Автобиографические рассказы "Как Женя научился говорить букву "р"", "Хитрая мама".

Е.И.Чарушин (1901 —1965) писатель и художник. Детство его прошло в обстановке, благоприятной для развития творческих наклонностей. Отец, главный архитектор Вятской губернии, передал сыну свою любовь к изобразительному искусству и незаурядную трудоспособность. Отец много разъезжал, нередко брал с собой сынишку, и первые уроки наблюдательности были получены Чарушиным в этих путешествиях по лесному краю. «И восход солнца, и туманы утренние, и как лес просыпается, как птицы запевают, как колеса хрустят по белому мху, как полозья свистят на морозе — все это я с детства полюбил и пережил», — вспоминал много позднее Е.И.Чарушин.

После окончания ленинградской Академии художеств (бывшей Императорской) Чарушин сблизился с кружком писателей при Библиотеке детской литературы, и ему предложили **иллюстрировать повесть В. Бианки «Мурзук»**. А в 1930 году вышел небольшой рассказ «Шур», написанный уже самим Чарушиным. Затем стали одна за одной выходить его книжки, которые он сам и иллюстрировал: «**Волчишко и другие**», «**Облава**», «**Джунгли — птичий рай**», «**Мохнатые ребята**»...

Уже первые произведения определили место Е. Чарушина в детской литературе: блестящий рассказчик-анималист с острым зрением художника, умеющий передать словом и рисунком повадки животных, которых он любит и необыкновенно тонко понимает, чувствует. «Мне... даже как-то странно видеть, что некоторые люди вовсе не понимают животное», — писал он.

У Чарушина звери не говорят, но он умеет показать их настроение. Внутреннее их состояние передается через поведение, причем поведение естественное, свойственное этому зверю. Искусство словесной живописи подчинено у Чарушина восприятию малыша. Дети младшего возраста лучше всего воспринимают простую по конструкции фразу, главная роль в которой отведена глаголу. Вот такими фразами создана, например, динамичная картина игры лисят в рассказе «**Путешественники**»: «Лисята постукивают по краю лапами, блюдце гремит, звенит, подпрыгивает. А лисята знай гонят его по всему полу — туда-сюда, взад-вперед. Звон стоит, как в посудной лавке».

С течением времени Чарушин стал усложнять фразу, отказываясь от такого скопления глаголов. «И тут совсем как в сказке получилось: появился, прямо встал передо мной, вот тут рядом, у моей ноги, лесной петушок. Осанка горделивая, сам в валенках: у него мохнатые ноги; вместо гребня — черный хохолок. Хвост свой развел

веером, и каждое перышко у него расписное, в пятнышках, в полосках». У такого описания уже другая цель: не столько увлечь читателя действием, сколько приучить к наблюдательности, к детальному восприятию. В данном случае он описывает лесного рябчика.

В произведениях Чарушина, особенно для самых маленьких, много звукоподражаний. Сверчок, как настает ночь, начинает «тир-ликасть»: «Тирли. Тирли. Тирли, тюрли. Лири, лири, тирлито». Ворона каркает: «Кар-р-р! Кар-р-р! Кар-р-р!» Маленький воробушек прыгает по дороге: «Чилик-чилики! Чилик-чилики! Чилик-чи-лики!» Котенка прозвали Тюпой, потому что 117 «когда очень удивится или увидит непонятное... двигает губами и "тюпает": тюп-тюп-тюп-тюп...».

Евгений Чарушин чаще всего изображает детенышей животных, видимо, полагая, что такие герои наиболее близки душе малыша. Он и сам любил маленьких зверят, «трогательных в своей беспомощности и интересных потому, что в них угадывается уже взрослый зверь». Подчеркивая детскость их поведения, писатель закрепляет в сознании своего читателя бережное, покровительственное отношение к «братьям нашим меньшим».

Животные и птицы, живущие в зоопарке, — это для Чарушина отдельная и важная тема. Да и где еще может ребенок столь подробно рассмотреть дикое животное, как не в зоопарке? Резвятся в одной клетке медвежата из разных выводков — перепачкались в молочной каше так, что и масти их не различишь. Трогательны оленята, одетые в желтые шкурки с белыми пятнышками. Описание жизни зверей часто бывает окрашено мягким юмором. «Утром все звери играют. Ягуар шар деревянный катает в клетке. Гималайский медведь-губач стоит на голове. Днем, при народе, он за конфетку стоит, а сейчас сам забавляется. Слон боком сторожа к стене придавил, метлу отнял и съел... Танцуют журавли-красавки».

Животные на воле, в естественной среде обитания, изображены Чарушиным как в рассказах, так и на иллюстрациях. В 1930 году вышла его **книжка-картинка «Птенцы»**; затем в 1935 и 1938 годах появились **книжечки «Животные жарких стран», «Удивительные звери», «Звери жарких и холодных стран»**. В этих книжках еще не было рассказов: под изображениями животных просто помещались объяснительные подписи. В изданной в 1942—1944 годах **энциклопедии в трех частях «Моя первая зоология»** подписи были уже расширены до коротких рассказов, хотя в большинстве своем бессюжетных; главным здесь для Чарушина было представить неведомое ребенку животное во всей полноте его признаков. Органичностью текстов и рисунков отличается его удивительная по лаконизму, содержательности и простоте **книжка-картинка «Кто как живет?»** (1959).

Рассказы Чарушина о диких животных, увиденных глазами то охотника, то ученого-натуралиста, но неизменно талантливого писателя и доброго человека, передают детям любовь и восхищение, какими полон он сам — наблюдатель живой, бесконечно разнообразной природы.

В рассказе **«Медведь-рыбак»** он пишет о разных способах добывания рыбы птицами, лисой, медведем. Все это — на фоне рыбного изобилия Камчатского края. Полна юмора сцена охоты за рыбой медведя. Вот он сидит по горло в воде, лапами рыбу подцепляет и кладет под себя, а она, пока он следующую ловит, из-под него уплывает: «Тут медведь так обиделся... заревел во всю мочь, прямо как паровоз. Поднялся на дыбы, лапами бьет по воде, воду сбивает в пену...»

Юмор, доброта, даже нежность всегда присутствуют в чарушинских изображениях зверей. Вот зайчиха учит зайчонка замирать, становится незаметным. Вот бельчиха

обучает бельчонка прыгать с ветки на ветку... Ребенок из таких рассказов и иллюстраций не только узнает о повадках животных — в его душе рождается отзвук, появляется ощущение родственности человека с миром природы: ведь и человеческое дитя так же наставляет его мать.

Дети в рассказах Чарушина — тоже исследователи природы, а часто и ее ученики. Пытливая Катя хочет понять, что за зверь такой приходит к ней на крыльцо: и от котлетки, и от косточки отказывается («Что за зверь?»). В рассказе «Хитрая мама» мальчик подкладывает в воронье гнездо куриные яйца и высчитывает по дням, когда из них вылупятся цыплятки.

А Женю, не умевшего говорить «р», научила этому ворона, когда он стал подражать ее карканью **"Как Женя научился говорить букву "р"**.

Герой рассказа «Джунгли — птичий рай» соорудил в старой теплице обиталище для своих многочисленных питомцев. Сюжетной завязкой здесь служит подарок, полученный мальчиком в день рождения, — пара попугайчиков. Между этим событием и финальным драматическим эпизодом (отложенные попугаихой яйца разбились о переносицу слишком любопытного друга) читатель узнает о многом: и что едят птицы той или иной породы, и на чем они предпочитают сидеть, и как устраивают гнездо в неволе. В этом рассказе есть отзвуки воспоминаний писателя о своем детстве, поэтому быт и интересы героев типичны для той среды, в которой вырос сам Чарушин.

С детства природа обогащала Е.И.Чарушина впечатлениями, которые он, став художником-писателем, облекал в точные и яркие образы. С равным искусством владел он словом, карандашом и кистью.

Последней книгой Чарушина стали «Детки в клетке» С.Я.Маршака. А в 1965 году ему посмертно была присуждена золотая медаль на международной выставке детской книги в Лейпциге.

11. ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА 40-50 ГГ.

11.1. Развитие темы детства в детской литературе 40-50-х /В.А.Осеева "Синие листья"/.

События Великой Отечественной войны и послевоенное восстановление страны определили весь строй жизни и всю культуру этого времени. **Еще перед войной, в начале 1941 года**, в стране проходили дискуссии о «военном и трудовом воспитании детей». Больше всего упреков слышали писатели, склонные к «романтике», т.е. к темам любви, дружбы, к «абстрактному» чувству прекрасного. Но между тем самыми важными объявлялись темы, связанные с романтикой идейной — военными подвигами, самоотверженным трудом, жертвой во имя коллектива. **Трудовое воспитание окончательно было признано наиглавнейшим средством нравственного формирования человека.**

Когда грянула война, детская литература использовала весь свой творческий и педагогический потенциал на то, чтобы **рассказывать о самоотверженности защитников Отечества и работе в тылу детей**, заменявших ушедших на фронт взрослых. Позже появились и произведения о непосредственном участии детей в войне.

Несмотря на тяжелейшее положение в стране, детские книги и периодические издания продолжали выходить. Особенно активно развивалась публицистика (очерки, фельетоны, агитационные стихи).

В начале войны С. Михалков написал стихотворную книжку **«Быль для детей»**, в которой, объясняя малышам смысл и цели войны, **создал величественный образ воюющего за правое дело народа**. Позже, в 1942 году, появились стихи Михалкова о **«Десятилетнем человеке»**, где **осиротевший мальчик, преодолевая жестокие лишения, пробирается к своим** — «по Солнцу прямо на восток». С. Маршак вернулся к своему старому герою — почтальону: на войне действуют тысячи почтальонов, «полковых и батальонных» (**«Почта военная»**).

Многие поэты создавали в своих стихах **образы детей, лишенных войной детства, страдающих, погибающих от голода и обстрелов**. Эти детские образы становились символами самой жизни, уничтожаемой войной. Анна Ахматова в стихах 1942 года «Памяти Вали» обращается к детям блокадного Ленинграда:

Щели в саду вырыты.
Не горят огни.
Питерские сироты,
Детоньки мои!
Под землёй не дышится,
Боль сверлит висок.
Сквозь бомбёжку слышится
Детский голосок.

Образ ребенка-мстителя часто появляется в стихах и прозе поздних военных лет. В стихотворении З. Александровой **«Партизан»** (1944) мальчик, подобранный партизанами, остается в их отряде, чтобы отомстить за мать.

В 1944 году выходит повесть В. Катаева **«Сын полка»**. Писатель показывал, что дети не беспомощны на войне, что подросток способен не только выстоять в страшных, нечеловеческих условиях, но и оказаться помощником взрослых. Катаев подчеркивает решающую роль в детской судьбе добрых и разумных людей.

Подросток — труженик тыла появился в годы войны прежде всего в поэзии. Это «мужичок с ноготок» Данила Кузьмич у С. Михалкова, это ученики ремесленных училищ на уральских оборонных заводах в цикле стихов А. Барто. В прозе такой образ впервые был создан Л. Пантелеевым.

В 1944 году вышла повесть Л. Кассиля **«Дорогие мои мальчишки»**. Писатель подчеркивал контраст между физической «невеликостью» своего героя Капки Бутырёва и его душевными качествами.

Участие детей в восстановлении хозяйства, разрушенного войной, находит отражение в творчестве многих детских писателей. Труд, семья и школа становятся в послевоенный период ведущими темами.

Создаются художественные произведения **о реальных юных участниках войны** — о молодогвардейцах Краснодона (**«Молодая гвардия»** А. Фадеева, 1947), о Володе Дубинине (**«Улица младшего сына»** Л. Кассиля и М. Поляновского, 1949), о Гуле Королевой (**«Четвертая высота»** Е. 119 зой, 1946), об Александре Матросове (**«Александр Матросов»** П. Журбы, 1950) и др.

В детскую литературу в 40—50-е годы вошли с первыми своими произведениями М. Прилежаева, Ф. Вигдорова, Н. Носов, писавшие о школе; И. Ликстанов, сосредоточивший внимание на теме труда; Ю. Сотник с превосходными, полными юмора рассказами; Н. Дубов и А. Алексин с их стремлением к психологической достоверности и проникновению в глубины взаимоотношений детей и взрослых.

Писатели, чьи имена уже были широко известны, представили на суд юного читателя **новые произведения**: В. Осеева — **«Васёк Трубочёв и его товарищи»**, А.

Мусатов — «Стожары», Н. Кальма — «Дети горчичного рая», И.Карнаухова — «Повесть о дружных», В.Каверин — последнюю часть романа «Два капитана», Р.Фраерман — «Дальнее плавание», Е. Шварц — пьесу-сказку «Два клёна».

Для дошкольников в послевоенные годы были написаны рассказы В. Осеевой «Волшебное слово» и Н. Носова «Огурцы»; издано несколько книг писателя-натуралиста Н. Сладкова: «Десять стреляных гильз», «Серебряный хвост», «Джейранчик». В это же время в поэзии для детей зазвучали имена Я. Акима, В. Берестова, Е. Благиной, Б.Заходера, Н. Кончаловской.

Итак, в 40-е годы и в первое послевоенное десятилетие появилось немало значительных произведений детской литературы. Наметилось новое решение традиционных тем, возникли новые типы литературных героев.

В. А. Осеева (1902—1969) продолжала в своей прозе реалистическое направление, связанное в детской литературе с именами Л.Н.Толстого, К.Д.Ушинского. Художественное произведение было для нее прежде всего средством воспитания, и стержнем произведения — важный нравственно-этический вопрос.

В довоенных рассказах — «Бабка», «Рыжий кот», «Выходной день Вольки» — внимание автора сосредоточено на художественном **исследовании нравственной нормы и отступлений от нее**. Главным героем здесь выступает ребенок, совершивший этическую ошибку. Уроки прозрения даются ценой мучительного переживания, и эта цена одна для детей и взрослых.

Рассказы Валентины Осеевой 40-х годов, адресованные детям дошкольного и младшего школьного возраста, также посвящены **теме нравственно-этического становления**. Сосредоточившись на психологии, на нравственных коллизиях, писательница избежала необходимости платить дань идеологии. Она освоила **трудный жанр — короткий рассказ с прямой воспитательной целью, пригодный для обучения чтению** и дающий пищу для детских размышлений: «Волшебное слово», «На катке», «Три товарища», «Печенье», «Синие листья», «Сыновья» и др.

Тщательный отбор речевых средств, оставляющий впечатление живой интонации, умелое построение, точность в выборе конфликта — все это обеспечило **рассказам постоянное место в хрестоматиях** для дошкольников и младших школьников.

Сюжеты рассказов взяты **из повседневной жизни мальчиков и девочек**, постоянно осмысляющих **нравственную сторону своих и чужих поступков**. Герои и читатели учатся понимать законы нормальной жизни среди людей. Так, известный цикл «Волшебное слово» дает **свод моральных правил**, прямо сформулированных или вытекающих из общего хода повествования. Названия рассказов тоже порой служат ориентирами в представлениях о добре и зле, ставят конкретный этический вопрос: «Хорошее», «Плохо», «Кто хозяин?», «Долг». Достоинные качества и недостатки героев — это не условные детские добродетели и грехи (неряшливость, непослушание и т.п.), а вполне серьезные, «взрослые» качества: доброта, честность, чуткость — или эгоизм, подлость, равнодушие, грубость.

Хрестоматийным стал рассказ «Волшебное слово». Чтобы убедить маленького читателя в пользе слова **пожалуйста**, писательница ввела в рассказ **элементы сказки**: совет мальчику дает загадочный старичок, немного похожий на волшебника; одно и то же действие повторяется троекратно (сестра, бабушка и старший брат в ответ на «пожалуйста» тотчас откликаются на просьбы мальчика). Рассказ выстроен композиционно так, что маленькому читателю непременно хочется продлить его, самому испытав силу «волшебного слова».

Рассказы В. Осеевой о детях военной поры — «Андрейка», «Отцовская куртка», «Татьяна Петровна», «Кочерыжка» — относятся к числу лучших произведений о войне в детской литературе. Они отличаются **реалистическим изображением народных характеров и атмосферы того времени**, особой теплотой повествовательного тона. Межличностные коллизии отходят на второй план, на первом же — Великое противостояние, война и мир, война и дети.

Кроме рассказов В.Осеева писала **стихи и сказки, адресованные дошкольникам и младшим школьникам, с той же идеей** ¹²⁰ **удожественной направленностью**. Они напоминают «Аленушкины сказки» Д. Мамина-Сибиряка с их нравоучительными аллегориями.

Крупная повествовательная форма не сразу была освоена писательницей. Широкое признание получила трилогия В.Осеевой «**Васек Трубачев и его товарищи**» (1947, 1951, 1952). До сих пор пользуется популярностью среди девочек среднего школьного возраста и ее автобиографическая диалогия — повести «**Динка**» (1954— 1956) и «**Динка прощается с детством**» (1969).

Рассказ "Синие листья" В.А. Осеева Рассказ для детей про дружбу

У Кати было два зелёных карандаша. А у Лены ни одного. Вот и просит Лена Катю:

- Дай мне зелёный карандаш. А Катя и говорит:

- Спрошу у мамы.

Приходят на другой день обе девочки в школу. Спрашивает Лена:

- Позволила мама?

А Катя вздохнула и говорит:

- Мама-то позволила, а брата я не спросила.

- Ну что ж, спроси ещё у брата, - говорит Лена.

Приходит Катя на другой день.

- Ну что, позволил брат? - спрашивает Лена.

- Брат-то позволил, да я боюсь, сломаешь ты карандаш.

- Я осторожненько, - говорит Лена. - Смотри, - говорит Катя, - не чини, не нажимай крепко, в рот не бери. Да не рисуй много.

- Мне, - говорит Лена, - только листочки на деревьях нарисовать надо да травку зелёную.

- Это много, - говорит Катя, а сама брови хмурит. И лицо недовольное сделала.

Посмотрела на неё Лена и отошла. Не взяла карандаш. Удивилась Катя, побежала за ней:

- Ну, что ж ты? Бери!

- Не надо, - отвечает Лена. На уроке учитель спрашивает:

- Отчего у тебя, Леночка, листья на деревьях синие?

- Карандаша зелёного нет.

- А почему же ты у своей подружки не взяла?

Молчит Лена. А Катя покраснела как рак и говорит:

- Я ей дала, а она не берёт.

Посмотрел учитель на обеих:

- Надо так давать, чтобы можно было взять.

11.2. Воронкова Л.Ф. Её книги о детстве: "Солнечный денёк", "Снег идёт", "Золотые ключики", "Подружки идут в школу". Картины природы: труда, быта, людей.

Л.Ф. Воронкова (1906—1976). Есть в творчестве Л.Ф. Воронковой одна очень важная черта: в самых обыденных ситуациях передается ощущение полета, устремленность к мечте, поиск чего-то фантастического. Порою это только намечается тончайшими, едва уловимыми штрихами; порою создает ясный, звонкий рефрен: «Гуси-лебеди, бросьте, бросьте мне по перышку». В основе такого эстетического восприятия лежат ранние воспоминания детства, собранные в автобиографической повести «Детство на окраине».

Мотив гусей-лебедей пройдет сквозь все творчество Л.Ф. Воронковой, повторяясь, варьируясь. И любовь к природе, ко всему живому на земле объединит, сроднит такие непохожие книги писательницы, как «Солнечный денек» и «Волшебный берег», «Федя и Данилка» и «Девочка из города».

В 30-е годы появляются такие произведения Л. Воронковой для детей, как «Маша-растеряша» — веселая радиопьеска, высмеивающая лень и несобранность, неряшливость, и «Шурка» — книжка рассказов о жизни деревенских ребят.

Во время Великой Отечественной войны Любовь Федоровна пишет очень много: «Лесная избушка», «Лихие дни», «Девочка из города».

Повесть «Девочка из города» по-настоящему зрелое произведение. Писательница нашла в нем верное решение темы детства в трудные годы войны. Девочку Валентинку, отец которой на фронте, а мать и братишка убиты, приютили колхозники села Нечаева. В повести психологически глубоко прослеживается процесс вживания девочки в новую семью. Она перенесла много недетского горя, ей помнится все, что связано с гибелью родных. И в то же время Валентинке так хочется быть участницей беззаботных игр детей новой семьи, что даже румянец проступает на щеках, когда она, видит куклы Таиски. С этими куклами, растрепанными, раздетыми, исцарапанными, она заводит разговор, в котором переплетаются детская вера в «правдошность» игры и незабытые испытания эвакуации:

«— Где вы были?—спросила Валентинка. — Почему вы такие растрепанные? Почему вы голые?

— Это мы от немцев бежали, — отвечали куклы. — Мы все бежали, бежали — по снегу, через лес...».

Воронкова находит убедительные слова, сюжетные детали, ситуации, которые помогают читателю понять, как происходит в душе девочки оттаивание, как трудно ей произнести впервые дорогое слово «мама», обратившись к женщине, которая взяла ее в семью. Горе от потери родной матери еще не выплакано, сердце не сразу отогрелось, и каждый раз, когда нужно обратиться к Дарье, Валентинка никак не называет ее, просто попросит что-нибудь, и все. И в то же время мучается девочка, сознавая, что наносит тяжкую обиду пригревшей ее Дарье, понимая, что эта женщина ее «в дочку взяла» и нужно называть ее мамой. Но долго еще застревает родное слово в горле — только весной по-настоящему отходит сердце девочки. Она принесла Дарье подснежники, «подошла и протянула ей горсточку свежих голубых цветов, еще блестящих, еще пахнущих лесом: «Это я тебе принесла... мама!»

Повесть «Девочка из города» — этапное произведение Воронковой. Написанная в годы Великой Отечественной войны, она оказала влияние на послевоенное творчество писательницы, помогла найти верный путь к читателям младшего школьного возраста.

Вообще для Воронковой характерно обращение к ребятам разного возраста. Она талантливо пишет для дошкольников («Неделька», «Синее облачко»), для средних и старших школьников («Алтайская повесть», «Старшая сестра», «Личное счастье»). Но, пожалуй, самые теплые, задушевные произведения обращены к ребятам младшего школьного возраста, такие, как «Подружки идут в школу», «Командир звездочки», «Гуси-лебеди», «Федя и Данилка», «Волшебный берег».

Еще до войны были задуманы приключения двух девочек-подружек Тани и Аленки. После войны замысел осуществился в большом цикле книг: «Солнечный денек», «Снег идет», «Золотые ключики», «Подружки идут в школу». «Командир звездочки».

В этих книгах отразились **основные особенности мастерства** Воронковой, характеризующие ее обращение к младшим школьникам: **богатство и разнообразие эмоций ребенка передается простыми, обычными, но единственно верными словами; сюжет произведений кажется, на первый взгляд, безыскусственным, но глубоко передает сложную правду жизни.**

В стиле писательницы, в выборе эпитетов, сравнений, метафор ощущается тот особый светлый колорит, которым окрашено для нее детство. В описании одного-единственного «солнечного денька» из жизни шестилетней Тани преобладают яркие, светлые, чистые тона. Писательница любовно повторяет и варьирует их: «Таня спала под светлым ситцевым пологом», «Таня посмотрела на синее небо, на зеленые березы», «У Тани теплые светлые завитки на макушке».

Детство предстает перед читателем не омраченным ничем, радостным, словно омытым весенним, добрым дождем. Природа одушевлена, олицетворена; повествование ведется на грани реального восприятия и волшебного оживления всего, что окружает девочку: «Пушистые пахучие цветы кивали Тане из-под кустов. На светлых полянах из травы поглядывали на Таню красные ягоды... Тонкие лиловые колокольчики покачивались перед ней... Малиновая липкая дрема легонько цеплялась за платье».

От повести к повести Л. Воронкова бережно следит за повзрослением Тани и Аленки, участием их в жизни взрослых, но не забывает и тех неповторимых примет детства, которые долго еще будут сопровождать двух подруг. Пять маленьких повестей о Тане и Аленке составляют своеобразный цикл. Но каждая из повестей в отдельности не теряет своей композиционной самобытности, сохраняет художественную целостность, имеет самостоятельные интересные находки в исследовании детской психологии. Так, первая — «Солнечный денек» — вся посвящена описанию одного дня в жизни девочек-дошкольниц. Для них день, наполненный разными событиями, тянется очень долго. И это психологически достоверно, оправдано возрастом детей. А в последней повести — «Командир звездочки» — охвачен почти целый школьный год. Тут и начало учебы, и 7 Ноября, когда подруги становятся октябрятами, и Новый год с шумной елкой, и первые школьные каникулы. И это тоже естеств ¹²² ребята-первоклассники во многом иначе воспринимают окружающее, впитывают в себя больше впечатлений и смена их происходит активнее.

В произведениях Л.Ф. Воронковой очень часто изображаются **примеры дружбы** очень **непохожих по характерам ребят**. В небольшой повести «Федя и Данилка» два мальчика по-разному воспринимают все вокруг. Живут ребята в Крыму, в колхозе, окруженном горами с острыми зубчатыми вершинами. Данилке кажется, что самый высокий и острый зубец похож на человека, который сидит, склонив голову, и о чем-то думает. А Федя говорит, что это просто торчат голые камни. И так во всем. Писательница настойчиво, тщательно **подчеркивает несхожесть мальчиков**: Данилка

любит приносить с гор цветы, а Федя — нет. Зато он любит лошадей, а Данилка боится их.

И даже в отношении к морю, близкому и родному для обоих, проявляется разница в поведении и характерах ребят. Федя заплывает далеко, а Данилка плещется у берега и рассматривает дно, разглядывает, что там растет, кто живет в водорослях.

Казалось бы, ничто не объединяет мечтательного Данилку и здравомыслящего, храброго Федю.

Но Воронкова **подмечает зарождение дружбы, находит ее корни**, которые кроются **в самоотверженности мальчишек, в стремлении к подвигу для людей**. Оба они мечтают стать летчиками, лететь на помощь людям, спасти виноградники. Вот она — точка соприкосновения различных характеров, основа первой мальчишеской дружбы.

Писательница показывает жизнь ребят **не облегченно**: бывают у них ссоры, непонимание друг друга, взаимные обиды. Но все это оказывается неважным, мелким, когда наступает пора расставания, когда Федя переезжает вместе с родителями далеко, в Орел. Приходит к обоим друзьям осознание горечи разлуки, впервые поднимают они нелегкую ношу жизненных потерь.

Особое место среди произведений Л.Ф. Воронковой, адресованных младшим школьникам, занимает повесть **«Волшебный берег»**. В ней дается широкий простор сказочному началу, активно вторгающемуся в реальную жизнь.

Двое ребят, Леня и Алешка, стерегут от выдры утиное стадо, которое взрослые выращивают на озере. Сюжет, казалось бы, совсем прозаичный, но повествование переносится писательницей в условный, фантастический план. Природа сказочно антропоморфизирована. Деревья, кусты, камыш разговаривают с Ленью, когда он пробирается к озеру. «Камыши легли на берег, загородили дорогу. Кусты протянули друг к другу ветки, словно за руки взялись.

А деревья раскинули кроны, и стало на острове совсем темно.

— Почему вы не пропускаете меня?— спросил Леня.

— Ты будешь разводить костер, — зашелестели кусты, — ты сделаешь пожар! Мальчишки всегда делают пожары!

— Вовсе нет!—сказал Леня.—У меня даже и спичек-то нету».

Л. Воронкова во многом удачно осваивает в этой повести традиции народной сказки: ею внимательно продуманы рефрены вопросов к Лене, ритмика фраз, особенности метафоризации.

Интересной находкой оказывается образ Пугала, которое мечтает стать деревом и чувствует, как болит, оживая, сердцевина, как соки движутся по коре. Сказочный и реальный планы связаны встречей ребят с Ардывом, в котором они только в конце повести узнают Выдру.

12. ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА 60-80 гг. ПОЭЗИЯ В ДЕТСКОМ ЧТЕНИИ.

Литература: [1], [3], [7].

Время, наступившее после смерти Сталина (1953), точнее, после XX съезда КПСС (1956), на котором Хрущев развенчал «культ личности», и по начало 60-х годов получило название «оттепели». Первые мотивы оттепели, связанные с ожиданием мирного времени, появились в детских стихах В. М. Инбер, написанных в конце войны; они восходят к тютчевскому мотиву оттепели. За стихотворением Инбер «Оттепель» (1945) последовало стихотворение Заболоцкого с тем же названием, опубликованное во взрослом «толстом» журнале. В 1956г стихотворение «Радость» Чуковского.

За недолгие годы рубежа первых послевоенных десятилетий успело сформироваться поколение людей, мыслящих гораздо более свободно, чем их отцы. Они стали создавать свою культуру, отчасти принятую властями, а отчасти не принятую, неофициальную. В литературе эти два потока — официальный и неофициальный — тесно взаимодействовали, так что в выходящих в свет произведениях вдумчивый читатель улавливал в подтексте то, о чем в неопубликованных, отвергаемых произведениях говорилось впрямую.

Государство, как и прежде, проявляло заинтересованность в детской литературе. Большое внимание уделялось научной работе по изучению социальной и возрастной психологии читателей. Настала пора формирования отдельной отрасли литературоведения — исследования детской литературы.

В печати активно выступали критики с анализом текущего литературного процесса. В педагогической прессе регулярно публиковались статьи о детских писателях. Появлялись новинки детской литературы. Ежегодным праздником стала Неделя детской и юношеской книги. Часто проводились творческие конкурсы среди детских писателей.

Литературный процесс в 60 —80-е годы шел в целом очень активно, сопровождался дискуссиями и творческими поисками.

Ра зумеется, невиданно возросшее количество детских писателей — еще не показатель качества литературы, но пристальное внимание к их работе критиков, педагогов, родителей, а также юных читателей способствовало поддержанию планки качества на должной высоте.

Продолжали работать мастера со сложившимся в 20—30-е годы творческим «я» — С. Михалков, А. Барто, Е. Благинина, В. Катаев, Л.Пантелеев, В.Осеева, Н.Носов и др. Своим творчеством они обеспечивали преемственную связь с традициями реалистической детской литературы.

Возрождению книги для маленьких много способствовал приход в детские издательства бывших фронтовиков — Б.Заходера, Я.Акима, Д.Самойлова, Р. Погодина и др. Это поколение писателей отличалось не только смелым высказыванием правды, но и особенно бережным отношением к детству и к народной культуре; они имели «взгляд на вещи просветленный» (одно из качеств детского писателя, по Белинскому). Их произведения проникнуты верой в жизнь и радостью

В конце 50-х годов заявили о себе писатели, которых относят к поколению «шестидесятников». В области литературы для дошкольников и младших школьников многое сделали такие «шестидесятники», как В.Берестов, И.Токмакова, Р.Сеф, Г.Сапгир,

И.Мазнин, Ю. Мориц, Э.Успенский, Ю. Коваль, В. Голявкин, В.Драгунский, Г. Цыферов. Для этого поколения характерны раскованность, граничившая с озорством, любовь к художественной игре (отсюда — обращение к традициям Серебряного века, к русскому авангарду 20 — 30-х годов, к западноевропейскому модернизму).

Человек и история, человек и общество, человек и природа — так можно обозначить три узловые проблемы в литературе 60 — 80-х годов.

60—80-е годы — период противоречий между административно-идеологическим управлением культурой и свободно складывающимся литературным процессом. Подспудное накопление этих противоречий привело к завершению очередной литературной эпохи. Это был период создания целой империи детской книги — исключительного по мощности, многообразию и сложности феномена культуры детства.

12.1. И.П. Токмакова. Творческий путь. Стихи для детей. Сказки-повести.

Ирина Петровна Токмакова (род. в 1929) принадлежит к тому поколению поэтов, которое пришло в детскую литературу в 50-е годы. Она избрала один из труднейших участков — литературу для дошкольников.

Писать она пыталась рано, еще в школьные годы; первые стихи были одобрены поэтом В. Лебедевым-Кумачом. Началом своей творческой биографии поэтесса считает 1958 г., когда в журнале «Мурзилка» был напечатан первый стихотворный перевод шведских народных песенок для детей. 124

Первый отдельный сборник Токмаковой «**Водят пчелы хоровод**» появился в 1960 г. Это был пересказ народных песенок, сделанный весело, с задорными и лукавыми интонациями.

В 1962 г. выходит из печати **сборник «Крошка Вилли-Винки»** с пересказами народных шотландских песенок, выполненных в лучших традициях поэтических переводов, утвержденных в детской советской литературе еще в 20—30-е годы К. Чуковским и С. Маршаком. Образ гнома Вилли-Винки, сказочного, но шаловливого и веселого, как ребенок, удался поэтессе так, как будто он всецело был создан ее творческой фантазией.

Тогда же, в 1962 г. был издан первый **сборник оригинальных стихотворений** И. Токмаковой — «**Деревья**». В нем — девять стихотворных зарисовок о яблоньке, березе, соснах, елях, пихте, осинке, иве, дубе, рябине. Даются не просто описания деревьев, наиболее распространенных на значительной территории нашей страны. Каждое дерево как бы включено в сферу жизни ребенка. С яблонькой хочется подружиться («Я надела платьице с белой каймой. Маленькая яблонька, подружись со мной»). Осинку нужно согреть («Дайте осинке пальто и ботинки, надо согреться бедной осинке»). У дуба можно поучиться выносливости («Кто сказал, что дубу страшно простудиться? Ведь до поздней осени он стоит зеленый. Значит, дуб выносливый, значит, закаленный»). Метафоры и сравнения просты, непосредственны, лаконичны: ива плачет, как маленькая девочка, которую дернули за косичку; ели-бабушки слушают, молчат, смотрят на «внучат» — маленькие елочки; береза, если бы ей дали расческу, заплетала бы по утрам косичку. Таким образом, метафоры перерастают в олицетворения, близкие и понятные детям.

За книгой «Деревья» последовали **сборники «Звенелки», «Где спит рыбка», «Зернышко», «Вечерняя сказка», «Поехали», «Котята», «Кукареку», «Весело и грустно»**. С. Маршак, оценивая первые творческие шаги поэтессы, отмечал, что в ее стихах есть непосредственное чувство, фантазия и словесная игра; стройность и законченность формы.

В 1967 г. вышел **сборник «Карусель»**, в котором было опубликовано **основное из написанного Токмаковой за десять лет**. И. Токмакова становится признанным мастером поэзии для дошкольников.

Одним из **любимых жанров** И. Токмаковой является **литературная сказка**. «**Вечерняя сказка**», «**Кукареку**», «**Букваринск**», «**Котята**» стали добрым вкладом поэтессы в воспитание детской души.

«**Вечерняя сказка**» (1965) вобрала в себя, с одной стороны, **традиции литературных сказок**, а с другой — **фольклорные**: в ней угадываются элементы колыбельных песен и волшебных сказок.

Активная роль принадлежит рассказчику. Функцию **зачина** выполняют строки:

Я целый день бродил в лесу,
Смотрю — уж вечер на носу.
На небе солнца больше нет,
Остался только красный след
Примолкли ели.
Дуб уснул.
Во мгле орешник потонул.
Затихла сонная сосна.
И наступила тишина:
И клест молчит, и дрозд молчит,
И дятел больше не стучит.

Эти строки создают определенное настроение, способствующее восприятию сказочной ситуации. Здесь нет еще открыто выраженных сказочных образов, но все соседствует с ними, все — на границе между метафорой, олицетворением и антропоморфизацией: ели притихли, дуб уснул, сосна сонно притихла. Ребенок как будто переносится в сказочный лес, который должен ожить и заговорить. И он оживает: ухнула и заговорила сова:

— Уху! Уходит время зря,
Потухла на небе заря.
Давай утащим крикуна,
Пока не вылезла луна.

Ей ответила вторая. Разговор сов служит **завязкой** сказочной ситуации. Рассказчик узнает, что совы собираются украсть и превратить в совенка мальчика Женю, который не спит по ночам и, капризная, кричит: 125

— Не гасите огня,
Не просите меня,
Все равно
Не усну,
Всю постель
Переверну,
Не желаю,
Не могу,
Лучше к совам
Убегу...

Мальчик этот — сосед рассказчика. Ему пять с половиной лет, он сам умеет есть кашу, рисовать линкор, дрессировать злых собак. Единственный недостаток этого

«странного мальчика» — тот, что он «все ночи напролет кричит, буйнит и ревет».

Рассказчик, являющийся и героем сказки, хочет спасти Женю — опередить сов. **Совы — антагонисты героя** в сказке. Но есть и **друзья**, волшебные помощники. Это **дятел, мышь, крот, светлячки**, которые все вместе помогают рассказчику найти дорогу в темном лесу и прибежать домой раньше сов. Сказочное испытание завершается благополучно, **развязка проста**: как только Женя узнал, что совы хотят его заколдовать, он сразу замолчал и с тех пор «как только скажут: «Спать пора», он засыпает до утра». **Концовка**: «А совы по ночам не спят, капризных стерегут ребят» — не выводит из сказочной ситуации, сохраняя ее как назидание капризным детям, аналогичное тому, что встречается в колыбельных песнях, наподобие «придет серенький волчок, он ухватит за бочок и утащит во лесок».

Итак, в «Вечерней сказке» есть **эволюция сказочного фольклора и развитие традиций литературной, авторской сказки**. Ра ее, как можно убедиться, восходит к композиции народных сказок (зачин, мотив путешествия героя, свой и чужой, антагонистический мир, сказочное испытание, концовка). В то же время в сказке четко проявляется **авторская индивидуальность**. Прежде всего она выражается **в ритме стиха, в его подвижности, изменчивости** в зависимости от ситуационных поворотов и характеристики персонажей. То это ритм колыбельной песни (в зачине, например), то наполненный аллитерациями прерывистый ритм (в диалоге сов), то протяжный ритм плача (трижды повторенный монолог мальчика). **Необычно дан и образ героя**. Это одновременно и герой, и рассказчик, поэтому нет его характеристики со стороны, чужими глазами. Ребенок сам приходит к выводу о том, что это добрый, отзывчивый человек. **Трансформирован и мотив путешествия**: герой бродит по лесу, не имея определенной цели, — она появляется позже, когда совы раскрывают ему свой замысел.

В 1980 г. был опубликован **сборник «Летний ливень»**, в который вошли **лучшие произведения** Токмаковой, созданные **за двадцать лет работы**. Книга состоит из нескольких разделов. В одном — стихотворения из сборников «Деревья», «Зернышко», «Где спит рыбка», «Весело и грустно», «Разговоры»; в другом — стихотворные сказки («Вечерняя сказка», «Кукареку», «Сказка о Сазанчике», «Котята»); в третьем — прозаические повести «Ростик и Кеша», «Аля, Кляксич и буква «А».

Несправедливость взрослых по отношению к ребенку — очень серьезный конфликт, который разрабатывается поэтессой в таких стихотворениях, как «Это ничья кошка», «Я ненавижу Тарасова», «Как пятница долго тянется», «Я могу и в углу постоять». Но и здесь поэзия Токмаковой не утрачивает присущей ей мажорности. Только характер мажорности меняется.

Раньше она была наивным приятием всех новых впечатлений: «Маленькая яблонька, подружись со мной!»; «Рыбка, рыбка, где ты спишь?»; «По мосточку пойдем, в гости к солнышку придем». Теперь это активное проявление маленьким человеком своей позиции: «Но он же совсем взрослый — не мог он неправду сказать!»; «Я ненавижу Тарасова. Пусть он домой уходит!»; «Я не брал эту запонку красную, ну зачем говорите напрасно вы!». Стихи Токмаковой полны внутреннего движения, даже когда они, как в приведенных примерах, представляют собой монологи лирического героя.

Поэзия Токмаковой была диалогична, как отмечала критика, уже в раннем периоде: вопросы и ответы, загадки и отгадки — характерная особенность ее мастерства:

Кто сказал, что дубу страшно простудиться?

Ведь до поздней осени он стоит зеленый...

В зрелых стихах поэтессы диалогичность становится полемической, меняется ее наполняемость:

Это ничья кошка,
Имени нет у нее.
У выбитого окошка
Какое ей тут ж¹²⁶
Холодно ей и сыро.
У кошки лапа болит.
А взять ее в квартиру
Соседка мне не велит.

В каждой строке полемика с бездушием: боль за «ничью» кошку, протест против тех, кто обижает слабых. Поэзия Токмаковой — **гуманистическая поэзия**, она пробуждает активную доброту, развивается в русле тех нравственных идей, которые были присущи и устному творчеству народа, и классической литературе.

Проза составляет своеобразный раздел творчества Токмаковой. Повести «**Сосны шумят**», «**Ростики Кеша**», сказочная повесть «**Аля, Кляксич и буква «А»**», поэтические очерки «**Далеко — Нигерия**» и «**Синие горы, золотые равнины**» прочно привлекли внимание детей.

Творческое дарование Ирины Токмаковой многогранно и тем важнее то, что основной адресат ее книг — ребенок дошкольного возраста. Это придает целеустремленность и глубину ее поэтическому поиску, продолжающемуся более четверти века.

13. ТЕМА ЮМОРА И САТИРЫ.

13.1. Н.Н.Носов. Серьёзное и весёлое в рассказах Носова. Особенности творческой манеры в решении нравственно-этических вопросов.

Н.Н. Носов (1908—1976) начинал писать в конце 30-х годов, но настоящее признание получил после Великой Отечественной войны. До 1951 г. Н. Носов занимался режиссерской работой, связанной с постановкой мультипликационных и учебных фильмов, а в годы войны — военно-технических.

Долгое содружество режиссера Н. Носова с детьми наложило отпечаток на его творчество. Уже первые произведения писателя, появившиеся незадолго до войны, были адресованы детям. **Первый рассказ — «Затейники»** — был напечатан в 1938 г. в журнале «Мурзилка».

В послевоенные годы один за другим выходят **сборники его рассказов: «Тук-тук-тук» (1945), «Ступеньки» (1946), «Веселые рассказы» (1947) и повести: «Веселая семейка» (1949), «Дневник Коли Синицына» (1950) «Витя Малеев в школе и дома» (1952) и др.** Книги писателя получили широкое распространение в нашей стране за рубежом; когда в 1957 г. были опубликованы сведения о произведениях, наиболее часто переводившихся на иностранные языки, оказалось, что имя Н. Н. Носова занимает одно из первых мест.

Рассказы для детей дошкольного и младшего школьного возраста, **остросюжетные, динамичные, насыщенные неожиданными комическими ситуациями**, положили начало творческой деятельности Н. Носова. **Герои их — фантазеры, непоседливые и неумные выдумщики**, которым часто достается за их затеи.

Во многих рассказах («**Мишкина каша**», «**Тук-тук-тук**», «**Телефон**», «**Огородники**» и др.) сквозным оказывается один персонаж — **Мишка Козлов**,

объединивший их в цикл **«Мы с Мишкой»**. В то же время каждый из рассказов самобытен.

Рассказы насыщены **лиризмом и юмором**; повествование как правило, ведется **от первого лица**. Чаще всего это друг Мишки, который не может противиться зазорному упорству своего товарища. Мишка удивительно активен, он постоянно в действии: «насыпал в кастрюлю крупы», «схватил ложку и стал кашу обратно в кастрюлю закидывать», «взял кружку, полез в ведро», «выхватил сковородку из печки» (**«Мишкина каша»**).

Весь сюжет рассказа о том, как Мишка и Коля, оставшись одни на даче, варили кашу, насыщен **юмористическими положениями**, смена которых держит читателя в постоянном веселом напряжении. Мишка — фантазер и искатель; он не просто выпутывается из затруднительных обстоятельств, а **увлеченно и энергично борется с ними**. Юмористические ситуации **помогают Носову показать логику мышления и поведения героя**. «Действительная причина смешного заключена не во внешних обстоятельствах, а коренится в самих людях, в человеческих характерах», — писал Носов.

Художественно достоверно у писателя проникновение в психологию ребенка. Его произведения отражают основные особенности детского восприятия. Совсем не обязательными оказываются развернутые характеристики, прямые и косвенные, для того чтобы зримо возник образ того или иного персонажа. Лаконичный, выразительный диалог, комическая ситуация помогают автору обрисовать характеры ребят. В рассказе **«Огородники»**, например, два друга, чтоб ¹²⁷ гучить в поощрение флажок, всю ночь копали, как им казалось, свой участок огорода. Утром, когда все ребята из лагеря принялись за работу, Мишка с Колей прогуливаются по соседним участкам, посмеиваясь над товарищами. Вдруг они обнаружили, что один участок остался без хозяев:

«— А это чей участок? Совсем мало вскопано, и хозяев нет. Наверно, дрыхнут еще!

Я посмотрел:

— Номер 12. Да это ведь наш участок».

Рассказы Н. Носова всегда включают **воспитательное начало**. Есть оно в рассказе об огурцах, украденных на колхозном огороде (**«Огурцы»**), и о том, как Федя Рыбкин «разучился смеяться на уроках» (**«Клякса»**), и о дурной привычке учить уроки, включив радио (**«Федина задача»**). Но даже самые «моралистические рассказы» писателя **интересны и близки детям**, потому что **помогают им понять взаимоотношения между людьми**.

Герои произведений Носова активно стремятся к познанию окружающего: то они обыскали весь двор, облазили все сараи и чердаки (**«Шурик у дедушки»**), то целый день трудились, строили снежную горку (**«На горке»**), то решили сделать каток, «рьяно взялись за дело» (**«Наш каток»**), «Мальчишки Носова несут в себе все черты советского человека: его **принципиальность, взволнованность, одухотворенность, вечное стремление к новаторству, привычку изобретать, отсутствие умственной лени**», — писал Валентин Катаев в предисловии к собранию сочинений Николая Носова. Глубокое понимание запросов читателя-ребенка отмечает повесть Н. Носова **«Веселая семейка»**, написанную в 1949 г., издававшуюся для дошкольников и младших школьников.

Писатель рассказывает о необходимости взаимопомощи, о доверии и уважении ребят друг к другу, об их стремлении к новому, неизведанному. **Воспитательный элемент его повестей оказывается в органичном сочетании с юмористическим видением событий**. Это единство делает многие проблемы доходчивее и привлека-

тельнее для юных читателей. **Юмористическое начало** никогда не бывает чужеродным у писателя, оно пронизывает всю ткань произведения.

Н. Носов успешно разрабатывал **различные прозаические жанры**. Неизменной любовью ребят — дошкольников и младших школьников — пользуются его **сказки**: «Бобик в гостях у Барбоса», «Приключения Незнайки и его друзей», «Незнайка в Солнечном городе», «Незнайка на Луне». Последние три сказки объединены общими героями и представляют собой роман-трилогию.

Первая часть — «**Приключения Незнайки и его друзей**» — напечатана в 1954 г. Сюжет ее основан на фантастических приключениях коротышек, живущих в Цветочном городе. «Приключения Незнайки» по жанру **роман-сказка**. Носову удалось, не разрушив признаков, присущих и роману и сказке, создать **произведение приключенческое и юмористическое**. Действие в «Приключениях Незнайки» постоянно развивается на грани событий реальных и фантастических.

Автор поясняет, что коротышками его героев называют потому, что они очень маленькие — это еще не выходит за пределы реального, но следующая же фраза уточняет, что каждый был ростом с небольшой огурец. Так **на реальность накладывается новый, фантастический мотив**. В восприятии ребенка возникают образы сказочных мальчиков и девочек, которые были настолько малы, что грибы и орехи распиливали пилой на части и перетаскивали домой по кусочкам.

Композиционно роман-сказка Носова разделен на 30 небольших глав, почти каждая из которых содержит какое-либо завершенное событие и в то же время связана с предыдущими. То это рассказ о том, как Незнайка был музыкантом, художником, сочинял стихи, катался на газированном автомобиле; то это события, происходящие с Винтиком и Шпунтиком в городе Змеевке; то путешествие коротышек на воздушном шаре. Как во всяком романе, в «Приключениях Незнайки» есть авторские отступления, они различны по тематике и представляют собой непринужденный разговор автора с читателями.

Характеры коротышек четко индивидуализированы: это «самый известный малыш» Незнайка, «самый главный малыш-коротыш» Знайка, охотник Пулька, художник Тюбик, доктор Пилюлькин. Сахарин Сахаринovich Сиропчик и др. Незнайка, главный герой, — **хвастунишка и невежда**; он **постоянно попадает в комические положения** из-за своей **беспечности и самоуверенности**. То придумает «для рифмы», что «Торопышка был голодный, проглотил утюг холодный»; то бахвалится, будто он самый главный коротышка и выдумал воздушный шар. Незнайка — **фантазер**, чем-то напоминающий Мишку Козлова из цикла рассказов Носова «Мы с Мишкой». Он тоже **вызывает симпатию** у читателей, потому что **в основе его шалостей лежит стремление к хорошему, доброму**.

В веселой, эмоциональной форме преподносится дошкольникам **обширный познавательный материал из различных областей науки, техники и искусства**, решаются **морально-этические вопросы**. «За всеми веселыми приключениями ненавязчиво присутствует мысль о несовместимости бахвальства, зазнайства с **подлинными человеческими отношениями** ¹²⁸ между людьми, даже если это самые маленькие дети. Книга учит **уважать знание, гряд, товарищество, скромность**. Книга **художественна**, и потому урок, который стремится преподать автор, безусловно, дойдет до детворы», — писал в рецензии на сказку Ю. Олеша.

В 1958 г. была закончена вторая часть трилогии — «**Незнайка в Солнечном городе**». Носов нашел здесь **новые повороты сюжета**. Вернувшись после путешествия на воздушном шаре, коротышки строят фонтан, тростниковый водопровод и мост через

Огурцовую реку. Незнайка решил исправиться, стать вежливым, начать учиться, но вскоре ему все надоедает. Автор по этому поводу с шутовой иронией замечает: «Это часто случается в стране коротышек. Иной коротышка наобещает с три короба, наговорит, что сделает и это, и то, даже горы свернет и вверх ногами перевернет, на самом же деле поработает несколько дней в полную силу, а потом снова понемножку начинает отлынивать».

Дидактический материал органически сочетается в этой сказке с познавательным и фантастическим. Незнайка совершает бескорыстные поступки, получает волшебную палочку и попадает в чудесный Солнечный город будущего. Сюжет насыщен сказочными превращениями, приключениями, комическими ситуациями, в которых оказываются Незнайка, Кнопочка и Пачкуля Пестренький.

Заключительная часть трилогии — «**Незнайка на Луне**» — вышла отдельным изданием в 1965 г. В центре ее — события, которые произошли через два с половиной года после возвращения трех друзей из Солнечного города. За это время изменился облик Цветочного города. Коротышки ввели у себя многое из того, чем был знаменит Солнечный город. Построены новые дома, в том числе два вертящихся здания; на улицах появились спиралеходы, труболеты, авиагидромотоколяски. Знайка придумал ракету, в которой коротышки собираются полететь на Луну. Когда все было готово к путешествию, Незнайка и Пончик спрятались в пищевом отсеке и нечаянно запустили ракету. Так начались новые приключения Незнайки в лунных городах Давилоне, Лос-Паганосе, Брехенвилеи на Дурацком острове.

Познавательное и научно-фантастическое в этой части трилогии тесно переплетается с сатирическим. Гротескные образы Скуперфильда, Спрутса, госпожи Миноги, господина Гадкинза разоблачают заправил буржуазного мира. Грустные приключения двух путешественников в лунном мире помогли Незнайке **понять многое**. Он оценил **могущество дружбы и взаимопомощи**, пережив с бедными коротышками-лунатиками метаморфозы на Дурацком острове. Он познал новое, неведомое, «огромное-преогромное» **чувство любви к родной земле**.

Творчество Н. Носова имеет большое значение в детской литературе. Очень важными особенностями его юмористического таланта были способность откликнуться на актуальные проблемы воспитания и умение в эмоциональной, занимательной форме решать важные морально-этические проблемы.

14. ПРИРОДОВЕДЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Детская художественно-познавательная литература в 60—80-х годах поднимается на новую высоту, что связано с гуманизацией общественного сознания. Изменяются научные представления о природе, технике, космосе. Идеи ученых подхватываются популяризаторами науки.

Авторы книг для малышей, вышедших в этот период, стремились дать читателям представление о единстве мира, внушить им мысль об ответственности человека за сохранение общего дома — прекрасной планеты Земля. К таким авторам относятся Н. Сладков, С. Сахарнов, Г. Снегирев, Ю. Дмитриев. Ю. Дмитриеву была присуждена «Международная Европейская премия» за пятитомный труд «Соседи по планете», а его книга «Человек и животные» приобрела большую популярность у детей.

Чувство вины перед живыми существами — «соседями по планете» — пронизывает произведения писателей, которые хотят сформировать у детей **сердечное отношение к природе**. Примерами могут служить повесть Г. Троепольского «Белый Бим Черное Ухо», рассказы Э. Шима, С. Романовского.

Мотив вины особенно явственно звучит у **С. Романовского**. Писатель считает природу **важнейшей частью духовного мира человека**, и каждое **исчезнувшее живое существо** — **невозвратимая потеря**. Убежденность Романовского в безошибочности законов, по которым живет природа, побуждает его именно на отношениях с ней ставить общественно и нравственно важные проблемы. Даже беглое впечатление, полученное от общения с природой, приводит его к мысли о совести, красоте, счастье, о смысле жизни (рассказы «Град», «Белый конь», «Синяя птица», «Озеро Емельяна Пугачева»).

Взаимопониманию человека и животных, возможности дружбы между ними посвящены книги **Н. Дуровой**, как и ее инсценировки для театра зверей, которым она руководит.

Николай Иванович Сладков (1920—1996), живя в Ленинграде, еще в юном возрасте встретился с Виталием Бианки, которого считал своим учителем. Сладков стремится **воспитывать в читателях чувство «доброе старшего брата всего живого»**. Он предлагает пристально вглядываться в жизнь животных и птиц. Необычайно **широк диапазон познавательного материала** в его книге коротких рассказов «**С севера на юг**» (1987): от полярных жителей — белых песцов и медведей, моржей и северных птиц — к горным орлам, барсам, дикобразам. Человек в книге присутствует опосредованно — он не действует в рассказах, но он добрый и заинтересованный повествователь.

Писатель был уверен, что **природа способна сделать человека счастливым**, и ему было непонятно, как может человек сам разрушать источник своего счастья, непонятна «такая любовь к природе, когда объясняются в своей любви к ней с ружьем в руках». И писатель стал **«смелым фотоохотником»**, как назвал он одну из своих книг (1963): рассказы его сопровождалась им же сделанными фотографиями. **Фоторужье** Н. Сладков **использовал** и при создании книг «**Под шапкой-невидимкой**» (1968), «**Земля солнечного огня**» (1971), «**Силуэты на облаках**» (1972), «**Земля над облаками**» (1972), «**Дети радуги**» (1981).

В книгах Сладкова нет громких деклараций о любви ко всему живому, но

авторская позиция настолько ясна, что читатель невольно поддается ее благородному воздействию. Писатель был **убежден**, что **«природоведческая литература, познавательная и художественная, должна выработать новую, экологическую нравственность»**, и подчинял этой главной задаче все свои книги, от ранней — **«Серебряный хвост»** (1953) — до более поздних **«Свист диких крыльев»** (1977) или **«Азбука леса»** (1985). Для выражения неповторимой красоты природы он использовал **самые разные художественные формы. Сказка и притча, лаконичный рассказ**, иногда похожий на зарисовку с натуры, **воспоминания, публицистика** — все это окрашено неповторимой писательской манерой, где метафоричность слита со строго реалистическим письмом.

Святослав Владимирович Сахарнов (род. 1923) учителем своим, как и Сладков, считает Виталия Бианки. Писателя огорчает неосведомленность нынешних городских детей в экологических проблемах, скудость их представлений о родной земле: **«Природа, которая окружает их, — телевизионного происхождения; про Амазонку они знают больше, чем про Волгу»**.

В литературу Сахарнов вступил уже сложившимся человеком — с опытом **штурмана дальнего плавания и природоведа**. Морские путешествия, погружения в водолазном скафандре, прекрасное знание мореходного дела — все это дало ему огромный материал для повестей и рассказов. **Капитальный труд писателя — «По морям вокруг земли. Детская морская энциклопедия»** (1972) — получил четыре международных премии и был переведен 130 сколько языков (как и некоторые другие книги писателя).

Сказки, созданные Сахарновым, можно разделить по темам на **познавательно-биологические («Морские сказки»), воспитательные («Гак и Буртик в стране бездельников», «Леопард в скворечнике»)** и обработки сказок народов мира (**«Сказки из дорожного чемодана», индийское «Сказание о Раме, Сите и летающей обезьяне Ханумане»**).

Одну из ранних книг Сахарнова — индийское **«Путешествие на "Тригле"»** (1955) — составили **рассказы-миниатюры со сквозным действием и постоянными героями**: это художник, от лица которого ведется повествование, и ученый и водолаз Марлен. Герои выражают мысли и чувства, владевшие самим автором в увлекательной морской экспедиции по следам **«доисторических зверей»**.

Изящные миниатюры составили и книгу для малышей **«В мире дельфина и осьминога»** (1987). Вот одна из них — **«Актиния»**:

Стоит на морском дне живой столбик. Ниточки-щупальца распустил, шевелит ими, добычу приманивает. Вот рачишка плывет... — Ага, попался!

Сахарнов старается в каждую свою книжку вместить **как можно больше знаний, наблюдений и навыков**. Где только ни побывает читатель его книг, чего только ни узнает! В подводном мире, где рыбы похожи на причудливые цветы, а цветы оказываются хищниками; в мангровых зарослях и в холодных краях; на **«одиноких островах в океане»**, где сохранился **«удивительный, ни на что не похожий мир. Здесь животные годами не видят людей, птицы собираются огромными колониями, а морские звери тысячами выходят на каменистые или песчаные пляжи»**. Точность описаний сочетается с эмоциональностью. **Восхищение увиденным и жажда новых впечатлений пронизывают каждую строчку произведений Сахарнова, определяя своеобразие его писательского почерка**.

Леопард и черепаха рассуждают в сказке Сахарнова о смысле жизни. Это не кажется странным: животные — герои книги **«Леопард в скворечнике»** (1991)

многоопытны и умны. Черепаха, оказывается, сто пять лет преподавала в школе, а леопард был раньше моряком. В сочиненную историю о них вливаются традиционные сказочные сюжеты, например появляется запечатанная бутылка, в которую заключен джинн, «тощий человечек со смуглым лицом, с козлиной бородкой, в халате и в чалме». Степень очеловечивания черепахи и леопарда максимальна — примерно та же, что в образах Винни-Пуха или Чебурашки. Дети дошкольного возраста, читая сказку, получают уроки уважения друг к другу, готовности помочь в трудную минуту и просто вежливости.

Книги Геннадия Яковлевича Снегирева (1933 — 2004) исполнены удивления и восхищения увиденным в многочисленных путешествиях и выражает надежду, что его читателю, когда он вырастет, захочется всюду побывать и все увидеть своими глазами.

Как итоги путешествий автора появились его книги «Обитаемый остров» (1955), «Бобровая хатка» (1958), «Пинагор», «Качурка», «Лампадидус» (все три — 1960 год), «В разных краях» (1981).

Герой произведений Снегирева — защитник природы от неразумных действий людей, не ощущающих тесной взаимосвязи всего живого на Земле. Отношения с природой должны строиться на знании ее законов — тогда возможна и взаимная польза. Так происходит в рассказе «Верблюжья варежка», из которого маленький читатель может извлечь урок добра и ответственности перед другим живым существом: мальчик отрезал кусок хлеба, посолил и отнес верблюду — «это за то, что он дал мне шерсти»; при этом шерсти он настриг «с каждого горба понемножку, чтоб верблюды не замерз».

Многие рассказы Снегирева звучат как поэтические сказки, образность которых построена на философских размышлениях о жизни. «Ворон возвращается ни с чем: он очень стар. Он сидит на скале и греет больное крыло. Ворон отморозил его лет сто, а может, и двести назад. Кругом весна, и он совсем один» («Ворон»). Порою в рассказах возникают романтические картины: «ветерки летают над степью и видят, как распускаются по ночам маки»; верблюды танцуют «танец весны», радуясь, «что прошла зима, греет солнце и они живы».

Верность изображения людей и зверей, как, например, в книжке «Медвежата с Камчатки», подкрепляется у Снегирева емким, точным слогом, энергичным и чистым языком, понятным детям. Все, кто писал о творчестве Снегирева, неизменно отмечали близость его стиля к стилю детских рассказов Л.Толстого: те же неспешное течение повествования, сдержанность и лаконизм, благородство и человечность.

15. ЗАРУБЕЖНЫЕ ДЕТСКИЕ ПИСАТЕЛИ.

Современным детям и подросткам доступен самый широкий круг переводной литературы. Своеобразная культура, особенности национального характера народов, социальные реалии и типы творческого подхода к жизни, преобразующего реальность в неповторимые художественные картины — все это может открыть для себя ребенок,

читающий книгу, переведенную с иного языка. Рамки и границы действительности расширяются, мир предстает более разнообразным, богатым, загадочным и влекущим.

Должное место в детском чтении отведено **легендам и мифам различных времен и народов**. Особенно большое значение имеет древнегреческий, олимпийский мифологический цикл. Для детей младшего и среднего школьного возраста немало занимательного и поучительного заключают легенды **о подвигах Геракла, Аргонавтах**. Более старших привлекают остротой конфликтных положений, противоборством противоречивых характеров и титанических страстей пересказы «Иллиады» и «Одиссеи». В легендах и мифах Древней Греции юные читатели впервые встречаются с системой символических образов, ставших нарицательными имен героев, которые вошли в постоянно используемый фонд мировой культуры. Без предварительного знакомства с «первоисточниками» античной образности в дальнейшем могут оказаться трудными для восприятия многие произведения русской и зарубежной литературы, апеллирующие к бессмертным краскам и образам древнегреческого искусства.

Английской и англоязычной американской литературе в детском и юношеском чтении принадлежит важнейшее место. В переводах и пересказах русским детям доступны произведения британского фольклора, песни, баллады, сказки. Богатейшая библиотека английской художественной литературы для детей существует и в многочисленных качественных переводах на русский язык. Книги и герои Д. Дефо, Д. Свифта, В. Скотта, Р.Л. Стивенсона, Ч. Диккенса, А. Конан-Дойла, Л. Кэролла, А.А. Милна, О. Уайльда и многих других с раннего детства сопровождают наших детей наряду с национальными литературными произведениями.

Даниэль Дефо (ок. 1660—1731). Имя Дефо стало известно всему миру благодаря герою его произведения Робинзону Крузо. Дефо по праву считается одним из создателей английского реалистического романа. Рассказанная им история благодаря этому вызвала в свое время многочисленные подражания. Название его произведения очень длинно и причудливо. К российским детям роман обычно приходит в адаптированном виде под сокращенным названием. Особенно известен **«Робинзон Крузо»** в пересказе К.И. Чуковского. Этот роман без сомнения является одним из любимых произведений для многочисленных поколений юных читателей. Непередаваемый аромат дальних странствий, романтика приключений, открытий, созидательного труда, настойчивое отстаивание своего человеческого лица среди превратностей судьбы — основания воспитательной и художественной силы книги, все это продолжает привлекать к герою Дефо новых и новых читателей.

Джонатан Свифт (1667—1745) не рассчитывал на читателя-ребенка, создавая свой сатирический роман **«Путешествия в различные отдаленные страны света Лемюэля Гулливера, вначале хирурга, а потом капитана нескольких кораблей»**. Адресат его книг — простой народ Англии, с юмором, издевкой сарказмом воспринимающий грязные политические интриги, спесивость аристократов, бесплодность далеких от жизни наукообразных споров. В детское чтение в видоизмененном, адаптированном виде вошли две первые истории, рассказывающие **о приключениях Гулливера в стране лилипутов и стране великанов**. В детских изданиях путешествий Гулливера основной интерес сосредоточивается на приключенческой стороне сюжета, необычности ситуаций, в которых оказывается герой. Если Дефо способен покорить юное воображение необычностью жизнеподобного, то прелесть книги Свифта в умении самое причудливое сделать поводом к размышлениям о непреходящих нравственных ценностях, на которых зиждется мир.

Среди многочисленных англоязычных произведений истори-ко-приключенческого жанра особое место принадлежит романам **Вальтера Скотта** (1771 — 1832). Особенно популярным у нас был в свое время роман **«Айвенго»**, рассказывающий историю доблестного рыцаря славного короля Ричарда Львиное Сердце.

Экзотическим странам и народам посвящены и написанные несколько позже, вошедшие в детское чтение произведения англичанина **Томаса Майн Рида** (1818—1883), объездившего всю Европу и Америку, ведшего полную приключений и испытаний жизнь странника, и его старшего современника, первого великого романиста США **Джеймса Фенимора Купера** (1789—1851). С американскими реалиями связаны сюжеты романов Майн Рида **«Всадник без головы»** ¹³² и более популярного среди детей среднего школьного возраста его произведения, Купера **«Следопыт, или на берегах Онтарио»**, одного из многочисленных произведений писателя, рассказывающих о колонизации и покорении европейцами Северной Америки. Любимые герои Купера и Майн Рида смелы, откровенны, исповедуют культ благородной и спокойной силы. Их жизнь полна неожиданностей, многочисленные враги не прекращают интриг, козней, все новые и новые опасности и испытания ожидают персонажей вслед за только что преодоленными. Увлечательность сюжета, загадочность конфликтов, непредсказуемость развязок поддерживают интерес на всем протяжении чтения, являются верным залогом успеха у читателя-подростка.

Среди приключенческих книг английского писателя **Роберта Льюиса Стивенсона** (1850—1894), лучшая— роман **«Остров сокровищ»**. Его главный и по сути дела единственный положительный герой — подросток Джим. Именно его взгляд на мир, где бушуют страсти, борются амбиции, смеются над людьми судьба и обстоятельства, позволяет возродить уходящую из слишком прагматичного мира романтику.

Романтико-приключенческая линия в развитии английской и англоязычной американской литературы на ином историческом этапе преобразилась в глубоко своеобразном творчестве **Р. Киплинга**, рассказавшего детям об экзотическом и прекрасном мире индийских джунглей, **Д. Лондона**, познакомившего с золотоискателями, путешественниками, авантюристами разьедаемого противоречиями мира рубежа XIX—XX вв.

С реалистическим изображением обычной жизни, где тоже кипят страсти, люди должны делать выбор и далеко не всегда добро легко находит пути к людским сердцам знакомит **Г. Бичер-Стоу** в романе **«Хижина дяди Тома»**. Эта книга в жизненно достоверных картинах открывала своим согражданам весь ужас существования негров-рабов.

Значительная часть творчества Сэмюэля Ленгхорна Клеменса, известного под псевдонимом **Марк Твен** (1835—1910) отличается изначальной ориентацией на детское восприятие. Сам писатель называл **«Приключения Тома Сойера»** гимном детству. Собственно приключенческий мотив в произведении Твена представлен вполне реалистично, и приключения Тома, Гекльберри Финна не выходят за рамки вполне возможного в тех условиях, в которых они жили. Подлинное достоинство произведения Твена в том, что он смог наполнить конфликты нравственно-психологическим содержанием, достоверно показать бытовые реалии, социальные типы своего времени. И все это окрашено восприятием живого, неплохо разбирающегося в побуждениях и страстях людей мальчишки, искреннего фантазера, поэта и забияки, умеющего дружить, любить, бороться. Жизнерадостность Тома и его друзей всегда сохраняет надежду, дарит радость, утверждает свет. Последующие произведения «детского цикла» М. Твена, **«Принц и нищий»**, **«Приключения Гекльберри Финна»**, становятся все более

совершенными и сложными в сюжетно-композиционном и стилистическом отношении.

Вполне освоились среди русских детей **смешной медвежонок Винни Пух**, его хозяин, мальчик **Кристофер Робин** и все, все, все герои книги американского писателя **Алана Александра Милна** (1882—1956). Его произведение было переведено на русский язык Б. Заходером в 1960 г. и с тех пор прочно утвердилось в ряду книг, наиболее любимых дошкольниками и младшими школьниками.

Странный, как бы деформированный мир создает в своих сказках **Льюис Кэрролл** (псевдоним Чарлза Латуиджа Доджсона, 1832—1898). Он не был профессиональным писателем и свои истории об **«Алисе в стране чудес»**, **«Алисе в Зазеркалье»** сочинял первоначально в устной форме для конкретных детей. Профессор математики по профессии, Кэрролл и в литературе как бы стремится доказать абстрактность многого в мире, относительность великого и малого, подчеркнуть соседство ужасного и смешного.

В последние годы наибольшее внимание издателей в нашей стране привлекла трилогия **Джона Рональда Руэла Толкиена** (1892—1973) **«Властелин колец»** («Хранители», «Две твердыни», «Возвращение Государя»). Он по-своему пытался продолжить традицию Кэрролла. Этому способствовали и занятия математической лингвистикой, и рождение героев в непосредственном общении с детьми. Написанную достаточно давно и уже подзабытую было книгу Толкиена вспомнили и оживили еще и потому, что приобрел огромную коммерческую популярность жанр так называемой **«фэнтези»**, сюжеты Толкиена стали основой соответствующих ярких, изощренных в техническом отношении видовых фильмов, апеллирующих к еще менее сложным, хотя и бурно проявляющимся человеческим эмоциям, чем литературный первоисточник.

133

Французская детская литература широко представлена в переводах на русский язык.

И начинается это знакомство для большинства наших маленьких читателей со сказок **Шарля Перро** (1628-1703).

Им написаны сказки **«Спящая красавица»**, **«Золушка»**, **«Синяя борода»**, **«Красная шапочка»**, **«Кот в сапогах»**, **«Мальчик с пальчик»**. Трудолюбие, великодушие, находчивость представителей простого народа Перро пытался утвердить в качестве ценностей своего круга. Поэтизация этих качеств делает его сказки важными и для современного ребенка.

Прочно сохраняют место в детском чтении книги **Жюль Верна** (1828—1905). Успех его романа **«Пять недель на воздушном шаре»** (1863г.) превзошел все ожидания. И поэтому на смену воздушной фантазии приходит геологическая — **«Путешествие к центру земли»** (1864), вслед за ней издается роман **«Путешествие и приключения капитана Гаттераса»** (1864—1865), **«С земли на Луну»** (1865). По завершении романа **«Дети капитана Гранта»** писатель объединил ранее написанные и все последующие произведения общей серией под названием **«Необыкновенные путешествия»**. Главное достоинство его книг связано с созданными характерами людей, стремящихся познать все тайны земли, преодолеть зло, социальные болезни. Этот аспект становится особенно важным для писателя со времени создания знаменитого романа **«Двадцать тысяч лье под водой»**. Образ капитана Немо изначально задумывался как характер бунтаря, протестанта, борца с несправедливостью, тиранией и угнетением. Из других романов, вошедших в **«Необыкновенные путешествия»** и пользующихся популярностью по сей день, нужно отметить **«Вокруг света за 80 дней»** (1872), **«Таинственный остров»** (1874). Новым для своего времени было в произведениях Верна и утверждение мысли об абсолютном равенстве людей перед судом нравственности. Только это отличает в его

произведениях людей различных национальностей, социального статуса: они являются собой лучшие или же худшие стороны единого человечества.

Среди французских художников XX в., писавших о детях и для детей, наиболее известен у нас **Антуан-Мари-Роже де Сент-Экзюпери** (1900—1944), автор сказки **«Маленький принц»**. По жанру это философская сказка. Главный ее герой — житель планеты-астероида, неожиданно появившийся перед летчиком, потерпевшим аварию в песках Сахары. Летчик называет его Маленьким принцем. Сказка восхищает все новые и новые поколения читателей. Многие фразы из нее стали афоризмами.

Немецкая детская литература связана для юных читателей нашей страны прежде всего с именами великих сказочников: братьев Гримм, Гофмана, Гауфа.

Якоб (1785—1863) и **Вильгельм** (1786—1859) **Гримм** жили в эпоху зарождения и расцвета романтизма, как важного направления мировой культуры рубежа XVIII—XIX веков. Большая часть сказочных сюжетов была собрана братьями Гримм, профессорами-филологами, в ходе их многочисленных экспедиций по сельской Германии, записана со слов сказителей, крестьян, горожан. В обработанном братьями Гримм виде они стали важной частью детского чтения во многих странах мира. Это сказки **«Храбрый портняжка»**, **«Горшок каши»**, **«Бабушка Метелица»**, **«Братец и сестрица»**, **«Умная Эльза»**. Простота, прозрачность сюжетного действия и глубина морально-этического содержания, пожалуй, — главные отличительные особенности сказок Гримм. Их **«Бременские музыканты»** продолжают свое путешествие по временам и странам.

Находился под влиянием романтизма и **Эрнст Теодор Амадей Гофман** (1776—1822). Разлад мечты и реальности — не только примета романтического мироощущения, они характеризовали и душевное состояние самого Гофмана, который вел скучную жизнь чиновника, а мечтал о путешествиях и свободном служении красоте, фантазии. Эти противоречия отразили и его сказочные повести: **«Песочный человек»**, **«Щелкунчик»**, **«Чужое дитя»**, **«Золотой горшок»**, **«Крошка Цахес по прозвищу Циннобер»**. В детском чтении наиболее прочно закрепился **«Щелкунчик»**. Это одна из наиболее жизнеутверждающих и веселых сказок Гофмана, хотя и героям этой Рождественской истории приходится пройти через длительный ряд нелегких испытаний, прежде чем они обретают счастье.

Вильгельм Гауф (1802—1827) попытался на основе сказочных традиций различных народов создать совершенно особый тип литературной сказки, фантастико-аллегорических новелл, объединенных в циклы. Его сказки: **«Маленький Мук»**, **«Халиф Аист»**, **«Карлик Нос»**. Сказка **«Карлик Нос»** для детей младшего возраста интересна загадочно-фантастической историей превращений мальчика Якоба в белку, уродливого горбуна, возвращением в нормальный человеческий облик. Затрагивает чувства ребенка и налет жутковатой «кровавой» романтики, связанной с деяниями злой волшебницы.

Лучшая сказка третьего тома — **«Холодное сердце»** — иллюстрирует все то значительное, чем обогатил жанр этот рано умерший писатель. Бытовое повествование органично совмещается с волшебным элементом. Герой проходит сложной дорогой нравственного поиска, потерь и обретений. Классически простая и традиционная идея сказки заключается в утверждении добра, справедливости, великодушия, воплощенных в образе Стекланного Человечка в противовес жестокости, корыстолюбию, бессердечию Михеля-Великана и его подручных.

Оригинальная роль в массиве переведенной на русский язык детской литературы

различных народов принадлежит **итальянским писателям**.

Герой романа **Раффаэлло Джованьоли (1883—1915)** «Спартак» приносит с собой дух героики. Будучи профессиональным историком, писатель сумел создать запоминающиеся портреты реальных исторических лиц — Суллы, Юлия Цезаря, Цицерона, Красса, в произведении пластично реконструируется завораживающая людей нашего времени атмосфера жизни Древнего Рима.

Велики заслуги перед маленькими читателями нашей страны итальянского писателя **Коллоди (Карло Лоренцини, 1826—1890)**. Ведь это его книга «**Приключения Пиноккио**» вдохновила А. Толстого на создание сказочной повести «Золотой ключик, или приключения Буратино».

Несколько интересных **детских писателей вышли из Североевропейских стран, Скандинавии**, где сложилась оригинальная традиция творчества для детей и о детях.

Прежде всего, конечно, следует назвать великого датского сказочника **Ганса Христиана Андерсена (1805—1875)**. Он, как никто другой, сумел по-своему воплотить в творчестве фольклорно-пушкинский принцип — «сказка ложь — да в ней намек, добрым молодцам урок». Нравственно-философское и социально-дидактическое начала в его сказках прорастают сквозь абсолютно доступные детям сюжеты и конфликты.

Сказки Андерсена сохраняют очарование для людей, и когда они расстаются с детством. Привлекают они ненавязчивой, народного истока мудростью, многогранностью воплощенных эмоций. Почти никогда дело у Андерсена не сводится к воплощению единственного всепоглощающего чувства. Его сказочные произведения окрашены в тона жизни, где радость, печаль, лирическая грусть, смех разных оттенков, от веселого до саркастичного, разочарование, надежда сменяют друг друга, соседствуют, передавая горько-сладкий вкус подлинного бытия.

Симпатии писателя всегда на стороне людей простых, с благородным сердцем и чистыми порывами. Таким предстает в сказках и рассказчик. Он не спешит проявлять эмоции, не торопится с оценками, но за внешне спокойным повествованием ощущается неколебимая твердость нравственных принципов, от которых ни любимых героев, ни повествователя ничто не сможет заставить отказаться.

Некоторые его сказки содержали косвенные оценки конкретных противоречий эпохи («**Принцесса на горошине**», «**Новое платье короля**», «**Свинопас**»). Но со временем их актуально-политическое значение сошло на нет, однако морально-этический потенциал отнюдь не стал меньше: «Позолота вся сотрется — свиная кожа остается». Героями его сказок становятся не только «ожившие» игрушки («**Стойкий оловянный солдатик**», «**Пастушка и трубочист**»), очеловеченные животные («**Гадкий утенок**», «**Дюймовочка**»), растения («**Ромашка**», «**Ель**»), но и самые обычные предметы обихода: штопальная игла, бутылочный осколок, воротничок, старый уличный фонарь, капля воды, спички, старый дом. Отстояв право на жизнь и любовь в нешуточных испытаниях, любимые герои сказочника оказываются особенно счастливы («**Снежная королева**», «**Дюймовочка**», «**Дикие лебеди**»).

Оригинальные причины побудили **Сельму Отгилию Лагерлёф (1858—1940)** на создание книги «**Чудесное путешествие Нильса Хольгерсона с дикими гусями по Швеции**». Она получила заказ на книгу для детей о Швеции, но неожиданно у нее сложился сказочный сюжет, возникли характеры, интересные и без связи с историко-этнографическим, страноведческим аспектом книги.

Увлекательные художественные миры и запоминающиеся характеры создали также **Тове Янсон** в книгах **о жизни в Долине Троллей**, **Астрид Линдгрэн** в сказочной

повести «Пеппи Длинный чулок», в трилогии о Малыше и Карлсоне, который живет на крыше.

16. ЗАРУБЕЖНЫЕ ПИСАТЕЛИ.

16.1. Литературные сказки Ш.Перро. Богатство картин. Юмор.

Литературная сказка — целое направление в художественной литературе. За долгие годы своего становления и развития этот жанр стал универсальным жанром, охватывающим все явления окружающей жизни и природы, достижения науки и техники.

Подобно тому как народная сказка, постоянно изменяясь, впитывала в себя черты новой реальности, литературная сказка всегда была и есть неразрывно связана с социально-историческими событиями и литературно-эстетическими направлениями. Литературная сказка выросла не на пустом месте. Фундаментом ей послужила сказка народная, ставшая известной благодаря записям ученых-фольклористов.

Первым на поприще литературной сказки выступил французский писатель Ш. Перро.

Огромная заслуга Перро в том, что он выбрал из массы народных сказок несколько историй и придавал им тон, климат, воспроизвел стиль своего времени. В конце XVII в., в период господства классицизма, когда сказка почиталась "низким жанром", он издал сборник "Сказки моей матушки Гусыни" (1697 г.). Благодаря Перро читающая публика узнала **Спящую красавицу, Кота в сапогах, Красную Шапочку, Мальчика-с-пальчик, Ослиную шкуру и других чудесных героев**. Из восьми сказок, включенных в сборник, семь было явно народных с ярко выраженным национальным колоритом. Тем не менее, они являлись уже прообразом сказки литературной.

Шарля Перро сейчас мы называем сказочником, а вообще при жизни Перро был маститым поэтом своего времени, академиком Французской академии, автором знаменитых научных трудов. Но всемирную известность и признание потомков принесли ему не его толстые серьезные книги, а прекрасные сказки «Золушка», «Кот в сапогах», «Синяя Борода».

В основе сказок Перро — известные фольклорные сюжеты, которые он изложил с присущим ему талантом и юмором, опустив некоторые детали и добавив новые, «облагородив» язык. Больше всего эти сказки подходили детям. И именно Перро можно считать родоначальником детской мировой литературы и литературной педагогики.

Первыми его сказками в стихах были «Гризельда», «Потешные желания» и «Ослиная кожа» (1694), которые позже вошли в сборник «Сказки матушки Гусыни, или Истории и сказки былых времен с поучениями» (1697). Не решившись выступить открыто, как создатель произведений «низкого» жанра, он подписал первое издание именем своего сына — Перро д'Арманкур — и от его имени обратился с посвящением к юной племяннице Людовика XIV Елизавете-Шарлотте Орлеанской. Автор "Сказок матушки Гусыни" пересказал их так занимательно и остроумно, что это понравилось

даже утонченным придворным короля Людовика XIV.

Многие поучения в сказках вытекают из «программы воспитания» девочек — будущих придворных дам, а также мальчиков — будущих кавалеров двора. Ориентируясь на бродячие сюжеты французского фольклора, Перро придавал им аристократическую галантность и буржуазный практицизм. Самым важным элементом для него была **мораль**, поэтому он завершал каждую сказку **стихотворным нравоучением**. Прозаическая часть может быть адресована детям, нравоучение — только взрослым.

Несмотря на длинное, пышное и скучноватое название книга оказалась очень интересной. И вскоре вслед за принцессой многие-многие дети и взрослые узнали удивительные и поучительные истории о трудолюбивой Золушке и о хитроумном Коте в сапогах, о находчивом Мальчике с пальчик и о жестокосердном человеке по прозвищу Синяя Борода, о несчастной принцессе, уколывшейся веретеном и заснувшей на целых сто лет. В России особенно известны семь сказок из этого сборника: **"Красная Шапочка"**, **"Кот в сапогах"**, **"Золушка"**, **"Мальчик с пальчик"**, **"Ослиная шкура"**, **"Спящая красавица"**, **"Синяя борода"**.

О сказках Ш. Перро так писал И.С. Тургенев: «Они веселы, занимательны, непринужденны, не обременены ни излишней моралью, ни авторскою претензией; в них еще чувствуется веяние народной поэзии, их некогда создавшей; в них есть именно та смесь непонятно-чудесного и обыденно-простого, возвышенного и забавного, которая составляет отличительный признак настоящего сказочного вымысла».

Синяя Борода — персонаж сказки Ш. Перро **«Синяя Борода»** (1697), владелец домов в городе и деревне, больших богатств. Прозвище получил по синей бороде, уродовавшей его. Его жены бесследно исчезали. Он женится на одной из двух дочерей знатной дамы, своей соседки. Уезжая на ¹³⁶ в деревню по делам, Синяя Борода дает жене ключи от всех комнат, запрещая открывать лишь одну из них (в которой висели на стенах тела убитых им прежних жен). Вернувшись, он по следам крови на ключе от этой комнаты понял, что жена туда заходила, и объявил ей приговор заслушание: смерть. В последнюю минуту ее спасают братья — драгун и мушкетер, пронзив Синюю Бороду шпагами. Далее следуют **две стихотворных «Морали»**, в первой осуждается женское любопытство, во второй утверждается, что подобные мужья встречаются лишь в сказках: «Мужей свирепых нет на свете ныне: / Запретов нет таких в помине. / Муж нынешний, хоть с ревностью знаком, / Юлит вокруг жены влюбленным петушком, / А борода его будь даже пегой масти, / Никак не разберешь — она-то в чьей же власти?».

В основе, пожалуй, самой известной сказки Перро **«Красная шапочка»** лежит фольклорный сюжет, который ранее литературной обработке не подвергался. Фольклор знает три варианта сказки. В одном из вариантов девочка спасается бегством. Вариантом со счастливым финалом (приходят охотники, убивают волка и извлекают из его брюха бабушку и внучку) воспользовались братья Гримм. Перро заканчивает историю тем, что «злой волк бросился на Красную Шапочку и съел ее».

Так же связаны с фольклором и оригинальны, поставлены на службу задачам века, преследуют цель ввести в круг чтения аристократических салонов Парижа народные истории и другие сказки Перро: **«Господин Кот, или Кот в сапогах»**, **«Золушка, или Хрустальная туфелька»**, **«Мальчик с пальчик»**.

Писатель стремился соотнести каждый сюжет с определенной добродетелью: терпеливостью, трудолюбием, смышленностью, что в целом составило свод этических норм, близкий к народной этике. Но самая ценная добродетель, по Шарлю Перро, — это хорошие манеры: именно они открывают двери во все дворцы, во все сердца.

Сандрильона (Золушка), Кот в сапогах, Рикке с хохолком и другие его герои побеждают благодаря учтивости, грации и подходящей к случаю одежде. Кот без сапог — всего лишь кот, а в сапогах — приятный собеседник и ловкий помощник, за свои услуги хозяину заслуживший покой и довольство.

«**Кот в сапогах**» Ш. Перро — это сказка о том, как кот — плут и пройдоха — сделал своего хозяина, бедного деревенского парня, богачом и вельможей, зятем самого короля. А началось всё довольно заурядно. Кот хитростью изловил кролика и поднёс его королю: «Вот, государь, кролик из садка господина маркиза де Карабаса». Ум и находчивость, бойкость и практичность при всех обстоятельствах — хорошие черты. Основная мысль этой сказки: благородство и трудолюбие — путь к счастью. Шарль Перро, один из создателей литературной сказки во Франции, продолжает в своём творчестве традиции народных сказок, где ум берёт верх в борьбе против несправедливости. В народных сказках обездоленные герои обязательно становятся счастливыми. Такова и судьба сына мельника из «Кота в сапогах».

Ставшая мировым литературным мифом, сказка «**Золушка**» отличается от народной ее основы и выделяется среди прочих сказок Перро ярко выраженным светским характером. Рассказ значительно причесан, изящество изложения обращает на себя внимание. Отец Золушки — «дворянин»; дочери ее мачехи — «благородные девицы»; в комнатах у них паркетные полы, самые модные кровати и зеркала; дамы заняты выбором нарядов и причесок. Описание того, как волшебница-крестная наряжает Золушку и дает ей карету и слуг, опирается на фольклорный материал, но дано значительно подробнее и «утонченней».

Сказка «**Спящая красавица**» (точный перевод — «Красавица в спящем лесу») впервые воплотила основные черты нового типа сказки. Сказка основана на фольклорном сюжете, известном у многих народов Европы, написана прозой, к ней присоединено стихотворное нравоучение.

Традиционные сказочные элементы соединяются у Перро с реалиями современной жизни. Так, в «Спящей красавице» царственная бездетная пара ездит лечиться на воды и дает различные обеты, а пробудивший принцессу юноша «поостерегся ей сказать, что платье у нее — как у его бабушки...».

Трудолюбие, великодушие, находчивость представителей простого народа Перро пытался утвердить в качестве ценностей своего круга. Поэтизация этих качеств делает его сказки важными и для современного ребенка.

В России сказки Перро появились в 1768 году под названием «**Сказки о волшебницах с нравоучениями**». В 1866 году под редакцией И.С.Тургенева выходит новое издание сказок, уже без нравоучений. В таком виде, с некоторыми сокращениями и адаптацией, сборник стал выходить для юного читателя и в дальнейшем.

16.2. Сказки Братьев Гримм. Богатство содержания, увлекательность сюжета, юмор.

Братья Гримм, Якоб (1785—1863) и **Вильгельм** (1786—1859), известны как основоположники германистики — науки об истории, культуре и языке Германии. Их многолетними трудами составлен фундаментальный «Немецкий словарь» (последний том — 1861), написана «История немецкого языка» (1848). Всемирную славу не только в ученом мире, но и среди детей принесли братьям Гримм «**Детские и семейные сказки**» (1812 — 1815), собранные и обработанные ими. Два тома содержат двести сказок — так называемый «сказочный канон».

Якоб и Вильгельм Гримм жили в эпоху зарождения и расцвета романтизма, как важного направления мировой культуры рубежа XVIII—XIX веков. Одним из его проявлений было стремление лучше узнать собственный народ, возрождение интереса к фольклору, народному языку, культуре. Большая часть сказочных сюжетов была собрана братьями Гримм, профессорами-филологами, в ходе их многочисленных экспедиций по сельской Германии, записана со слов сказителей, крестьян, горожан. При этом Якоб, более академичный и педантично-строгий собиратель, настаивал на доскональном сохранении устного текста, а Вильгельм, более склонный к поэзии, предлагал подвергать записи художественной обработке. В итоге их споров родился особый **стиль литературной обработки устной народной сказки, который называют гриммовским**. Гриммовский стиль стал первым примером для сказочников следующих поколений. Сохранив особенности языка, композиции, общего эмоционально-идейного содержания, братья Гримм передали свойства немецких фольклорных сказок, вместе с тем сообщили им черты художественной литературы, пересказав по-своему.

В обработанном братьями Гримм виде они стали важной частью детского чтения во многих странах мира.

Сказки, написанные для малышей: **«Бабушка вьюга», «Белоснежка и семь гномов», «Беяночка и Розочка», «Бременские музыканты», «Горшок каши», «Золотой гусь», «Король дроздобород», «Мальчик-с-пальчик», «Семеро храбрецов»; «Умная Эльза», «Удалой портняжка».**

Сказки братьев Гримм имеют некоторые общие композиционные и стилистические приметы, которые не позволяют спутать их с какими-либо иными. Сказочники достаточно редко используют традиционные зачины («жили-были...», «в некотором царстве, в некотором государстве...») и дидактические, морализаторские концовки. Герои их бытовых сказок чаще всего простые люди — крестьяне, мастеровые, ремесленники, солдаты. Они оказываются в ситуациях, которые легко можно представить. Граница между сказкой и жизнью легко преодолевается читателем, и он способен сам сделать выводы, руководствуясь здравым смыслом и чувством. В сказках о животных и волшебных сказках действуют те же народные правила нравственной оценки героев. Доброта, трудолюбие, ум, сметливость, храбрость, самоотверженность оказываются основаниями для преодоления невзгод, несправедливости, злобы в сказках «Храбрый портняжка», «Золушка», «Горшок каши», «Бабушка Метелица», «Братец и сестрица», «Умная Эльза». Пословицы, поговорки, присказки используются братьями Гримм с большим тактом, органически входят в речь героев, делая повествование увлекательнее, ярче, но не перегружая его. Простота, прозрачность сюжетного действия и глубина морально-этического содержания, пожалуй, — главные отличительные особенности сказок Гримм. Их «Бременские музыканты» продолжают свое путешествие по временам и странам.

В немецких вариантах таких сказок, как «Волк и семеро козлят», «Золушка», «Красная Шапочка», «Мальчик-с-пальчик», читатель найдет немало общего с русскими, болгарскими, французскими сказочными сюжетами.

Сборник братьев Гримм послужил богатым источником сюжетов для писателей-сказочников. На русский язык сказки стали переводить в середине 1820-х годов сначала с французского перевода, а затем уже с оригинала.

16.3. Сказки Г.Х. Андерсена. Демократизм и гуманизм, лиризм и поэтичность, богатство фантазии.

Творчество Ханса Кристиана Андерсена одно из самых значительных явлений в истории датской и мировой литературы XIX века. Автор многочисленных произведений в различных жанрах, он достиг вершины в своих сказках, ибо необычайно велики гуманистическое, идейное и эстетическое значение этих сказок, раскрывающих мир больших и чистых человеческих чувств, глубоких и благородных мыслей.

Сказки Андерсена - одно из значительнейших явлений мировой литературы XIX века. Они занимают важное место в истории национальной культуры Дании, так как писатель вложил в них глубокий конкретно-исторический смысл. В его произведениях дана широкая критика датского общества 20—70-х годов XIX века.

Сказки Андерсена дороги и понятны людям разных возрастов, разных эпох, разных стран. Они способствуют формированию детского сознания, воспитывают в духе демократизма. Глубокое философское содержание видят в них взрослые.

Необыкновенная, увлекательная фабула соединяется в сказках Андерсена с высокими нравственными идеалами, простодушная наивность переплетается с глубокой жизненной мудростью, реальная действительность - с вдохновенным поэтическим вымыслом, благодушный юмор - с тончайшей иронией и сарказмом. Удивительное смешение забавного и серьезного, смешного и печального, обыденного и чудесного составляет **особенность стиля Андерсена**. Его сказки, подлинно демократические по всему строю мыслей и чувств, проникнуты верой писателя-гуманиста в грядущее торжество социальной справедливости, в победу доброго, истинно человеческого начала над силами зла.

Жизнь Андерсена проходила в странствиях. Страной, явившейся в глазах путешественника земным воплощением Эдема, стала Италия. Действие многих его сказок и историй разворачивается в Италии или переносится туда («Дюймовочка», «Русалочка» и др.). Будучи в Германии, беседовал он с Якобом Гриммом. Сказки братьев Гримм повлияли на его творчество: следы влияния особенно отчетливы в сказках «Большой Клаус и Маленький Клаус», «Огниво», «Голубой огонь». Жанр сказки стал для Андерсена универсальной формой эстетического постижения действительности. Именно он ввел сказку в систему «высоких» жанров.

Основная часть наследия Андерсена — его сказки и истории (сборники: **«Сказки, рассказанные детям»**, 1835—1842; **«Новые сказки»**, 1843—1848; **«Истории»**, 1852—1855; **«Новые сказки и истории»**, 1858—1872), сделавшие его имя всемирно известным.

«Сказки, рассказанные детям» (1835—1842) основаны на переосмыслении народных мотивов («Огниво», «Дикие лебеди», «Свинопас» и др.), а **«Истории, рассказанные детям»** (1852) — на переосмыслении истории и современной действительности. При этом даже арабские, греческие, испанские и иные сюжеты обрели у Андерсена колорит датской народной жизни.

Пользуясь народными датскими сюжетами и создавая новые оригинальные сказки, Андерсен внес глубоко актуальное содержание в свои произведения, отразил в них сложные противоречия современной ему действительности (**«Маленький Клаус и Большой Клаус»**, **«Принцесса на горошине»**, **«Новое платье короля»** (любимая сказка Льва Толстого), **«Калоши счастья»** и др.).

В ранних сказках Андерсен особенно близок фольклорным источникам. «В первом выпуске,- писал он в автобиографии,- находились сказки, слышанные мною в детстве; я же только записал их». Но в действительности дело не ограничилось простой записью. Писатель преобразовал каждый сюжет, подчиняя его своей собственной художественной манере. С первых же строк в произведении разворачивается стремительное действие и перед глазами читателя возникает живой образ героя. Андерсен сознательно

подчеркивал в народных сказочных сюжетах социальный подтекст, еще более усиливал присущий народному творчеству оптимизм. Когда лихой солдат из сказки «**Огниво**» одолел злого короля и его советников, «весь народ закричал: «Служивый, будь нашим королем и женись на прекрасной принцессе!»

Маленький Клаус благодаря природному уму и находчивости решительно расправляется со своим мучителем - жадным и завистливым богачом Большим Клаусом, и в тоне автора чувствуется удовлетворение («Маленький Клаус и Большой Клаус»).

Необыкновенная сила самоотверженной любви Элизы к своим братьям помогает ей выдержать все испытания и одержать победу над злыми чарами. При этом среди врагов доброй девушки мы видим не только сказочную королеву-колдунью, но и обыкновенного католического епископа («Дикие лебеди»).

Творческий расцвет Андерсена, сделавший его королем сказочников, пришелся на конец тридцатых и сороковые годы. Появляются такие шедевры, как "**Стойкий оловянный солдатик**" (1838), "**Соловей**", "**Гадкий утенок**" (обе - 1843), "**Снежная королева**" (1844), "**Девочка со спичками**" (1845), "**Тень**" (1847), "**Мать**" (1848) и другие.

Иногда сказки превращаются в целые повести, в которых фольклорная основа сочетается со свободным вымыслом. В «**Снежной королеве**», как и в других сказках, высокая нравственная идея вытекает из самого сюжета. В сердце маленького Кая попадает осколок дьявольского зеркала¹³⁹ («Отражаясь в нем, все великое и доброе казалось ничтожным и скверным, все злое и худое выглядело еще злее, и недостатки каждой вещи тотчас бросались в глаза»). Но Герда не может оставить друга в беде. Чтобы освободить его от колдовства, она выдерживает немислимые испытания, обходит босиком полсвета. И когда мальчик и девочка вернулись из холодной Лапландии в родной дом, они почувствовали себя совсем взрослыми.

Размышления о собственной необыкновенной судьбе определили характер многих героев Андерсена — маленьких, беззащитных в огромном мире, среди закоулков которого так легко затеряться. Стойкий оловянный солдатик, Дюймовочка, Герда, Трубочист, Ромашка — эти и другие герои воплощают авторский идеал мужества и веры в добро.

Всемирно известная сказка «**Стойкий оловянный солдатик**» - печальная история беззаветной любви одноногого оловянного солдатика к картонной танцовщице полна глубокого гуманистического смысла. Награда Стойкому оловянному солдатику — возможность взглянуть на прелестную танцовщицу и сгореть то ли от огня печки, то ли от любви; гибель обоих воспринимается не как трагедия, а как торжество любви. Эта сказка звучит как гимн человеческому достоинству и самоотверженности. Игрушки ведут себя, как люди, они наделяются разумом и чувствами.

Своеобразие замечательных сказок Андерсена заключается в том, что он, с одной стороны, **необычайно очеловечил, приблизил к жизни** самые фантастические персонажи своих произведений («Дюймовочка», «Русалочка»). С другой стороны, он **придал фантастичность обыкновенным, реальным предметам и явлениям**. Люди, игрушки, предметы домашнего обихода и т. д. становятся героями его произведений, переживают невиданные волшебные приключения («**Бронзовый кабан**», «**Штопальная игла**», «**Воротничок**» и т. д.).

Неувядаемую прелесть придают сказкам **андерсеновский юмор и живой разговорный язык**. Необычайно велика в них и роль рассказчика. Сказочник выработал свою манеру повествования — непосредственно-наивную, мягко-ироничную. Его рассказчик умеет любоваться всем тем, что нравится детям, оставаясь при этом

взрослым. Рассказчик является носителем этического идеала Андерсена, выразителем его кредо, образцом его положительного героя. Он раскрывает бедственное положение народа и осуждает его поработителей, он обличает пороки светского общества.

Андерсен становился европейской знаменитостью: его сказки сдали экзамен на вечность в столице мировой культуры – Париже. С тех пор Андерсен стал называть свои сборники "Новые сказки", подчеркивая, что они адресованы не только детям, но и взрослым. Ведь именно взрослые оценили философскую сатиру "**Нового платья короля**" и "**Тени**", антиобывательский пафос "**Дюймовочки**", поднятые проблемы искусства в "**Соловье**". Действительно, сказки Андерсена **многожанровы**. Так, "**Штопальная игла**", "**Жених и невеста**", "**Воротничок**", "**Свинья-копилка**", "**Истинная правда**" близки к басне; "**Старый дом**", "**Девочка со спичками**" по сути новеллы; "**Новое платье короля**", "**Снежная королева**" - философские притчи.

Андерсен не берет на себя миссию морализатора, хотя его сказки и истории в высшей степени поучительны. Они развивают в читателе неизменную любовь к жизни, мудрость по отношению ко злу, формируют то гармоничное состояние духа, которое и является залогом счастья. Философия жизни выражается в словах сказочника: «Нет на свете такого человека, которому бы хоть раз в жизни не улыбнулось счастье. Только до поры до времени счастье это скрывается там, где его меньше всего ожидают найти».

В России сказки Андерсена появились в середине 40-х годов 19в. благодаря профессору Петербургского университета П. А. Плетневу, опубликовавшему первые переводы. Это были сказки «Лист», «Бронзовый кабан», «Роза с могилы Гомера», «Союз дружбы». И вот уже более столетия они наводят на размышления не только детей, но и взрослых. Их герои, сюжеты, положения подарили нам афоризмы и поговорки, метафоры и аллегории, темы и философские обобщения... Голый король ("А король-то голый!"), гадкий утенок, ставший прекрасным лебедем, принцесса на горошине, бедный Кай, верная Герда, бессердечная Снежная королева, стойкий оловянный солдатик, нежная Дюймовочка... - в нашей культуре они стали устойчивыми образами, которые можно встретить в самых разных текстах: художественных, публицистических, критических, научно-популярных. Андерсену, как никому в мире, удалось в сказке выразить целую философию жизни, оттого его книги сопровождают нас от колыбели до мудрых седин.

16.4. Р.Киплинг. Сказки "Просто так".

Творчество Киплинга — одно из самых ярких явлений неоромантического направления в английской литературе. В его произведениях показан суровый быт и экзотика колоний. Он развеял расхожий миф о волшебном, роскошном Востоке и создал свою сказку — о Востоке суровом, жестоком по отношению к слабым; он рассказал европейцам о могучей природе, требующей от каждого существа напряжения всех физических и духовных сил.

В течение восемнадцати лет Киплинг писал сказки, новеллы, баллады для своих детей и племянников. Мировую известность получили два его цикла: двухтомная «Книга джунглей» (1894—1895) и сборник «Просто так» (1902). Произведения Киплинга зовут маленьких читателей к размышлениям и самовоспитанию. До сих пор английские мальчики заучивают наизусть его стихотворение «Если...» — заповедь мужества.

В названии «**Книги джунглей**» отразилось стремление автора создать жанр,

близкий древнейшим памятникам литературы. Философская идея двух «Книг джунглей» сводится к утверждению, что жизнь дикой природы и человека подчиняется общему закону — борьбе за жизнь. Великий Закон джунглей определяет Добро и Зло, Любовь и Ненависть, Веру и Неверие. Сама природа, а не человек, является творцом нравственных заповедей (именно поэтому в произведениях Киплинга нет и намёка на христианскую мораль). Главные слова в джунглях: «Мы с тобой одной крови...».

Единственная правда, существующая для писателя, — живая жизнь, не скованная условностями и ложью цивилизации. Природа имеет в глазах писателя уже то преимущество, что она бессмертна, тогда как даже прекраснейшие человеческие творения рано или поздно обращаются в прах (на развалинах некогда роскошного города резвятся обезьяны и ползают змеи). Только огонь и оружие могут сделать Маугли сильнее всех в джунглях.

Двухтомная «Книга джунглей» представляет собой цикл новелл, перемежающихся стихотворными вставками. Не все новеллы повествуют о Маугли, часть из них имеет самостоятельные сюжеты, например новелла-сказка «Рикки-Тикки-Тави».

Своих многочисленных героев Киплинг поселил в джунглях Центральной Индии. Авторский вымысел опирается на множество достоверных научных фактов, изучению которых писатель посвятил много времени. Реализм изображения природы согласуется с ее романтической идеализацией.

Другая «детская» книга писателя, получившая широкую известность, — сборник коротких сказок, названный им «**Просто так**» (можно перевести и «Просто сказки», «Простые истории»): «**Откуда у Кита такая глотка**», «**Отчего у Верблюда горб**», «**Откуда у Носорога шкура**», «**Откуда взялись Броненосцы**», «**Слонёнок**, «**Как леопард получил свои пятна**», «**Кошка, которая гуляла сама по себе**» и др.

Киплинга увлекало народное искусство Индии, и в его сказках органично сочетаются литературное мастерство «белого» писателя и мощная выразительность индийского фольклора. В этих сказках есть нечто от древних легенд — от тех сказаний, в которые верили и взрослые на заре человечества. Основные герои — животные, со своими характерами, причудами, слабостями и достоинствами; они похожи не на людей, а на самих себя — еще не прирученных, не расписанных по классам и видам.

«В самые первые годы, давно-давно, вся земля была новенькая, только что сделанная» *{здесь и далее перевод К. Чуковского}*. В первозданном мире звери, как и люди, делают первые шаги, от которых всегда будет зависеть их дальнейшая жизнь. Правила поведения только-только устанавливаются; добро и зло, разум и глупость только определяют свои полюса, а звери и люди уже живут на свете. Каждое живое существо вынуждено находить собственное место в не устроенном пока мире, искать свой образ жизни и свою этику. Например, Лошадь, Собака, Кошка, Женщина и Мужчина имеют разные представления о добре. Мудрость человека состоит в том, чтобы «договориться» на веки вечные со зверями.

В ходе повествования автор не раз обращается к ребенку («Раз как-то жил, мой бесценный, в море Кит, который поедал рыб»), чтобы сложно заплетенная нить сюжета не была утеряна. В действии всегда много неожиданного — такого, что разгадывается лишь в финале. Герои демонстрируют чудеса находчивости и изобретательности, выбираясь из сложных ситуаций. Маленькому читателю как будто предлагается подумать, что еще можно было бы предпринять, чтобы избежать дурных последствий. Слоненок из-за своего любопытства навсегда остался с длинным носом. У Носорога шкура оказалась в складках — из-за того, что он съел пирог человека. За маленькой оплошностью или виной — непоправимое большое следствие. Впрочем, оно не портит

жизнь в дальнейшем, если не унывать. 141

Каждый зверь и человек существуют в сказках в единственном числе (ведь они еще не представители видов), поэтому их поведение объясняется особенностями личности каждого. А иерархия зверей и людей выстраивается согласно их сообразительности и уму.

Сказочник повествует о древних временах с юмором. Нет-нет да и появляются на его первобытной земле детали современности. Так, глава первобытной семьи делает замечание дочке: «Сколько раз я тебе говорил, что нельзя говорить простонародным языком! "Ужась" — нехорошее слово...» Сами сюжеты остроумно-поучительны.

Представить мир иным, чем его знаешь, — уже одно это требует от читателя яркого воображения и свободы мысли. Верблюд без горба. Носорог с гладкой шкурой, застегнутой на три пуговицы, Слоненок с коротким носом, Леопард без пятен на шкуре, Черепаха в панцире на шнурках.

Сказочная земля Киплинга подобна детской игре своей живой подвижностью. Киплинг был талантливым рисовальщиком, и самые лучшие иллюстрации к собственным сказкам нарисовал он сам.

Творчество Редьярда Киплинга пользовалось особенно большой популярностью в России в начале XX века. Его ценили И. Бунин, М.Горький, А.Луначарский и др. В начале 20-х годов сказки и стихи Р.Киплинга были переведены К. Чуковским и С. Маршаком. Эти переводы и составляют большую часть его произведений, издаваемых у нас для детей.

16.5. Ю. Тувим. Стихи для детей.

Юлиán Тувím (польск. Julian Tuwim); 13 сентября 1894, Лодзь, Царство Польское — 27 декабря 1953, Закопане, ПНР) — один из величайших польских поэтов, прозаик.

Родился в польской еврейской семье в городе Лодзь. Окончил там школу и в 1916—1918 годах изучал юриспруденцию и философию в Варшавском университете.

Дебютировал в 1913 году стихотворением «Просьба», опубликованным в «Варшавском курьере» (Kurierze Warszawskim). На Тувима сильно повлияли такие поэты как У. Уитмен и А. Рембо. В его поэзии часто использовался разговорный, повседневный язык. Оптимизм, отраженный в его ранних стихах, постепенно заменился горьким и опустошенным мировоззрением. Его поэма *Bal w Operze* («Бал в опере»), сатирически изображающая польское правительство, была запрещена цензурой.

Был одним из основателей экспериментальной литературной группы Скамандр в 1919 году. С 1924 года Тувим вёл еженедельную колонку в газете «Литературные новости» (Wiadomości Literackie).

В предвоенные 1930-е годы в стихах Тувима прозвучала резкая критика фашизма. Проведя в эмиграции 1939—1945 годы, он продолжал выступать против фашизма.

Перевёл на польский язык разнообразные произведения русской и советской литературы («Слово о полку Игореве»; «Горе от ума» А. С. Грибоедова; поэзию А. С. Пушкина, В. В. Маяковского, Б. Л. Пастернака). Русским читателям он более всего известен стихотворениями для детей в переводах С. Маршака и С. Михалкова и словотворческой фантазией «Зелень» в переводе Л. Мартынова.

«Письмо ко всем детям по одному очень важному делу», «Азбука», «Словечки-калечки», «Птичий двор», «Речка», «Про Янека», «Птичье радио», «Овощи», «Где очки» - стихи Ю. Тувина в переводе С.Михалкова.

Так в «Азбуке» очень весело рассказывается о буквах, что позволяет детям быстрее их запомнить.

Что случилось? Что
случилось?
С печки азбука свалилась!

Больно вывихнула ножку
Прописная буква М,
Г ударилась немножко,
Ж рассыпалась совсем!

Потеряла буква Ю
Перекладинку свою!
Очувшись на полу,
Поломала хвостик У.

Ф, бедняжку, так раздуло -
Не прочесть ее никак!
Букву Р перевернуло -
Превратило в мягкий знак!

Буква С совсем сомкнулась -
Превратилась в букву О.
Буква А, когда очнулась,
Не узнала никого!

142

А в стихотворении «Овощи» дети узнают о том, какие бывают овощи, что все они важны и только вместе они могут сделать овощной суп вкусным:

Хозяйка однажды с базара
пришла,
Хозяйка с базара домой
принесла:
Картошку,
Капусту,
Морковку,
Горох,
Петрушку и свеклу.
Ох!..

Хозяйка тем временем ножик
взяла
И ножиком этим крошить
начала:
Картошку,
Капусту,
Морковку,
Горох,
Петрушку и свеклу.
Ох!..

Вот овощи спор завели на столе -
Кто лучше, вкусней и нужней на
земле:
Картошка?
Капуста?
Морковка?
Горох?
Петрушка иль свекла?
Ох!..

Накрытые крышкою, в душном
горшке
Кипели, кипели в крутом кипятке:
Картошка,
Капуста,
Морковка,
Горох,
Петрушка и свекла.
Ох!..
И суп овощной оказался не плох!

17. ИЛЛЮСТРАТОРЫ ДЕТСКОЙ КНИГИ. Значение иллюстрации в детской книге. Развитие на разных этапах. Художники иллюстраторы.

Литература: [\[1\]](#), [\[3\]](#), [\[7\]](#).

Во все времена дети одинаково любят книжки с картинками, и чем больше в них интересных картинок, тем ярче становятся их фантазии, тем лучше они понимают смысл еще непонятных вещей, с невероятной скоростью «впитывая» всё то новое, что видят глаза и слышат уши.

Основным средством эстетического развития ребенка является детская иллюстрированная книга - синтез литературных текстов и иллюстрации. Иллюстрированная книга - особый мир, в котором художественная иллюстрация и литературный текст функционируют в едином комплексе, помогают юному читателю воспринять книгу как многоплановое произведение искусства. Художественная

иллюстрация - важнейший элемент книги для детей, во многом определяющий ее художественную ценность, характер эмоционального воздействия, возможности использования ее в процессе эстетического воспитания читателей.

Слово «иллюстрация» происходит от латинского «illustratio» и означает «освещение, наглядное изображение». Иллюстрация дополняет, поясняет и «освещает» текст с помощью наглядных примеров. С другой стороны, иллюстрация – это область изобразительного искусства, в которой художник-иллюстратор выступает и как интерпретатор литературного произведения, и как создатель нового произведения искусства, искусства книжной графики. Такая иллюстрация и может быть названа художественной.

Иллюстрация, прежде всего, произведение изобразительного искусства, а затем литературы. Задача иллюстратора в наиболее общем выражении состоит в том, чтобы передать идейное и образно-эстетическое содержание одного вида искусства (литературы) средствами и приемами другого (графики). Велика роль книжной иллюстрации и в раскрытии идейно-художественного своеобразия литературного произведения, понимания литературного текста. Поскольку художник-иллюстратор в детской книге выступает как творец и соавтор писателя, он не просто отражает в своих рисунках мир литературного произведения, но и дает трактовку, зрительную интерпретацию, свое понимание событий и образов.

Интересным средством раскрытия литературного произведения, которым пользуется художник-иллюстратор, является художественный вымысел. Суть художественного вымысла - в изменении, усилении, развитии, через несуществующие в литературном произведении детали, его идейного смысла; раскрепощении воображения, фантазии маленького читателя, его творческих способностей.

Задачу отражения главной идеи литературного произведения, но в наиболее общем виде, часто решает иллюстрация-фронтиспис, расположенная в самом начале книги, против титульного листа. В русле этой идеи, как бы вынесенной иллюстрацией за скобки повествования, и осуществляется все дальнейшее восприятие книги читателем.

В тесной связи с раскрытием идейного смысла литературного произведения находится характеристика образов героев - задача, которую решает художник-иллюстратор практически в каждой книге. К средствам образной характеристики относятся: графическое изображение героя, передача психологического состояния героя через мимику, позу, жест, а также с помощью пейзажа, интерьера и даже цвета. Все эти художественные характеристики направлены на раскрытие идейно-образного содержания литературного произведения, в их понимании - большой резерв воспитания творческого читателя, эстетического развития детей.

Таким образом, книжная иллюстрация как особый вид изобразительного искусства оказывает громадное влияние на формирование чувственного восприятия мира, развивает в ребенке эстетическую восприимчивость, выражающуюся, прежде всего, в стремлении к красоте во всех ее проявлениях. Иллюстрация в книге - это первая встреча детей с миром изобразительного искусства. Дополняя и углубляя содержание книги, пробуждая в ребенке те чувства и эмоции, которые вызывает в нас истинно художественное произведение, и, наконец, обогащая и развивая его зрительное восприятие, книжная иллюстрация выполняет эстетическую функцию.

Художественно исполненная иллюстрация воздействует на ребенка, прежде всего, эстетически, дает ему познание жизни и познание искусства, т.е. она помогает ребенку в познании мира, освоении нравственных ценностей, эстетических идеалов, углубляет

восприятие литературного произведения.

Иллюстрированная книга служит для ребенка стимулом освоения первых навыков чтения, а затем и для их совершенствования. Благодаря высокопрофессиональной иллюстрации, учитывающей особенности детского восприятия, возникает интерес к книге и чтению. С иллюстрации начинается процесс выбора ребенком книги для чтения. Иллюстрация способствует пониманию ребенком литературного текста, формирует представление о его теме, идее, персонажах, содержит в себе оценку событий и героев литературного действия.

Иллюстрация помогает детям войти в литературный мир, почувствовать его, познакомиться и подружиться с населяющими его персонажами, полюбить их. Так как жизненный опыт ребенка невелик ему сложнее воссоздать в своем воображении то, о чем повествует писатель. Ему необходимо увидеть, поверить. Здесь в книгу вступает художник.

Поэтому в мире детства особая роль отведена художнику, создающему иллюстрации для книг, ведь на нем лежит огромная ответственность не только за то, чтобы созданные им образы соответствовали содержанию, но и за то, чтобы картинка понравилась и полюбилась юным читателям, так как именно они здесь настоящие критики, пусть даже самые маленькие среди них еще не умеют читать.

Уже в XV веке взрослые знали о том, что дети любят рассматривать картинки, поэтому стали издавать Библии и буквари с иллюстрациями, ведь ради того, чтобы понять то, что нарисовано на картинке, ребенок готов был прочитать любой, пусть даже самый скучный, текст.

Первой иллюстрированной детской книгой в России был «Букварь» Кариона Истомина, изданный в 1692 и 1694 гг. в сопровождении гравюр на меди, выполненных художником-гравером Леонтием Буниным очень четко и наглядно.

С начала XVII в. почти до начала XX в. большое значение при воспитании детей и обучении их чтению имели русские народные картинки, так называемые «потешные листы» или лубки. В конце XVIII в. появляются учебники с гравированными иллюстрациями познавательного характера. Позже в свет выходят прижизненные издания сочинений А.С. Пушкина, Жуковского, Крылова, иллюстрированные гравюрами по рисункам известнейшего графика и живописца И.А. Иванова. Для них характерно изящество и простота образов, чистота рисунка. В XIX в. историю книжки-картинки продолжают «Азбуки»: «Подарок русским детям на память об Отечественной войне 1812 г.» с акварелями М.И. Терebeneва, «Увеселительная азбука» К.А. Зеленцова и др. Со второй половины XIX в. выпуском иллюстрированных книг для детей занимаются крупные издательские и типографские предприятия, что позволяло снизить цену книг и печатать их большими тиражами. В конце XIX в. к иллюстрированию детской книги обращаются выдающиеся художники-живописцы И.Е. Репин, В.М. Васнецов, В.И. Суриков, В.А. Серов, М.В. Нестеров. Но участие этих мастеров в оформлении детских изданий не было постоянным, художники опирались на традиции не книжного, а станкового искусства, то есть рисунка, не предназначенного специально для книги. Качество этих изданий тоже оставляло желать лучшего: на серой бумаге с плохой печатью терялась прелесть авторской работы.

Во второй половине XIX в. в русском искусстве обозначалась тяга к жанрам, до того считавшимися второстепенными. В живописи это было прежде всего освоение различных видов внестанкового творчества. Просветительские задачи приводят В.М. Васнецова, Е.Д. Поленеву к книжной иллюстрации. Оба этих художника

целенаправленно стремились создать русский национальный стиль, основанный на народных и древнерусских традициях, трансформировать народно-бытовое окружение в современных художественных формах.

«Былинно-сказочное направление» творчества В.М. Васнецова (1848—1926) начало складываться до его участия в кружке. Но Абрамцево сыграло в эволюции Васнецова-иллюстратора решающую роль. Он разработал собственный декоративный плоскостной стиль графики на основе лубка и древнерусской книжной миниатюры.

Елена Дмитриевна Поленова, считавшая себя ученицей Васнецова, создавала иллюстрации к русским народным сказкам. Она регулярно совершала поездки по деревням Московской, Ярославской, Костромской, Владимирской губерний, где собирала подлинники народного творчества, утварь, народные костюмы, записывала сказки. Иллюстрируя для детей тексты русских сказок «Сынко Филипко» (1886), «Война грибов», «Зверь» (1880) художница объединила две близкие ей области народного искусства: прикладное творчество и фольклор. Она стремилась передать тот поэтический взгляд на мир, который свойствен всем творениям народа. Праздничное, приподнятое чувство, одушевлявшее Е. Поленову, придающее ее иллюстрациям нарядность, и некоторая сказочная таинственность создавали особое настроение у маленького зрителя и читателя. Опыт Васнецова и Поленовой открыл путь для дальнейших поисков приемов художественного переосмысления форм древнерусского и народного искусства.

145

Произведения художника **С.В. Малютина** (1859—1937), работавшего в селе Талашкино над созданием предметов быта (мебели, домашней утвари), первыми приблизились к графическим образцам, которые соединили простоту, даже наивность с живостью ритма, упрощенных линий и форм рисунка, напоминающих лубок. Художник выпустил в свет книжку-картинку «Ай-ду-ду!» (1899), а также оформил «Сказку о царе Салтане», поэму «Руслан и Людмила» А.С. Пушкина и другие книги.

В конце XIX— начале XX вв. в возникшее общество «Мир искусства» вошли великолепные русские художники-графики: **А.Н. Бенуа, Г.И. Нарбут, И.Я. Билибин, Д.Я. Митрохин**. Утонченный вкус иллюстраций, нарядность и роскошь внешнего оформления, прекрасная бумага, отличная полиграфия — все это делало их книги изысканными «вещами», доступными немногим. Среди их созданий «Азбука в картинках» А.Н. Бенуа (1870—1960), вышедшая в 1904 г. Книга достаточно сложна по материалу, но он подан живо, увлекательно. Иллюстрации Г.И. Нарбута к басням И.А. Крылова, к книге «Игрушки» отличает монохромность, тонко отточенное черное силуэтное изображение на белом поле листа, заключенное в строгую рамку классического стиля.

Больше всего занимался оформлением сказок **Б.И. Билибин** (1876—1942). Его произведения декоративны, орнаментальны, многоцветны. Их отличает четкий линейный контур, выполнявшийся пером. Они напоминают удивительно красивый ковер, что как будто создает излишнюю дробность изображения и затрудняет восприятие. Между тем работы Билибина являются действительно иллюстрациями, то есть не могут существовать в отрыве от книги, как станковые произведения. Они очень сказочны, с изобилием красивых виньеток, буквиц, с рисованным шрифтом. Это как бы вводит читателя в атмосферу нарядных былин и преданий. В оформлении художника были изданы народные сказки «Сестрица Аленушка и братец Иванушка», «Белая уточка», «Марья Морев-на», «Василиса Прекрасная», «Перышко Финиста Ясна-Сокола», былины

о Добрыне Никитиче и Илье Муромце, а также «Сказка о царе Салтане» и «Сказка о Золотом петушке» А.С. Пушкина.

В 20-е годы детская книга претерпевает изменения, начинает приобретать черты жанра: книга как некое художественно концентрированное отображение новых общественных явлений. В 1924 году был создан детский отдел Ленинградского отделения Государственного издательства, художественную редакцию которого возглавил прекрасный художник-график **В.В. Лебедев**. В этой творческой лаборатории, названной впоследствии лебедевской школой графики, работали художники **Н.А. Тырса, Н.Ф. Лапшин, В.М. Конашевич, А.Ф. Пахомов, В.И. Курдов, Е.И. Чарушин, Ю.А. Васнецов**. Они опирались не только на свою творческую интерпретацию литературных образов, но и стремились учесть психологию детского возраста, ставя себя на место ребенка, припоминая собственные детские впечатления.

В.В. Лебедев 40 лет сотрудничал с С.Я. Маршаком. Маршак считал его полноправным автором созданных ими вместе книг. Например, книгу «Цирк» изначально задумал и нарисовал Лебедев, а затем Маршак сочинил к ней стихи. Зрительные образы, нарисованные Лебедевым сливаются в одно целое с литературными персонажами. Его рисунки лаконичны, яркие, выразительны, но не лишены познавательности, которую он считал одним из главных качеств иллюстрации в детской книге. Он работал над такими книгами С.Я. Маршака, как «Вчера и сегодня», «Багаж», «Мистер Твистер»,

Конашевич В.М. много лет сотрудничал с К.И. Чуковским. Им оформлены книги «Краденое солнце», «Муха-цокотуха» и др. Он проиллюстрировал многие книги классиков русской литературы: «Конек-горбунок» Ершова, сказки А.С. Пушкина, книги И.С. Тургенева, Л.Н. Толстого.

Ю.А. Васнецов иллюстрировал и оформлял книги В. Бианки, С. Маршака, К. Чуковского, русские народные сказки и др. Книги, оформленные Ю. А. Васнецовым, легко узнаются. Иллюстрации в них имеют первостепенное значение, текст подчиняется им.

Книжки-картинки Ю. Васнецова знакомят ребенка с жизнью через искусство (Л.Толстой "Три медведя", П. Ершов "Конек-горбунок", С. Маршак "Теремок" и др.). Лучшие работы художника - иллюстрации к сборникам "Ладушки" и "Радуга-дуга". Ю. Васнецова по праву называют художником русской сказки. Одной из основных особенностей его художественного метода является неразрывная органическая связь с народным искусством. Его персонажи (зверюшки, дети, куклы – это игрушки с ярмарки, разодетые в нарядные платья, сапожки ¹⁴⁶ фтанчики; игрушечные кони запряжены в расписные тележки. Но они не скопированные в точности народные игрушки. Они ближе к реальному облику изображаемого. Художник стремится к стилизации – преломлению образов народного творчества в воображении.

Произведениям Конашевича, Билибина, Васнецова присуща важная особенность детской иллюстрации – декоративность (от латинского слова «украшаю»). В формировании детской книги декоративность стала важным качеством.

Иллюстрации В.М. Конашевича, А.Ф. Пахомова, Е.И. Чарушина, А. Фаворского и др. вошли в **золотой фонд русского искусства**.

Развитие иллюстрации не шло по прямой. Были сдвиги и отклонения. Расцвет красивой книжки 20-х годов сменяется полосой упадка искусства детской книги.

В 1930-50-е годы введение станковых приемов привело к утрате специфических признаков детской книги. Замедлилось развитие жанра книжки-картинки. В конце 50-х годов детская книга приобретает те же черты жанра, что и в 20-х годах. Молодые художники М. Митурич, Н. Устинов и др. усваивали традиции старых мастеров.

В 60-е годы ведется разработка книжки – игрушки, специальной игровой книги. А. Елисеев, М. Скобелев сделали такие книжки в 1964-65 гг.: «Вот какой рассеянный» С. Маршака, «Что ни станица, То слон, то львица» В. Маяковского. Подрезки на страницах, картонные диски, окошечки делали процесс чтения более интересным.

В наше время с возникновением компьютерного дизайна значительно расширились возможности художников. Но, к сожалению, можно видеть много злоупотреблений этим изобразительным приемом. Выпускается много книг однообразно пестрых, тяжелых для детского восприятия и несмотря на хорошее качество полиграфии не выдерживают критики с точки зрения художественного вкуса, педагогико-воспитательных задач, познавательных и эстетических задач, которые призвана решать хорошая книга.

18. ВОЛОГОДСКИЕ ПИСАТЕЛИ И ПОЭТЫ ДЕТЯМ.

18.1. Творчество Н. Рубцова. Сборник стихов "Добрый филия".

Хроника жизни и творчества Н. Рубцова

1936 — родился 3 января четвертым ребенком в семье начальника ОРСа леспромхоза Михаила Андрияновича и Александры Михайловны Рубцовых.

В автобиографии сообщит: «Я, Рубцов Н. М., родился в 1936 году в Архангельской области в с. Емецк. В 1940 г. переехал вместе с семьей в Вологду, где нас и застала война. Отец ушел на фронт и погиб в том же 1941 году. Вскоре умерла мать, и я был направлен в Никольский д/д Тотемского района Вологодской области, где окончил 7 классов Никольской НСШ в 1950 г. В том же 1950 году я поступил в Тотемский лесотехнический техникум, где окончил 2 курса, но больше не стал учиться и ушел. Подал заявление в Архангельскую мореходную школу, но не прошел по конкурсу.

В настоящий момент подаю заявление в Тралфлот. Н. Рубцов 12.09.52г.».

После смерти матери 29 июня 1942 года старших детей взяли родственники, а младшие — Николай и Борис — попали в Красковский детский дом.

С октября 1943 г. Николай Рубцов воспитывается в Никольском детском доме. Памяти матери посвящены стихотворения «Аленький цветок», «Детство», а село Никольское с храмом Николая Угодника увековечено в знаменитых строках «Люблю я деревню Николу, где кончил начальную школу...».

1945-м годом датировано одно из самых ранних стихотворений Николая Рубцова «Зима», написанное под влиянием «Детства» И. Сурикова.

Сохранился рассказ учительницы литературы: «Коля любил читать стихи и читал хорошо. Встанет, расставит ноги, смотрит куда-то вдаль и декламирует, а сам, кажется, мысленно, — там, с героями стихотворения».

1950—1952 — Николай Рубцов кончил семилетку и, по его словам, «рвался к

морю». Но попытка поступить в Рижскую мореходку закончилась неудачей.

Возвращается в Никольское и поступает в Тотемский лесотехнический техникум.

Летом 1952 года, кончив два курса «лесного» техникума и, главное, получив паспорт, еще раз пытается пройти конкурс в «мореходку», но теперь уже Архангельскую. Вновь неудачно. Поступает на Тралфлот — подручным кочегара на тральщике РТ-20 «Архангельск». Об этих годах сообщит скупко: «Учился в нескольких техникумах, ни одного не закончил. Работал на нескольких заводах и в Архангельском траловом флоте. Все это в разной мере отозвалось в стихах».

1953 — поступает учиться в горный техникум в заполярном городе Кировск.

1954—1955 — бросает техникум и переезжает к брату Алексею в село Приютино под Ленинградом. Работает слесарем-сборщиком на артиллерийском испытательном полигоне.

1956—1959 — действительная служба на Северном флоте в заполярном городе Североморске, где находилась база флота.

Годы службы на эсминце прошли под знаком поэзии Сергея Есенина, которого именно в это время Россия открывала заново. Рязанский прозаик Валентин Сафонов, служивший с Николаем Рубцовым, рассказывает: «Коля прочитал все, что было у меня о Есенине... Брат прислал мне двухтомник Есенина, вышедший в 56-м в Госиздате. Светло-сиреневый переплет, зеленое пятно неприхотливого пейзажа на обложке. Вот это был праздник! Мне и теперь они дороже многих нарядных изданий... Тогда, в машинном отделении, мы не читали друг другу собственных стихов. Даже, кажется, и в голову не пришло такое — читать себя. Говорили только о Есенине».

В годы службы Николай Рубцов посещает литературное объединение при флотской газете «На страже Заполярья», начинает печататься.

1959—1960 — после демобилизации, с ноября начинает работать кочегаром на Кировском (бывшем — Путиловском) заводе, живет в заводском общежитии. «С полочки особенно хорошо, — сообщает он другу, — хожу в театры и в кино». Начинает заниматься в литобъединении «Нарвская застава». Поступает в вечернюю школу.

1961 — выходит коллективный сборник «Первая плавка» с пятью стихотворениями Рубцова.

1962 — 24 января Николай Рубцов выступает с чтением стихов на вечере молодой поэзии в ленинградском Доме писателей. Знакомится с Глебом Горбовским и с другими ленинградскими молодыми поэтами. Подготовил **рукописный (самиздатовский) сборник из 37 стихотворений «Волны и скалы»**, в который вошли такие известные в будущем стихи, как «**Видения на холме**», «**Березы**», «**Добрый Филя**», раздел «звукозаписных миниатюр». По предисловию к сборнику можно судить об отношении молодого поэта к официозным литературным и околотекстурным кругам. Николай Рубцов заявляет: «И пусть не суются сюда со своими мнениями унылые и сытые «поэтические» рыла, которыми кишат литературные двory и задворки».

Сдает экстерном экзамены за среднюю школу. Представляет рукописный сборник «Волны и скалы» на творческий конкурс в Литературный институт. Поступает в Литературный институт.

Начало московского периода жизни поэта.

1963 — июлем этого года датирован **первый вариант стихотворения «В горнице»**. В течение года написаны: **«Я буду скакать по холмам...»** и другие **стихотворения, ставшие рубцовской классикой**. «В моей памяти, — вспоминает Вадим Кожинов, — Николай Рубцов неразрывно связан со своего рода поэтическим кружком, в который он вошел в 1962 году, вскоре после приезда в Москву, в Литературный институт. К кружку этому, так или иначе принадлежали Станислав Куняев, Анатолий Передреев, Владимир Соколов и ряд более молодых поэтов — Эдуард Балашов, Александр Черевченко, Игорь Шкляревский и другие. Нельзя не подчеркнуть, что речь идет именно о кружке, а не о том, что называют литературной школой, течением и т.п. Правда, позднее, к концу шестидесятых годов, на основе именно этого кружка сложилось уже собственно литературное явление, которое получило в критике название или, вернее, прозвание — «тихая лирика». Более того, течение это, вместе с глубоко родственной ему и тесно связанной с ним школой прозаиков, прозванных тогдашней критикой «деревенщиками», определило целый этап в развитии отечественной литературы».

148

Но к этому же периоду вхождения в литературу относятся и первые исключения Николая Рубцова из Литературного института, как значилось в приказе: «с немедленным выселением из общежития».

1964—1965 — в конце июня Николай Рубцов вновь отчислен из Литературного института, 15 января 1966 года — вновь восстановлен, но на заочном отделении, что фактически лишало его возможности иметь хоть какой-то свой «угол» в Москве. О годах учебы в Литинституте бытует немало легенд, связанных в основном с «недостойным поведением Рубцова Н.М.» в ЦДЛ и «нарушением общественного порядка» в общежитии. Очевидцы рассказывают, как однажды он устроил «застолье» с классиками — Пушкиным, Лермонтовым, Гоголем, Блоком, сняв их портреты со всех этажей и собрав у себя в комнате. Сокурсники застали его «чокающимся»: «Ваше здоровье, Александр Сергеевич!.. Ваше, Михаил Юрьевич!..» Утром, под надзором коменданта общежития, он послушно разнес и развесил портреты, но продолжал бурчать: «Не дали раз в жизни в хорошей компании посидеть...». Не менее ощутимой была и такая административная мера, как «снятие со стипендии», которая тоже не единожды применялась к Николаю Рубцову, оставляя без средств к существованию.

Лето проводит в Николе. «Здесь за полтора месяца, — сообщает он в письме к Александру Яшину, — написал около сорока стихотворений. В основном о природе, есть и неплохие, и есть вроде бы ничего. Но писал по-другому, как мне кажется. Предпочитал использовать слова только духовного, эмоционально-образного содержания, которые звучали до нас сотни лет и столько же будут жить после нас». А в письме к другу земляку-вологжанину Сергею Викулову сообщал: «Все последние дни занимаюсь тем, что пишу **повесть** (впервые взялся за прозу), а также **стихи**, вернее, не пишу, а складываю в голове. Вообще я никогда не использую ручку и чернила и не имею их. Даже не все чистовики отпечатываю на машинке — так что умру, наверное, с целым сборником, да и большим, стихов, «напечатанных» или «записанных» только в моей беспорядочной голове».

В августовском номере журнала «Октябрь» появляется **первая крупная публикация Николая Рубцова в «толстом» столичном журнале**. Среди опубликованных стихотворений — **«Звезда полей», «Взбегу на холм и упаду в**

траву!...», «Русский огонек». В октябрьском номере «Октября» появляется еще одна подборка Николая Рубцова — **«Памяти матери», «На вокзале», «Добрый Филя», «Тихая моя родина!...».** Он сдает в набор **первую книгу «Лирика»** в Архангельском книжном издательстве, подписывает договор с издательством «Советский писатель» на книгу «Звезда полей».

1966—1967 — проводит в странствиях: Вологда — Барнаул — Москва — Харовск — Волго-Балтийский канал — Вологда. Николай Рубцов принимает участие в обычных для того времени писательских поездках, выступлениях в сельских клубах, Домах культуры, библиотеках. Вологодский поэт Александр Романов так описывает публичные выступления Николая Рубцова: «Николай Рубцов стихи читал прекрасно. Встанет перед людьми прямо, прищурится зорко и начнет вздывать слово за слово: «Взбегу на холм и упаду в траву...» Не раз слышал я из уст автора эти великие «Видения на холме», и всегда охватывала дрожь восторга от силы слов и боль от мучений и невзгод Родины. А потом — «Меж болотных стволов красовался восток огнеликий», — и воображение мое уносилось вместе с журавлиным клином в щемящую синеву родного горизонта. А затем — «Я уеду из этой деревни», — и мне приходилось прикрываться ладонью, чтобы люди, сидевшие в зале, не заметили моих невольных слез... Вот какими были выступления Николая Рубцова!»

К лету 1967 года вышла книга «Звезда полей», ставшая звездным часом поэта. «Эпопею издания сборника стихов Рубцова я знал хорошо, — вспоминал однокурсник Анатолий Чечетин. — Заходили с ним в издательство, когда еще только созрел договор, и на других этапах. Уже тогда я понимал, какое важное дело совершает Егор Исаев, отстаивая, проводя и «пробивая» почти в целостности-сохранности эту подлинно поэтическую книжечку стихов, явившуюся к нам словно из другой галактики».

1968 — в журналах появилось несколько рецензий на «Звезду полей», по ней Николай Рубцов защитил диплом в Литературном институте и 19 апреля был принят в Союз писателей. Получил в Вологде комнату в общежитии.

Ранней весной исполнилась дав ¹⁴⁹ яя мечта поэта: он побывал на родине Есенина — в селе Константинове. В августе-сентябре гостит в деревне Тимониха — у Василия Белова. Там написана **поэма-сказка «Разбойник Ляля».**

1969 — вышла **третья книга Николая Рубцова «Душа хранит»** (Архангельск). Закончились годы скитаний, бытовой неустроенности: Николай Рубцов получил скромную, но все-таки отдельную однокомнатную квартиру. Казалось, что налаживается и личная жизнь поэта...

1970 — вышла **четвертая книга Николая Рубцова «Сосен шум»,** изданная благодаря хлопотам Егора Исаева, в том же «Советском писателе». Появились публикации в «Нашем современнике», «Молодой гвардии».

К этому времени относятся **стихотворения — «Судьба», «Ферапонтово», «Я умру в крещенские морозы...».**

1971 — гибель поэта Николая Рубцова 19 января, в крещенские морозы...

Существует **традиционная периодизация творчества Н Рубцова.**

1. Раннее творчество /1959-1962/.

2. Зрелое творчество /1962-1971/.

Наиболее ярко в **ранней лирике поэта выразилась есенинская традиция**, которая проявилась, прежде всего, в стихотворениях о русской деревне и природе /"Деревенские ночи", "Березы", "Я забыл, как лошадь запрягают"/.

Даже ранние стихотворения Н.Рубцова обладают тщательной композиционной продуманностью. Так, например, в элегии "Березы" ненавязчивый повтор "Набегают слезы на глаза, отвыкшие от слез" образует кольцевую композицию произведения; лирический герой погружается в воспоминания. Затем они обрываются, и герой снова возвращается к образу березы, но здесь уже присутствует некоторое обобщение. И в связи с этим по-новому звучит обращение теперь уже не только к читателю, а ко всей России

Пейзажная лирика Н.Рубцова занимает центральное место в его поэзии. С ней связаны философские и патриотические мотивы. Рисуя тот или иной пейзаж, автор никогда не упускает из вида прошлое и глубокую старину. Только в непосредственной связи с природой герой обретает душевное спокойствие.

Снег летит на храм Софии,
На детей, а их не счесть
Снег летит по всей России,
Словно радостная весть

Снег летит - гляди и слушай!
Так вот, просто и хитро,
Жизнь порой врачует душу...
Но и ладно! И добро.

Проблемно-тематическое новаторство Н.Рубцова состоит в том, что он **наиболее остро обнажил противоречия русской деревни конца 50-х - 60-х годов.**

Наиболее показательными в этом отношении являются стихотворения "Грани" и "Добрый Филя". В "**Добром Филе**" перед нами предстает **картина полнейшей бытовой неустроенности, нищеты и разрухи, в которой в век научно-технического прогресса, покорения космоса и атомной энергии живет простой русский крестьянин.**

Народное мироощущение пришло к Рубцову через собственный жизненный опыт, через нелегкий путь странствий по дорогам земным, именно поэтому оно столь мастерски и глубинно выражено в его творчестве. С любовью и пониманием выписаны у поэта **образы простых людей из народа.** Вслед за Н.Некрасовым, Н.Рубцов подчеркивает такую характерную черту русского национального характера как **терпеливость и бескорыстие.** Молчаливый Филя - полное подтверждение этому.

ДОБРЫЙ ФИЛЯ

Я запомнил, как диво,
Тот лесной хуторок,
Задремавший счастливо
Меж звериных дорог...

Там в избе деревянной,

Без претензий и льгот,
Так, без газа, без ванной,
Добрый Филя живет.

Филя любит скотину,
Ест любую еду,
Филя ходит в долину,
Филя дует в дуду!

Мир такой справедливый,
Даже нечего крыть...
— Филя, что молчаливый?
— А о чем говорить?

Спокойствие, миролюбие русского народа подчеркивается в стихотворении "Русский огонек". Лирический герой поэта - путник и странник, путешествующий по России. Он заходит в дома незнакомых ему людей, и его встречают там как дорогого гостя, дают обогреться, приносят теплую одежду, бесплатно пускают ночевать Строками, аккумулирующими основы **народной нравственности**, можно назвать фразу:

За все добро расплатимся добром,
За всю любовь расплатимся любовью.

18.2. Творчество Т.Л.Петуховой.

Татьяна Леонидовна Петухова (заметим: с А.В.Петуховым они просто однофамильцы) - коренная вологжанка, родилась 3 февраля 1942 года.

Детские годы совпали с войной и послевоенным временем. Из троих детей в семье Таня была самой младшей.

После войны все заботы легли на плечи матери. В доме никогда не было недостатка, но семейные праздники с серыми баранками, с песнями под гитару запомнились на всю жизнь.

В школе Таня училась хорошо, ничем среди сверстников не выделялась, разве что была более замкнутой и молчаливой.

После школы пришлось сразу же пойти работать, так как мать болела и денег не хватало. Девушка выбрала льнокомбинат, но не потому, что хотела посвятить себя легкой промышленности, а по необходимости. Училась в вечернем текстильном техникуме - решила так из-за выбранной профессии.

В 1963 году вышла замуж, появились сын Сережа и дочь Света.

Учебу продолжила в Сокольском целлюлозно-бумажном техникуме. Возникшая еще в юности тяга к поэтическому слову заставила взяться за перо. Татьяна пишет о детях, и эта приверженность детской теме впоследствии в корне изменит не только ее профессию, но и жизнь.

Интересно, что поэтесса большую часть своей трудовой жизни посвятила технической деятельности.

Завод «Северный коммунар», Вологодский ЦНТИ (Центр научно-технической информации), станкостроительный завод. На каждом месте она работала с полной отдачей, активно участвовала в жизни предприятий, неоднократно поощрялась и

награждалась.

Тем более неожиданным для всех было решение Татьяны Леонидовны перейти на работу в детские сады ПЗ-23. Здесь она по-настоящему нашла себя в творчестве и в радости общения с детьми. Конечно, пришлось снова учиться, изучать педагогику и психологию.

А вообще творческая биография поэтессы началась в 1959 году. Первое стихотворение было написано в 16 лет и посвящалось сложным семейным взаимоотношениям (с отцом). Стихи, адресованные детям, появятся позже.

Работе над словом Татьяна Леонидовна также много училась - вначале в литературном объединении «Юность» при редакции «Вологодского комсомольца», затем (в 1972-76 гг.) - у Ю. М. Леднева в объединении «Рифма». Юрий Макарович и стал первым наставником молодой поэтессы.

В 1981 году стихи Татьяны Леонидовны были опубликованы в сборнике «Родничок» (пятом выпуске).

А первая книга ждала своего выхода десять лет и увидела свет только в 1982 году — это книга «Солнышко». Она получила положительные отзывы поэтов-вологжан С. Викулова и С. Чухина. Книжку «Лохматый подарок» (1987) заметил народный артист Николай Литвинов (он вел на Всесоюзном радио передачи для детей). По его рекомендации стихи «Забияки» и «Дружба» прозвучали в радиопередаче г. Москвы.

В 1990 году выходит «Доброе слово», а в 1991 — «Разного роста мечты».

Неоднократно стихи Татьяны Леонидовны печатали журналы «Мурзилка», «Дошкольное воспитание», публиковались они и в других периодических изданиях.

В последнее время поэтесса пишет сценарии детских праздников, сказки. «Весенние проталинки» — светлый и в то же время печальный праздник - выпуск в школу из детского сада - был издан Институтом повышения квалификации и переподготовки педагогических кадров г. Вологды.

В качестве примера можно привести стихотворение Т. Петуховой для детей:

Загорелый помидор,
Завёл с капустой разговор.
Помидор: До чего ж ты белая,
Совсем не загорелая!
Капуста: Вот попробуй загорать,
Если платьев сорок пять!
Пока снимаю платьица,
Солнышко закатится!

Сборник стихов "Свет души" (2006 г.) предназначен не только для детей, но и для взрослых.

На стихи Т.Л. Петуховой написаны песни (композитор Надежда Михайловна Берестова): Вологда, Я вернусь, Лучший друг, Эх, папа, Шум на болоте, Аи - я - яй! (о попугае), Две елочки, Снежная принцесса, Осенний танец.

18.3. "Рассказы о всякой живности" В.Белова, "Месяцеслов" Полуянова И.Д. и др.

Белов Василий Иванович (23.10.1932, дер. Тимониха Харовского р-на Вологодской обл.) – прозаик, драматург, публицист, поэт, лауреат Гос. премии СССР,

лит. премий им. Л. Толстого, С.Т. Аксакова и др. Родился в крестьянской семье. В 1945 г. окончил семилетнюю школу. До 1949 г. работал в колхозе, потом учился в ФЗО в г. Соколе. В 1952-1955 годах служил в армии, затем работал на заводе в г. Перми, был сотрудником районной газеты "Коммунар" (Вологодская обл.), с середины 1950-х годов активно публикуется в печати. В 1959-1964 гг. Б. учился в Лит. ин-те им. М. Горького. Член Союза писателей с 1963 г. Живет в Вологде и Тимонихе.

Первыми книгами стали сб. стихотворений "**Деревенька моя лесная**" (1961) и сб. пов. и рассказов "**Знойное лето**" (1963), "**Речные излуки**" (1964), но подлинную славу ему принесли журнальные публикации: пов. "**Привычное дело**" ("Север", 1966), "**Плотницкие рассказы**" ("Нов. мир", 1968), "**Бухтины вологодские**" ("Нов. мир", 1969). Б. был единодушно причислен критикой к лидерам т.н. русской "деревенской" прозы, а его пов. "Привычное дело" стала считаться ее эталоном (однако сам Б. считает себя не "деревенщиком", а русским писателем-реалистом).

Главным трудом стала трилогия "**Час шестый**" (окончательное авторское название), публиковавшаяся частями с начала 70-х гг.: "Кануны" (1972-87), "Год великого перелома" (1989-94), "Час шестый" (1997-98). В 2002 г. трилогия вышла полностью, без купюр, и только после этого события стало ясно, что по жанру монументальное произведение Б. — не роман-хроника, а **эпопея, главным героем которой стал народ, и говорит сам народ**. Б. по-настоящему правдиво рассказал о переломном моменте нашей трагедии, о кс 152 тивизации, итогом которой стала резкая, насильственная смена уклада, сказавшаяся даже на национальном характере.

Публицистические книги Белова: "**Раздумья на родине**" (1986), "**Ремесло отчуждения**" (1988), "**Внемли себе**" (1993), "**Записки на ходу**" (1999) вполне вписываются в целый ряд публицистических изданий А. Солженицына, В. Распутина и др. рус. классиков. Главная мысль в них — о сбережении народа. О современности, только языком сатиры, рассказал Б. и в "перестроечных" вологодских бухтинах (1996).

Перу Белова принадлежат **произведения для детей** ("Сказки", "**Рассказы о всякой живности**"), а также пьесы "Над светлой водой", "По 206-й", "Князь Александр Невский", "Бессмертный Кощей", "Семейные праздники", киноповесть "Целуются зори".

С 1961 г. вышло более ста книг Белова, многие из них переведены на основные языки мира.

Замечательный русский писатель Василий Белов в книге «Рассказы о всякой всячине» увлекательно рассказывает детям о том, как в обычной вологодской деревне вместе с людьми дружно живут домашние животные — коровы, кони, козы, куры, гуси, поросята, кошки, собаки, кролики... Рядом и вокруг — леса, реки, озера, поля, холмы, проселки, дали, небеса. В чащах и просторах — свои хозяева: медведи, лоси, волки, лисы, зайцы, тетерева, воробьи, синицы, вороны, хорьки... И у всех — особенные характеры, повадки и странности. Красочно и ярко вторит образам писателя талантливый русский художник Антон Куманьков. Книга обращена прежде всего к детям и учит понимать язык живой природы, любить и познавать родную землю. Вот два рассказа из этой книги.

Однажды весной

В понедельник у Верного был выходной. В этот день почтовое отделение не работало. Сена в кормушке нет. Верный погрыз доску в стойле и подошел к окошку. Он даже пошатывался от голода. Окошко в конюшне длинное и узенькое. Вчера Федя выставил раму, говоря:

— Сена нет, так пусть хоть на свежем воздухе... Верный повернул голову и просунул ее на улицу.

А на улице — весна, снегу как не бывало. Но ведь и травы тоже нет! Верный шумно вздохнул и поглядел вдоль деревни. Ребята бежали в школу и вдруг видят: из окна конюшни торчит большая лошадиная голова. «Верный! Верный!» — закричали. Конь наострил уши. Ребята подошли ближе и по очереди стали дотягиваться, чтобы погладить. Верный тихо заржал и начал шлепать большой мягкой губой.

— Наверно, есть хочет! — сказал один из мальчиков, доставая из портфеля кусок воложного пирога. Он предложил пирог коню. Верный неторопливо, но жадно сжевал этот кусок. Потом съел второй кусок, третий, четвертый... Ребята скормили ему все свои школьные завтраки, припасенные дома.

— Ленька, а ты чего? Давай, нечего жадничать.

Совсем маленький мальчик насутился и чуть не заплакал.

— У меня только яйцо, — сказал он и тихо добавил: — И две конфеты...

— Ну и что?

Ленька открыл полевую, видимо, еще отцовскую сумку. Яйцо, сваренное вкрутую, быстро очистили. Верный съел и яйцо. Правда, раскрошил половину. Конфет было, конечно, жалко. Но все равно распечатали. Верный съел и конфеты. Больше ни у кого не было ничего съестного. Ребята побежали. Школа была далеко, в другой деревне. Они боялись, что опоздают. Верный долго смотрел им вслед.

Так он научился есть конфеты и яйца. Особенно повезло Верному через неделю, Первого мая, когда ребята получили в школе подарки.

А тут скоро и травка пошла, свежая и такая зеленая. Не чета соломе! И Верный понемногу стал опять поправляться.

Последняя синичка

Сидел я за столом в горнице и не заметил, как потемнело в воздухе. Взглянул в окно и вижу: на проводе, совсем рядом, сидит синичка. Сидит и вытягивает головку то влево, то вправо. При этом ее тоненький клювик открывался и закрывался. Что это она делает? Я подошел к окну и забыл про синицу: сверху медленно летели снежинки. Вот почему потемнело на улице. Лето кончилось¹⁵³ ишло время уезжать из этой деревни.

Синичка все поворачивала головку то туда, то сюда. Я пригляделся и увидел, что она ловит ртом снежинки. Ах, лентяйка! Ей не хотелось лететь на реку. Она утоляла жажду снежинками. Никогда такого не видел. А может, она принимала снежки за мошкору и ловила. Не зря ведь говорят про первый снежок: «Полетели белые мухи».

Эта синичка была последней из всей деревенской живности, с которой я познакомился в это лето. Ночью Федя проводил меня за околицу на автобус. Мне не хотелось покидать эти места.

Конечно, я далеко не все рассказал о здешних животных, зверях и птицах. О них можно было бы еще много рассказывать, но я боюсь, что уже наскучил читателю.

Полуянов Иван Дмитриевич (06.08.1926, дер. Киселево Нюксенского уезда Вологодской губ.) – прозаик, лауреат Гос. премии Вологодской обл. (1998).

Иван Дмитриевич Полуянов – писатель-вологжанин. Участник Великой Отечественной войны. Имел боевые ранения. Награжден орденом Отечественной войны 2-й степени. Автор тридцати книг прозы, вышедших как в местных, так и в центральных издательствах. Член Союза писателей с 1957 г.

Тематика произведений П. широка: книги о природе, рассказы и повести для детей, краеведческие очерки, историческая романистика. Среди наиболее известных: кн. очерков «**Месяцеслов**» (1973), пов. «**Одолень-трава**» (1976), кн. очерков «**Солнцеворот**» (1986) и др.

Писатель И.Полуянов - автор многих книг, адресованных детям. Лучшие из них посвящены северной природе. Главное место в творчестве И.Д. Полуянова занимают темы жизни детей и юношества, отношений человека с природой. Для него в природе нет тайн; он писатель, натуралист и ученый-исследователь. Книги И.Д. Полуянова «За синей птицей», «**Месяцеслов**», «**Солнцеворот**» вошли в золотой фонд русской литературы, повествующей о природе. Они стоят в одном ряду с произведениями М. Пришвина, В. Бианки. Без его книг невозможно представить уроки природоведения в школах области.

Книга «**Месяцеслов**» рассказывает об обитателях наших лесов, о родном крае, о людях, в ком находят отклик лесные тихие зори, синие таежные озера, плеск форели в ручьях и птичьи голоса... Любовь и бережное отношение к природе, к отчей земле нам завещаны предками, которые умели не только землю пахать и рубить избы, но и создавали устные календари-месяцесловы, полные мудрости и проникновенной поэзии. Книга И.Полуянова "Месяцеслов" представляет собой своеобразный итог многолетней работы автора по теме природы....

Литература

1. Арзамасцева И.Н. Детская литература: Учебник для студ. высш.пед. заведений / И.Н. Арзамасцева, С.А. Никорлаева.- 3-е изд., перераб. и доп.- М.: Издательский центр «Академия», 2005.- 576с.

2. Бодрова Ю.В. Русские пословицы и поговорки и их английские аналоги.- М.: АСТ; СПб.: Сова, 2007.- 159с.

3. Детская литература: Учебник/ Е.Е. Зубарева, В.К. Сигов, В.А. Скрипкина и др.; Под ред. Е.Е. Зубаревой.- М.: Высш. шк., 2004.- 551с.

4. Лагутина Т.В. Народные скороговорки, прибаутки, частушки, пословицы и загадки.- М.: Рипол Классик, 2010.- 256с.

5. Розе Т. В. Большой толковый словарь пословиц и поговорок русского языка для детей.- М.: Олма Медиа Групп, 2009.- 209с.

6. Русская литература для детей. Учебное пособие для студентов средних педагогических учебных заведений. Под редакцией Т.Д.Полозовой.-2-е издание, исправленное.- Москва: Асает А, 1998.-453с.

7. Хрестоматия детской литературы. И.П. Токмакова.- М.: Просвещение, 1998.- 462с.

ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА С ПРАКТИКУМОМ ПО ВЫРАЗИТЕЛЬНОМУ
ЧТЕНИЮ

ПРОГРАММА ПОВТОРЕНИЯ К ЗАЧЕТУ

ПЕРЕЧИСЛЕННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ НЕОБХОДИМО ПРОЧИТАТЬ В
МЕЖСЕССИОННЫЙ ПЕРИОД!

1. А.Л. Барто. Наизусть стих о детях (по выбору студентов), "Игрушки".

ИГРУШКИ. А. Барто

<p>Мишка Уронили мишку на пол, Оторвали мишке лапу. Все равно его не брошу — Потому что он хороший.</p>	<p>Бычок Идет бычок, качается, Вздыхает на ходу: — Ох, доска кончается. Сейчас я упаду!</p>
<p>Лошадка Я люблю свою лошадку, Причешу ей шерстку гладко, Гребешком приглажу хвостик И верхом поеду в гости.</p>	<p>Мячик Наша Таня громко плачет: Уронила в речку мячик. — Тише, Танечка, не плачь: Не утонет в речке мяч.</p>
<p>Зайка Зайку бросила хозяйка,— Под дождем остался зайка. Со скамейки слезть не мог, Весь до ниточки промок.</p>	<p>Слон Спать пора! Уснул бычок, Лег в коробку на бочок. Сонный мишка лег в кровать, Только слон не хочет спать. Головой кивает слон, Он слонихе шлет поклон.</p>
<p>Грузовик Нет, напрасно мы решили Прокатить кота в машине: Кот кататься не привык — Опрокинул грузовик.</p>	<p>Козленок У меня живет козленок, Я сама его пасу. Я козленка в сад зеленый Рано утром отнесу. Он заблудится в саду — Я в траве его найду.</p>
<p>Кораблик Матросская шапка, Веревка в руке, Тяну я кораблик По быстрой реке, И скачут лягушки За мной по пятам И просят меня: — Прокати, капитан!</p>	<p>Флажок Горит на солнышке Флажок, Как будто я Огонь зажег.</p>

2. Исполнение рассказа К.Д.Ушинского "Васька", "Бишка".

РАССКАЗ «ВАСЬКА»

«Котичек-коток – серенький хвосток. Ласков Вася да хитер, лапки бархатные, коготок остер. У Васютки – ушки чутки, усы длинны, шубка шелковая. Ласкается кот, выгибается, хвостиком виляет, глазки закрывает, песенку поет, а попалась мышка – не прогневайся! Глазки-то большие, лапки-то стальные, зубки-то кривые, когти выпускные».

БИШКА

- А ну-ка, Бишка, прочти, что в книжке написано!

Понюхала собачка книжку, да и прочь пошла.

- Не мое, - говорит, дело книги читать, я дом стерегу, по ночам не сплю, воров да волков пугаю, на охоту хожу, зайку слежу, уточек ищу, поноску тащу – будет с меня и этого.

3. Исполнение сказки К.И.Чуковского "Мойдодыр", "Федорино горе" (отрывок наизусть).

МОЙДОДЫР

<p>1. Одеяло Убежало, Улетела простыня, И подушка, Как лягушка, Ускакала от меня.</p> <p>Я за свечку, Свечка - в печку! Я за книжку, Та - бежать И вприпрыжку Под кровать!</p> <p>Я хочу напиться чаю, К самовару подбегаю, Но пузатый от меня Убежал, как от огня.</p> <p>Боже, боже, Что случилось? Отчего же Всё кругом Завертелось, Закружилось И помчалось колесом?</p> <p>Утюги за сапогами, Сапоги за пирогами, Пирог за утюгами, Кочерга за кушаком -</p>	<p>2. "Ах ты, гадкий, ах ты, грязный, Неумытый поросёнок! Ты чернее трубочиста, Полюбуйся на себя: У тебя на шее вакса, У тебя под носом клякса, У тебя такие руки, Что сбежали даже брюки, Даже брюки, даже брюки Убежали от тебя.</p> <p>Рано утром на рассвете Умываются мышата, И котята, и утята, И жучки, и паучки.</p> <p>Ты один не умывался И грязнулею остался, И сбежали от грязнули И чулки и башмаки.</p> <p>Я - Великий Умывальник, Знаменитый Мойдодыр, Умывальников Начальник И мочалок Командир!</p> <p>Если топну я ногою, Позову моих солдат, В эту комнату толпою Умывальники влетят, И залают, и завоют, И ногами застучат, И тебе головомойку, Неумытому, дадут - Прямо в Мойку, Прямо в Мойку С головою окунут!"</p> <p>Он ударил в медный таз</p>
---	---

Всё вертится,
И кружится,
И несётся кувырком.
Вдруг из маминой из спальни,
Кривоногий и хромой,
Выбегает умывальник
И качает головой:

И вскричал: "Кара-барас!"

И сейчас же щетки, щетки
Затрещали, как трещотки,
И давай меня тереть,
Приговаривать:

4

3.
"Моем, моем трубочиста
Чисто, чисто, чисто, чисто!
Будет, будет трубочист
Чист, чист, чист, чист!"

Тут и мыло подскочило
И вцепилось в волоса,
И юлило, и мылило,
И кусало, как оса.

А от бешеной мочалки
Я помчался, как от палки,
А она за мной, за мной
По Садовой, по Сенной.

Я к Таврическому саду,
Перепрыгнул чрез ограду,
А она за мною мчится
И кусает, как волчица.
Вдруг навстречу мой хороший,
Мой любимый Крокодил.
Он с Тотошей и Кокошей
По аллее проходил

И мочалку, словно галку,
Словно галку, проглотил.

А потом как зарычит
На меня,
Как ногами застучит
На меня:
"Уходи-ка ты домой,
Говорит,
Да лицо своё умой,
Говорит,
А не то как налечу,

4.

И сейчас же брюки, брюки
Так и прыгнули мне в руки.

А за ними пирожок:
"Ну-ка, съешь меня, дружок!"

А за ним и бутерброд:
Подскочил - и прямо в рот!
Вот и книжка воротилась,
Воротилась тетрадь,
И грамматика пустилась
С арифметикой плясать.

Тут Великий Умывальник,
Знаменитый Мойдодыр,
Умывальников Начальник
И мочалок Командир,
Подбежал ко мне, танцуя,
И, целуя, говорил:

"Вот теперь тебя люблю я,
Вот теперь тебя хвалю я!
Наконец-то ты, грязнуля,
Мойдодыру угодил!"

Надо, надо умываться
По утрам и вечерам,

А нечистым
Трубочистам -
Стыд и срам!
Стыд и срам!

Да здравствует мыло душистое,
И полотенце пушистое,

<p>Говорит, Растопчу и проглочу!" Говорит. Как пустился я по улице бежать, Прибежал я к умывальнику опять. Мылом, мылом Мылом, мылом Умывался без конца, Смыл и ваксу И чернила С неумытого лица.</p>	<p>И зубной порошок, И густой гребешок!</p> <p>Давайте же мыться, плескаться, Купаться, нырять, кувыркаться В ушате, в корыте, в лохани, В реке, в ручейке, в океане, -</p> <p>И в ванне, и в бане, Всегда и везде - Вечная слава воде!</p>
---	---

ФЕДОРИНО ГОРЕ

<p>1 Скачет сито по полям, А корыто по лугам.</p> <p>За лопатую метла Вдоль по улице пошла.</p> <p>Топоры-то, топоры Так и сыплются с горы. Испугалася коза, Растопырила глаза:</p> <p>"Что такое? Почему? Ничего я не пойму".</p> <p>2 Но, как чёрная железная нога, Побежала, поскакала кочерга.</p> <p>И помчались по улице ножи: "Эй, держи, держи, держи, держи, держи!"</p> <p>И кастрюля на бегу Закричала утюгу: "Я бегу, бегу, бегу, Удержаться не могу!"</p>	<p>Из окошка вывалился стол И пошёл, пошёл, пошёл, пошёл, пошёл...</p> <p>А на нём, а на нём, Как на лошади верхом, Самоварище сидит И товарищам кричит: "Уходите, бегите, спасайтесь!"</p> <p>И в железную трубу: "Бу-бу-бу! Бу-бу-бу!"</p> <p>3 А за ними вдоль забора Скачет бабушка Федора: "Ой-ой-ой! Ой-ой-ой! Воротитесь домой!"</p> <p>Но ответило корыто: "На Федору я сердито!" И сказала кочерга: "Я Федоре не слуга!"</p> <p>А фарфоровые блюда Над Федорою смеются:</p>
--	--

Вот и чайник за кофейником бежит,
Тараторит, тараторит, дребезжит...

Утюги бегут побрякивают,
Через лужи, через лужи
перескакивают.

А за ними блюдца, блюдца -
Дзынь-ля-ля! Дзынь-ля-ля!

Вдоль по улице несутся -
Дзынь-ля-ля! Дзынь-ля-ля!
На стаканы - дзынь!- натываются,
И стаканы - дзынь!- разбиваются.

И бежит, бренчит, стучит
сковорода:
"Вы куда? куда? куда? куда? куда?"

А за нею вилки,
Рюмки да бутылки,
Чашки да ложки
Скачут по дорожке.

"Никогда мы, никогда
Не воротимся сюда!"

Тут Федорины коты
Расфуфырили хвосты,
Побежали во всю прыть.
Чтоб посуду воротить:

"Эй вы, глупые тарелки,
Что вы скачете, как белки?
Вам ли бегать за воротами
С воробьями желторотыми?
Вы в канаву упадёте,
Вы утонете в болоте.
Не ходите, погодите,
Воротитесь домой!"

Но тарелки вьются-вьются,
А Федоре не даются:
"Лучше в поле пропадём,
А к Федоре не пойдём!"

6

4

Мимо курица бежала
И посуду увидела:
"Куд-куда! Куд-куда!
Вы откуда и куда?!"

И ответила посуда:
"Было нам у бабы худо,
Не любила нас она,
Била, била нас она,
Запылила, закоптила,
Загубила нас она!"

"Ко-ко-ко! Ко-ко-ко!
Жить вам было нелегко!"

"Да,- промолвил медный таз,-
Погляди-ка ты на нас:
Мы поломаны, побиты,
Мы помоями облиты.

6

А посуда вперёд и вперёд
По полям, по болотам идёт.

И чайник шепнул утюгу:
"Я дальше идти не могу".

И заплакали блюдца:
"Не лучше ль вернуться?"

И зарыдало корыто:
"Увы, я разбито, разбито!"

Но блюдо сказало: "Гляди,
Кто это там позади?"

И видят: за ними из тёмного бора
Идёт-ковыляет Федора.

Но чудо случилось с ней:

Загляни-ка ты в кадушку -
И увидишь там лягушку.
Загляни-ка ты в ушат -
Тараканы там кишат,
Оттого-то мы от бабы
Убежали, как от жабы,
И гуляем по полям,
По болотам, по лугам,
А к неряхе-замарахе
Не воротимся!"

5

И они побежали лесочком,
Поскакали по пням и по кочкам.
А бедная баба одна,
И плачет, и плачет она.
Села бы баба за стол,
Да стол за ворота ушёл.
Сварила бы баба щи,
Да кастрюлю поди поищи!
И чашки ушли, и стаканы,
Остались одни тараканы.
Ой, горе Федоре,
Горе!

Стала Федора добрей.
Тихо за ними идёт
И тихую песню поёт:

"Ой вы, бедные сиротки мои,
Утюги и сковородки мои!
Вы подите-ка, немывтые, домой,
Я водою вас умою ключевой.
Я почищу вас песочком,
Окачу вас кипяточком,
И вы будете опять,
Словно солнышко, сиять,
А поганых тараканов я повыведу,
Прусаков и пауков я повымету!"

И сказала скалка:
"Мне Федору жалко".

И сказала чашка:
"Ах, она бедняжка!"

И сказали блюдца:
"Надо бы вернуться!"

И сказали утюги:
"Мы Федоре не враги!"

7

7

Долго, долго целовала
И ласкала их она,
Поливала, умывала.
Полоскала их она.

"Уж не буду, уж не буду
Я посуду обижать.
Буду, буду я посуду
И любить и уважать!"

Засмеялись кастрюли,
Самовару подмигнули:

"Ну, Федора, так и быть,
Рады мы тебя простить!"

Полетели,
Зазвенели
Да к Федоре прямо в печь!
Стали жарить, стали печь,-
Будут, будут у Федоры и блины и
пироги!

А метла-то, а метла - весела -
Заплясала, заиграла, замела,
Ни пылинки у Федоры не оставила.

И обрадовались блюдца:
Дзынь-ля-ля! Дзынь-ля-ля!
И танцуют и смеются -
Дзынь-ля-ля! Дзынь-ля-ля!

А на белой табуреточке
Да на вышитой салфеточке
Самовар стоит,
Словно жар горит,
И пыхтит, и на бабу поглядывает:
"Я Федорушку прощаю,
Сладким чаем угощаю.
Кушай, кушай, Федора Егоровна!"

"ЛИСА, ЗАЯЦ И ПЕТУХ"

Сказка в обработке А. Афанасьева. Рисунки Ю. Васнецова и К. Кузнецова.

Жили-были лиса да заяц. У лисицы была избёнка ледяная, а у зайчика лубяная; пришла весна красна — у лисицы избёнка растаяла, а у зайчика стоит по-старому. Лиса попросилась у зайчика погреться да зайчика-то и выгнала. Идёт дорогой зайчик да плачет, а ему навстречу собаки:

— Тяф, тяф, тяф! Про что, зайчик, плачешь?

А зайчик говорит:

— Отстаньте, собаки! Как мне не плакать? Была у меня избёнка лубяная, а у лисы ледяная; попросилась она ко мне да меня и выгнала.

— Не плачь, зайчик! — говорят собаки. — Мы её выгоним.

— Нет, не выгоните!

— Нет, выгоним!

Подошли к избёнке.

— Тяф, тяф, тяф! Поди, лиса, вон!

А она им с печи:

— Как выскочу, как выпрыгну — пойдут клочки по заулочкам! Собаки испугались и ушли.

Зайчик опять идёт да плачет. Ему навстречу медведь:

— О чём, зайчик, плачешь?

А зайчик говорит:

— Отстань, медведь! Как мне не плакать? Была у меня избёнка лубяная, а у лисы ледяная; попросилась она ко мне да меня и выгнала.

— Не плачь, зайчик! — говорит медведь. — Я выгоню её.

— Нет, не выгонишь! Собаки гнали — не выгнали, и ты не выгонишь...

— Нет, выгоню!

Пошли гнать:

— Поди, лиса, вон!

А она с печи:

— Как выскочу, как выпрыгну — пойдут клочки по заулочкам!

Медведь испугался и ушёл.

Идёт опять зайчик да плачет, а ему навстречу бык:

— Про что, зайчик, плачешь?

— Отстань, бык! Как мне не плакать? Была у меня избёнка лубяная, а у лисы ледяная; попросилась она ко мне да меня и выгнала.

— Пойдём, я её выгоню.

— Нет, бык, не выгонишь! Собаки гнали — не выгнали, медведь гнал — не выгнал, и ты не выгонишь!

— Нет, выгоню!

Подошли к избёнке.

— Поди, лиса, вон!

А она с печи:

— Как выскочу, как выпрыгну — пойдут клочки по заулочкам! Бык испугался и ушёл. Идёт опять зайчик да плачет, а ему навстречу петух с косой:

— Кукареку! О чём, зайчик, плачешь?

— Отстань, петух! Как мне не плакать? Была у меня избёнка лубяная, а у лисы ледяная; попросилась она ко мне да меня и выгнала.

— Пойдём, я выгоню.

— Нет, не выгонишь! Собаки гнали — не выгнали, медведь гнал — не выгнал, бык гнал — не выгнал, и ты не выгонишь.

— Нет, выгоню!

Подошли к избёнке:

— Кукареку! Несу косу на плечи, хочу лису посечи! Поди, лиса, вон!

А она услышала, испугалась, говорит:

— Одеваюсь...

Петух опять:

— Кукареку! Несу косу на плечи, хочу лису посечи! Поди, лиса, вон!

А она говорит:

— Шубу надеваю.

Петух в третий раз:

— Кукареку! Несу косу на плечи, хочу лису посечи! Поди, лиса, вон!

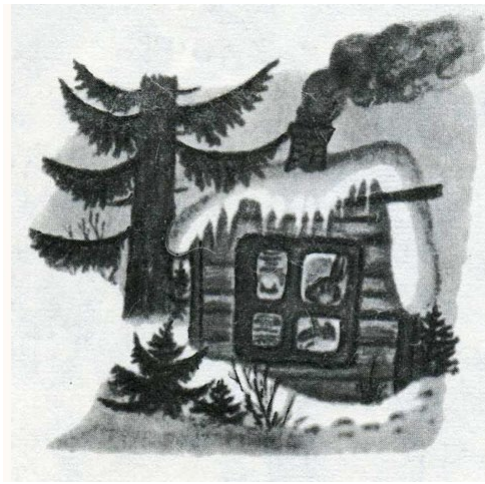
А она говорит:

— Шубу надеваю.

Петух в четвёртый раз:

— Кукареку! Несу косу на плечи, хочу лису посечи! Поди, лиса, вон!

Лисица убежала; он её зарубил косой-то и стал с зайчиком жить да поживать да добра наживать. Вот тебе сказка, а мне кринка масла.

5. Рассказывание сказки "Красная шапочка".

КРАСНАЯ ШАПОЧКА. Шарль Перро.

Жила-была в одной деревне маленькая девочка, такая хорошенькая, что лучше ее и на свете не было. Мать любила ее без памяти, а бабушка еще больше.

Ко дню рождения подарила ей бабушка красную шапочку. С тех пор девочка всюду ходила в своей новой, нарядной красной шапочке. Соседи так про нее и говорили:
— Вот Красная Шапочка идет!

Как-то раз испекла мама пирожок и сказала дочке:
— Сходи-ка ты, Красная Шапочка, к бабушке, снеси ей этот пирожок и горшочек масла да узнай, здорова ли она.

Собралась Красная Шапочка и пошла к бабушке в другую деревню.

Идет она лесом, а навстречу ей — серый Волк. Очень захотелось ему съесть Красную Шапочку, да только он не посмел — где-то близко стучали топорами дровосеки.

Облизнулся Волк и спрашивает девочку:

— Куда ты идешь, Красная Шапочка?

А Красная Шапочка еще не знала, как это опасно — останавливаться в лесу и разговаривать с волками. Поздоровалась она с Волком и говорит:

— Иду к бабушке и несу ей вот этот пирожок и горшочек масла.

— А далеко ли живет твоя бабушка? — спрашивает Волк.

— Довольно далеко, — отвечает Красная Шапочка.

— Вон в той деревне, за мельницей, в первом домике с краю.

— Ладно, — говорит Волк, — я тоже хочу проведать твою бабушку. Я по этой дороге пойду, а ты ступай по той. Посмотрим, кто из нас раньше придет.

Сказал это Волк и побежал, что было духу по самой короткой дорожке.

А Красная Шапочка пошла по самой длинной дороге. Шла она не торопясь, по пути то и дело останавливалась, рвала цветы и собирала в букеты.

Не успела она еще и до мельницы дойти, а Волк уже прискакал к бабушкиному домику и стучится в дверь: тук-тук!

— Кто там? — спрашивает бабушка.

— Это я, внучка ваша, Красная Шапочка, — отвечает Волк тоненьким голоском. — Я к вам в гости пришла, пирожок принесла и горшочек масла.

А бабушка была в это время больна и лежала в постели. Она подумала, что это и в самом деле Красная Шапочка, и крикнула:

— Дерни за веревочку, дитя мое, дверь и откроется!

Волк дернул за веревочку — дверь и открылась.

Бросился Волк на бабушку и разом проглотил ее. Он был очень голоден, потому что три дня ничего не ел.

Потом закрыл дверь, улегся на бабушкину постель и стал поджидать Красную Шапочку.

Скоро она пришла и постучалась: тук-тук!

— Кто там? — спрашивает Волк.

А голос у него грубый, хриплый.

11

Красная Шапочка испугалась было, но потом подумала, что бабушка охрипла от простуды и оттого у нее такой голос.

— Это я, внучка ваша, — говорит Красная Шапочка. — Принесла вам пирожок и горшочек масла.

Волк откашлялся и сказал потоньше:

— Дерни за веревочку, дитя мое, дверь и откроется.

Красная Шапочка дернула за веревочку — дверь и открылась.

Вошла девочка в домик, а Волк спрятался под одеяло и говорит:

— Положи-ка, внучка, пирожок на стол, горшочек на полку поставь, а сама приляг рядом со мной. Ты верно очень устала.

Красная Шапочка прилегла рядом с волком и спрашивает:

— Бабушка, почему у вас такие большие руки?

— Это чтобы крепче обнять тебя, дитя мое.

— Бабушка, почему у вас такие большие глаза?

— Чтобы лучше видеть, дитя мое.

— Бабушка, почему у вас такие большие зубы?

— А это чтоб скорее съесть тебя, дитя мое!

Не успела Красная Шапочка и охнуть, как злой Волк бросился на нее и проглотил с

башмачками и красной шапочкой.

Но, по счастью, в это самое время проходили мимо домика дровосеки с топорами на плечах.

Услышали они шум, вбежали в домик и убили Волка. А потом распороли ему брюхо, и оттуда вышла Красная Шапочка, а за ней и бабушка — обе целые и невредимые.

6. Исполнение юмористических рассказов для детей. Н.Носов "Живая шляпа" (выразительное чтение).

ЖИВАЯ ШЛЯПА. Николай Носов

Шляпа лежала на комод, котенок Васька сидел на полу возле комода, а Вовка и Вадик сидели за столом и раскрашивали картинки. Вдруг позади них что-то плюхнулось - упало на пол. Они обернулись и увидели на полу возле комода шляпу.

Вовка подошел к комоду, нагнулся, хотел поднять шляпу - и вдруг как закричит:

- Ай-ай-ай! - и бегом в сторону.
- Чего ты? - спрашивает Вадик.
- Она жи-жи-живая!
- Кто живая?
- Шля-шля-шля-па.
- Что ты! Разве шляпы бывают живые?
- По-посмотри сам!

Вадик подошел поближе и стал смотреть на шляпу. Вдруг шляпа поползла прямо к нему. Он как закричит:

- Ай! - и прыг на диван. Вовка за ним.

Шляпа вылезла на середину комнаты и остановилась. Ребята смотрят на нее и трясутся от страха. Тут шляпа повернулась и поползла к дивану.

12

- Ай! Ой! - закричали ребята.

Соскочили с дивана - и бегом из комнаты. Прибежали на кухню и дверь за собой закрыли.

- Я у-у-хо-хо-жу! - говорит Вовка.
- Куда?
- Пойду к себе домой.
- Почему?
- Шляпы бо-боюсь! Я первый раз вижу, чтоб шляпа по комнате ходила.
- А может быть, ее кто-нибудь за веревочку дергает?

- Ну, походи посмотри.
- Пойдем вместе. Я возьму клюшку. Если она к нам полезет, я ее клюшкой тресну.
- Постой, я тоже клюшку возьму.
- Да у нас другой клюшки нет.
- Ну, я возьму лыжную палку.

Они взяли клюшку и лыжную палку, приоткрыли дверь и заглянули в комнату.

- Где же она? - спрашивает Вадик.
- Вон там, возле стола.
- Сейчас я ее как тресну клюшкой! - говорит Вадик. - Пусть только подлезет ближе, бродяга такая!

Но шляпа лежала возле стола и не двигалась.

- Ага, испугалась! - обрадовались ребята. - Боится лезть к нам.
  - Сейчас я ее спугну, - сказал Вадик.
- Он стал стучать по полу клюшкой и кричать:

- Эй ты, шляпа!

Но шляпа не двигалась.

- Давай наберем картошки и будем в нее картошкой стрелять, - предложил Вовка.

Они вернулись на кухню, набрали из корзины картошки и стали швырять ее в шляпу" Швыряли, швыряли, наконец Вадик попал. Шляпа как подскочит кверху!

- Мяу! - закричало что-то. Глядь, из-под шляпы высунулся серый хвост, потом лапа, а потом и сам котенок выскочил.
- Васька! - обрадовались ребята.
- Наверно, он сидел на полу, а шляпа на него с комода упала, - догадался Вовка.

Вадик схватил Ваську и давай его обнимать!

- Васька, миленький, как же ты под шляпу попал?

Но Васька ничего не ответил, Он только фыркал и жмурился от света.

СКАЗКА О ГЛУПОМ МЫШОНКЕ

1.

Пела ночью мышка в норке:
- Спи, мышонок, замолчи!
Дам тебе я хлебной корки
И огарочек свечи.

Отвечает ей мышонок:
- Голосок твой слишком тонок.
Лучше, мама, не пищи,
Ты мне няньку поищи!

Побежала мышка-мать,
Стала утку в няньки звать:
- Приходи к нам, тетя утка,
Нашу детку покачать.

Стала петь мышонку утка:
- Га-га-га, усни, малютка!
После дождика в саду
Червяка тебе найду.

Глупый маленький мышонок
Отвечает ей спросонок:
- Нет, твой голос нехорош.
Слишком громко ты поешь!

Побежала мышка-мать,
Стала жабу в няньки звать:
- Приходи к нам, тетя жаба,
Нашу детку покачать.

Стала жаба важно квакать:
- Ква-ква-ква, не надо плакать!
Спи, мышонок, до утра,
Дам тебе я комара.

Глупый маленький мышонок
Отвечает ей спросонок:
- Нет, твой голос нехорош.
Очень скучно ты поешь!

Побежала мышка-мать,
Тетю лошадь в няньки звать:
- Приходи к нам, тетя лошадь,
Нашу детку покачать.

2.

- И-го-го! - поет лошадка.-
Спи, мышонок, сладко-сладко,
Повернись на правый бок,
Дам овса тебе мешок!

Глупый маленький мышонок
Отвечает ей спросонок:
- Нет, твой голос нехорош.
Очень страшно ты поешь!

Побежала мышка-мать,
Стала свинку в няньки звать:
- Приходи к нам, тетя свинка,
Нашу детку покачать.

Стала свинка хрипло хрюкать,
Непослушного баюкать:
- Баю-баюшки, хрю-хрю.
Успокойся, говорю.

Глупый маленький мышонок
Отвечает ей спросонок:
- Нет, твой голос нехорош.
Очень грубо ты поешь!

Стала думать мышка-мать:
Надо курицу позвать.
- Приходи к нам, тетя клуша,
Нашу детку покачать.

Закудахтала наседка:
- Куд-куда! Не бойся, детка!
Забирайся под крыло:
Там и тихо, и тепло.

Глупый маленький мышонок
Отвечает ей спросонок:
- Нет, твой голос не хорош.
Этак вовсе не уснешь!

Побежала мышка-мать,
Стала щуку в няньки звать:
- Приходи к нам, тетя щука,
Нашу детку покачать.

3.

Стала петь мышонку щука -
 Не услышал он ни звука:
 Разевает щука рот,
 А не слышно, что поет...

Глупый маленький мышонок
 Отвечает ей спросонок:
 - Нет, твой голос нехорош.
 Слишком тихо ты поешь!

Побежала мышка-мать,
 Стала кошку в няньки звать:
 - Приходи к нам, тетя кошка,
 Нашу детку покачать.

Стала петь мышонку кошка:
 - Мяу-мяу, спи, мой крошка!
 Мяу-мяу, ляжем спать,
 Мяу-мяу, на кровать.

Глупый маленький мышонок
 Отвечает ей спросонок:
 - Голосок твой так хорош -
 Очень сладко ты поешь!

Прибежала мышка-мать,
 Поглядела на кровать,
 Ищет глупого мышонка,
 А мышонка не видать...

8. Исполнение познавательных рассказов для детей В.Бианки "Купание медвежат (близко к тексту)

КУПАНИЕ МЕДВЕЖАТ. Рассказ Бианки

Наш знакомый охотник шёл берегом лесной реки и вдруг услышал громкий треск сучьев. Он испугался и влез на дерево.

Из чащи вышли на берег большая бурая медведица и с ней два весёлых медвежонка. Медведица схватила одного медвежонка зубами за шиворот и давай окунать в речку.

Медвежонок визжал и барахтался, но мать не выпускала его, пока хорошенько не выполоскала в воде.

Другой медвежонок испугался холодной ванны и пустился удирать в лес.

Мать догнала его, надавала шлепков, а потом - в воду, как первого.

Очутившись снова на земле, оба медвежонка остались очень довольны купанием: день был знойный, и им было очень жарко в густых лохматых шубках. Вода хорошо освежила их. После купания медведи опять скрылись в лесу, а охотник слез с дерева и пошёл домой.

9. Наизусть одно из стихотворений современных детских поэтов (по выбору).

<p>СПИ, СЫНИШКА, СЛАДКО, СЛАДКО. Владимир Стречин</p> <p>Спи, сынишка, сладко, сладко. Спит в углу твоя лошадка, Спит игрушечный народ, Наш сосед спит, полиглот.</p> <p>Спит корыто, куча шишек, Спит верёвочки конец... "Папа, нет таких игрушек!" - "Спи, Андрюшка, наконец!"</p>	<p>ЧЕЛОВЕК РОДИЛСЯ. Леонид Чернаков</p> <p>Как я счастлив! Как я рад! У меня родился брат! Он пока ещё грудной, Но уже такой родной! Ни умыться, ни одеться Не умеет он пока. Надо брату оглядеться, Приспособиться слегка. Не прошла ещё неделя, Как родили малыша, Но в его молочном теле Улыбается душа. Мы уже друг друга любим, Прижимаемся щекой. Человек родился, люди! Это праздник-то какой?!</p>
---	---

10. Рассказывание русской народной сказки "Колобок".

КОЛОБОК

Сказка в обработке К. Ушинского. Рисунки К. Кузнецова и Ю. Васнецова.

Жил-был старик со старухой. Вот и просит старик:

— Испеки мне, старая, колобок.

— Да из чего испечь-то? Муки нет.

— Эх, старуха, по амбару помети, по сусекам поскреби — вот и наберётся.

Старушка так и сделала: намела, наскребла горсти две муки, замесила тесто на сметане, скатала колобок, изжарила в масле и положила на окно простынуть.

Надоело колобку лежать, он и покатился с окна на завалинку, с завалинки — на травку, с травки на дорожку и покатился по дорожке.

16

Катится колобок по дороге, а навстречу ему заяц:

— Колобок, колобок, я тебя съем!

— Нет, не ешь меня, косой, а лучше послушай, какую я тебе песенку спою.

Зяец уши поднял, а колобок запел:

— Я колобок, колобок,

По амбару метён,

По сусечкам скребён,

На сметане мешён,

В печку сажён,

На окошке стужён.

Я от дедушки ушёл,

Я от бабушки ушёл,
От тебя, зайца, не хитро уйти.
И покатился колобок дальше — только его заяц и видел.

Катится колобок по тропинке в лесу, а навстречу ему серый волк:
— Колобок, колобок, я тебя съем!
— Не ешь меня, серый волк: я тебе песенку спою.
— И колобок запел:
— Я колобок, колобок,
По амбару метён,
По сусечкам скребён,
На сметане мешён,
В печку сажён,
На окошке стужён.

17

Я от дедушки ушёл,
Я от бабушки ушёл,
Я от зайца ушёл,
А от тебя, волка, не хитро уйти.
И покатился колобок дальше — только его волк и видел.

Катится колобок по лесу, а навстречу ему медведь идёт, хворост ломает, кусты к земле гнёт.
— Колобок, колобок, я тебя съем!
— Ну где тебе, косолапому, съесть меня! Послушай лучше моей песенки.
Колобок запел, а Миша и уши развесил.
— Я колобок, колобок,

По амбару метён,
По сусечкам скребён,
На сметане мешён,
В печку сажён,
На окошке стужён.
Я от дедушки ушёл,
Я от бабушки ушёл,
Я от зайца ушёл,
Я от волка ушёл,
От тебя, медведь, полгоря уйти.
И покатился колобок — медведь только вслед ему посмотрел.

Катится колобок, а навстречу ему лиса:

— Здравствуй, колобок! Какой же ты пригоженький, румянёнький!

Колобок рад, что его похвалили, и запел свою песенку, а лиса слушает да всё ближе подкрадывается.

— Я колобок, колобок, По амбару метён, По сусечкам скребён, На сметане мешён, В печку сажён, На окошке стужён. Я от дедушки ушёл, Я от бабушки ушёл, Я от зайца ушёл, Я от волка ушёл, От медведя ушёл, От тебя, лиса, не хитро уйти.

— Славная песенка! — сказала лиса. — Да то беда, голубчик, что я стара стала — плохо слышу. Сядь ко мне на мордочку да пропой ещё разочек.

Колобок обрадовался, что его песенку похвалили, прыгнул лисе на морду и запел:

— Я колобок, колобок...

А лиса его — гам! — и съела.

11.Исполнение наизусть стихотворения Н.А.Некрасова "Однажды в студеную зимнюю пору".

ОДНАЖДЫ, В СТУДЕНУЮ ЗИМНЮЮ ПОРУ... (Из поэмы "Крестьянские дети"). Автор: Николай Некрасов

Однажды, в студеную зимнюю пору
Я из лесу вышел; был сильный мороз.
Гляжу, поднимается медленно в гору
Лошадка, везущая хворосту воз.
И шествуя важно, в спокойствии чинном,
Лошадку ведет под уздцы мужичок
В больших сапогах, в полушубке
овчинном,
В больших рукавицах... а сам с ноготок!

"Здорово парнище!"- "Ступай себе
мимо!"

- "Уж больно ты грозен, как я погляжу!
Откуда дровишки?"- "Из лесу, вестимо;
Отец, слышишь, рубит, а я отвожу".
(В лесу раздавался топор дровосека.)

"А что, у отца-то большая семья?"

- "Семья-то большая, да два человека
Всего мужиков-то: отец мой да я..."

- "Так вот оно что! А как звать тебя?" -
"Власом".

- "А кой тебе годик?"- "Шестой
миновал...
Ну, мертвая!"- крикнул малюточка
басом,
Рванул под уздцы и быстрее зашагал.
На эту картину так солнце светило,
Ребенок был так уморительно мал,
Как будто всё это картонное было,
Как будто бы в детский театр я попал!

Но мальчик был мальчик живой,
настоящий,

И дровни, и хворост, и пегонький конь,
И снег, до окошек деревни лежащий,
И зимнего солнца холодный огонь -
Всё, всё настоящее русское было,
С клеймом нелюдимою, мертвящей зимы,
Что русской душе так мучительно мило,
Что русские мысли вселяет в умы,
Те честные мысли, которым нет воли,
Которым нет смерти - дави не дави,
В которых так много и злобы и боли,
В которых так много любви!

12. Рассказывание сказки "Заюшкина избушка."

ЗАЮШКИНА ИЗБУШКА. Русская народная сказка

Жили-были лиса да заяц. У лисы избушка ледяная, а у зайца - лубяная. Вот лиса и дразнит зайца: - У меня избушка светлая, а у тебя темная! У меня светлая, а у тебя темная!

Пришло лето, у лисы избушка растаяла. Лиса и просится к зайцу:

- Пусти меня заюшка, хоть на дворик к себе!

- Нет, лиска, не пущу: зачем дразнилась?

Стала лиса пуще упрашивать. Заяц и пустил ее к себе на двор.

На другой день лиса опять просится:

- Пусти меня, заюшка, на крылечко.

- Нет, не пущу: зачем дразнилась?

Упрашивала, упрашивала лиса, согласился заяц и пустил лису на крылечко.

На третий день лиса опять просит:

- Пусти меня, заюшка, в избушку.

- Нет, не пущу: зачем дразнилась?

Просилась, просилась лиса, пустил ее заяц в избушку.

Сидит лиса на лавке, а зайчик - на печи.

На четвертый день лиса опять просит:

- Заинька, зайнька, пусти меня на печку к себе!

- Нет, не пущу: зачем дразнилась?

Просила, просила лиса, да и выпросила - пустил ее заяц и на печку.

Прошел день, другой - стала лиса зайца из избушки гнать:

- Ступай вон, косою! Не хочу с тобой жить!

Так и выгнала.

Сидит заяц и плачет, горюет, лапками слезы утирает. Бегут мимо собаки:

- Тяф, тяф, тяф! О чем, зайнька, плачешь?

- Как же мне не плакать? Была у меня избушка лубяная, а у лисы ледяная. Пришла весна. избушка у лисы растаяла. Попросилась она ко мне, да меня же и выгнала.

- Не плачь, зайчик, - говорят собаки. - мы ее выгоним.

- Нет, не выгоните!

- Нет, выгоним!

Пошли к избушке.

- Тяф, тяф, тяф! Пойди, лиса, вон!

А она им с печи:

- Как выскочу, как выпрыгну - пойдут клочки по закоулочкам!
Испугались собаки и убежали.

Опять сидит зайчик и плачет. Идет мимо волк:

- О чем, зайнька, плачешь?
- Как же мне не плакать? Была у меня избушка лубяная, а у лисы ледяная. Пришла весна. избушка у лисы растаяла. Попросилась она ко мне, да меня же и выгнала.

20

- Не плачь, зайчик, - говорит волк, - я ее выгоню.
- Нет, не выгонишь! Собаки гнали - не выгнали, и ты не выгонишь.
- Нет, выгоню!

Пошел волк к избе и завыл страшным голосом:

- Уыыы... Уыыы... Ступай, лиса, вон!

А она с печи:

- Как выскочу, как выпрыгну - пойдут клочки по закоулочкам!
Испугался волк и убежал.

Вот зайнька опять сидит и плачет. Идет старый медведь:

- О чем ты, зайнька, плачешь?
- Как же мне, медведушко, не плакать? Была у меня избушка лубяная, а у лисы ледяная. Пришла весна. избушка у лисы растаяла. Попросилась она ко мне, да меня же и выгнала.

- Не плачь, зайчик, - говорит медведь, - я ее выгоню.

- Нет, не выгонишь! Собаки гнали, гнали - не выгнали, серый волк гнал, гнал - не выгнал. И ты не выгонишь.

- Нет, выгоню!

Пошел медведь к избушке и зарычал:

- Рррр... ррр... Ступай, лиса, вон!

А она с печи:

- Как выскочу, как выпрыгну - пойдут клочки по закоулочкам!
Испугался медведь и ушел.

Опять сидит заяц и плачет. Идет петух, несет косу.

- Ку-ка-ре-ку! Зайнька, о чем ты плачешь?
- Как же мне не плакать? Была у меня избушка лубяная, а у лисы ледяная. Пришла весна. избушка у лисы растаяла. Попросилась она ко мне, да меня же и выгнала.

- Не горюй, зайнька, я тебе лису выгоню.

- Нет, не выгонишь! Собаки гнали - не выгнали, серый волк гнал, гнал - не выгнал, старый медведь гнал, гнал - не выгнал. И ты не выгонишь.

Пошел петух к избушке:

- Ку-ка-ре-ку! Иду на ногах, в красных сапогах, несу косу на плечах: хочу лису посечи, пошла лиса с печи!

Услыхала лиса, испугалась и говорит:

- Одеваюсь...

Петух опять:

- Ку-ка-ре-ку! Иду на ногах, в красных сапогах, несу косу на плечах: хочу лису посечи, пошла лиса с печи!

А лиса говорит:

- Шубу надеваю...

Петух в третий раз:

- Ку-ка-ре-ку! Иду на ногах, в красных сапогах, несу косу на плечах: хочу лису посечи, пошла лиса с печи!

Испугалась лиса, соскочила с печи - да бежать. А заюшка с петухом стали жить да поживать.

21

13. Чтение наизусть отрывка из романа А.С.Пушкина "Евгений Онегин" (о природе) или отрывков из сказок "Зима! Крестьянин торжествуя!".

ЗИМА! КРЕСТЬЯНИН ТОРЖЕСТВУЯ. А.С. Пушкин

Зима!.. Крестьянин, торжествуя,
На дровнях обновляет путь;
Его лошадка, снег почуя,
Плетется рысью как-нибудь;
Бразды пушистые взрывая,
Летит кибитка удалая;
Ямщик сидит на облучке
В тулупе, в красном кушаке.
Вот бегаёт дворовый мальчик,
В салазки жучку посадив,
Себя в коня преобразив;
Шалун уж заморозил пальчик:
Ему и больно и смешно,
А мать грозит ему в окно...

14. Чтение наизусть отрывка из поэмы "Руслан и Людмила" А.С.Пушкина ("У Лукоморья дуб зелёный").

У ЛУКОМОРЬЯ ДУБ ЗЕЛЁНЫЙ

Из поэмы "Руслан и Людмила" А.С. Пушкин

У лукоморья дуб зелёный;
Златая цепь на дубе том:
И днём и ночью кот учёный
Всё ходит по цепи кругом;
Идёт направо - песнь заводит,
Налево - сказку говорит.
Там чудеса: там леший бродит,
Русалка на ветвях сидит;
Там на неведомых дорожках
Следы невиданных зверей;
Избушка там на курьих ножках
Стоит без окон, без дверей;
Там лес и дол видений полны;
Там о заре прихлынут волны
На брег песчаный и пустой,
И тридцать витязей прекрасных
Чредой из вод выходят ясных,
И с ними дядька их морской;

Там королевич мимоходом
Пленяет грозного царя;
Там в облаках перед народом
Через леса, через моря
Колдун несёт богатыря;
В темнице там царевна тужит,
А бурый волк ей верно служит;
Там ступа с Бабою Ягой
Идёт, бредёт сама собой,
Там царь Кащей над златом
чахнет;
Там русский дух... там Русью
пахнет!
И там я был, и мёд я пил;
У моря видел дуб зелёный;
Под ним сидел, и кот учёный
Свои мне сказки говорил.

22

15.И.А.Крылов "Ворона и лисица". Чтение басни наизусть.

ВОРОНА И ЛИСИЦА. Иван Крылов

Уж сколько раз твердили миру,
Что лесть гнусна, вредна; но только все
не впрок,
И в сердце льстец всегда отыщет уголок.

—
Вороне где-то бог послал кусочек сыру;
На ель Ворона взгромоздясь,
Позавтракать было совсем уж собралась,
Да призадумалась, а сыр во рту
держала.

На ту беду Лиса близехонько
бежала;

Плутовка к дереву на цыпочках
подходит;

Вертит хвостом, с Вороны глаз не сводит

И говорит так сладко, чуть дыша:

"Голубушка, как хороша!

Ну что за шейка, что за глазки!

Рассказывать, так, право,
сказки!

Какие перушки! какой носок!

И, верно, ангельский быть должен
голосок!

Спой, светик, не стыдись! Что, ежели,

<p>Вдруг сырный дух Лису остановил: Лисица видит сыр, Лисицу сыр пленил.</p>	<p>сестрица, При красоте такой и петъ ты мастерица,- Ведь ты б у нас была царь-птица!" Вещуньяина с похвал вскружилась голова, От радости в зобу дыханье сперло,- И на приветливы Лисицыны слова Ворона каркнула во все воронье горло: Сыр выпал - с ним была плутовка такова.</p>
--	--

16.М.Пришвин "Золотой луг" (близко к тексту).

ЗОЛОТОЙ ЛУГ. Михаил Пришвин

У нас с братом, когда созревают одуванчики, была с ними постоянная забава. Бывало, идем куда-нибудь на свой промысел - он впереди, я в пяту.

“Сережа!” - позову я его деловито. Он оглянется, а я фукну ему одуванчиком прямо в лицо. За это он начинает меня подкарауливать и тоже, как зазеваешься, фукнет. И так мы эти неинтересные цветы срывали только для забавы. Но раз мне удалось сделать открытие.

Мы жили в деревне, перед окном у нас был луг, весь золотой от множества цветущих одуванчиков. Это было очень красиво. Все говорили: “Очень красиво! Луг - золотой”. Однажды я рано встал удить рыбу и заметил, что луг был не золотой, а зеленый. Когда же я возвращался около полудня домой, луг был опять весь золотой. Я стал наблюдать. К вечеру луг опять позеленел. Тогда я пошел, отыскал, одуванчик, и оказалось, что он сжал свои лепестки, как все равно если бы у вас пальцы со стороны ладони были желтые и, сжав в кулак, мы закрыли бы желтое. Утром, когда солнце взошло, я видел, как одуванчики раскрывают свои ладони, и от этого луг становился опять золотым.

С тех пор одуванчик стал для нас одним из самых интересных цветов, потому что спать одуванчики ложились вместе с нами, детьми, и вместе с нами вставали.

17.В.Маяковский "что такое хорошо и что такое плохо?" (наизусть).

ЧТО ТАКОЕ ХОРОШО И ЧТО ТАКОЕ ПЛОХО? Владимир Маяковский

1.

Крошка сын
к отцу пришел,
и спросила кроха:
- Что такое
хорошо
и что такое
плохо? -
У меня
секретов нет, -
слушайте, детишки, -
папы этого
ответ
помещаю
в книжке.

- Если ветер
крыши рвет,
если
град загрохал, -
каждый знает -
это вот
для прогулок
плохо.
Дождь покапал
и прошел.

Солнце
в целом свете.
Это -
очень хорошо
и большим
и детям.

Если
сын
чернее ночи,
грязь лежит
на рожице, -
ясно,
это
плохо очень
для ребячьей кожицы.

2.

Если
мальчик
любит мыло
и зубной порошок,
этот мальчик
очень милый,
поступает хорошо.

Если бьет
дрянной драчун
слабого мальчишку,
я такого
не хочу
даже
вставить в книжку.

Этот вот кричит:
- Не трожь
тех,
кто меньше ростом! -
Этот мальчик
так хорош,
загляденье просто!

Если ты
порвал подряд
книжицу
и мячик,
октябрюта говорят:
плоховатый мальчик.

Если мальчик
любит труд,
тычет
в книжку
пальчик,
про такого
пишут тут:
он
хороший мальчик.

<p>3.</p> <p>От вороны карапуз убежал, заохав. Мальчик этот просто трус. Это очень плохо.</p> <p>Этот, хоть и сам с вершок, спорит с грозной птицей. Храбрый мальчик, хорошо, в жизни пригодится.</p> <p>Этот в грязь полез и рад. что грязна рубаха. Про такого говорят: он плохой, неряха.</p>	<p>4.</p> <p>Этот чистит валенки, моет сам галоши. Он хотя и маленький, но вполне хороший.</p> <p>Помни это каждый сын. Знай любой ребенок: вырастет из сына свин, если сын - свиненок,</p> <p>Мальчик радостный пошел, и решила кроха: "Буду делать хорошо, и не буду - плохо".</p>
--	--

18. Исполнение рассказов Л.Н.Толстого из "Азбуки", басня.

ЛГУН (Басня) Л.Н. Толстой

Мальчик стерег овец и, будто увидав волка, стал звать: «Помогите, волк! волк!» Мужики прибежали и видят: неправда. Как сделал он так и два и три раза, случилось — и вправду набежал волк. Мальчик стал кричать: «Сюда, сюда скорей, волк!» Мужики подумали, что опять по-всегдашнему обманывает, — не послушали его. Волк видит, бояться нечего: на просторе перерезал все стадо.

МУРАВЕЙ И ГОЛУБКА (Басня)

Муравей спустился к ручью: захотел напиться. Волна захлестнула его и чуть не потопила. Голубка несла ветку; она увидела — муравей тонет, и бросила ему ветку в ручей. Муравей сел на ветку и спасся. Потом охотник расставил сеть на голубку и хотел захлопнуть. Муравей подполз к охотнику и укусил его за ногу; охотник охнул и уронил сеть. Голубка вспорхнула и улетела.

25

СТРЕКОЗА И МУРАВЬИ (Басня)

Осенью у муравьев подмокла пшеница: они ее сушили. Голодная стрекоза попросила у них корму. Муравьи сказали: “Что ж ты летом не собрала корму?” Она сказала: “Недосуг было: песни пела”. Они засмеялись и говорят: “Если летом играла, зимой пляши”.

КАК ТЕТУШКА РАССКАЗЫВАЛА О ТОМ, КАК ОНА ВЫУЧИЛАСЬ ШИТЬ (Рассказ)

Когда мне было шесть лет, я просила мать дать мне шить. Она сказала: “Ты еще мала, ты только пальцы наколешь”; а я все приставала. Мать достала из сундука красный лоскут и дала мне; потом вдела в иголку красную нитку и показала мне, как держать. Я стала шить, но не могла делать ровных стежков; один стежок выходил большой, а другой попадал на самый край и прорывался насквозь. Потом я уколола палец и хотела не заплакать, да мать спросила меня: “Что ты?” — я не удержалась и заплакала. Тогда мать велела мне идти играть.

Когда я легла спать, мне все мерещились стежки: я все думала о том, как бы мне скорее выучиться шить, и мне казалось так трудно, что я никогда не выучусь. А теперь я выросла большая и не помню, как выучилась шить; и когда я учу шить свою девочку, удивляюсь, как она не может держать иголку.

19.В.А.Осеева. Наизусть 1 рассказ по выбору.

ЧТО ЛЕГЧЕ? Валентина Осеева.

Пошли три мальчика в лес. В лесу грибы, ягоды, птицы. Загулялись мальчики. Не заметили, как день прошёл. Идут домой — боятся:
— Попадёт нам дома!

Вот остановились они на дороге и думают, что лучше: соврать или правду сказать?

— Я скажу, — говорит первый, — будто волк на меня напал в лесу. Испугается отец и не будет браниться.

— Я скажу, — говорит второй, — что дедушку встретил. Обрадуется мать и не будет бранить меня.

— А я правду скажу, — говорит третий. — Правду всегда легче сказать, потому что она правда и придумывать ничего не надо.

Вот разошлись они все по домам. Только сказал первый мальчик отцу про волка— глядь, лесной сторож идёт.

— Нет, — говорит, — в этих местах волков.

Рассердился отец. За первую вину рассердился, а за ложь — вдвое.

Второй мальчик про деда рассказал. А дед тут как тут — в гости идёт.

Узнала мать правду. За первую вину рассердилась, а за ложь — вдвое.

А третий мальчик как пришёл, так с порога во всём повинился. Поворчала на него тётка да и простила.

26

В ОДНОМ ДОМЕ. Валентина Осеева.

Жили-были в одном доме мальчик Ваня, девочка Таня, пёс Барбос, утка Устинья и цыплёнок Боська.

Вот однажды вышли они все во двор и уселись на скамейку: мальчик Ваня, девочка Таня, пёс Барбос, утка Устинья и цыплёнок Боська.

Посмотрел Ваня направо, посмотрел налево, задрал голову кверху. Скучно! Взял да и дёрнул за косичку Таню.

Рассердилась Таня, хотела дать Ване сдачи, да видит — мальчик большой и сильный.

Ударила она ногой Барбоса. Завизжал Барбос, обиделся, оскалил зубы. Хотел укусить её, да Таня — хозяйка, трогать её нельзя.

Цапнул Барбос утку Устинью за хвост. Всполошилась утка, пригладила свои перышки. Хотела цыплёнка Боську клювом ударить, да раздумала.

Вот и спрашивает её Барбос:

— Что же ты, утка Устинья, Боську не бьёшь? Он слабее тебя.

— Я не такая глупая, как ты, — отвечает Барбосу утка.

— Есть глупее меня, — говорит пёс и на Таню показывает. Услыхала Таня.

— И глупее меня есть, — говорит она и на Ваню смотрит. Оглянулся Ваня, а сзади него никого нет.

ТРИ ТОВАРИЩА. Валентина Осеева.

Витя потерял завтрак. На большой перемене все ребята завтракали, а Витя стоял в сторонке.

— Почему ты не ешь? — спросил его Коля.

— Завтрак потерял...

— Плохо, — сказал Коля, откусывая большой кусок белого хлеба. — До обеда далеко ещё!

— А ты где его потерял? — спросил Миша.

— Не знаю... — тихо сказал Витя и отвернулся.

— Ты, наверное, в кармане нёс, а надо в сумку класть, — сказал Миша.

А Володя ничего не спросил. Он подошёл к Вите, разломил пополам кусок хлеба с маслом и протянул товарищу:

— Бери, ешь!

20. Рассказывание русской волшебной народной сказки (по выбору).

ХАВРОШЕЧКА. В обработке А.Н. Толстого.

Есть на свете люди хорошие, есть и похуже, есть и такие, которые своего брата не стыдятся.

К таким-то и попала Крошечка-Хаврошечка. Осталась она сиротой, взяли ее эти люди, выкормили и над работой заморили: она и ткёт, она и прядёт, она и прибирает, она и за все отвечает.

А были у ее хозяйки три дочери. Старшая звалась Одноглазка, средняя — Двуглазка, а меньшая — Триглазка.

Дочери только и знали, что у ворот сидеть, на улицу глядеть, а Крошечка-Хаврошечка на них работала: их и обшивала, для них пряла и ткала — и слова доброго никогда не слыхала.

Выйдет, бывало, Крошечка-Хаврошечка в поле, обнимет свою рябую коровку, ляжет к ней на шейку и рассказывает, как ей тяжело жить-поживать.

— Коровушка-матушка! Меня бьют-журят, хлеба не дают, плакать не велят. К завтрашнему дню мне велено пять пудов напрядь, наткать, побелить и в трубы покатать.

А коровушка ей в ответ:

— Красная девица, влезь ко мне в одно ушко, а в другое вылезь — все будет сработано.

Так и сбывалось. Влезет Хаврошечка коровушке в одно ушко, вылезет из другого — все готово: и наткано, и побелено, и в трубы покатано.

Отнесет она холсты к хозяйке. Та поглядит, побряхтит, спрячет в сундук, а Крошечке-Хаврошечке еще больше работы задаст.

Хаврошечка опять придет к коровушке, обнимет ее, погладит, в одно ушко влезет, в другое вылезет и готовенькое возьмет, принесет хозяйке.

Вот хозяйка позвала свою дочь Одноглазку и говорит ей:

— Дочь моя хорошая, дочь моя пригожая, поди догляди, кто сироте помогает: и ткет, и прядет, и в трубы катает?

Пошла Одноглазка с Хаврошечкой в лес, пошла с нею в поле, да забыла матушкино приказание, распеклась на солнышке, разлеглась на травушке. А Хаврошечка приговаривает:

— Спи, глазок, спи глазок!

Глазок у Одноглазки и заснул. Пока Одноглазка спала, коровушка все наткала, и побелила, и в трубы скатала.

Так ничего хозяйка не дозналась и послала вторую дочь — Двуглазку:

— Дочь моя хорошая, дочь моя пригожая, поди догляди, кто сироте помогает.

Двуглазка пошла с Хаврошечкой, забыла матушкино приказание, на солнышке распеклась, на травушке разлеглась. А Хаврошечка баюкает:

— Спи, глазок, спи, другой!

Двуглазка глаза и смежила. Коровушка наткала, побелила, в трубы накатала, а Двуглазка все спала.

Старуха рассердилась и на третий день послала третью дочь — Триглазку, а сироте еще больше работы задала.

Триглазка попрыгала, попрыгала, на солнышке разморилась и на травушку упала.

Хаврошечка поет:

— Спи, глазок, спи, другой!

А о третьем глазке и забыла.

Два глаза у Триглазки заснули, а третий глядит и все видит: как Хаврошечка корове в одно ушко влезла, в другое вылезла и готовые холсты подобрала.

Триглазка вернулась домой и матери все рассказала.

Старуха обрадовалась, на другой же день пришла к мужу:

— Режь рябую корову!

Старик и так и сяк:

— Что ты, старуха, в уме ли! Корова молодая, хорошая!

— Режь, да и только!

Делать нечего. Стал точить старик ножик. Хаврошечка про это спознала, в поле побежала, обняла рябую коровушку и говорит:

— Коровушка-матушка! Тебя резать хотят.

А коровушка ей отвечает:

— А ты, красная девица, моего мяса не ешь, а косточки мои собери, в платочек завяжи, в саду их схорони и никогда меня не забывай: каждое утро косточки водою

поливай.

Старик зарезал коровушку. Хаврошечка все сделала, что коровушка ей завещала: голодом голодала, мяса ее в рот не брала, косточки ее зарыла и каждый день в саду поливала.

И выросла из них яблонька, да какая! Яблочки на ней висят наливные, листья шумят золотые, веточки гнутся серебряные. Кто ни едет мимо — останавливается, кто проходит близко — заглядывается.

Много ли времени прошло, мало ли, — Одноглазка, Двуглазка и Триглазка гуляли раз по саду. На ту пору ехал мимо сильный человек — богатый, кудреватый, молодой. Увидел в саду наливные яблочки, стал затрагивать девушек:

— Девицы-красавицы, которая из вас мне яблочко поднесет, та за меня замуж пойдет.

Три сестры и бросились одна перед другой к яблоне.

А яблочки-то висели низко, под руками были, а тут поднялись высоко, далеко над головами.

Сестры хотели их сбить — листья глаза засыпают, хотели сорвать — сучки косы расплетают. Как ни бились, ни метались — руки изодрали, а достать не могли.

Подошла Хаврошечка — веточки к ней приклонились и яблочки к ней опустились. Угостила она того сильного человека, и он на ней женился. И стала она в добре поживать, лиха не зная.

ИВАН-ЦАРЕВИЧ И СЕРЫЙ ВОЛК. В обработке А.Н. Толстого.

Жил-был царь Берендей, у него было три сына, младшего звали Иваном.

И был у царя сад великолепный; росла в том саду яблоня с золотыми яблоками.

Стал кто-то царский сад посещать, золотые яблоки воровать. Царю жалко стало свой сад. Посылает он туда караулы. Никакие караулы не могут уследить похитника.

Царь перестал и пить и есть, затосковал. Сыновья отца утешают:

— Дорогой наш батюшка, не печалься, мы сами станем сад караулить.

Старший сын говорит:

— Сегодня моя очередь, пойду стеречь сад от похитника.

Отправился старший сын. Сколько ни ходил с вечера, никого не уследил, припал на мягкую траву и уснул.

Утром царь его спрашивает:

— Ну-ка, не обрадуешь ли меня: не видал ли ты похитника?

— Нет, родимый батюшка, всю ночь не спал, глаз не смыкал, а никого не видал.

На другую ночь пошел средний сын караулить и тоже проспал всю ночь, а наутро сказал, что не видал похитника.

Наступило время младшего брата идти стеречь. Пошел Иван-царевич стеречь отцов сад и даже присесть боится, не то что прилечь. Как его сон задолит, он росой с травы умоется, сон и прочь с глаз.

Половина ночи прошла, ему и чудится: в саду свет. Светлее и светлее. Весь сад осветило. Он видит — на яблоню села Жар-птица и клюет золотые яблоки.

Иван-царевич тихонько подполз к яблоне и поймал птицу за хвост. Жар-птица встрепенулась и улетела, осталось у него в руке одно перо от ее хвоста.

Наутро приходит Иван-царевич к отцу.

— Ну что, дорогой мой Ваня, не видал ли ты похитника?

— Дорогой батюшка, поймать не поймал, а проследил, кто наш сад разоряет. Вот

от похитника память вам принес. Это, батюшка, Жар-птица.

Царь взял это перо и с той поры стал пить, и есть, и печали не знать. Вот в одно прекрасное время ему и раздумалось об этой об Жар-птице.

29

Позвал он сыновей и говорит им:

— Дорогие мои дети, оседлали бы вы добрых коней, поездили бы по белу свету, места познавали, не напали бы где на Жар-птицу.

Дети отцу поклонились, оседлали добрых коней и отправились в путь-дорогу: старший в одну сторону, средний в другую, а Иван-царевич в третью сторону.

Ехал Иван-царевич долго ли, коротко ли. День был летний. Приустал Иван-царевич, слез с коня, спутал его, а сам свалился спать.

Много ли, мало ли времени прошло, пробудился Иван-царевич, видит — коня нет. Пошел его искать, ходил, ходил и нашел своего коня — одни кости обглоданные.

Запечалился Иван-царевич: куда без коня идти в такую даль?

«Ну что же, — думает, — взялся — делать нечего».

И пошел пеший.

Шел, шел, устал до смерточки.

Сел на мягкую траву и пригорюнился, сидит.

Откуда ни возьмись, бежит к нему серый волк:

— Что, Иван-царевич, сидишь пригорюнился, голову повесил?

— Как же мне не печалиться, серый волк? Остался я без доброго коня.

— Это я, Иван-царевич, твоего коня съел... Жалко мне тебя! Расскажи, зачем в даль поехал, куда путь держишь?

— Послал меня батюшка поехать по белу свету, найти Жар-птицу.

— Фу, фу, тебе на своем добром коне в три года не доехать до Жар-птицы. Я один знаю, где она живет. Так и быть — коня твоего съел, буду тебе служить верой-правдой. Садись на меня да держись крепче.

Сел Иван-царевич на него верхом, серый волк и поскакал — синие леса мимо глаз пропускает, озера хвостом замечает. Долго ли, коротко ли, добегают они до высокой крепости. Серый волк и говорит:

— Слушай меня, Иван-царевич, запоминай: полезай через стену, не бойся — час удачный, все сторожа спят. Увидишь в тереме окошко, на окошке стоит золотая клетка, а в клетке сидит Жар-птица. Ты птицу возьми, за пазуху положи, да смотри клетки не трогай!

Иван-царевич через стену перелез, увидел этот терем — на окошке стоит золотая клетка, в клетке сидит Жар-птица. Он птицу взял, за пазуху положил, да засмотрелся на клетку. Сердце его и разгорелось: «Ах, какая — золотая, драгоценная! Как такую не взять!» И забыл, что волк ему наказывал. Только дотронулся до клетки, пошел по крепости звук: трубы затрубили, барабаны забили, сторожа пробудились, схватили Ивана-царевича и повели его к царю Афрону.

Царь Афрон разгневался и спрашивает:

— Чей ты, откуда?

— Я царя Берендея сын, Иван-царевич.

— Ай, срам какой! Царский сын да пошел воровать.

— А что же, когда ваша птица летала, наш сад разоряла?

— А ты бы пришел ко мне, по совести попросил, я бы ее так отдал, из уважения к твоему родителю, царю Берендею. А теперь по всем городам пушу нехорошую славу про вас... Ну да ладно, сослужишь мне службу, я тебя прощу. В таком-то царстве у царя Кусмана есть конь златогривый. Приведи его ко мне, тогда отдам тебе Жар-птицу с клеткой.

Загорюнился Иван-царевич, идет к серому волку. А волк ему:

— Я же тебе говорил, не шевели клетку! Почему не слушал мой наказ?

— Ну, прости же ты меня, прости, серый волк.

— То-то, прости... Ладно, садись на меня. Взялся за гуж, не говори, что не дюж.

Опять поскакал серый волк с Иваном-царевичем. Долго ли, добегают они до той крепости, где стоит конь златогривый.

— Полезай, Иван-царевич, через стену, сторожа спят, иди на конюшню, бери коня, да смотри уздечку не трогай!

Иван-царевич перелез в крепость, там все сторожа спят, зашел на конюшню, поймал коня златогривого, да позарился на уздечку — она золотом, дорогими камнями убрана; в ней златогривому коню только гулять.

30

Иван-царевич дотронулся до уздечки, пошел звук по всей крепости: трубы затрубили, барабаны забили, сторожа проснулись, схватили Ивана-царевича и повели к царю Кусману.

— Чей ты, откуда?

— Я Иван-царевич.

— Эка, за какие глупости взялся — коня воровать! На это простой мужик не согласится. Ну ладно, прощу тебя, Иван-царевич, если сослужишь мне службу. У царя Далмата есть дочь Елена Прекрасная. Похить ее, привези ко мне, подарю тебе златогривого коня с уздечкой.

Еще пуще пригорюнился Иван-царевич, пошел к серому волку.

— Говорил я тебе, Иван-царевич, не трогай уздечку! Не послушал ты моего наказа.

— Ну, прости же меня, прости, серый волк.

— То-то, прости... Да уж ладно, садись мне на спину.

Опять поскакал серый волк с Иваном-царевичем. Добегают они до царя Далмата. У него в крепости в саду гуляет Елена Прекрасная с мамушками, нянюшками. Серый волк говорит:

— В этот раз я тебя не пушу, сам пойду. А ты ступай обратно путем-дорогой, я тебя скоро нагоню.

Иван - царевич пошел обратно путем-дорогой, а серый волк перемахнул через стену — да в сад. Засел за куст и глядит: Елена Прекрасная вышла со своими мамушками, нянюшками. Гуляла, гуляла и только приотстала от мамушек и нянюшек, серый волк ухватил Елену Прекрасную, перекинул через спину — и наутек.

Иван-царевич идет путем-дорогой, вдруг настигает его серый волк, на нем сидит Елена Прекрасная. Обрадовался Иван-царевич, а серый волк ему:

— Садись на меня скорей, как бы за нами погони не было.

Помчался серый волк с Иваном-царевичем, с Еленой Прекрасной обратной дорогой — синие леса мимо глаз пропускает, реки, озера хвостом замечает. Долго ли,

коротко ли, добегают они до царя Кусмана. Серый волк спрашивает:

— Что, Иван-царевич, приумолк, пригорюнился?

— Да как же мне, серый волк, не печалиться? Как расстанусь с такой красотой? Как Елену Прекрасную на коня буду менять?

Серый волк отвечает:

— Не разлучу я тебя с такой красотой — спрячем ее где-нибудь, а я обернусь Еленой Прекрасной, ты и веди меня к царю.

Тут они Елену Прекрасную спрятали в лесной избушке. Серый волк перевернулся через голову и сделался точь-в-точь Еленой Прекрасной. Повел его Иван-царевич к царю Кусману. Царь обрадовался, стал его благодарить:

— Спасибо тебе, Иван-царевич, что достал мне невесту. Получай златогривого коня с уздечкой.

Иван-царевич сел на этого коня и поехал за Еленой Прекрасной. Взял ее, посадил на коня, и едут они путем-дорогой.

А царь Кусман устроил свадьбу, пировал весь день до вечера, а как надо было спать ложиться, повел он Елену Прекрасную в спальню, да только лег с ней на кровать, глядит — волчья морда вместо молодой жены! Царь со страху свалился с кровати, а волк удрал прочь.

Нагоняет серый волк Ивана-царевича и спрашивает:

— О чем задумался, Иван-царевич?

— Как же мне не думать? Жалко расставаться с таким сокровищем — конем златогривым, менять его на Жар-птицу.

— Не печалься, я тебе помогу.

Вот доезжают они до царя Афрона. Волк и говорит:

— Этого коня и Елену Прекрасную ты спрячь, а я обернусь конем златогривым, ты меня и веди к царю Афрону.

Спрятали они Елену Прекрасную и златогривого коня в лесу. Серый волк перекинулся через спину, обернулся златогривым конем. Иван-царевич повел его к царю Афрону.

Царь обрадовался и отдал ему Жар-птицу с золотой клеткой.

Иван-царевич вернулся пешком в лес, посадил Елену Прекрасную на златогривого коня, взял золотую клетку с Жар-птицей и поехал путем-дорогой в родную сторону.

А царь Афрон велел подвести к себе дареного коня и только хотел сесть на него — конь обернулся серым волком. Царь со страху где стоял, там и упал, а серый волк пустился наутек и скоро догнал Ивана-царевича.

31

— Теперь прощай, мне дальше идти нельзя.

Иван-царевич слез с коня и три раза поклонился до земли, с уважением отблагодарил серого волка. А тот говорит:

— Не навек прощайся со мной, я еще тебе пригожусь.

Иван-царевич думает: «Куда же ты еще пригодишься? Все желанья мои исполнены». Сел на златогривого коня, и опять поехали они с Еленой Прекрасной, с Жар-птицей. Доехал он до своих краев, вздумалось ему попоцеловать. Было у него с собой немного хлебушка. Ну, они поели, ключевой воды попили и легли отдыхать.

Только Иван-царевич заснул, наезжают на него его братья. Ездили они по другим землям, искали Жар-птицу, вернулись с пустыми руками. Наехали и видят — у Ивана-царевича все добыто. Вот они и сговорились:

— Давай убьем брата, добыча вся будет наша.

Решились и убили Ивана-царевича. Сели на златогривого коня, взяли Жар-птицу, посадили на коня Елену Прекрасную и устроили ее:

— Дома не сказывай ничего!

Лежит Иван-царевич мертвый, над ним уже вороны летают. Откуда ни возьмись, прибежал серый волк и схватил ворона с вороненком.

— Ты лети-ка, ворон, за живой и мертвой водой. Принесешь мне живой и мертвой воды, тогда отпущу твоего вороненка.

Ворон, делать нечего, полетел, а волк держит его вороненка. Долго ли ворон летал, коротко ли, принес он живой и мертвой воды. Серый волк sprыснул мертвой водой раны Ивану-царевичу, раны зажили; sprыснул его живой водой — Иван-царевич ожил.

— Ох, крепко же я спал!..

— Крепко ты спал, — говорит серый волк. — Кабы не я, совсем бы не проснулся. Родные братья тебя убили и всю добычу твою увезли. Садись на меня скорей!

Поскакали они в погоню и настигли обоих братьев. Тут их серый волк растерзал и клочки по полю разметал.

Иван-царевич поклонился серому волку и простился с ним навечно.

Вернулся Иван-царевич домой на коне златогривом, привез отцу своему Жар-птицу, а себе — невесту, Елену Прекрасную.

Царь Берендей обрадовался, стал сына спрашивать. Стал Иван-царевич рассказывать, как помог ему серый волк достать добычу, да как братья убили его, сонного, да как серый волк их растерзал.

Погоревал царь Берендей и скоро утешился. А Иван-царевич женился на Елене Прекрасной, и стали они жить-поживать да горя не знать.

21. Рассказывание сказки "Колобок".

КОЛОБОК. Русская народная сказка. Сказку обработал Толстой А.Н.

Жили-были старик со старухой.

Вот и говорит старик старухе:

— Поди-ка, старуха, по коробу поскреби, по сусеку помети, не наскребешь ли муки на колобок.

Взяла старуха крылышко, по коробу поскребла, по сусеку помела и наскребла муки горсти две.

Замесила муку на сметане, состряпала колобок, изжарила в масле и на окошко студить положила.

Колобок полежал, полежал, взял да и покатился — с окна на лавку, с лавки на пол, по полу к двери, прыг через порог — да в сени, из сеней на крыльцо, с крыльца на двор, со двора за ворота, дальше и дальше.

Катится Колобок по дороге, навстречу ему Заяц:

— Колобок, Колобок, я тебя съем!

— Не ешь меня, Заяц, я тебе песенку спою:

Я Колобок, Колобок,
Я по коробу скребен,
По сусеку метен,
На сметане мешон
Да в масле пряжон,
На окошке стужон.
Я от дедушки ушел,
Я от бабушки ушел,
От тебя, зайца, подавно уйду!

И покатился по дороге — только Заяц его и видел!
Катится Колобок, навстречу ему Волк:
— Колобок, Колобок, я тебя съем!
— Не ешь меня, Серый Волк, я тебе песенку спою:

Я Колобок, Колобок,
Я по коробу скребен,
По сусеку метен,
На сметане мешон
Да в масле пряжон,
На окошке стужон.
Я от дедушки ушел,
Я от бабушки ушел,
Я от зайца ушел,
От тебя, волк, подавно уйду!

И покатился по дороге — только Волк его и видел!
Катится Колобок, навстречу ему Медведь:
— Колобок, Колобок, я тебя съем!
— Где тебе, косолапому, съесть меня!

Я Колобок, Колобок,
Я по коробу скребен,
По сусеку метен,
На сметане мешон
Да в масле пряжон,
На окошке стужон.
Я от дедушки ушел,
Я от бабушки ушел,
Я от зайца ушел,
Я от волка ушел,
От тебя, медведь, подавно уйду!

И опять покатился — только Медведь его и видел!
Катится Колобок, навстречу ему Лиса:
— Колобок, Колобок, куда катишься?
— Качусь по дорожке.
— Колобок, Колобок, спой мне песенку!

Колобок и запел:

Я Колобок, Колобок,
Я по коробу скребен,
По сусеку метен,
На сметане мешон
Да в масле пряжон,
На окошке стужон.

33

Я от дедушки ушел,
Я от бабушки ушел,
Я от зайца ушел,
Я от волка ушел,
От медведя ушел,
От тебя, лисы, нехитро уйти!

А Лиса говорит:

— Ах, песенка хороша, да слышу я плохо. Колобок, Колобок, сядь ко мне на носок да спой еще разок, погромче.

Колобок вскочил Лисе на нос и запел погромче ту же песенку.

А Лиса опять ему:

— Колобок, Колобок, сядь ко мне на язычок да пропой в последний разок.

Колобок прыг Лисе на язык, а Лиса его — гам! — и съела.

22. Выразительное исполнение венгерской народной сказки "Два жадных медвежонка" или "Кукушка".

ДВА ЖАДНЫХ МЕДВЕЖОНКА

По ту сторону стеклянных гор, за шелковым - лугом, стоял нехоженный, невиданный густой лес. В нехоженном, невиданном густом лесу, в самой его чащобе, жила старая медведица. У старой медведицы было два сына. Когда медвежата подросли, решили они пойти по белу свету счастья искать.

Поначалу пошли они к матери и, как положено, распрощались с ней. Обняла старая медведица сыновей и наказала им никогда не расставаться друг с другом.

Обещали медвежата исполнить приказ матери и тронулись в путь-дорогу. Сначала пошли они по опушке леса, а оттуда - в поле. Шли они, шли. И день шли, и другой шли. Наконец все припасы у них кончились. А по дороге достать было нечего.

Понурые брели рядышком медвежата.

- Э, братик, до чего же мне есть хочется! - пожаловался младший.

- А мне и того пуще! - сокрушенно покачал головой старший.

Так они все шли да шли, покуда вдруг не набрали на большую круглую головку сыра. Хотели было поделить ее по справедливости, поровну, но не сумели.

Жадность одолела медвежат, каждый боялся, что другому достанется большая половина.

Спорили они, ругались, рычали, как вдруг подошла к ним лиса.

- О чем вы спорите, молодые люди? - спросила плутовка.

Медвежата рассказали о своей беде.

- Какая же это беда? - сказала лисица. - Это не беда! Давайте я вам поделю сыр поровну: мне что младший, что старший - все одно.

- Вот это хорошо! - воскликнули с радостью медвежата. - Дели!

Лисичка взяла сыр и разломала его надвое. Но старая плутовка разломала головку так, чтобы один кусок был больше другого. Медвежата враз закричали:

- Этот больше! Лисица успокоила их:

- Тише, молодые люди! И эта беда - не беда. Малость терпения - сейчас все улажу.

Она откусила добрый кусок от большей половины и проглотила его. Теперь большим стал меньший кусок.

- И так неровно! - забеспокоились медвежата. Лисица посмотрела на них с укоризной.

- Ну, полно, полно! - сказала она. - Я сама знаю свое дело!

И она откусила от большей половины здоровенный кусок. Теперь больший кусок стал меньшим.

- И так неровно! - вскричали медвежата в тревоге.

- Да будет вам! - сказала лиса, с трудом ворочая языком, так как рот ее был набит вкуснейшим сыром. - Еще самая малость - и будет поровну.

34

Так и шла дележка. Медвежата только черными носами водили туда-сюда - от большего к меньшему, от меньшего к большему куску. Покуда лисица не насытилась, она все делила и делила.

К тому времени, как куски сравнялись, медвежатам почти сыра не осталось: две крохотные крошки!

- Ну что ж, - сказала лиса, - хоть и помалу, да зато поровну! Приятного вам аппетита, медвежата! - захихикала и, помахав хвостом, убежала. Так-то вот бывает с теми, кто жадничает.

КУКУШКА

В древние времена, когда на небе было два солнца и на земле всегда день белый сиял, кукушку считали первой певуньей.

Сядет кукушка на ветку, голову гордо вскинет, хвост расправит и поет, на всю тайгу разливаясь. И птицы, и звери слушают, кукушку хвалят.

Пришла пора всем птицам яички откладывать, птенцов выводить. Птицы заторопились: мох, траву, ветки таскать начали, гнезда новые вить, постель теплую готовить.

Только кукушка еще больше важничает, над птицами смеется, песнями по тайге разливаясь. Собрались птицы, говорят:

— Как певунья наша жить будет? Как род свой на земле сохранит?

Услыхала кукушка те птичьи речи, пуще смеется:

— Эко, глупые!.. Не думаете ли вы меня заставить гнезда. вить, птенцов высиживать?..

Птицы сказали:

— Худая голова у этой птицы: ума в ней меньше, чем у мухи, — и разлетелись по своим гнездам.

А кукушка по-прежнему смеется, песнями по тайге разливается.

Пришла пора и ей яички откладывать, но гнезда-то у нее нет.

Полетела она к озеру, видит: между кочек, в камышах, утка на яйцах сидит, старается. Кукушка ей говорит:

— Эко, милая, сидишь голодная, слетай покормись, я яички твои охранять стану.

Утка послушалась, полетела. Кукушка одно яичко из утинового гнезда выбросила, свое положила.

Вернулась утка, села на яички. Кукушка улетела, на другой день прилетела она в поле, видит: куропатка в траве на яичках сидит, старается. Кукушка ей говорит:

— Эко, милая, сидишь голодная, слетай покормись, я твои яички охранять стану.

Послушалась куропатка, полетела. Кукушка одно яичко из куропаткиного гнезда выбросила, свое положила. .

Куропатка прилетела, села на яички. Кукушка улетела! На третий день прилетела она к сухой осине, на ней большое гнездо, в нем ворона на яичках сидит, старается. Кукушка говорит:

— Эко, милая, сидишь голодная, слетай покормись, я твои яички охранять стану.

Ворона послушалась, полетела. Кукушка одно яичко из вороньего гнезда выбросила, свое положила.

Ворона прилетела, села на яички. Кукушка улетела.

Вывели все птенцов, птенцы подросли. Каждая птица радуется, своими детьми хвалится.

Утка крикает:

— Кря-кря! Эх вы, мои желтоносые... Идемте к озеру, плавать, нырять будем!

Птенцы за ней бегут, крикают. Пришли к озеру, утка нырнула, поплыла, птенцы нырнули, поплыли. Один птенец на берегу, крылышками хлопает, воды боится.

Утка кричит, сердится:

— Ты чужой!

Плывет утка к берегу, птенца того утопить хочет.

Подлетела кукушка, птенца с собой взяла. Куропатка детей по траве ведет.

— Пи-пи! Эх вы, мои быстроногие... Пойдемте по траве побегаем!

Птенцы за ней бегут. Один птенец сидит, крылышками хлопает, на ветку взлететь хочет. Куропатка кричит, сердится:

— Ты чужой!

Бежит куропатка, чтоб птенца того заклевать. Подлетела кукушка, птенца с собой взяла. Ворона детьми хвалится, каркает:

35

— Кар-кар-кар! Эх вы, мои черненькие... Смотрит, а один птенец пестренький. Ворона кричит, сердится:

— Ты чужой!

Ворона клюв разинула, птенца заклевать хотела.

Прилетела кукушка, птенца с собой взяла.

Собрались кукушкины дети. Кукушка хвалится:

— Эко, мои детки, все вы в меня, красавицу-певунью, родились. Пусть птицы завидуют.

Прилетели птицы пенье кукушкиных детей слушать.

Кукушка своих детей учит:

— Спойте, мои детки, как я пою.

Птенец, которого утка вывела, крылышками захлопал, клюв открыл.

— Кря!.. Кря!..

Птицы засмеялись, кукушка опечалилась. Птенец, которого куропатка вывела, крылышками захлопал, клюв открыл:

— Пиф-пиф-пиф!

Птицы засмеялись, кукушка еще больше опечалилась. Смотрит на последнего своего птенца, на него надеется.

Птенец, которого ворона вывела, крылышками захлопал, открыл клюв:

— Кар! Кар!

Птицы смеются, над кукушкой потешаются, а она от горя плачет, птенцам своим говорит:

— Эко, мои детки, непонятливые. Слушайте, как я весело пою!

А сама плачет, слезы на траву капают.

Смотрит, дети от нее полетели: один к утке, второй к куропатке, третий к вороне. От такого несчастья у кукушки горло перехватило. Взлетела она на куст, клюв открыла, от горя и слез заикается:

— Ку-ку! Ку-ку!

И стала кукушка вечной заикой, печально кукующей.

Это она о детях своих печалится, о них стонет, жалобно кукует.

БЕРЕЗА. Сергей Есенин

Белая береза
Под моим окном
Принакрылась снегом,
Точно серебром.

На пушистых ветках
Снежною каймой
Распустились кисти
Белой бахромой.

И стоит береза
В сонной тишине,
И горят снежинки
В золотом огне.

А заря, лениво
Обходя кругом,
Обсыпает ветки
Новым серебром.

ПОЕТ ЗИМА - АУКАЕТ...

С. Есенин

Поет зима - аукает,
Мохнатый лес баюкает
Стозвоном сосняка.
Кругом с тоской глубокою
Плывут в страну далекою
Седые облака.

А по двору метелица
Ковром шелковым стелется,
Но больно холодна.
Воробышки игривые,
Как детки сиротливые,
Прижались у окна.

Озябли пташки малые
Голодные, усталые,
И жмутся поплотней.
А вьюга с ревом бешеным
Стучит по ставням свешенным
И злится все сильней.

И дремлют пташки нежные
Под эти вихри снежные
У мерзлого окна.
И снится им прекрасная,
В улыбках солнца ясная
Красавица весна.

ВЕТХАЯ ИЗБУШКА.

А. Блок

Ветхая избушка
 Вся в снегу стоит.
 Бабушка-старушка
 Из окна глядит.
 Внукам-шалунишкам
 По колено снег.
 Весел ребятишкам
 Быстрых санок бег...
 Бегают, смеются,
 Лепят снежный дом,
 Звонко раздаются
 Голоса кругом...
 В снежном доме будет
 Резвая игра...
 Пальчики застудят, -
 По домам пора!
 Завтра выпьют чаю,
 Глянут из окна -
 Ан уж дом растаял,
 На дворе - весна!

СНЕГ ДА СНЕГ. Александр

Блок

Снег да снег. Всю избу занесло.
 Снег белеет кругом по колено.
 Так морозно, светло и бело!
 Только черные, черные стены...

И дыханье выходит из губ
 Застывающим в воздухе паром.
 Вон дымок выползает из труб;
 Вот в окошке сидят с самоваром;

Старый дедушка сел у стола,
 Наклонился и дует на блюдец;
 Вон и бабушка с печки сползла,
 И кругом ребятишки смеются.

Притаились, ребята, глядят,
 Как играет с котятками кошка...
 Вдруг ребята пискливых котят
 Побросали обратно в лукошко...

Прочь от дома на снежный простор

На салазках они покатали.
 Оглашается криками двор -
 Великана из снега слепили!

Палку в нос, провертели глаза
 И надели лохматую шапку.
 И стоит он, ребячья гроза, -
 Вот возьмет, вот ухватит в охапку!

И хохочут ребята, кричат,
 Великан у них вышел на славу!
 А старуха глядит на внучат,
 Не перечит ребячьему нраву.

24.М.Горький "Воробьишко" (выразительное чтение).

ВОРОБЬИШКО. Горький М. (иллюстрации Чарушина Е. И.)

У воробьев совсем так же, как у людей: взрослые воробьи и воробьихи -- пичужки скучные и обо всем говорят, как в книжках написано, а молодежь -- живет своим умом.

Жил-был желторотый воробей, звали его Пудик, а жил он над окошком бани, за верхним наличником, в теплом гнезде из пакли, моховинок и других мягких материалов. Летать он еще не пробовал, но уже крыльями махал и всё выглядывал из гнезда: хотелось поскорее узнать -- что такое божий мир и годится ли он для него?

- Что, что? -- спрашивала его воробьиха-мама.

Он потряхивал крыльями и, глядя на землю, чирикал:

- Чересчур черна, чересчур!

Прилетал папаша, приносил букашек Пудику и

хвастался:

- Чив ли я?

Мама-воробьиха одобряла его:

- Чив, чив!

Иллюстрация Чарушина Е. И.

А Пудик глотал букашек и думал: "Чем чванятся -- червяка с ножками дали -- чудо!" И всё высовывался из гнезда, всё разглядывал.

- Чадо, чадо, -- беспокоилась мать, -- смотри -- чебурахнешься!

- Чем, чем? -- спрашивал Пудик.

- Да не чем, а упадешь на землю, кошка -- чик! и слопают! -- объяснял отец, улетаая на охоту.

Так всё и шло, а крылья расти не торопились. Подул однажды ветер Пудик спрашивает:

- Что, что?

- Ветер. Дунет он на тебя -- чирик! и сбросит на землю -- кошке! -- объяснила мать.

Это не понравилось Пудику, он и сказал:

- А зачем деревья качаются? Пусть перестанут, тогда ветра не будет...

Пробовала мать объяснить ему, что это не так, но он не поверил -- он любил объяснять всё по-своему.

Идет мимо бани мужик, машет руками.

- Чисто крылья ему оборвала кошка, -- сказал Пудик, -- одни косточки остались!

- Это человек, они все бескрылые! -- сказала воробьяха.

- Почему?

- У них такой чин, чтобы жить без крыльев, они всегда на ногах прыгают, чу?

- Зачем?

- Будь-ка у них крылья, так они бы и ловили нас, как мы с папой мошек...

- Чушь! -- сказал Пудик. -- Чушь, чепуха! Все должны иметь крылья. Чать, на земле хуже, чем в воздухе!.. Когда я вырасту большой, я сделаю, чтобы все летали.

Пудик не верил маме; он еще не знал, что если маме не верить, это плохо кончится. Он сидел на самом краю гнезда и во всё горло распевал стихи собственного сочинения:

Эх, бескрылый человек,
У тебя две ножки,
Хоть и очень ты велик,
Едят тебя мошки!
А я маленький совсем,
Зато сам мошек ем.

39

Пел, пел да и вывалился из гнезда, а воробьяха за ним, а кошка - рыжая, зеленые глаза - тут как тут. Испугался Пудик, растопырил крылья, качается на сереньких ногах и чирикает:

- Честь имею, имею честь...

А воробьяха отталкивает его в сторону, перья у нее дыбом встали - страшная, храбрая, клюв раскрыла -- в глаз кошке целит.

- Прочь, прочь! Лети, Пудик, лети на окно, лети...

Страх приподнял с земли воробьишку, он подпрыгнул, замахал крыльями -- раз, раз и -- на окне! Тут и мама подлетела -- без хвоста, но в большой радости, села рядом с ним, клюнула его в затылок и говорит:

- Что, что?

- Ну что ж! -- сказал Пудик. -- Всему сразу не научишься!

Иллюстрация Чарушина Е. И.

А кошка сидит на земле, счищая с лапы воробьишины перья, смотрит на них -- рыжая, зеленые глаза -- и сожалительно мяукает:

- Мья-аконький такой воробушек, словно мы-ышка... мя-увы...

И всё кончилось благополучно, если забыть о том, что мама осталась без хвоста...

25 .Выразительное чтение героических рассказов для детей. Гайдар "Поход".

ПОХОД. Аркадий Гайдар

Ночью красноармеец принес повестку. А на заре, когда Алька еще спал, отец крепко поцеловал его и ушел на войну — в поход.

Утром Алька рассердился, зачем его не разбудили, и тут же заявил, что и он хочет идти в поход тоже. Он, вероятно бы, закричал, заплакал. Но совсем неожиданно мать ему в поход идти разрешила.

И вот для того, чтобы набрать перед дорогой силы, Алька съел без каприза полную тарелку каши, выпил молока. А потом они с матерью сели готовить походное снаряжение. Мать шила ему штаны, а он, сидя на полу, выстругивал себе из доски саблю. И тут же, за работой, разучивали они походные марши, потому что с такой песней, как «В лесу родилась елочка», никуда далеко не нашагаешь. И мотив не тот, и слова не такие, в общем эта мелодия для боя совсем неподходящая.

Но вот пришло время матери идти дежурить на работу, и дела свои они отложили на завтра.

И так день за днем готовили Альку в далекий путь. Шили штаны, рубахи, знамена, флаги, вязали теплые чулки, варежки. Одних деревянных сабель рядом с ружьем и барабаном висело на стене уже семь штук. А этот запас не беда, ибо в горячем бою у звонкой сабли жизнь еще короче, чем у всадника.

И давно, пожалуй, можно было бы отправляться Альке в поход, но тут наступила лютая зима. А при таком морозе, конечно, недолго схватить и насморк или простуду, и Алька терпеливо ждал теплого солнца. Но вот и вернулось солнце. Почернел талый снег. И только бы, только начать собираться, как загремел звонок. И тяжелыми шагами в комнату вошел вернувшийся из похода отец. Лицо его было темное, обветренное, и губы потрескались, но серые глаза глядели весело.

Он, конечно, обнял мать. И она поздравила его с победой. Он, конечно, крепко поцеловал сына. Потом осмотрел все Алькино походное снаряжение. И, улыбнувшись, приказал сыну: все это оружие и амуницию держать в полном порядке, потому что тяжелых боев и опасных походов будет и впереди на этой земле еще немало.

40

26.С.Михалков 1 стихотворение наизусть (по выбору).

ПРИВИВКА. Сергей Михалков - На прививку! Первый класс! - Вы слышали? Это нас!.. - Я прививки не боюсь: Если надо - уколюсь! Ну, подумаешь, укол! Укололи и - пошёл...	КОТЯТА (Считалочка) Вы послушайте, ребята, Я хочу вам рассказать: Родились у нас котята - Их по счёту ровно пять. Мы решали, мы гадали:
---	--

Это только трус боится
На укол идти к врачу.
Лично я при виде шприца
Улыбаюсь и шучу.

Я вхожу один из первых
В медицинский кабинет.
У меня стальные нервы
Или вовсе нервов нет!

Если только кто бы знал бы,
Что билеты на футбол
Я охотно променял бы
На добавочный укол!..

- На прививку! Первый класс!
- Вы слышали? Это нас!.. -
Почему я встал у стенки?
У меня... дрожат коленки...

Как же нам котят назвать?
Наконец мы их назвали:
Раз, Два, Три, Четыре, Пять.

Раз - котёнок самый белый,
Два - котёнок самый смелый,
Три - котёнок самый умный,
А Четыре - самый шумный.
Пять похож на Три и Два -
Те же хвост и голова,
То же пятнышко на спинке,
Так же спит весь день в корзинке.

Хороши у нас котята -
Раз, Два, Три, Четыре, Пять!
Заходите к нам, ребята,
Посмотреть и посчитать!

А ЧТО У ВАС?

1.
Кто на лавочке сидел,
Кто на улицу глядел,
Толя пел, Борис молчал,
Николай ногой качал.

2.
А в-четвёртых, наша мама
Отправляется в полёт,
Потому что наша мама
Называется пилот.

Дело было вечером,
Делать было нечего.

Галка села на заборе,
Кот забрался на чердак.
Тут сказал ребятам Боря
Просто так:

- А у меня в кармане гвоздь.
А у вас?

- А у нас сегодня гость.
А у вас?

- А у нас сегодня кошка
Родила вчера котят.
Котята выросли немножко,
А есть из блюдца не хотят.

- А у нас на кухне газ.
А у вас?

- А у нас водопровод.
Вот.

- А из нашего окна
Площадь Красная видна.
А из вашего окошка
Только улица немножко.

- Мы гуляли по Неглинной,
Заходили на бульвар,
Нам купили синий-синий,
Презелёный красный шар.

- А у нас огонь погас -
Это раз.
Грузовик привёз дрова -
Это два.

С лесенки ответил Вова:
- Мама - лётчик?
Что ж такого!
Вот у Коли, например,
Мама - милиционер.
А у Толи и у Веры
Обе мамы - инженеры.

А у Лёвы мама - повар.
Мама - лётчик?
Что ж такого!

- Всех важней,- сказала Ната,-
Мама вагоновожатый,
Потому что до Зацепы
Водит мама два прицепа.

И спросила Нина тихо:
- Разве плохо быть портнихой?
Кто трусы ребятам шьёт?
Ну конечно, не пилот.

Лётчик водит самолёты -
Это очень хорошо.

Повар делает компоты -
Это тоже хорошо.

Доктор лечит нас от кори,
Есть учительница в школе.

Мамы разные нужны.
Мамы всякие важны.

Дело было вечером,
Спорить было нечего.

27. Наизусть произведение детского фольклора (5-6 примеров).

<p>Баю-бай, баю-бай, Ты, собачка, не лай, Белолопа, не скули, Мою Таню не буди.</p> <p>Ой, люли-люлюшеньки, Баиньки-баюшеньки... Сладко спи по ночам, Да расти по часам.</p> <p>Ночь пришла, Темноту привела, Задремал петушок, Запел сверчок. Вышла маменька, Закрыла ставеньку. Засыпай, Баю-бай.</p> <p><i>(Колыбельные песни)</i></p>	<p>А баиньки-баиньки, Купим сыну валенки, Наденем на ноженьки, Пустим по дороженьке, Будет наш сынок ходить, Новы валенки носить.</p> <p>Баю-баю, баю-бай, Спи мой ... засыпай, Гуленьки-гуленьки, Сели к ... в люленьку, Стали люленьку качать, Стали ... величать.</p> <p>А качи, мчи, мчи, Прилетели к нам грачи, сели грачи на ворота: Ворота-то скрыл, скрыл! А Колянька спит, спит.</p> <p><i>(Колыбельные песни)</i></p>
<p>Петушок, петушок, Золотой гребешок, Масляна головушка, Шелкова бородушка, Что ты рано встаешь, Деткам спать не даешь? <i>(пробуждение)</i></p> <p>Потягунушки, потягунушки! Поперек толстунушки, А в ножки ходунушки, А в ручки хватунушки, А в роток говорок, А в головку разумок. <i>(потягушка)</i></p> <p>Потягушечки, потянись, Поскорей, скорей проснись. <i>(потягушка)</i></p>	<p>Ладушки, ладушки, С мылом моем лапушки. Чистые ладошки, Вот вам хлеб и ложки. <i>(умывание)</i></p> <p>Наша Катя маленька, На ней шубка аленька, Опушка бобровая, Катя чернобровая. <i>(одевание)</i></p> <p>Серый еж-ежок Испек пирожок, Лисица-лиса Калачей принесла, Старик кабан Налил меду жбан, Идут Машеньку звать На полянке пировать! <i>(кормление)</i></p>

(Пестушки)

(Пестушки)

43

- Ладушки, ладушки!
Где были?
- У бабушки!
- Что ели?
- Кашку!
- Что пили?
- Бражку.
Бражка сладенька,
Бабушка добренька.
Попили, поели,
Шу, полетели!
На головку сели!
Сели, посидели,
Прочь улетели!

Сорока-ворона
Кашу варила,
Деток кормила,
Этому дала,
Этому дала,
Этому дала,
Этому дала,
А этому не дала:
"Мал, мал, не хорош!
Ты водички не принес.
Кыш, пошел!"
(Потешки)

Идет коза рогатая,
Идет коза бодатая -
За малыи ребятами,
Ножками топ-топ.
Глазками хлоп-хлоп.
Кто каши не ест,
Кто молока не пьет,
Того забодает,
Забодает, забодает!
(Потешка)

И-та-та, и-та-та,
Вышла кошка за кота,
За кота котовича,
За Иван Петровича.

Ай, дуду, ай, дуду,
Потерял мужик дугу.
Потерял мужик дугу
За поленницей в углу.
Шарил, шарил - не нашел,

Дон, дон, дон!
Загорелся кошкин дом.
Бежит курица с ведром -
Заливать кошкин дом.

Как повадился коток
К бабке Марье в погребок
Есть сметанку да творог.
Как увидели кота
Ребятишки из окна,

<p>Так заплакал и ушел.</p> <p>Журавли доску точили, Кулики баню топили. Они парились, С полки сваливались.</p> <p><i>(прибаутки)</i></p>	<p>Они хлопнули окном, Побежали за котом. Ухватили кота Поперек живота. - Вот-то, котенька-коток, И сметанка, и творог.</p> <p><i>(прибаутки)</i></p>
---	---

<p>Ещё где же это видано, Ещё где же это слыхано, Чтобы курочка бычка родила, Поросёночек яичко снёс... Чтоб безрукий клеть обокрал, Голопузому за пазуху наклал, А слепой-то подсматривал, А глухой-то подслушивал, Безъязыкий "караул" закричал, А безногий впогонь побежал.</p> <p><i>(небылицы – перевертыши – разновидности прибауток)</i></p>	<p>Ехала деревня Мимо мужика, Вдруг из-под собаки Лают ворота. Я схватил дубинку, Разрубил топор, И по нашей кошке Пробежал забор.</p> <p>Стучит-гремит по улице, Фома едет на курице, Тимошка на кошке По кривой дорожке. <i>(небылицы – перевертыши – разновидности прибауток)</i></p>
<p>Жи-жи-жи- живут в лесу ежи, Жа-жа-жа- я нашел ежа, Жу-жу-жу- молоко даю ежу.</p> <p>На траве – трава, у тропинки – дрова.</p> <p>Петр едет на троллейбусе, а Трофим – на трамвае.</p> <p>Труба трубит, труба поет, Трубач по улице идет.</p> <p>У Петрушки три ватрушки, три ватрушки у Петра.</p>	<p>У ежа ежата, у ужа ужата.</p> <p>Шли сорок мышей, несли сорок грошей, две мыши поплоше несли по два гроша.</p> <p>Наш-то белобород вашего-то белоборода перебелобородил, выбелобородил.</p> <p>Везет Сенька Саньку с Сонькой на санках, санки скок. Сеньку с ног, Саньку в бок, Соньку в лоб.</p>

<i>(чистоговорки)</i>	<i>(скороговорки)</i>
<p>Ехала машина темным лесом За каким-то интересом, Инте, инте, интерес, Выходи на букву <С>.</p> <p>Вышел месяц из тумана, Вынул ножик из кармана, Буду резать, буду бить, Все равно тебе водить.</p> <p>Катилось яблоко Мимо сада, Мимо сада, Мимо града. Кто поднимет, Тот и выйдет.</p> <p><i>(считалки)</i></p>	<p>На золотом крыльце сидели Царь, царевич, король, королевич, Сапожник, портной. Кто ты будешь такой? Говори поскорей, Не задерживай добрых и честных людей!</p> <p>Раз, два, три, четыре, пять, Надо солнышку вставать. Шесть, семь, восемь, девять, десять, Солнце спит, на небе месяц. Разбегайся кто куда, Завтра новая игра.</p> <p><i>(считалки)</i></p>

<p>Мирись, мирись, Больше не дерись. Если будешь драться, Я буду кусаться. А кусаться - ни при чем, Буду драться кирпичом.</p> <p>Не дерись, не дерись, Ну-ка быстро помирись!</p> <p><i>(приговоры-мирилки)</i></p>	<p>Кони, кони, кони Сидели на балконе Чай пили, в ложки били По-турецки говорили: "Чиби-чиби-чибичок, Кто слово скажет, Тому щелчок!"</p> <p>Тише, тише, Кот на крыше, А котята еще выше! Кот пошёл за молоком, А котята - кувырком! Кот пришёл без молока, А котята: "Ха-ха-ха!"</p> <p><i>(молчанки)</i></p>
<p>Солнышко-ведёрышко, Выгляни в окошечко! Солнышко, нарядись! Красное, покажись!</p>	<p>Радуга-дуга, Не давай дождя! Давай солнышка Колоколнышка! <i>(закличка)</i></p>

<p>Дождик, дождик, пуще - Дам тебе я гущи. Дам тебе ложку, Кушай понемножку. (заклички)</p>	
--	--

28. Загадки, пословицы и поговорки (русские и зарубежные).

<p>“Не поклонясь до земли, и грибка не поднимешь”, “Без труда не выловишь и рыбку из пруда”, “Береги нос в большой мороз” “Нет друга - ищи, а нашел - береги”; “Не спеши языком, торопись делом”; “Кончил дело - гуляй смело”; “При солнышке - тепло, при матери - добро” Хлеб – соль кушай, а добрых людей слушай.</p> <p>(Русские народные пословицы)</p>	<p>“Зубасты, а не кусаются” (грабли), “Два брюшка, четыре ушка” (подушка), “Вся мохнатенька, четыре лапки, сама усатенька” (кошка), “Зимой и летом одним цветом” (ель, сосна) Бела как снег, черна как уголь, зелена как лук, вертится как бес и дорога в лес. (сорока) На дворе горой, а в избе - водой. (снег) Над матушкиной избушкой висит хлеба краюшка: собаки лают, достать не могут. (месяц) Красное коромысло над рекой повисло. (радуга) Маленький-удаленький, сквозь землю прошёл, красную шапочку нашёл. (мухомор)</p> <p>(Русские народные загадки)</p>
--	--

<p>Без ума голова - ногам пагуба. Бери в работе умом а не горбом. Бог не выдаст - свинья не съест Богаты не будем, а сыты - то будем. Велика Федора, да дура Во всяком мудреце довольно простоты. Волка зубы кормят, лису хвост бережет Всякое дело концом хорошо. Где ум, там и толк. Глаза бояться, а руки делают Глядит в книгу, а видит фигу. Дальше положишь - ближе возьмешь</p>	<p>Москва слезам не верит, ей дело подавай. Не мытьем, так катаньем. Не стыдно молчать, когда нечего сказать Ни богу свечка, ни черту кочерга Один палец не кулак Повадки волчьи, а душа заячья Поля словами не засевают. Поменьше говори - больше услышишь. Попытка не пытка, а спрос не беда. Птицы сильны крыльями, а люди</p>
---	--

<p>Деньги потерял - ничего не потерял, время потерял - многое потерял, здоровье потерял - все потерял. Держи голову в холоде, живот - в голоде, а ноги - в тепле. Детей наказывай стыдом, а не кнутом. Дитя не плачет - мать не разумеет Добрая слава бежит, а худая - летит.</p> <p>Ему хоть кол на голове теши, а он все свое. Есть терпение - будет и умение Имеем - не храним, теряем - плачем Какой палец ни укусишь - всей руке больно. Красота до вечера, а доброта навек. Кто посеет ветер, пожнет бурю. Много знать - мало спать.</p> <p><i>(Русские народные поговорки)</i></p>	<p>дружбой. Ругать жалко, а похвалить не за что. С родной земли - умри, не сходи. Свинья грязь найдет. Семеро не один, в обиду не дадим. Слово - серебро, молчание - золото. Солдат спит - служба идет. Сон лучше всякого лекарства. Спрос не грех, отказ не беда. Сытое брюхо к учению глухо. Счастье лучше богатства. Счет дружбы не портит. Сядем рядком да потолкуем ладком. У правого уши смеются, а у виноватого и язык уныл У хотенья живет и терпенье. Что в лоб, что по лбу. Чует кошка, чье мясо съела.</p> <p><i>(Русские народные поговорки)</i></p>
<p>1.Идущий степь пересечет (финская). Дорогу осилит идущий.</p> <p>2.Нет человека без недостатков (турецкая). Конь о четырех ногах, да и тот спотыкается.</p> <p>3.Кто воду носит, тот и кувшин ломает (турецкая). Тот не ошибается, кто ничего не делает.</p> <p>4.И короли ошибаются (вьетнамская). На всякого мудреца довольно простоты.</p> <p>5.Везде хлеб с коркой (литовская). Нет розы без шипов.</p> <p><i>(Иностранные пословицы и поговорки и их русские аналоги)</i></p>	<p>6.В новом кувшине вода холодная (персидская). Новая метла чисто метет.</p> <p>7.Если бы кошке крылья, воробьям бы не жить (лезгинская). Бодливой корове Бог рогов не дает.</p> <p>8.Спешащий таракан в суп попадет (удмуртская). Поспешешь – людей насмешишь.</p> <p>9 Нечего ругать кошку, когда сыр съеден (французская). После драки кулаками не машут.</p> <p>10.Как постелешь, так и поспишь (гагаузская). Как аукнется, так и откликнется.</p> <p><i>(Иностранные пословицы и поговорки и их русские аналоги)</i></p>

<p>11 Рисовал дракона, а получился червяк (вьетнамская). Стрелял в воробья, а попал в журавля.</p> <p>12 На море много черного, но не все это тюлени (финская). Не все то золото, что блестит.</p> <p>13.Жена и муж – словно палочки для еды: всегда парой (вьетнамская). Муж и жена – одна сатана.</p> <p>14.Если у одной плиты хлопочут два повара, обед пригорает (ассирийская). У семи нянек дитя без глазу.</p> <p>15Разлука – смерть любви (французская). Сглаз - долой – из сердца- вон.</p> <p><i>(Иностранные пословицы и поговорки и их русские аналоги)</i></p>	<p>16.Биться, как рыба на кухонном столе (вьетнамская). Биться, как рыба об лед.</p> <p>17.Пьян, как лорд (английская). Пьяный в стельку.</p> <p>18.Когда свиньи полетят (английская). После дождичка в четверг.</p> <p>19.Во рту козла – трава сладкая (персидская). На вкус и цвет товарища нет.</p> <p>20.Полученный уксус лучше обещанной халвы (персидская). Лучше синица в руках, чем журавль в небе.</p> <p>21. Если бы у моей тетки росла борода, она была бы моим дядей (персидская). Если бы да кабы во рту росли б грибы.</p> <p><i>(Иностранные пословицы и поговорки и их русские аналоги)</i></p>
--	---

29.Стихи В.А.Жуковского для детей (по выбору).

<p>КОТИК И КОЗЛИК В.А.Жуковский</p> <p>Там котик усатый По садику бродит, А козлик рогатый За котиком ходит; И лапочкой котик Помадит свой ротик; А козлик седою Трясет бородою.</p>	<p>ЖАВОРОНОК</p> <p>На солнце темный лес зардел, В долине пар белеет тонкий, И песню раннюю запел В лазури жаворонок звонкий,</p> <p>Он голосисто с вышины Поет, на солнышке сверкая: Весна пришла к нам молодая, Я здесь пою приход весны;</p> <p>Здесь так легко мне, так радушно, Так беспредельно, так воздушно; Весь божий мир здесь вижу я. И славит бога песнь моя!</p>	<p>ПТИЧКА</p> <p>Птичка летает, Птичка играет, Птичка поет; Птичка летала, Птичка играла, Птички уж нет! Где же ты, птичка? Где ты, певичка? В дальнем краю Гнездышко вьешь ты; Там и поешь ты Песню свою.</p>
---	---	---

30. Стихи поэтов-обэриутов (Д.Хармс, А. Введенский, Ю.Владимиров) по выбору.

О РЫБАКЕ И СУДАКЕ.

Александр Введенский

По реке плывёт челнок,
 На корме сидит рыбак,
 На носу сидит щенок,
 В речке плавает судак.
 Речка медленно течёт,
 С неба солнышко печёт.
 Дёрнул удочку рыбак,
 На крючке сидит червяк.
 Рыбы нету на крючке —
 Рыба плавает в реке.
 «То ли, — думает рыбак, —
 Плох крючок и плох червяк,
 То ли тот судак — чудак» —
 Вот что думает рыбак.
 «А быть может, нет улова
 Оттого, что шум кругом,
 Что, мыча, идут коровы
 За весёлым пастухом,
 Что прилежно распевает
 Голосистый петушок,
 Что визжит и подвывает
 Глупый маленький щенок.
 Всем известно
 Повсеместно,
 Вам, ему, тебе и мне:
 Рыба ловится чудесно
 Только в полной тишине».
 Вот рыбак сидел, сидел
 И на удочку глядел,
 Вот рыбак терпел, терпел
 Не стерпел и сам запел.
 По реке плывёт челнок,
 На корме поёт рыбак,
 На носу поёт щенок,

СКАЗКА О ЧЕТЫРЁХ КОТЯТАХ И ЧЕТЫРЁХ РЕБЯТАХ.

А. Введенский

1
 Стояла у речки, под горкой, хатёнка,
 В ней кошка жила и четыре котёнка.
 Был первый котёнок совсем ещё
 крошкой.
 Кошка его называла Ермошкой.
 Сёмкою звался котёнок другой,
 Маленький хвостик держал он дугой.
 У третьего братца, котёнка Петрушки,
 Лихо торчали пушистые ушки.
 Кусался и дрался, как глупый щенок,
 Фомка – четвёртый кошачий сынок.

2
 Однажды сготовила кошка обед:
 Зажарила восемь куриных котлет,
 Спекла для ребяток слоёный пирог,
 Купила им сливочный, сладкий сырок.
 Чистойю скатертью столик накрыла,
 Взглянула, вздохнула и проговорила:
 - А может быть, мало будет для деток
 Сырка, пирога и куриных котлеток?
 Пойду я на рынок, на рынке достану
 Для милых котят густую сметану.
 Берёт она с полки пузатый горшочек,
 Кладёт его в плотный плетёный
 мешочек.
 В карман опускает большой кошелёк,
 Но дверь забывает закрыть на замок.

3
 Стоит возле речки пустая хатёнка,
 В леску заигрались четыре котёнка.

Песню слушает судак.
И завидует он всем:
Он, судак, как рыба нем.

Вдруг из высоких кустов барбариса
Вылезла тихо противная крыса.
Воздух понюхав, махнула хвостом
И осторожно взглянула на дом.
В доме ни скрипа, ни звука, ни вдоха.
«Это неплохо!» - решает пройдоха.
Свистнула крыса, визгливо-
пронзительно –
Два раза коротко, три –
продолжительно.
Даже в лесу, за болотной трясиной,
Крысы слышали посвист крысиный.
Ожили мигом лесные тропинки,
Всюду мелькают крысиные спинки.
Листья сухие чуть слышно шуршат,
Крысы торопятся, крысы спешат.

49

4
Кошка сметану купила и вот
Быстро домой по тропинке идёт.
К дому приводит лесная дорожка,
Что же увидела бедная кошка?
Дюжину крыс, бандитов хвостатых,
Дюжину крыс и обеда остаток.
Подходит к концу воровская пирушка.
Крикнула кошка: - На помощь,
Петрушка!
Сёмка, на помощь! На помощь,
Ермошка!
Фомка, на помощь! – крикнула кошка.

5
И вдруг из-за леса выходит отряд,
Выходит отряд не котят, а ребят.
Первый с винтовкой, с танком другой,
С длинною шашкой третий герой.
Четвёртый горохом стреляет из пушки
По крысам, сидящим в кошачьей
избушке.
В атаку бросается храбрый отряд.
Враги отступают, пищат и дрожат.
Свистнули крысы визгливо,
пронзительно –
Три раза коротко, два –

6
Всласть наигрались в песочке сыночки
И прибегают домой из лесочка.
Четверо славных весёлых котят
Проголодались, обедать хотят.
Сделала мама им новый обед:
Снова зажарила восемь котлет,
Сделала новый слоёный пирог,
Сладкий, как сахар, дала им сырок.
Плотный, плетёный раскрыла мешочек,
Достала с густою сметаной горшочек.

7
Ясные звёзды в небе зажглись,
Дети поели и спать улеглись.
Где-то в кустах соловьи засвистели,
Кошке не спится, лежит на постели.
Думает кошка: «Звала я котят,
А почему-то явился отряд!
Ах, почему, почему, почему?
Этого я никогда не пойму!»

8
Мы отгадаем загадку легко,
Кошке отгадку шепнём на ушко:
Звали, наверное, этих ребят

продолжительно.

И побежала крысиная стая,
В поле хвостами следы заметая.
Кошка не знает, какую награду
Дать за спасенье лихому отряду.
Не ожидая кошачьих наград,
С гордою песней уходит отряд.

Так же, как ваших пушистых котят:
Сёмка и Фомка, Петрушка, Ермошка.
Вы недогадливы, милая кошка!